

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

О НУ ІМЕНІ І. І. МЕНЧИКОВА

СТРОГАНОВ

549

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

13²⁰ Агитас 1881.

Вз. Вирасненіє мучою
удаченіє.

от смиреннаю автла
примѣтнѣла

БЕСѢДЫ И ПОУЧЕНІЯ

НИКАНОРА

ЕПИСКОПА

ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ.

ОДЕССА.

Типографія Окружнаго Штаба Одесскаго Военнаго Округа.

1884.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ

Печатать дозволяется. Одесса, 30 Января 1884 года. Цензоръ Протоіерей
Алексій Соловьевъ.

Стор
549.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Поученіе на новый (1860) годъ	1.
» на новый (1881) годъ	16.
» на новый (1882) годъ	27.
» на недѣлю блуднаго сына, въ день поминовенія усопшаго раба Божія, Теодора Достоевскаго, знаменитаго писателя.	45.
» на вечернѣ недѣли сыропустной (прощенаго воскресенья).	59.
» въ день православія и восшест- вія на престолъ Благочестивѣй- шаго Государи Императора Алек- сандра Николаевича	69.
» въ недѣлю крестопоклонную	83.
» въ день святыхъ Пасхи	92.
» на вечернѣ въ день святыхъ Пасхи	101.
» на вечернѣ въ день свѣтлыхъ Пасхи	122.
» въ недѣлю разслабленнаго	135.
» въ день вознесенія Господня и рожденія Благоявншаго Государи Цесаревича и Великаго Кнзя Николая Александровича.	149.

Поученіе въ день (16 іюня) храмоваго праздника святителя Тихона	164.
» въ день преображенія Господня	184.
» въ день перенесенія нерукотвореннаго Спасова образа	201.
» въ день усѣкновенія главы Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.	223.
» въ день воздвиженія честнаго креста.	239.
» въ день воздвиженія честнаго креста.	252.
» въ храмовой праздникъ (17-го сентября) святыхъ мученицъ Софїи и трехъ ея дочерей	268.
» въ день преставленія преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго (25 сентября)	289.
» въ день пресвятыя Богородицы, Казанскаго Ея образа	300.
» въ день пречистыя Богородицы, Казанскаго Ея образа	317.
» въ день св. Іоанна Златоустаго (13 ноября)	337.
» въ день св. Іоанна Златоустаго (13 ноября)	351.
» въ день святителя Николая и тезоименитства Благочестиваго Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича	371.
» въ недѣлю Святыхъ Отецъ.	398.
» въ день Рождества Христова	417.
» на второй день Рождества Христова	435.

ПОУЧЕНІЕ

на новыѣ (1860) годъ (*).

Апостолы сошедшеся вопрошаху Іисуса глаголюще: Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево? Рече же къ нимъ: нѣсть вамъ разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти. Дѣян. 1, 6—7.

Всякое время и всякій народъ имѣютъ свои господствующія предубѣжденія.

Народъ еврейскій, предъ пришествіемъ и во время пришествія Христа Спасителя на землю, имѣлъ предубѣжденіе, что обѣтованный Мессія, котораго въ ту пору сильно и скоро ждали, который наконецъ и явился, освободитъ поработанныхъ евреевъ отъ владычества другихъ народовъ, покоритъ себѣ всю землю и оснуетъ земное всемірное вѣчное и вполнѣ для всѣхъ людей, особенно же для евреевъ, счастливое царство. Это предубѣжденіе о скоромъ явленіи на востокѣ великаго царя—преобразователя раздѣляли и другіе народы того времени.

Не чужды были этого предубѣжденія и св. апостолы. Господь Іисусъ Христосъ избралъ Себѣ ближайшими учениками людей конечно способнѣйшихъ принять, усвоить и

(*) Для вѣн-богослужебнаго собесѣдованія.

другимъ преподавать Его ученіе. Но предубѣжденіе, на которое мы указали, было въ ту пору въ евреяхъ такъ сильно, что не могли отрѣшиться отъ него даже эти лучшие ученики лучшаго всѣхъ земныхъ учителей, Учителя божественнаго,—не могли отрѣшиться во время трехлѣтняго непрерывнаго обращенія Его съ ними, предъ самымъ даже распятіемъ Его и даже по воскресеніи и даже предъ самымъ вознесеніемъ Его на небо, не смотря, что и рѣчами своими и всѣми событіями своей жизни Онъ постоянно опровергалъ это предубѣжденіе. Выразившись впервые въ восклицаніи Наанана: *Равви, Ты еси Сынъ Божій, Ты еси царь Израилевъ* (Іоан. 1, 49), оно выражалось послѣ между учениками Господними не одинъ разъ въ ихъ спорахъ о томъ, *кто изъ нихъ болѣе въ царствіи небесномъ* (Матѣ. 18, 1); въ послѣдній годъ земной жизни Спасителя выразилось въ просьбѣ матери сыновъ Зеведеевыхъ, которой хотѣлось, чтобъ сыны ея, апостолы Іаковъ и Іоаннъ, *стали единъ одесную Господи и единъ ошуюю Его во царствіи Его* (Матѣ. 20, 21); выразилось на самой тайной вечерѣ въ распрѣ апостоловъ по тому-же щекотливому вопросу: *кій мнитъ ся изъ быти болѣе* (Лук. 22, 24); выразилось и по воскресеніи въ тоскливой жалобѣ двухъ учениковъ, которые на пути въ Еммаусъ самому воскресшему Господу объясняли: *мы же надѣялись, что сей Иисусъ Назорянинъ распятый хочетъ избавить Израиля* (Лук. 24, 20—21). Воскресшій Господь и теперь, какъ дѣлалъ не разъ и прежде, терпѣливо объясняетъ этимъ двумъ ученикамъ, равно какъ послѣ и всѣмъ апостоламъ, что ихъ предубѣжденіе есть предубѣжденіе, что Онъ хочетъ избавить и избавилъ Израиля, какъ и весь человѣческій родъ, отъ враговъ невидимыхъ, что царство Его не отъ міра сего. Объ этомъ предметѣ — о царствіи Божіемъ Онъ

толкуетъ апостоламъ, являясь имъ по воскресеніи въ продолженіи сорока дней. Объ этомъ ведетъ Онъ съ ними и послѣднюю свою бесѣду въ послѣдній день своего пребыванія на землѣ, на пути къ горѣ Елеонской, горѣ вознесенія. Но и тутъ обступивъ они вопрошаютъ Его: *Господи, не въ это-ль наконецъ льто устрояешь Ты царство Израилево?* И вѣщаетъ имъ Господь въ этотъ послѣдній разъ: *не вамъ разумѣть времена и льта, которыя положилъ Отецъ небесный въ своей власти*. Не суждено основаться земному царству, какого вы ожидаете; будетъ основано царство другое, духовное, и основано при вашемъ же содѣйствіи: *вы примете силу, когда найдетъ на васъ Духъ Святой, и будете мнѣ свидѣтелями во Иерусалимѣ и во всей Иудей и Самаріи и даже до послѣднихъ краевъ земли*. И сказавъ это, на глазахъ ихъ, Онъ поднялся и облако скрыло Его отъ очей ихъ (Дѣян. 1, 1—11).

И наше время имѣетъ свои предубѣжденія. По основной мысли о возможности полного счастья для людей на землѣ похожее на указанное предубѣжденіе древнихъ евреевъ, господствующее предубѣжденіе нашего времени у множи-передовыхъ двигателей русской мысли, предъявляющихъ свое право управлять русскимъ убѣжденіемъ, есть вѣра въ прогрессъ: простите за неблагозвучное и дикое для нашего слуха и языка слово.

Самая дикость эта уже показываетъ, что этимъ словомъ выражается новое въ нашей исторіи и не родное нашей душѣ понятіе. Не смотря на то, кореннымъ понятіемъ, исходною точкою и послѣднею цѣлію становится оно въ последнее время въ мысли, въ словѣ, въ письмѣ и печати, въ направленіи всей дѣятельности нѣкоторыхъ русскихъ людей, провозглашающихъ себя нашими вожаками, отъ

нихъ переходить въ легкія головы воспріимчиваго къ духу времени юношества, отсюда тысячами протоковъ грозитъ перелиться скоро и въ народную толпу. Особенно громкіе вопли въ честь и славу этого идола времени стали раздаваться при наступленіи послѣднихъ новолѣтій, какъ раздаются и къ настоящему новому году; тутъ-то особенно и мечтается жрецамъ идола, не въ это-ль наконецъ лѣто устроить онъ свое царство на землѣ, исполнить ихъ задушевное чаяніе.... Такъ вотъ, къ концу прошлаго и началу наступившаго новаго года, вопилъ и вопить въ слухъ всей Россіи одинъ изъ старѣйшихъ жрецовъ идола: «служеніе прогрессу въ наукѣ и жизни и открытая неутомимая борьба противъ всего, что мѣшаетъ этому прогрессу, вотъ наше направленіе, вотъ принятая нами на себя добровольно обязанность, и мы не измѣнимъ ей никогда, какъ никогда не измѣняли» (Отеч. записки 1859, ноябрь, обь изданіи въ 1860 году). Что вопить одинъ—старый жрецъ, тому вторять многіе другіе юнѣйшіе, то раздается въ тысячахъ отголосковъ въ мыслящемъ или, лучше сказать, въ читающемъ, но не мыслящемъ обществѣ.

«Служеніе прогрессу и открытая неутомимая борьба противъ всего, что мѣшаетъ этому прогрессу»,—не много сказано.... А знаете ли, что здѣсь разумѣется борьба противъ многого такого, что въ продолженіи тысячелѣтія отнеслось къ основнымъ началамъ нашего историческаго быта, что принадлежитъ къ завѣтнѣйшимъ народнымъ нашимъ убѣжденіямъ, что составляетъ существенную часть нашего православнаго христіанства, которое и превозглашаютъ враждебнымъ этому новому идолопоклонству его ретивые проповѣдники?!... Отсюда, чтобъ не вляяться намъ вѣтромъ новаго нѣмецкаго ученія о прогрессѣ во лжи человеческой, истекаетъ нашъ долгъ потолковать (разу-

мѣется съ возможною краткостью), а вашъ—послушать, въ какой мѣрѣ оно совмѣстно съ старымъ ученіемъ христіанскимъ, съ старо-русскою древле-отеческою вѣрою православною?

Чтожъ такое этотъ прогрессъ? По убѣжденію огромнаго большинства его проповѣдниковъ, есть необходимое вѣчное шествіе человѣчества впередъ. Въ природѣ человѣка лежить будто бы неодолимый законъ, не только непреклонная потребность, но и сила непобѣдимая, больше и больше улучшать внѣшній человѣческій бытъ, расширять кругъ человѣческаго вѣдѣнія, усовершенствовать нравственно-эстетическую дѣятельность. Чѣмъ больше человѣчество будетъ жить, тѣмъ совершеннѣе будто бы становиться будетъ по этимъ тремъ частямъ, замыкающимъ собою кругъ человѣческой дѣятельности: больше и больше будетъ покорять себѣ силы природы, открывать невѣдомые источники богатства; привыкнетъ прилагать новоизобрѣтенныя средства наслажденія къ жизни; опояшетъ землю телеграфами, желѣзными дорогами, летучими пароходами; разсѣчетъ воздухъ коврами самолетами; обуздаетъ и осѣдлаетъ зигзаги полни; наблюдательнымъ глазомъ проникнетъ до центра земли и за предѣлы тверди небесной; отыщетъ простѣйшія формулы мірозданія, которыя сдѣлаютъ для человѣческаго ума твореніе вселенной яснымъ, какъ день; о томъ и говорить нечего, что разольются по землѣ райская чистота нравовъ, райская свобода, равенство, братство; послѣдній изъ людей наступающаго золотого вѣка тоже будетъ въ сравненіи съ Сократами и Аристидами, что они были въ свое время въ сравненіи съ дикарями; послѣдній изъ людей будетъ способенъ не только наслаждаться твореніями величайшихъ художниковъ—поэтовъ, живописцовъ, музыкантовъ, но и самъ творить дивныя вещи въ разныхъ родахъ искусства;

воевать между собою люди будутъ громомъ небеснымъ и вулканами подземными; но войны наконецъ прекратятся, споры между людьми будутъ рѣшаться на всемірномъ ареопагѣ, раскуютъ люди мечи свои на орала и копія свои на серпы, волкъ съ ягненкомъ играть будетъ, и левъ срывать будетъ цвѣтки полевые вѣсто того, чтобы пожирать человѣка. Блаженное будетъ время! Какъ мы несчастны, что живемъ теперь, а не 1000, не 10000, не 100000, не миллионъ лѣтъ послѣ: тогда-то вотъ человѣчество забудетъ даже, что такое называлось у насъ слезою! И такое улучшение человѣчества въ геометрической прогрессіи будетъ идти вѣчно! Хорошо?

Было бы даже прекрасно, если бы такое ученіе не вытекало изъ двухъ бездушныхъ и безбожныхъ анти-христіанскихъ міросозерцаній; если бы согласно было съ дѣйствительностію, иначе—если бы не было химерою, если бы эта химера не вредила существеннымъ условіямъ жизни.

Истекаетъ оно изъ двухъ бездушныхъ и безбожныхъ антихристіанскихъ міросозерцаній нашего времени, изъ которыхъ одно названо идеально-пантеистическимъ, другое матеріально-механическимъ. По обоимъ міросозерцаніямъ нѣтъ Бога—Творца и Промыслителя и послѣдней цѣли мірозда-нія. Далѣе по первому міросозерцанію, существовалъ отъ вѣка абсолютно-идеальный ноль, въ которомъ не было ни матеріи, ни силы, ни качества, ни закона, была только возможность и необходимость развитія всего изъ него; въ слѣдствіе такой возможности и необходимости изъ него развивается все, начинаясь простѣйшими формулами бытія: матеріальный хаосъ, парообразное огненно-жидкое состояніе міровъ, химическое разложеніе и соединеніе веществъ—земля, вода, воздухъ, минералы, организмы растительные съ своимъ жизненнымъ процессомъ, животныя съ своимъ ощу-

щеніемъ, съ представленіемъ, съ тѣнью сознанія, человѣкъ вѣнецъ міра съ своимъ сознаніемъ: въ немъ природа, или это абсолютно-идеальное взглянуло само на себя, создало и осмыслило себя. За тѣмъ сзади у человѣка впередъ толкающая необходимость развитія, а спереди возможность развитія безпредѣльнаго, необходимость вѣчнаго прогресса! По второму міросозерцанію, нѣтъ во вселенной не только Бога, но и духа и силы и причинности и цѣлесообразности, есть только послѣдовательность бытія; былъ отъ вѣка хаосъ съ механическими и химическими свойствами составлявшихъ его частицъ вещества; по своимъ свойствамъ эти частицы вещества передвигаются съ мѣста на мѣсто, изъ формъ простѣйшихъ въ болѣе сложныя, изъ хаоса въ міры, въ солнца, планеты, нашу землю, здѣсь въ царства неорганическое, органическое, животное; была когда-то земля въ такихъ условіяхъ, что произвела изъ себя первые организмы, изъ нихъ—нѣсколько четъ людей-полуживотныхъ, отъ нихъ человѣческій родъ сначала полубезсознательный, не мыслявшій и не мыслимый, не историческій, за тѣмъ человѣчество исторически развивающееся и имѣющее развиваться до невѣдомаго предѣла до безконечности! Прогрессъ! Безъ сомнѣнія многіе изъ васъ чувствуютъ, что надо сойти съ ума, чтобы понять или чтобы вообразить, что понимаешь эти старыя на дѣлѣ, а въ наше время только подновленные ученія. Исключая понятіе о Богѣ, они выше всего на свѣтѣ ставятъ—обожаютъ человѣческое я, узаконяютъ способный развиваться до нелѣпости эгоизмъ и въ тоже время уничтожаютъ человѣческую личность, ставя человѣка на одну доску со скотами, которые сегодня пресмыкаются по землѣ, а завтра ихъ нѣтъ. Отсюда-то изъ этого ядовитаго источника вытекаетъ пресловутый прогрессъ!

Вытекает, не оправдываясь ни астрономическими, ни геологическими, ни физиологическими, ни психологическими, ни историческими опытами. Кто изъ естествоиспытателей, психологовъ, историковъ не знаетъ и не допускаетъ, что смертію даже міры разрушатся и солнца потухнутъ, что земля или замерзнетъ отъ окружающаго ее въ пустомъ пространствѣ холода (говоримъ это съ такъ называемой научной точки зрѣнія), или развалится отъ возможнаго, хотя и непредвидимаго въ настоящую пору столкновенія съ какимъ нибудь небеснымъ тѣломъ, или сгоритъ отъ своего внутренняго огня, или упадетъ на солнце и опять таки сгоритъ; что земля въ частяхъ и въ цѣломъ драхлѣтъ: тамъ царствуютъ смерть и пустыня, гдѣ прежде процвѣтали великолѣпнѣйшія царства растительности и животной жизни; что Египетъ и юго-западная Азія потеряли много своей жизненности; что станетъ тѣсна земля для людей, какъ уже сдѣлалась тѣсна въ Китаѣ, и откажется прокармливать ихъ, какъ уже отказывается въ Англіи, во Франціи и въ томъ же Китаѣ; что природа человѣческая способна истощаться: въ цѣлыхъ народахъ уменьшается сила чадородія, сокращается ростъ тѣла, какъ замѣчаютъ о Франціи; рѣдѣетъ долголѣтіе, накапливается наслѣдство болѣзней отъ отцовъ для дѣтей; исчахли невозвратно душевныя силы нѣсколькихъ историческихъ народовъ отжившихъ, чахнутъ душевныя силы народовъ отживающихъ—по сознанію многихъ; историческіе народы становились и становятся въ безысходное положеніе, по сознанію многихъ; изгибли цѣлыя народности и развитыя цивилизаціи азійскія и американскія безъ всякаго почти слѣда для человѣческаго сознанія; тысячелѣтія существовали и существуютъ довольно развитые народы, сами впередъ вовсе почти не подвигаясь и на другихъ не вліяя,

каковы народы Китая, средней Азіи, средней Африки; азійскій востокъ одряхлѣлъ и Греція не могла оживить его, Греція одряхлѣла и Римъ не оживилъ ее, Римъ и съ нимъ до-христіанская вселенная одряхлѣли, и новые народы не оживили, а добились его, и гражданственность рухнула для всего историческаго человѣчества на цѣлые вѣки; ни мы, ни Америка не оживимъ старую Европу, если ей вздумается одряхлѣть; я сдѣлался несчастнѣе съ тѣхъ поръ, какъ сталъ умнѣе и потерялъ чистоту и воспримчивость дѣтскаго сердца; простой честный русскій человѣкъ не будетъ чувствовать себя блаженнѣе, когда будетъ походить на лорда Байрона, на Виктора Гюго, на нашихъ Пушкина или Лермонтова; поющая и прыгающая поэзія обвиваетъ колыбель народа, а въ эпоху высшаго его развитія раздражаетъ отупѣвшія чувства его поэзія раздражительная—трагическая и комико-сатирическая, или подогрѣваетъ холодѣющую кровь старѣющаго народа поэзія баснословная, напѣвающая старичку сказки о его миломъ дѣтствѣ, когда боги и звѣри почеловѣчески обращались съ нимъ и между собою; увеличивая достатокъ житейскій, запасъ знанія, картинныя галлерей, средства видѣть оперу и балетъ, частный человѣкъ рѣдко дѣлается счастливѣе, а народъ не сдѣлался отъ того счастливѣе ни одинъ, напротивъ мы знаемъ—народы переходили отъ достатка къ безумной расточительности, отъ много-знанія къ горестной для всякаго потерѣ всякаго убѣжденія, отъ утонченныхъ въ эстетическомъ смыслѣ зрѣлищъ къ циркамъ, къ боямъ гладіаторовъ, къ освѣщенію улицъ горящими людьми!? Быть можетъ, обобщитесь выгодами жизни, языкомъ, законодательствомъ все человѣчество, достигнетъ апогея въ развитіи возможнаго земнаго счастья, мысли, мягкихъ нравовъ, вкуса, и за тѣмъ всею массою склонится къ обще-

человѣческому упадку; на густо-заселенной и истощенной землѣ въ истощенныхъ тѣлахъ истощится душевными силами, и сдѣлается неспособнымъ къ дальнѣйшему человѣческому существованію; а къ этому подойдетъ, быть можетъ, міровой переворотъ, который положитъ конецъ теперешнему порядку человѣческаго бытія. И что же тогда станетъ съ этимъ пресловутымъ прогрессомъ?! Эти были и вѣроятно-сти до такой степени согласны съ выводами всѣхъ наукъ, исключая химерическую нѣмецкую философію, что допускаются самыми крѣпкими представителями современной русской мысли, которыхъ считаютъ предводителями много шумящей о прогрессѣ, но мало вообще мыслящей толпы.

И этому химерическому прогрессу хотятъ пожертвовать нашимъ русскимъ и обще-человѣческимъ безпредѣльно-совершеннымъ Богомъ, безсмертнымъ человѣческимъ духомъ, христіанствомъ... Развѣ мало тутъ потери для нашего вѣчнаго блаженства, для временнаго счастія каждаго изъ насъ, для спокойствія и преспѣянія цѣлаго отечества?! Нѣмецкій прогрессъ и вѣчное личное существованіе моего духа—это понятія несовмѣстимыя; о вредѣ этого ученія для нашего вѣчнаго блаженства тутъ и говорить нечего. Но будетъ ли русскій человѣкъ счастливѣе даже на землѣ, если уничтожить въ немъ его наслѣдованную отъ отцовъ вѣру? Произведите вы душевный разладъ въ немыслящихъ массахъ,—во вѣки вѣковъ не поправите этотъ бѣдственный переломъ: это мы чувствуемъ даже въ себѣ самихъ, тогда какъ мы способны обмыслить многое... Подорвите въ православной Россіи православно-русскую вѣру,—вы сгубите Россію: упадокъ духа религіи въ Греціи и Римѣ совпалъ съ упадкомъ и паденіемъ Греціи и Рима, будучи одною изъ признанныхъ причинъ этого упадка и паденія... Не говоримъ о томъ, что это химерическое ученіе учитъ презирать все

прошедшее, громить укорами настоящее, нетерпѣливо рваться къ будущему,—что превращаетъ оно богоустановленный испоконный порядокъ отношеній: смотрите, какъ высоко молодежь начинаетъ поднимать голову, клеймить, позорить власти, отцовъ и наставниковъ, огорчается тѣмъ, что не мы тащимся за ними, а ихъ вести за собою свое право предъявляемъ, придерживаясь вѣковаго сѣдой народной мудрости присловія объ извѣстной домашней птицѣ съ ея произведеніями; что грозитъ оно крутыми переворотами; что, смотря глубже, хочетъ заставить Россію поспѣшно изжить предопредѣленную ей долю жизни, пробѣжать предназначенный нашему народу кругъ существованія подобно тому, какъ рука шаловливой неопытности можетъ спустить пружину часовъ, и часы опишутъ въ нѣсколько секундъ всѣ тѣ круги, которые правильнымъ ходомъ должно было совершить въ сутки и болѣе, и за тѣмъ станутъ: такъ какъ это безбожное и бездушное антихристіанское ученіе о прогрессѣ есть тотъ крайній выводъ растлѣнія мысли и нравовъ, къ которому человѣчество въ массѣ и то безъ сомнѣнія не все можетъ придти не ранѣе, какъ чрезъ 1000 лѣтъ.

Враждебно-ль послѣ этого христіанство прогрессу?

Не христіанство ему враждебно, а онъ хотѣлъ бы съ лица земли стереть христіанство. Неблагодарный—онъ забылъ, что чистѣйшая идея, въ искаженномъ видѣ, положенная въ его основу, и то такъ называемое гуманное направленіе, которымъ онъ столько тщеславится, вытекли изъ христіанства. Христіанство хочетъ только сдержать его излишнюю порывистость и направить его на стези правыя, на которыхъ молодая бодрость этого ученія могла бы много добра принести нашему времени и нашему народу. По ученію христіанскому, для безпредѣльнаго преспѣянія во

всѣхъ отрасляхъ духовно-тѣлесной жизни, для безграничнаго уподобленія существу Всесовершенному, для болѣе и болѣе тѣснаго, для безконечно-тѣснаго соединенія съ Нимъ и въ Немъ съ своимъ счастьемъ предназначенъ былъ человѣкъ первозданный. Не отрицаетъ христіанство и того, что для этой же цѣли существуетъ въ мірѣ и падшій человѣкъ. Но ядъ грѣха испортилъ природу его и природу внѣшнюю для него: достиженіе этой цѣли на землѣ въ малой мѣрѣ сдѣлалось для него труднымъ, а въ полной невозможнымъ. По указанію опыта, осмысливаемому христіанствомъ, стихіи всегда будутъ воевать съ благоденствіемъ человѣка и человѣкъ никогда вполне не покоритъ ихъ себѣ; его тѣло обречено на смерть и болѣзни, и грѣхи отцовъ будутъ увеличивать оброкъ смертности и немощей для потомства. Человѣческій умъ, способный познать многое изъ того, какъ вещи бываютъ, безмѣрно многого и въ этомъ кругѣ изслѣдованія не узнаетъ никогда, есть ли напримѣръ растенія на одной изъ звѣздъ, принадлежащихъ къ туманнымъ пятнамъ; а того, почему бываетъ что, почему и какими зубцами та или другая невѣсомая сила дѣйствуетъ на вещество, что такое вещество, что во мнѣ мыслить, гдѣ причина общей жизни и движенія, не узнаетъ никогда на землѣ, будучи не въ силахъ и отрѣшиться въ тоже время отъ этихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Воля человѣка, способная при добромъ направленіи подниматься до высокой степени нравственнаго совершенства, никогда не отрѣшится отъ необходимости, работая закону ума, работать и закону грѣховному, существу во удахъ нашихъ. Сердце человѣка самое развитое никогда не будетъ исполнѣ довольно, и самое развитое наоборотъ будетъ чувствовать здѣсь всего менѣе довольства и будетъ рваться вонъ изъ этой юдоли плача и несовершенства. О цѣлыхъ мас-

сахъ человѣчества христіанство учитъ, что допотопное человечество изгнано за безбожіе и погруженіе въ матеріализмъ; что вслѣдствіе проклятія и благословенія Ноева, хамиты, коренные африканцы, обречены частію на истребленіе, частію на долговѣчное рабство прочимъ народамъ; а симитамъ-азіатцамъ предопредѣлено сохранить для человечества истинную вѣру; іафетитамъ—европейцамъ предопредѣлено овладѣть всею землею; что до-христіанскія народности сгибли въ слѣдствіе забвенія Бога истиннаго и растлѣнія нравовъ; что христіанству предназначено влить въ человечество новую жизнь; что іафетиты европейцы разнесутъ христіанство во всѣ концы земли—пронесутъ проповѣдь Евангелія по всей вселенной; что христіанству предопредѣлено проникнуть во всѣ изгибы человѣческой жизни: возродить науки, оживотворить искусства, очистить и смягчить нравы. Въ слѣдствіе этого приложится человечеству много и земныхъ благъ. Достигши апогея развитія въ истинно-христіанскомъ направленіи, человечество растлится обольстительными антихристіанскими ученіями, подобными современному ученію о прогрессѣ, и склонится къ упадку во всѣхъ отношеніяхъ: вѣра изсякнетъ, чистота сердца исчезнетъ, нравственность падетъ. *Въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ* (1 Тим. 4, 1), такъ что Спаситель, пришедъ на землю, едва обрящетъ вѣру. *Люди тогда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотѣхъ изберутъ себѣ учителей, чешими слухомъ—имѣя зудъ въ ушахъ, и отъ истинны слухъ отвертятъ и къ баснямъ уклонятся* (2 Тим. 4, 3—4). И эти учителя, *презрѣвая суеты (презрѣую пустоту) вѣщающе, привлекутъ въ скверны плотскихъ похотей даже тѣхъ, которые отбѣгаютъ всячески отъ нихъ, свободу имъ обѣщающе, сами раби*

сущи тлѣны (2 Петр. 2, 18—19). Въ послѣдніи дни настанутъ времена люта: будутъ бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, зувницы, родителямъ противящіяся, неблагодарни, нелюбовни, непримирительни, клеветницы, неводержницы, предатели, нази, сластолюбцы, всегда учащіяся и никогда въ разумъ истины приити мѣющіе (2 Тим. 3, 1—7). Возстанетъ тогда народъ на народъ и царство на царство, и будутъ глады и пагубы и землетрясенія по мѣстамъ (Матѣ. 24, 8). Общечеловѣческое растлѣніе мысли и нравовъ продолжитъ тогда дорогу деспотизму, похожему на деспотизмъ нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ, которымъ не только воображалось, а даже чувствовалось, какъ они изъ людей дурныхъ дѣлались богами, которые потому и превозглашали себя богами: открытѣся тогда подобный имъ человекъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносящійся паче всякаго глаголемаго бога или чтимища, такъ что сядетъ онъ въ церкви Божіей, какъ богъ, показывая о себѣ, что онъ богъ, — который придетъ по дѣйству сатаны, вооруженный всякою силою естественныхъ открытій, знаменій и чудесами ложными, всякою лестью неправды, неодолимою для погибающихъ: за то, что любви къ истинѣ они въ себѣ не воспитали; за то послетъ на нихъ Господь дѣйство обольщенія, такъ что повпятъ они лжи (2 Сол. 1—12). Будутъ тогда знаменія въ солнцѣ и лунѣ и въ звѣздахъ, и на землѣ туга народамъ отъ чаянія шума морскаго и волненія; будутъ люди издыхать отъ страха и трепетнаго чаянія грядущихъ золъ на вселенную, ибо силы небесныя поколеблются (Лук. 21, 25—26). Будетъ тогда скорбь великая, кака не была отъ начала міра досель и не имѣетъ быть. И еслибъ не прекратились дни тлѣ, не спаслась бы никакая плоть: избранныхъ же ради Божіихъ

ихъ прекратятся дни тлѣ (Матѣ. 24, 21). Когда человѣчество, оядотворенное всеобщимъ невѣріемъ и отчаяніемъ, сдѣлается окончательно неспособнымъ къ дальнѣйшему разумно-нравственному существованію на землѣ: тогда придетъ день Господень, какъ тать въ нощи, день, въ который небеса съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемыя разорятся, земля и какія на ней дѣла сгорятъ (2 Пет. 3, 10). И когда прейдутъ первое небо и земля первая: будетъ тогда небо новое и земля новая: и вселится тогда Богъ съ праведными человеками; и тлѣ будутъ Его людьми и самъ Богъ будетъ съ ними Богъ ихъ; и отыметъ Господь всякую слезу отъ очей ихъ, и смерти не будетъ болѣе; ни плача ни вопля ни болѣзней не будетъ болѣе: яко первая мимоидоша, и Господь Вседержителъ скажетъ тогда: се нова вся творю (Апок. 21, 1—5).

Вотъ не здѣсь ли настанетъ для человѣчества нѣчто похожее на то, что называется безпредѣльнымъ и вѣчнымъ прогрессомъ?

Невраждебная разумному преслѣянію, не только вѣчному, но и временному благу человѣчества, Христова церковь постоянно и въ благознаменательный день новаго года особенно молитъ Господа, чтобы Онъ воздвигъ насъ изъ глубины грѣховныя и затѣмъ избавилъ насъ отъ глада и губительства, отъ труса и потопа, отъ огня и меча, отъ нашествія иноплемныхъ и междоусобныхъ брани, отъ напрасныя смерти и отъ тлетворныхъ вѣтровъ, и отъ смертоносныхъ язвы и отъ всякаго зла, чтобы подалъ намъ миръ и здравіе и просвѣтилъ наши умы и очи сердечныя ко всякому благопоспѣшенію на землѣ и ко спасенію въ небѣ; чтобы наконецъ сподобилъ насъ грѣшныхъ своего небеснаго царствія. И мы этого вамъ желаемъ и съ богодарованнымъ новымъ годомъ поздравляемъ. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

на новый (1881) годъ.

*Услыши ны Боже, Спасителю нашъ, упование всѣхъ
концевъ земли и сущихъ въ мори далече.*—Предначинатель-
ный псаломъ на молебствіи.

Обыкновенно мы почти все безъ исключенія не слуша-
емъ, не слышимъ, и конечно не разумѣемъ и сердцемъ не
воспринимаемъ такъ называемаго предначинательнаго псал-
ма, который обыкновенно по чину церковному читается въ
началѣ молебнаго пѣнія, положеннаго и всегда совершаема-
го на новый годъ. Проведши всю жизнь свою, за исключе-
ніемъ самаго ранняго дѣтства, въ городахъ, я вотъ уже
больше 45 лѣтъ отчетливо помню, какъ совершается это
молебствіе; и въ разныхъ городахъ на разныхъ концахъ
Россіи получалъ одно и тоже впечатлѣніе. Вотъ послѣ тре-
возно по язычески проведенной ночи, послѣ томительной
всеночной бессонницы или короткаго къ утру тяжелаго сна,
большинство, по народному обычаю и общественному долгу,
пожалуетъ во храмъ Божій за преполовеніе службы Божіей,
такъ что къ концу обѣдни церковь и порядкомъ наполнит-
ся. При этомъ всякій входящій на томъ мѣстѣ, гдѣ оста-
новится, видитъ кругомъ себя все знакомыя лица. Будетъ
уже часовъ шесть тому назадъ, какъ разстались, послѣ

полуночной встрѣчи новаго года, и нужно всякому сказать
всякому привѣтливое слово, всякому улыбнуться, кивнуть
вдали стоящимъ хоть головою: «съ новымъ молъ годомъ».
Безъ этого нельзя, неприлично. Во вчерашнемъ собраніи,
конечно, взаимно поздравлялись съ новымъ годомъ, но и въ
храмѣ Божіемъ поздравить другъ друга не лишнее. Такъ
много интересныхъ впечатлѣній прожито за прошлую ночь,—
интересно ими подѣлиться: «какъ молъ почивалось?»... А
тамъ, гдѣ работаетъ телеграфъ,—а гдѣ онъ теперь не ра-
ботаетъ?—къ утру новаго года извѣстно бываетъ много и
не мѣстныхъ, иногда и немаловажныхъ новостей. И какъ-
же не пораспросить? Какъ за однихъ не порадоваться, дру-
гихъ не пожалѣть, на счетъ третьихъ не позлорадоваться
и не посмѣяться? Между тѣмъ обѣдня идетъ своимъ чередомъ.
«Тянуть какъ!»—думается однимъ,—«столько визитовъ впе-
реди, время нужно!» А другимъ, во взаимномъ сообщеніи инте-
ресныхъ новостей и живыхъ впечатлѣній, и не замѣчается,
какъ улетѣло полчаса и какъ божественная литургія Ва-
силія великаго, котораго и память нынѣ совершается, при-
шла къ концу. И вотъ торжественная серьезная процессія
священнослужителей вдвигается въ среду предстоящихъ во
храмѣ, и среди живой церкви начинается послѣднее чино-
послѣдованіе праздничнаго священнодѣйствія, возглашается
молебное пѣніе на новый годъ, на которое собственно, на-
конецъ, и собрались все эти люди, вся эта живая церковь
Христова. Пройдетъ еще четверть часа, много двадцать ми-
нута службы Божіей, и все дохнутъ свѣжимъ воздухомъ
улицъ; казалось бы пора и вспомнить, гдѣ мы и что мы,
и сосредоточиться, а пожалуй и помолиться. И звучный го-
лосъ діакона, чтобъ не задерживать, частить: *Тебѣ подо-
баетъ пѣснь Боже въ Сіонѣ...*, но частить гласомъ вопіющаго
въ пустынь; потому что отъ стѣнъ церкви каменной отга-

жаются довольно звучный оглушающий гулъ общаго шопота или даже полуговора, пока еще не умолкающаго. И думается: Боже! кому либо изъ насъ навѣрное не быть въ храмѣ Божиѣмъ на будущій новый годъ, а онъ пока еще улыбается, поздравляетъ, интересуется текущими новостями... Поютъ пѣвчіе, звучитъ голосъ протодіакона, возглашающій эктенію—пространное моленіе на новолѣтіе. Гремить: *вонмемъ!* Раздается большею частію слабый, дребезжащій, нерѣдко старчески изнемогающій голосъ предстоятеля архіерея: *миръ всѣмъ! Во время оно прииде Іисусъ въ Назаретъ...* И гулъ говора, постепенно замолкая, наконецъ смолкъ. Восторжествовало наконецъ не общественное, а церковно-общественное приличіе..., которому давно бы восторжествовать пора. А когда пригласятъ *всѣхъ паки и паки преклонше колѣна* помолиться Господу, и тотъ же дребезжащій голосъ архіерея зачитаетъ послѣднюю молитву,—тогда рѣдкая рука не поднимется до высоты груди сдѣлать крестное знаменіе, рѣдкая грудь не испуститъ вздоха къ небу или хоть въ землю изъ понурой головы: Господи! что то будетъ?! И только тогда, только въ этотъ послѣдній моментъ надъ этою колѣнопреклоненною церковію дѣйствительно пронесется духъ не отложенія всякаго житейскаго попеченія, нѣтъ, но духъ страха за жизнь, за житейское положеніе, за благоденствіе свое и близкихъ,—быть можетъ, духъ и сокрушенія о грѣхахъ, духъ страха кары Божіей, духъ покаянія и умиленія, духъ вопля къ небу о помилованіи бѣдныхъ грѣшниковъ: «Господи! Отъ нихъ же первый есмь азъ, помози и помилуй»... И пролетитъ моментально ангелъ молитвы надъ воздыхающими колѣнопреклоненными, и соберетъ въ свое кадило молитвы святыхъ и грѣшниковъ сокрушенныхъ, и вознесетъ ихъ въ дымъ кадильномъ къ престолу Вседержителя...

Скажу, что у насъ въ семь градѣ обыкновенно бываетъ лучше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Но приводилось кое—гдѣ видѣть и хуже, чѣмъ сказано. А общій характеръ, съ оттѣнками большей или меньшей густоты, вездѣ одинъ и тотъ же. Вездѣ остается желать большей сосредоточенности, большаго вниманія къ молитвѣ церкви, большей молитвенной теплоты. Рѣшите вотъ, кто изъ насъ въ будущій новый годъ не будетъ въ церкви, не только въ этой, но и ни въ какой на землѣ? А будетъ ли и въ небесной церкви праведникомъ торжествующихъ?.. *Станемъ же добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ миръ приносить.* Вонмемъ въ молитвословія церкви, вонмемъ именно въ предначинательный псаломъ нынѣшняго молебствія, и тогда поймемъ, даже почувствуемъ, о чемъ и какъ подобаетъ намъ молиться на новолѣтіе. Тогда сейчасъ повѣсть въ насъ святымъ духомъ священной древности, духомъ ея священной поэзіи, возношенія ума и сердца древнихъ богодухновенныхъ праведниковъ къ Богу; и самъ Духъ Божій, вѣющій въ псалмахъ, дохнетъ и въ нашихъ сердцахъ воздыханіями неизглаголанными, но какъ разъ благопотребными намъ въ настоящую священную минуту.

Тебѣ подобаетъ пѣснь, Боже, Тебѣ единому подобаетъ поклоненіе въ Сіонѣ, и Тебѣ воздастся молитва, къ Тебѣ вознесется всякій молитвенный обѣтъ *во Іерусалимъ*, во святомъ храмѣ Твоемъ. Отъ храма святаго Твоего, какъ и отъ чертоговъ небесныхъ, *Ты слышишь молитву*, слышишь всякій вопль и вздохъ. Къ Тебѣ прибѣгаетъ всякая плоть, къ Тебѣ взываетъ всякое живое созданіе. *О чемъ же помолится предъ Тобою всякъ живой*, о чемъ воззоветъ всякая человѣческая душа? Господи! *Дѣла беззаконій превозмогаютъ меня*, грѣхи давятъ во глубину ада,—гдѣ опора, гдѣ сна-

сеніе? Ты очистишь преступленія наши, безъ Тебя мы погибли. Блаженъ, кого Ты избралъ и приблизилъ къ Себѣ, чтобъ онъ жилъ во дворахъ Твоихъ, во дворахъ храма Твоего на землѣ и въ обителяхъ Твоихъ на небѣ. Тамъ мы насытимся благами дома Твоего, радостями святаго храма Твоего, и вѣчнымъ веселіемъ Твоихъ горнихъ чертоговъ. А безъ Твоего избранія, а безъ Твоего призванія мы обреченныя чада гнѣва и вѣчнаго отверженія: *нѣсть радоватися нечестивому. Дивный въ правдѣ, страшный въ правосудіи, услыши насъ Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концовъ земли и сущихъ въ мори далеко.* Услыши насъ Боже Вседержителю, поставившій юры силою Твоею, припоисанный могуществомъ. Услыши насъ, Боже Вседержителю, *укрощающій шумъ морей, рокотъ волнъ ихъ, какъ и мятежъ волнующихся народовъ.* И по манію Твоему убоятся грозныхъ знаменій Твоихъ живущіе во всѣхъ предѣлахъ земли, грозные враги наши. Услыши насъ, Боже, упованіе наше, всѣхъ благъ подателю. Ты одинъ возбуждаешь утро и вечеръ къ славы Твоей, украшая восходъ и закатъ солнца неизреченною красотою. Ты самъ свѣтомъ солнечнымъ, утренне-вечернею росой, небесною влагою, *посылаешь землю и утоляешь жажду ея и обильно обогащаешь ее.* И вотъ Твои рыки, всѣ потоки Божіи полны водъ. Ты самъ приготовляешь хлѣбъ на землѣ, и траву скотамъ и злаки птицамъ небеснымъ; *ибо такъ Ты устроилъ землю. Ты самъ напояешь борозды ея, размягчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастенія ея, и въ капляхъ росы на зелени, въ цвѣтахъ радуги сіяетъ намъ Твой божественный ликъ, веселя очи всѣхъ уповающихъ на Тя.* Ты благословляешь *вспнецъ лѣта, когда солнце восходитъ до зенита, вспнецъ лѣта благости Твоей, когда Ты простираешь щедрую руку Твою и ис-*

полняешь все живое своего благоволенія; когда Ты самъ грядешь по небосклону на солнечной колесницѣ, и стези Твои источаютъ тукъ, источаютъ живительное питаніе повсюду. Источаютъ на пустынные пажити, и холмы препоясываются радостію. Одъваются луга цвѣтами и стадами, и долины покрываются хлѣбомъ. И отовсюду раздается, съ холмовъ и доловъ, съ луговъ и лѣсовъ, съ воды и воздуха, *радостный кличъ и пѣсня,* отовсюду несется, въ ароматѣ цвѣтовъ, лѣсной зелени и всякихъ злаковъ, какъ въ благовонномъ дымѣ всемірнаго кадила, всемірный гимнъ хвалы, прошенія и благодаренія Тебѣ, Боже Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концовъ земли, какъ и всего сущаго въ мори далеко и глубоко.

Вотъ о чемъ помолимся, вотъ чего усердно попросимъ у Бога на наступившее новолѣтіе.

Единому Богу нашему подобаетъ пѣснь славословія и благодаренія. Къ Нему единому должна возноситься всякая молитва, къ Нему должна притекать всякая плоть, всякая живая тварь. Припадемъ же къ Нему и принесемъ Ему славословіе, благодаряще со страхомъ и трепетомъ за всѣ Его благодѣянія, которыя изобильно изливаль Онъ на насъ въ минувшее лѣто и во всю протекающую нашу жизнь. Вотъ оглянемся назадъ: сколько сверстниковъ, сколько юности и дѣтства на нашихъ глазахъ безвременно и небезпечно отошло на тотъ свѣтъ? А насъ Богъ пока еще хранить, чтобы мы созрѣли для неба, чтобы выдѣлилась въ насъ чистая пшеница для житницы небесной отъ плевель, обреченной добычи огня адскаго.

Дѣла беззаконій нашихъ превозмогаютъ насъ. Прислушайтесь, сколько воплей кругомъ на упадокъ нравовъ! Кромѣ обычныхъ грѣховъ немощи, сколько ужасныхъ замысловъ и предначинаній! Сколько грозныхъ знаменій време-

ни, знаменій падающей добродѣтели, разлагающей нравственности, колеблющихся принциповъ! Тамъ подруга съ возможнымъ равнодушіемъ на вечерѣ при знакомыхъ убиваетъ своего охладѣвающаго друга, и ее оправдываютъ. Здѣсь женихъ беретъ на прощанье руку, именно лѣвую, такъ и проситъ лѣвую, и пускаетъ пулю прямо въ сердце дѣвицы, которая равнодушна къ нему и не желаетъ быть его невѣстою, и его почти извиняютъ. Вспомнимъ эти колоссальныя, да и мелкія, но безчисленныя хищенія, которыя показываютъ, что современнаго человѣка какъ будто совсѣмъ невозможно безъ свидѣтелей и стражи подпустить къ чужимъ деньгамъ, чтобъ онъ не сдѣлался хищникомъ, воромъ чужаго добра. Вспомнимъ эту плетеницу устнаго и печатнаго злоязычія и всяческой интриги, которая опутала всѣхъ насъ, которая превращаетъ общество образованныхъ людей въ стадо дикарей, трепещущихъ, какъ извѣстно, за каждую минуту существованія, чтобъ сосѣди не убили и не съѣли. Вспомнимъ, что въ истекшемъ году мы пережили безпримѣрное въ исторіи покушеніе 5-го февраля. За границей еще только мечтаютъ въ печати о «химическихъ способахъ» истребленія ближнихъ, а мы уже примѣняемъ ихъ къ дѣлу, и съ кого же начали?! Съ Помазанника Божія! Вспомнимъ, что мы всенародно и покаяться безсильны, что у Бога очищеніе нашихъ преступленій, и помолимся, чтобы Богъ не помянулъ безчисленныя беззаконія и лукавыя наши дѣянія, въ мимошедшемъ лѣтѣ злѣ нами содѣянные,—чтобы отогналъ отъ насъ всѣ душегубныя страсти и растлѣнные обычаи, а всадилъ въ сердца наши божественный страхъ свой, къ исполненію заповѣдей своихъ.

Видя, что ереси и отступства съ каждымъ годомъ умножаются, усердіе къ вѣрѣ и церкви оскудѣваетъ, ревность къ посѣщенію храмовъ Божіихъ и соблюденію церковныхъ

уставовъ остываетъ, что у насъ въ нашемъ отечествѣ пока еще только изрѣдка, то тамъ, то здѣсь возникаютъ кощунства, поруганія надъ святынею, а вотъ въ образованнѣйшей христіанской странѣ мы имѣли на дняхъ несчастіе видѣть предписанное государственною властію кощунственное устраненіе распятій и всякихъ религіозныхъ эмблемъ изъ всѣхъ училищъ; въ другой образованнѣйшей странѣ видимъ, что въ христіанскихъ храмахъ, по совершеніи вѣрующими таинства евхаристіи, происходятъ собранія вольныхъ религіозныхъ общинъ, которыя отрицаютъ всю евангельскую исторію и христіанскую догму,—видя это и многое другое, чего и пересказать нельзя; чувствуя, что зараза богоотступства и на насъ идетъ поваломъ, помолимся усердно, чтобы Господь помянулъ церковь свою святую, и укрѣпилъ, расширилъ и умирилъ ее, и невредимою адовыми вратами сохранилъ; чтобы насадилъ всюду правовѣріе и благочестіе и обратилъ всѣхъ отступниковъ къ познанію своего истиннаго, да и насъ самихъ утвердилъ въ православной вѣрѣ, и снѣжными сотворилъ насъ къ дѣланію заповѣдей своихъ, къ храненію святоотеческихъ преданій, ревностными къ посѣщенію храмовъ Господнихъ, способными къ насыщенію благами дома Божія, и съ мирною отрадою чающими кончины христіанскія и переселенія въ небесныя обители вѣчной радости.

Видя, что мы русскіе нигдѣ не имѣемъ друзей, по крайней мѣрѣ, друзей сильныхъ, а врагами обставлены кругомъ, врагами безчисленными и могущественными; чувствуя, что отступающій отъ Христа сонмъ враговъ нашихъ, въ международныхъ сношеніяхъ, уже отрицаетъ начала христіанскаго братства, взаимной любви и доброжелательства, поставляя на мѣсто ихъ дикій звѣрскій принципъ борьбы за существованіе, стремясь къ тому, чтобъ мы не только

не хотѣли, какъ не хотѣли до сихъ поръ во всю нашу исторію, но и не могли, были безсильны вредить имъ, для чего, по ихъ расчетамъ, требуется не болѣе, какъ раздавить насъ; предчувствуя, что эта мрачно сгущающаяся туча ненависти къ намъ разразится когда либо международными бурями, громами и кровопролитіемъ, небывалыми въ исторіи, помолимся всеусердно, чтобы препоясанный могуществомъ Господь, укрощающій мятежь народовъ, какъ и шумъ морскихъ волнъ, — чтобы Господь утѣшилъ въ мірѣ всѣ вражды, нестроенія и междоусобія между христіанскими народами брани; подалъ же миръ во всемъ, твердую и нелицемѣрную любовь, благочинное же строеніе и добродѣтельное тихое житіе; чтобы благопоспѣшилъ Помазаннику своему, Царю нашему во всемъ, и покорилъ подъ нозѣ Его вся христоненавистныя языки, какъ и всякаго врага и супостата.

Вспомнимъ, какъ въ минувшее лѣто русская земля была повсемѣстно опустошаема, отъ недостатка общенароднаго смысла, неисчислимыми пожарами, безвременными и безпорядочными движеніями водъ, неслыханнымъ размноженіемъ неслыханныхъ на Руси губительныхъ насѣкомыхъ, губительнымъ дѣйствіемъ безвременнаго зноя и засухи, такъ что въ истекшемъ и наступающемъ году мы переживаемъ давно неслыханную на Руси, этой пресловутой житницѣ Европы, тяжкую общенародную нужду просто въ настоящемъ хлѣбѣ. Подумаемъ о томъ, что наше неразуміе готово опустить руки въ борьбѣ съ подрывающими наше благосостояніе какими либо ничтожными червями, жуками, мухами, инфузоріями, которые заняли на Руси мѣсто животныхъ, птицъ, звѣрей, составлявшихъ искони роскошь и красоту нашей родной земли. Подумаемъ о томъ, что теперь эта земля, по большей части, является однообразною,

безлѣсною, безводною пустынею, въ одно поколѣніе неузнаваемою для своихъ сыновъ, которые родились и выросли среди лѣсной, водной, растительной, животной и всяческой роскоши отечественной природы, которые еще своими очами видѣли, какъ плаваютъ, плещутся и прыгаютъ надъ водами цѣлыя стаи рыбъ; какъ мириады птицъ покрываютъ луга и непроходимую чашу многовѣковыхъ деревьевъ кругомъ; какъ въ иное весеннее утро миллионы птичьихъ и всякихъ иныхъ веселыхъ голосовъ пѣли радостный гимнъ своему Создателю, восхищая сердце, способное чувствовать красоту природы. Гдѣ все это теперь? Не говоримъ о здѣшнемъ краѣ; онъ еще мало культивированъ, т. е., еще мало опустошенъ человѣкомъ. А наше народное невѣжество, наша безрасчетная жестокость къ живой природѣ всюду систематически грабитъ и опустошаетъ природу, накликаая неминуемую бѣду и на человѣка. Опомнимся же. Возмемся же за умъ. Вспомнимъ же всенародно, что бережного Бога бережетъ. Помолимся же всецерковно, чтобы Богъ подалъ намъ въ грядущее лѣто дожди благовременны, росу плодоносную, вѣтры мѣрные и благорастворенные, и теплотою солнечною сіялъ намъ; чтобы избавилъ насъ отъ глада, заразы, землетрясенія, наводненія, града, огня и всякія смертоносныя язвы, скорби же и нужды; чтобы Богъ посѣщалъ нашу землю и не оставлялъ ее; чтобы стези Господа силъ оставляли по себѣ благословеніе на всемъ и источали тугъ и питаніе всему живому; чтобы холмы нашей родины были препоясаны радостію, луга одѣты стадами, долины покрыты хлѣбомъ; чтобы вся природа кругомъ насъ и вмѣстѣ съ нами восклицала и пѣла: *воскликните Богу вся земля. Пойте славу Его. Услыши насъ, Боже Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концовъ земли.* Сподоби насъ всегда, до кончины живота нашего, благодареніе Тебѣ

приносить и пресвятое имя Твое воспѣвати, прославляя Его устами, сердцемъ и дѣлами.

И вотъ поводъ воздать дѣломъ хвалу имени Божію. Если не памятью, то дѣломъ мы забыли, что недавно кончилась тяжкая, блистательная подвигами и плодотворная война; что на ней тысячи нашихъ братьевъ доблестно положили животъ свой за вѣру и цари, за отечество и братьевъ нашихъ по Христѣ, угнетенныхъ татарскимъ ярмомъ; что братья наши, падшіе на брани, оставили по себѣ многія тысячи вдовъ и сиротъ нищихъ и безпріютныхъ.

Начнемъ же новый годъ дѣломъ христіанскаго милосердія. Подадимъ наши лепты на вдовъ и сиротъ воиновъ падшихъ на брани. Милостыня—великое дѣло. Милостыня очищаетъ грѣхи. Милостынею мы привлечемъ благословеніе благодати Божіей и на наступившее лѣто. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на новый (1882) годъ.

Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ. Кол. 2, 8 (*).

Это урокъ намъ на нынѣшній праздникъ обрѣзанія Господня и новолѣтія отъ лица святаго апостола Павла. Что апостоль Павелъ былъ не только богопросвѣщенный, но и съ естественной точки зрѣнія величайшій умъ; что онъ принадлежалъ къ числу крайне немногихъ самыхъ вліятельныхъ геніевъ человѣчества, это признается всѣми, противъ этого спорить нельзя. А если такъ, то казалось бы его гениальности приличнѣе было бы совѣтовать всѣмъ заниматься философіею, какъ изстари препрославленную наукою наукъ. Однакоже онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ предостерегаетъ отъ увлеченія философіею. Всякою ли философіею? Да, онъ не различаетъ между философіею и философіею, а предостерегаетъ вообще, не особенно сочувственно и почетно отзываясь о философіи вообще. Смотрите, братіе,—наставляетъ онъ насъ,—чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ. Какъ умъ величайшій и богопросвѣщенный, онъ видѣлъ и

(*) Для виѣбогослужебнаго собесѣдованія.

прозрѣвалъ, зналъ и предчувствовалъ, что, при горѣніи свѣта богооткровеннаго ученія, всякая философія, какую только видѣлъ міръ, какую думаютъ подмѣнить или даже пополнить это ученіе, больше или меньше вознося нашъ умъ на разумъ Божій, никогда во всѣхъ отношеніяхъ не можетъ быть полезна; а на оборотъ становится вредною тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе человечество ею увлекается, чѣмъ болѣе проникается она преданіями научности человѣческой и стихійною мудростію, чѣмъ болѣе направляется она противъ Христа и Христова духа. Онъ видѣлъ, что самая возвышенная философія древности, какова была философія Сократа и Платона, которая, при недостаткѣ въ древне-языческомъ мірѣ лучшаго руководства къ истинѣ, даже вела, хотя извилистымъ путемъ, ко Христу, — что даже эта философія переполнена была заблужденіями язычества. Онъ видѣлъ, что современная ему, апостолу Павлу, философія неоплатоническая и гностическая составляла систему не только мистическихъ грезъ, но и поразительнѣйшихъ бредней изступленной фантазіи (1 Тим. 1, 4. 6. 20). Онъ прозрѣвалъ и предчувствовалъ, что и послѣдующая, развивающаяся уже въ нѣдрахъ христіанства философія, если она выступаетъ въ качествѣ не исключительно только поборницы христіанскихъ началъ, а изобрѣтательницы новыхъ основныхъ истинъ, или даже изслѣдовательницы въ областяхъ знанія, мало доступныхъ уму и не озаренныхъ свѣтомъ откровенія, — что и эта философія мало окажетъ успѣха въ достиженіи истины, напротивъ окажется источникомъ многихъ и немалыхъ заблужденій. Даже такъ называемая схоластическая философія, поставившая себя служанкою христіанскаго богословія, и та представляла сборникъ сухихъ, безплодныхъ, мертвящихъ словопреній, который вносилъ въ гордыми творцами новѣйшей философіи и не признанъ фило-

софіею. А то гордое вавилонское столпотвореніе человѣческихъ измышленій, которое признано нынѣ называть дѣйствительною философіею, начиная съ системъ Бэкона и Декарта, послужило только поводомъ, началомъ и причиною удаленія заблудившагося человѣческаго ума отъ Бога и неба на страну далече. Наконецъ самоновѣйшая философія, въ своемъ послѣднемъ словѣ, это ужасъ и позоръ! Это гниль и гибель! И злосчастная честь сказать это послѣднее слово принадлежитъ нашему отечеству, нашимъ русскимъ столько же дерзкимъ, сколько и легкомысленнымъ и малосвѣдущимъ, особенно же въ философіи писателямъ. Тѣмъ не менѣе ихъ словоизверженія составляютъ дѣйствительно послѣднее слово европейской философіи и вообще современной европейской науки, послѣдній, крайній, чудовищный практическій изъ нея выводъ.

Я изложу вамъ эту философію. Въ своимъ голыхъ выводахъ она не мудрена. И сочинять ее я не стану. Въ одномъ новѣйшемъ сборникѣ она изложена собственными словами ея авторовъ. Однакоже и основныя положенія ея мы назовемъ въ той мѣрѣ, насколько позволяютъ и краткость времени и церковное приличіе.

«Ширина отрицанія, характеризующаго новое ученіе, обнимаетъ весь установившійся порядокъ, весь современный строй государственной и общественной жизни. Нынѣшняя европейская цивилизація, съ ея наукой, искусствомъ, литературой, отвергается. Пусть догниваетъ старая цивилизація; она умираетъ не по годамъ, а по днямъ, и чувствуетъ свою дряхлость. Старая Европа накопила въ своемъ наслѣдіи всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжество прошедшихъ вѣковъ. Наука допускается только осязательная: что можно разсмотрѣть глазами и осязать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ. Въ руководители знанія рекоменду-

ются главнымъ образомъ, даже почти исключительно, Бокль и Дарвинъ. Прочіе писатели прежнихъ временъ почти поголовно отвергаются. Вся русская жизнь, русская гражданственность, какъ она сложилась вѣками, подлежитъ безпощадному разрушенію».

«Религія, по этой философіи, старый предразсудокъ, мистическія бредни, болѣзненное явленіе, фантазія, мѣшающая личному и общественному благополучію, то-же, что отжившіе призраки астрологіи, алхиміи, магіи, теософіи. Нынѣ стала общеизвѣстною истина, что сила есть свойство матеріи, и теперь не нужны всѣ эти Ормузды и Ариманы. Мы свободны отъ теософической опеки и не ждемъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло».

«Связанная тѣсно съ религіею нравственность имѣетъ мистическій смыслъ и ничего общаго съ здравымъ смысломъ. Изъ аксіомы, что человѣкъ есть животный организмъ, вытекаетъ отрицаніе всей душевной жизни, на мѣсто которой ставится одно тѣло. Никто до сихъ поръ не понималъ, что значить добро и что — зло. Теперь стало извѣстно, что въ экономическомъ смыслѣ добро есть выгода, а зло — убытокъ; въ фізіологическомъ отношеніи добро есть пріятное, а зло не-пріятное ощущеніе; въ общихъ же человѣческихъ отношеніяхъ добро — польза, а зло — вредъ. Безплодно ставить вопросъ о нравственности и безнравственности. Животный инстинктъ самосохраненія долженъ быть сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній. Правило, что во всякомъ случаѣ нужно быть честнымъ, нигуда не годится. Кто исполняетъ требованіе долга, тотъ поступаетъ безчестно и подло и только позоритъ свое существованіе. Долгъ не имѣетъ никакого смысла. Самое понятіе о преступленіи отрицается, какъ и свободная воля. Преступникъ — или больной, котораго надо лечить, или герой трагедіи, погибающій подъ гне-

томъ враждебныхъ обстоятельствъ. Преступленіе не вѣняемо потому, что дѣйствія человѣка основываются на его внутреннихъ побужденіяхъ, которыя зависятъ отъ органическихъ условій и внѣшнихъ явленій всегда угнетающаго свойства. Очевидно, что понятіе о виновности не имѣетъ никакого смысла. По этому всякій судъ — нелѣпость. Уваженіе къ чужому — простой расчетъ, основанный на инстинктѣ самосохраненія, на боязни попасться въ воровствѣ и потерпѣть непріятность. Такъ и всякое преступленіе неудобно, потому что опасно. А умнымъ, ловкимъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ даже грабить и убивать».

«Эстетику, т. е. всю совокупность явленій и идеаловъ христіанской нравственности, всей европейской цивилизаціи, просвѣщенія, наукъ и искусствъ, всю эту эстетику слѣдуетъ всячески вытравлять. Пора отстать отъ всѣхъ отвлеченныхъ идей, какъ отстали отъ теологическихъ мечтаній. Идеаль человѣка порядочнаго, дѣльнаго, хорошаго семьянина, гражданина, это мечты, которыя отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззавѣтному наслажденію. Никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ. Убѣжденія, принципы, гражданская добродѣтель — все это нелѣпые бредни. Благородный энтузіазмъ — пустой звукъ. О борьбѣ за святыя убѣжденія, о принесеніи себя въ жертву нечего и толковать. Если-бы всѣ были эгоистами, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга, то привольнѣе стало-бы жить на бѣломъ свѣтѣ. Теперь же вся жизнь сдавлена въ угоду отвлеченнаго понятія государства и прочаго. Пружина чести, уваженіе, личное достоинство, благодарность, добро, зло, вѣжливость, законъ, всѣ эти слова для этихъ учителей отживающія слова. Вся эта эстетика — проявленіе неисчерпаемой глупости. Эстетика давитъ общество со всѣхъ

сторонъ подобно морали и законности. Она есть самый надежный врагъ разумнаго прогресса. Что такое всѣ учрежденія, нравы, понятія, искусство, наука, права толпы? Ничтожный грязный хаосъ».

«Семья—это темное царство, это курятникъ, это превосходная школа безнравственности, школа рабства, эксплуатации, воровства и грабежа, зародышъ и поприще войны и порабощенія. Въ семьѣ всѣ плохи, отцы, матери, братья и сестры, — плохи отъ той-же эстетики, отъ зловреднаго вліянія семьи. Плохи особенно женщины, оттого, что онѣ боятся общественнаго мнѣнія, родителей, родственниковъ и не даютъ воли своимъ влеченіямъ; оттого, что склонны связывать себя обѣтами предъ лицомъ общества и церкви. Вотъ новая любовь—та свободна, по образцу и подобию животныхъ, съ правомъ перехода изъ рукъ въ руки. Дѣйствительное паденіе женщины—это бракъ: вотъ гдѣ потеря нравственной чистоты и силы. Женская грація, стыдливость, цѣломудріе—глупость и нелѣпость. Женщина должна употребить всѣ усилія, чтобы подойти къ полному самоосвобожденію, несмотря на строгости формальнаго закона, чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ. Сущность женской эманципации заключается въ освобожденіи отъ несносной эстетики, въ полномъ приравненіи женщинъ къ мужчинамъ. Экономическая независимость есть первое условіе независимости общественнаго положенія женщины. А какъ достигнуть экономической независимости, когда матеріальныя блага захвачены самодурами, родителями и мужьями? Очень просто, на основаніи дарвиновскаго закона борьбы за существованіе, потребовать, отнять, украсть, ограбить,—все что угодно. Сказано уже, что умнымъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ даже убивать и грабить».

«Такимъ образомъ, новымъ человѣкомъ должны упра-

влять только личныя выгоды и пріятныя ощущенія. Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни даже внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Онъ дѣлаетъ только то, что ему пріятно; а ему пріятно то, что ему хочется; слѣдовательно онъ дѣлаетъ только то, что ему хочется. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять себя въ чемъ бы то ни было. Онъ собственно никого не боится, никого не любить, и вслѣдствіе этого никого не щадить. Онъ эгоистъ до послѣдней степени. Сказать—эгоистъ—значить сказать—человѣкъ, потому что эгоистъ есть полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей. Эгоизмъ—главная добродѣтель, покоющаяся на удовлетвореніи естественныхъ потребностей».

«До какой степени новый человѣкъ эгоистъ, до той же степени онъ и дерзокъ. Сильный эгоизмомъ и дерзостію онъ долженъ быть борцомъ отрицанія. Долженъ предпринять коренное измѣненіе ложныхъ общественныхъ отношеній, стѣсняющихъ нашу дѣятельность, стать выше общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ. Долженъ проповѣдывать необходимость радикальнаго леченія, питать кровную вражду съ общественною неправдой, не бояться уголовной отвѣтственности, разрушать семейный деспотизмъ и все это множество общественныхъ предрасудковъ (религію, семью, собственность). Долженъ проповѣдывать новую доктрину и уничтожать эстетику; вербовать новобранцевъ, размножать мыслящихъ людей, развивать женщинъ въ извѣстномъ свободномъ направленіи, особенно же завоевывать школу. Когда взята школа, тогда побѣда уплочена. Начало слѣпаго авторитета въ воспитаніи должно быть радикально уничтожено. Стараніе удерживать ребенка въ тѣхъ понятіяхъ и правилахъ, которыми

держалось старое поколѣніе, вредно въ высшей степени. Старанія дѣйствовать на сердце ребенка, соблюдать его моральную чистоту, напрасны. Для ребенка все должно быть открыто и доступно. Естественное, правильное, здоровое развитіе всѣхъ силъ организма гораздо болѣе значить, чѣмъ всякія правоучительныя сентенціи. Кормить ребенка и удалять отъ него вредные предметы—вотъ вся задача воспитанія. Учить нужно какъ можно меньше и притомъ главное дѣло образованія состоитъ не въ знаніи, а въ развитіи. Чѣмъ меньше молодой человѣкъ будетъ знать, тѣмъ лучше, потому что онъ скорѣе сдѣлается послѣдовательнымъ реалистомъ».

«Намъ нужны дѣятели,—говорятъ эти учителя,—съ дѣтства охваченные одною идеей, сжившіеся съ ней, такъ что нужно доставить или торжество этой идеѣ или умереть. Нужны герои для борьбы съ врагами внутренними. Обязанность честнаго человѣка питать непримиримую ненависть къ существующему порядку, принимать рѣшительно—радикальныя воззрѣнія и переходить отъ нихъ уже прямо къ дѣятельности, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Ибо самое худое, что я могу потерпѣть, это смерть; но вѣдь я все равно умру же, стало быть, я ничѣмъ не рискую. День расплаты, день борьбы съ внутреннимъ врагомъ, во всякомъ случаѣ канунъ того дня, въ который дѣятели одолютъ внутренняго врага, не за горами. Пока же, въ ожиданіи этого вождедѣннаго дня, *надобно радоваться каждой новой смерти въ старомъ поколѣніи, надобно разить все отжившее*».

Какой мрачный смыслъ приобрѣтаютъ эти дикія рѣчи, изрыгнутыя въ началѣ 60-хъ годовъ, если припомнить, какъ народившаяся шайка шагъ за шагомъ переходила отъ безумныхъ ученій къ безумнымъ дѣйствіямъ. Истекшему

1881 году выпала злосчастная честь выставить все эти дикое, изступленное, кровожадное безуміе предъ цѣлымъ свѣтомъ, и прежде всего предъ нашими собственными очами, предъ потускнѣвшимъ сознаніемъ сыновъ нашего мятущагося отечества.

Всѣ изложенныя основоположенія этого ученія относятся къ отрицательной его сторонѣ. Гдѣ же положительная? Такой стороны совсѣмъ нѣтъ въ этой системѣ. По разрушеніи религіи, въ этой философіи получается атеизмъ, нравственности—безнравственность, цѣломудрія—распутство и гражданственности—одичаніе, по разрушеніи государственности—анархія и т. п. А всѣ эти и подобныя понятія, будучи сами по себѣ отрицательнаго свойства, суть ничто иное, какъ видовыя понятія одного родового, общаго всѣмъ имъ—разрушенія.

Не правда ли, ужасное ученіе, дикая философія? Но думаете ли вы, что намъ съ вами нѣтъ до нея никакого дѣла? Мы, конечно, вѣрные подданные нашего Царя и добрые сыны отечества. Разрушать государство мы не намѣрены. Стоимъ теперь въ церкви, значимся въ церковныхъ спискахъ и приступали къ таинствамъ. Значить, мы и христіане. Тѣмъ не менѣе не стелется ли означенная философія и между нами повальной заразою? Въ истекшемъ году она систематически, послѣдовательно, шагъ за шагомъ, привела къ предчувствуемому, къ предусмотрѣнному, къ предугазанному и почти открыто подготовленному царевубійству, покрывъ Россію позоромъ, потрясши всѣ сердца ужасомъ,—не знаю, многія-ль, конечно—весьма немногія сердца злорадствомъ. Чему же мы послѣ этого научились? Что за истекшій годъ поправили въ себѣ и около себя? Что обуздали и направили на правый путь?

Дарвинизмъ, со всѣми его нелѣпостями, съ случайнымъ

образованіемъ, на прим., глаза въ продолженіи билліоновъ билліоновъ вѣковъ, принимаемый только потому, что повидимому многое объясняетъ, совсѣмъ почти исключая Творца и все чудесное въ происхожденіи міра,—дарвинизмъ пересталъ ли быть основаніемъ не только высшаго университетскаго міросозерцанія, но міровоззрѣнія и всякаго школьника, читающаго свѣтскіе журналы и газеты? Перестали-ль всякіе умы извѣстнаго направленія, отъ высшихъ многосвѣдущихъ до самыхъ мелкихъ и дѣтскихъ, подрывать и просто отрицать христіанство не только въ его несокрушимой исторіи, но и прямо въ принципѣ безъ дальнѣйшихъ справокъ съ исторіей и психологіей? «Человѣкъ—животное, происходящее отъ обезьяны»,—какое же тутъ возможно христіанство? А если такъ, если наукою и общественнымъ сознаніемъ поддерживаются принципы матеріальной нигилистической философіи, то какъ же отрещиваться отъ прямыхъ ея выводовъ?

Очищаемая отверженіемъ историческаго православнаго христіанства душевная пустота въ обществѣ не восполняется ли измышленіемъ всяческихъ суевѣрій отъ разнообразнаго спиритизма до шаманщины и штудизма, до хлыстовщины и скопчества, до преклоненія высокихъ вліяній предъ ново-измышляемыми правами простецовъ, самозванно нарядившихся въ саккосы и митры? Для чего же бы не придумать подобныхъ же правъ для сектантскихъ духоборческихъ хлыстовскихъ христовъ и богородицъ, апостоловъ, пророковъ и разныхъ пророчицъ, для скопческихъ боговъ саваооовъ, живущихъ въ Тамбовѣ, разныхъ спасителей, бѣлыхъ голубей, святыхъ духовъ и другихъ чудищъ съ ихъ чудовищностями? Вѣдь логика новоизмышляемаго права вынуждаетъ и вынудитъ къ послѣдовательности. Отчего же бы не признать какого либо тамбовскаго простеца

богомъ саваооомъ, или хоть христомъ спасителемъ, какъ признаютъ тамбовскіе, донскіе, кавказскіе простецы, лукавые сектанты?

Не совѣтуютъ ли высшей власти лучшіе, повидимому, преданнѣйшіе вѣрѣ, отечеству и Царю, умы невозбранно дать Ренана въ русскомъ переводѣ въ руки всѣхъ деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обученныхъ грамотѣ, дать наряду съ Евангеліемъ или даже замѣнить его? Вѣдь объ этой замѣнѣ похлопочутъ не только ходаки въ народѣ, но и сельскіе учителя, да и другіе печальники просвѣщенія и вообще благъ нашего темнаго, по ихъ словамъ, «забитого» народа. Не разливается ли индифферентизмъ къ вѣрѣ въ наиболѣе вліятельныхъ кругахъ до всецѣлаго паденія тамъ всей христіанской дисциплины? Иконы изъ домовъ изгоняются; домашняя молитва упразднена; посты устранены; всенощныя богослуженія забыты, на канунахъ даже Рождества Христова, Новолѣтія непременно, Крещенія Господня, недѣли Ваій, Троицы, за исключеніемъ развѣ одной въ году всенощной Страстей Господнихъ, которая еще кое-къмъ посѣщается. Объ утренияхъ и говорить печего, за исключеніемъ одной пасхальной, да и та вездѣ и всегда представителями общества не достаивается до конца. Таковъ законъ моды, иначе нельзя... Не признакъ ли времени, что всѣ эти модныя немощи высшаго круга переходятъ заразою уже и въ купеческія сферы, даже въ крестьянскія? Вѣдь аристократизмъ теперь переходитъ въ купеческія семейства; а стыдно же баринѣ купчихѣ вставать на утреню, иначе засмѣютъ. Изглаждая въ этихъ старинныхъ русскихъ семьяхъ уваженіе къ народной старинѣ и преданность свято-отеческой вѣрѣ, барство переходитъ сюда своими недостатками, легкомысліемъ и вольнодумствомъ, а не блестящими качествами изящества, утонченности, мягкости

правовъ, исторически воспитаннаго благородства, гражданской доблести и уваженія къ государственной-народной чести. И выходитъ, что мы понижаемся въ обще-народномъ нравственномъ уровнѣ... Вѣдь не довко же и крестьянамъ-земцамъ не поѣдать скромные обѣды въ Филипповъ постъ съ земцами дворянами: «что за предрассудки? Да и не готовится постное въ гостинницахъ»... А тамъ даѣе и будущихъ учителей народныхъ воспитываютъ на круглогодномъ мясоистіи, безъ физической нужды искажая простые желудки, воспитанные на здоровой простотѣ, на хлѣбѣ и водѣ, а съ огромнымъ вредомъ для народныхъ нравовъ, колебля вѣками установившійся укладъ народной жизни на столбахъ православнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Полезно ли, что дѣти крестьянъ, вчера взятые отъ сохи, завтрашніе народные учителя по селамъ и деревнямъ, приучаются не только къ повальному отверженію постовъ, но къ устраненію и всего христіанскаго жизненнаго обихода, проводя и въ народъ идеи, что лучше, т. е. нравственнѣе бытъ всегда сытымъ, чѣмъ сегодня голодать отъ пощенія, а завтра предаваться всяческому пресыщенію; что въ праздникъ лучше молотить въ лаптяхъ, чѣмъ въ чистомъ плати поутру идти въ церковь, а за тѣмъ на весь день въ кабакъ, ставя то и другое чуть не рядомъ по малополезности для народнаго благосостоянія? Чѣмъ подложены разсужденія солиднѣйшихъ и по всѣмъ признакамъ благонамѣреннѣйшихъ людей, которые, съ видомъ высокаго благоразумія, толкуютъ, что распространители подобныхъ идей среди чернаго народа, среди его дѣтей, неблагоразумно спѣшатъ, хватаясь прямо за *развитіе* народа, позабывая, что нашъ народъ искони привыкъ къ славянщинѣ, воспитался на четь-минехъ и т. п., почему-де весьма полезно первоначально поучить его на славянскихъ учебникахъ, вообще на церков-

номъ, а за тѣмъ уже браться и за его развитіе? При чемъ развитіе, сознательно или безсознательно, съ чужаго голоса, противопоставляется христіанству, какъ одно съ другимъ вещи несомѣстимыя. Да, гадаемое развитіе народа дѣйствительно противоположно христіанству, направляясь и направляя къ исключенію сего послѣдняго, хотя христіанство въ свою очередь и совмѣстно съ самымъ высокимъ, даже безконечнымъ развитіемъ, но только въ духѣ Христовомъ. То признано, что христіанство послужило благотворною закваскою развитія всего христіанскаго человѣчества, хотя это развитіе въ послѣднее время направляется и въ анти-христіанскомъ духѣ. А къ чему это послѣднее, анти-христіанское развитіе приведетъ, это вопросъ. Къ повтореніямъ ужасовъ, къ нескончаемымъ взрывамъ и губительствамъ?

Не обольщаетъ ли себя правящая власть, не обольщаютъ ли себя руководители народнаго просвѣщенія и всѣ свѣтскіе вожди народнаго смысла, когда хлопочутъ все о религіозно-нравственномъ развитіи именно и только народа, махнувъ рукою на самихъ себя, какъ на людей отпѣтыхъ, если не по нравственной, то по религіозной части? Съ самихъ себя начать бы... Вѣдь они же считаютъ себя главами общества, и это не метафора, а дѣйствительность. Такъ какъ же вы хотите, чтобъ ноги не блуждали, когда голова заблуждается? Вѣдь нервы стоянія и правильнаго движенія ногъ и всѣхъ конечностей пригнѣплены къ головному мозгу: нездоровы мозги и нервы, не станутъ и ноги ни ходить прямо, ни держать крѣпко. Не обольщаетъ ли себя, не страненъ ли, даже не забавенъ ли вождь народнаго смысла, — предположимъ такого, — когда съ учителемъ вѣры о религіозномъ образованіи народа разсуждаетъ чуть не съ пламенемъ очей, а самъ никогда не посѣщаетъ храма Господня, даже въ такіе дни, когда это требуется по за-

кону гражданскому, когда опекаемые имъ относительно образованія въ духѣ вѣры дѣти, да и отцы, да и всѣ глядятъ во всѣ очи, а былъ ли онъ самъ въ церкви?

Геніямъ принадлежитъ даръ выразить ясно и назвать отчетливо по имени идею, созрѣвшую въ обще-народномъ или въ обще-человѣческомъ сознаніи. Величайшій государственный человѣкъ нашего времени, онъ же и мыслитель недюжинный, назвалъ всѣхъ окружающихъ престолъ германскаго императора, т. е. всѣхъ образованныхъ нѣмцевъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, со включеніемъ въ число этихъ немногихъ и себя самого, назвалъ просто язычниками, отрекшимися отъ христіанства. А русскія обезьяны, изстари отъ дѣдовъ и прадѣдовъ обезьяны, и обрадовались и подхватили вѣское геніальное слово, не смотря на трагическій и постыдный его смыслъ, и спѣшатъ приложить его — къ кому же? Къ себѣ самимъ! Теперь вотъ у русскихъ интеллигентныхъ людей вошло въ моду съ лицемѣрною печалью, а въ сущности въ духѣ гордыни и презорства къ свято-отеческой вѣрѣ, клеймить себя прозвищемъ язычниковъ. Такъ во дни оны отцы ихъ втайнѣ тщеславились прозвищемъ вольтеріанцевъ, хотя и опасались однакоже открыто записаться въ вольтеріанцы, такъ какъ тогда это была довольно серьезная опасность. А теперь сыны ихъ, никого уже и ничего не опасаясь, тщеславятся и сами себя величаютъ прозвищемъ язычниковъ и полуязычниковъ. И пусть ихъ язычники обзываютъ себя такъ; имъ по дѣломъ, къ нимъ и пристало. Но полу-язычникомъ въ самомъ русскомъ изъ журналовъ обзываетъ себя писатель, который дѣлаетъ себѣ репутацію учителя всяческой мудрости, всякихъ наукъ, человѣческихъ и божескихъ, который прямо и отважно, хотя и самозванно, выступаетъ въ видѣ даже учителя церкви, тяжкими укорами наставляя церковную

іерархію, какъ она должна учить вѣрѣ народъ, конечно не его самого полу-язычника. Онъ полу-язычникъ, — этимъ сказано многое, сказано то во первыхъ, что онъ у насъ учиться ничему не желаетъ; да и нечему отъ насъ ему поучиться, когда онъ самъ учитъ, обличаетъ, тяжело въ самыхъ хульныхъ выраженіяхъ обвиняетъ всю учительную церковь. Да и спрашивается, кто изъ людей, мыслящихъ себя интеллигентными на Руси, желаетъ учиться у насъ, желаетъ послушать и послушаться у насъ? Всѣ свѣтскіе писатели, даже лучшіе консервативнѣйшіе русскіе мыслители, только насъ школятъ, какъ невѣждъ въ нашемъ собственномъ дѣлѣ церковно-общественнаго учительства, и хотятъ все, чтобы мы, поучаясь у нихъ, учили собственно народъ, но ихъ самихъ ни подъ какимъ видомъ.

Какъ же вы хотите, чтобы мы учили народъ вѣрѣ, чтобы мы удерживали народъ въ завѣтахъ отцовъ, когда такъ многіе изъ васъ совершенно охладѣли къ обязательности этихъ завѣтовъ для васъ самихъ? Когда такъ многіе изъ васъ и словомъ и дѣломъ, примѣромъ и даже поощреніемъ, вѣдряютъ въ народъ то, что пока еще великодушно предоставляютъ намъ искоренять? Когда такъ многіе не только допускаютъ, но и поощряютъ, не только прикрываютъ апатією и молчаніемъ, но и восхваляютъ пропаганду всяческихъ отпаденій отъ свято-отеческой православной вѣры, которая создала и воодушевила, которая объединяетъ и скрѣпляетъ въ единствѣ русское государство? Когда въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ царитъ даже не глухое, не тайное, а совершенно открытое, громко выражаемое недоброжелательство и ни тѣни сыновняго благопокорнаго усердія къ отечественной русской церкви, которая такъ пригодна была государству во всѣ годыны искушеній отъ татарскаго погрома и до отечественной и до послѣднихъ восточныхъ войнъ?

Когда въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, отнявъ у церкви учащей право за правомъ, стѣснивъ ее въ средствахъ и движеніяхъ, въ дѣлѣ и даже словѣ, общество оставляетъ ее, учащую церковь, почти совершенно безпомощною въ дѣлѣ даже охраненія вѣры, прилагая къ правонарушеніямъ въ этой важнѣйшей для жизни общества, внутреннѣйшей, духовнѣйшей области, заурядное, шаблонное и на Руси въ данномъ случаѣ пока еще противозаконное правосудіе, по мѣрѣ извѣстнаго училища новѣйшей юриспруденціи, съ чуждаго намъ голоса и образца, а не съ голоса нашей отечественной родной намъ исторіи? Когда церковь стѣснена въ правѣ на дѣлѣ, и не видитъ пользы, даже не видитъ возможности прибѣгать и къ послѣдному исконному средству высшаго церковнаго суда—къ отлученію въ данныхъ частныхъ обстоятельствахъ? Да и къ чему? Общество само себя поваломъ отлучаетъ отъ церкви, одни оставляя таинства, обряды и всю дисциплину церковную, другіе устраняя себя отъ таинствъ и хожденія въ церковь, а третьи и прямо отпадая отъ церкви? Въ тоже время общество, мало, апатично, вопреки собственному убѣжденію помогая намъ въ нашемъ дѣлѣ, очень пылко и огульно кидаетъ намъ въ лицо язвительные укоры, что голосъ нашъ потерялъ вліяніе, что мы умѣемъ удерживать народъ въ оградѣ церкви не силою убѣжденія, а только постоянными доуками полиціи. Въ старые годы на Руси не такъ было. Не полиція поддерживала духъ церковный, а духъ обще-народный не выносилъ явной антицерковности. Нѣвъ же вымираетъ старо-давній духъ вѣрности свято-отеческимъ преданіямъ; оттого и законы, ограждающіе этотъ духъ, теряютъ силу, и вѣра надежду на свое преисъяніе. Еще 50 лѣтъ тому назадъ кто бы посмѣлъ отпасть примѣрно въ католичество?! Изъ высшихъ аристократическихъ фамилій двѣ три личности попробовали было, да

и сгнили въ предѣловъ отечества. А теперь кому какое дѣло, кто какой вѣры? Ступай, коли нравится, въ пашковцы, хочешь—въ жидовство, въ нигилисты всего проще.

Ясно ли, куда мы идемъ, даже къ чему пришли уже? Къ философіи Чернышевскаго — Писарева въ теоріи, и къ осуществленію выводовъ Добролюбова на практикѣ. И пока дѣло заключалось только въ дикой болтовнѣ слѣпыхъ вождей слѣпой, хотя и мнящейся зрячею, толпы, она то и знала, что забавлялась. А какъ свергнули молніи грома ужасныхъ дѣлъ, всѣ сперва испугались, а затѣмъ махаютъ рукой: будь, что будетъ, только бы мимо насъ, послѣ насъ хоть потопъ. Поворотить назадъ всѣ оказываются безсильны; даже толкаютъ другъ друга идти впередъ по склону исторіи, по склону дѣлающихъ исторію у насъ, хотя и въ бездну погибели.

Думаю-ль я самъ, что мы можемъ поворотить исторію назадъ? Помоги Боже. *У Бога вся возможна суть...* Но полагаю, что мы можемъ остановить, по крайней мѣрѣ, задержать роковой бѣгъ исторіи, поудержаться, осмотрѣться. И это было бы большое благо для отечества. Тяжесть, спускаемая съ горы осмотрительно и сдержанно, можетъ двинуться своею дорогою и дальше представленнымъ порядкомъ. Но мы несемся въ бездну съ одурающею быстротою. По ветхо и ново-завѣтнымъ пророчествамъ рѣка временъ подмываетъ берегъ, на которомъ до сего дня стоитъ величественный, чрезвычайно прочный и архитектурно-художественный, божественно-прекрасный храмъ христіанства, въ которомъ до нынѣ славится имя Бога истиннаго, Бога высочайшаго, не ту скалу, она не сокрушима, на которой зиждется вселенская Христова церковь, но тѣ устои, на которыхъ Христова церковь держалась у насъ, въ нашемъ народѣ, и которые повидимому разшатываются и подгниваютъ.

Многіе ли изъ насъ со страхомъ присматриваются къ тому, не двигается ли свѣтильникъ Христовъ съ мѣста своего, отъ насъ вдаль куда либо въ иныя мѣста, примѣрно въ Японію?

И главный нашъ недугъ, источникъ быстро и погубительно распространяющейся гнили обще-народнаго разложенія, заключается въ томъ, что мы забыли, нѣтъ, мы не забыли, въ послѣднее время вовсе не знали, потому что затыкали уши и слыша не слышимъ, не взвѣшиваемъ, не цѣнимъ, не прилагаемъ къ дѣлу урокъ намъ, возглаголемый въ каждое новолѣтіе отъ лица апостола Павла: *братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщать философією и тщетною лестию, по преданію человеческому, по стихіямъ міра, а не по Христу. Аминь.*

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю блуднаго сына, въ день поминовенія усопшаго раба Божія, Ѳеодора Достоевскаго знаменитаго писателя.

*Радость бываетъ на небеси
о единномъ грѣшникѣ кающемся.*

Нынѣшній день, называемый недѣлею блуднаго сына, посвященъ воспоминанію притчи Христа Спасителя о блудномъ сынѣ. Блудный сынъ значитъ собственно-распутный сынъ,—сынъ, который ушелъ изъ подъ крова Отца небснаго, на страну далече отъ неба, и блуждаетъ по распутіямъ міра.

Эта притча о блудномъ сынѣ такъ художественно-изящна въ своей божественной простотѣ, такъ возвышенно утонченна въ каждой своей чертѣ, что ее нужно читать и перечитывать только въ ея подлинномъ видѣ по евангелію; а переиначивать ее своими словами значило бы только искажать и унижать ее. Пересказывать ее не станемъ. Вы слышали ее сегодня по евангелію. Запомнить ее во всѣхъ оттѣнкахъ не трудно,—такъ она человѣчна и обще-человѣчна.

Она имѣетъ міровое значеніе, начинаясь и постоянно повторяясь на землѣ, отъ начала бытія, продолжаясь и оканчиваясь на небѣ и имѣя завершиться тамъ же на небѣ только съ концомъ сего привременнаго земнаго бытія.

Не станемъ распространяться о томъ, что осуществленіе этой притчи началось еще въ раю. Еще тамъ младшій въ порядкѣ мірозданія сынъ Отца небеснаго, первозданный человекъ захотѣлъ взять у Бога не только слѣдующую ему часть отцовскаго имѣнія, но и больше того, взять все, стать сразу богомъ, воспользоваться своимъ правомъ знать все, не только добро, но и зло. Захотѣлъ и взялъ самовольно, впрочемъ по предопредѣленію и поущенію Божію, и ушелъ на страну далече, гдѣ и подпалъ жестокой власти единаго отъ жителей, хозяевъ той грѣховныя страны, сирѣчь діавола, и сталъ чуждъ своимъ старшимъ братьямъ, ангеламъ небеснымъ, которые съ тѣхъ поръ, стоя предъ престоломъ правды Божіей, неумолкаемо и повторяютъ одно: *Господи, не доброе ли сѣмя съялъ Ты на нивѣ твоей? Откуда убо имать плевелы?... Хочешь ли убо, да шедше исплывемъ я, выполемъ, выберемъ ихъ?* На что любовь Божія, воссѣдая на престолѣ божественной мудрости вмѣстѣ съ правдою, держитъ къ небеснымъ ангеламъ одинъ и тотъ-же божественный отвѣтъ: *ни, да не когда восторгаете плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставьте обою расти купно до жатвы, до послѣдняго страшнаго суда.*

Не станемъ распространяться и о томъ, что эта притча Христова продолжала осуществляться и въ исторіи отдѣленія рода израильскаго отъ остальнаго человѣческаго рода, отъ всего языческаго міра, — осуществляться въ развитіи и укорененіи между Израильтянами предубѣжденія, что они не только чада Авраама, но и единственныя чада Божіи, а всѣ прочіе люди чада гнѣва, отверженія и проклятія и, если живутъ на землѣ, то единственно съ цѣлію служить евреямъ; въ укорененіи между ними упорной увѣренности, что они имѣютъ великую заслугу предъ Богомъ, исполняя

заповѣди Его закона, особенно же предписанія обрядоваго закона Моисеева, тогда какъ между язычниками, во времени пришествія на землю Христа Сына Божія, укоренялось обратное вѣрованіе и чувство, что они грѣшны предъ небомъ и Отцомъ небеснымъ и недостойны нарещися Его чадами. Почему язычники стремительно и кинулись въ отверзтыя Его объятія, въ широко раскрытыя двери царствія Божія на землѣ и на небѣ, желая тамъ получить блаженную долю хотя наемниковъ, если и не почетную долю чадъ Божіихъ.

Не будемъ распространяться и о томъ, что эта притча, во очію современниковъ Господа Іисуса Христа, когда Онъ ходилъ по Іудеѣ, оправдывалась на отношеніяхъ фарисеевъ и книжниковъ іудейскихъ къ мытарямъ и грѣшникамъ, т. е. ко всѣмъ прочимъ жителямъ обѣтованной земли того времени, которыхъ книжники и фарисеи презирали какъ нечистыхъ, Богомъ отверженныхъ грѣшниковъ. Къ нимъ-то собственно, къ фарисеямъ и книжникамъ, и сказана была притча сія о блудномъ сынѣ, сказана по тому поводу, что приближались къ Господу всѣ мытари и грѣшники слушать Его; фарисеи же и книжники роптали, говоря: Онъ принимаетъ грѣшниковъ и ѣсть съ ними. Имѣть общеніе въ пищѣ съ нечистыми людьми у фарисеевъ считалось великимъ преступленіемъ. Но Онъ сказалъ имъ сперва слѣдующую притчу: кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяноста девяти въ пустынѣ и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А найдши возметъ ее на плеча свои съ радостію; и пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей, и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною, я нашелъ свою пропавшую овцу. Сказываю вамъ, что такъ на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяноста девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи. Или

какая женщина, имѣя десять драхмъ, если потеряетъ одну драхму, не зажжетъ свѣчи и не станетъ мести комнату и искать тщательно, пока не найдетъ? А нашедши созываетъ подругъ и сосѣдокъ и скажетъ: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму. Такъ, говорю вамъ, бываетъ радость у ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся. Еще сказалъ: у нѣкотораго человѣка было два сына... Это и есть притча о блудномъ сынѣ.

Скажемъ объ отношеніи этой притчи къ намъ самимъ, къ роду христіанскому, къ нашему времени.

Вы знаете; а если не знаете, не слышали, то узнайте; а если знали, да забыли, то вспомните, какіе обѣты давали вы при крещеніи. Вы клятвенно обѣщались предъ Богомъ и церковію отречься и отречься отъ сатаны, и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангеловъ его, и всего служенія его и ему, и всея гордыни, всея помпы его, всего обольстительнаго и надмевающаго въ жизни. А затѣмъ вы сочетались Христу, стали слугами и воинами Его, облеклись въ Него, погрузились въ смерть Его, чтобъ умерши для грѣха жить для Христа, стали сынами Божіими и наследниками царствія небеснаго. Что же, помнимъ ли мы свои обѣты крещенія, вѣрны ли имъ, исполняемъ ли ихъ? Въ родѣ христіанскомъ, среди инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, въ наше время мы видимъ уже чудовищное явленіе, что цѣлые десятки и сотни тысячъ дѣтей, рожденных родителями изъ христіанскаго народа, уже не крестятся, уже отказываются быть усыновленными Богу Отцу и Христу Его и содѣлаться причастниками Духа Святаго. Нѣтъ ли и у насъ на Руси того же? Нѣтъ только повидимому. Скажите, что случилось съ таинствомъ крещенія, какъ и съ другими христіанскими таинствами, у русскихъ еретиковъ и раскольниковъ, у скопцовъ, хлыстовъ, спасовцевъ, духоборцевъ, бѣ-

гуновъ, даже у молоканъ, у ново-появившихся штундистовъ и баптистовъ, у десятковъ разныхъ искалѣченныхъ отродьевъ безпоповства? Эти русскіе люди исказили, извратили свое крещеніе до неузнаваемости, до кощунства, до попражня и поруганія святыни. Появились между русскими людьми и еще оттѣнки, или, лучше сказать, мрачныя тѣни отрицанія христіанства, какъ божественнаго Христова свѣта: это десятки, сотни и, вѣроятно, уже тысячи семействъ, которые пока еще по неволѣ, по принужденной покорности закону, приносятъ дѣтей ко крещенію, но вовсе безъ намѣренія сдѣлать ихъ христіанами по духу, такъ какъ и сами чуждаются вѣры христіанской, отрицая христіанскую догму и исторію, отрицая дѣйственную силу Христовой церкви и благодати, отрицая самыя основы вѣры въ Бога и безсмертіе, въ божественную обязательность нравственнаго закона и въ послѣдній загробный судъ. Видите, что это блудные сыны, которые пошли не только на распутіа міра, но и прямо въ противную сторону отъ церкви и Христа, отъ Бога и неба,—распутные сыны, отъ которыхъ въ большинствѣ и возврата на правый путь ждать уже трудно. Такъ они мудры о себѣ и суемудры.

А прочіе, а большинство, а мы съ вами? Въ притчѣ блудный сынъ, желая поблуждать внѣ крова родительскаго по распутіямъ міра, обращается къ отцу, по крайней мѣрѣ, съ представленіемъ, если не съ просьбою: *отче! дай мнѣ слѣдующую часть имѣнія*. Видите, требуетъ, что ему слѣдуетъ; однакоже чувствуетъ свою связь съ отцемъ, свою даже зависимость отъ него: *отче! дай...* А мы? Мы беремъ естественные дары природы, особенно же дары благодати, не сознавая, или забывая свою зависимость отъ Бога, не сознавая своего родства со Христомъ, не сознавая своего долга безусловной признательности къ щедродателю

Промыслу, источнику всѣхъ даровъ естественныхъ, начиная съ жизни, какъ и даровъ благодати, начиная съ возрожденія. Посмотрите, многие-ль помнятъ, что жизнь есть даръ Божій? Что природная душевная благонастроенность, что умственная даровитость есть даръ Божій? Что счастье родиться отъ христіанскихъ родителей также высокій даръ Божій? Посмотрите на массу темнаго русскаго люда: онъ во многихъ и многихъ личностяхъ смутно знаетъ вѣру во Христа, смутно знаетъ самаго Христа и Его исторію, смутно различаетъ Его лицо и ликъ; смутно сознаетъ даже то, что онъ, русскій человѣкъ, самъ принадлежитъ къ христіанству, что онъ христіанинъ и вѣруетъ во Христа. А что же онъ знаетъ о благодатныхъ дарахъ, которые получилъ и получаетъ въ крещеніи, миропомазаніи и другихъ таинствахъ? Что онъ знаетъ объ обѣтахъ крещенія, объ обязательномъ долгѣ отречься отъ сатаны и дѣлъ его не только на словахъ, которыя безсознательно произнесены при крещеніи его восприемниками, но и на дѣлѣ въ жизни? Что онъ знаетъ о долгѣ и обѣтѣ жить достойно имени сына Божія, наслѣдника Христова? Вѣдь всѣ мы чада Божіи. Но одни изъ насъ этого не слышали, не знаютъ, какъ и никогда не знали. А другіе слышали, да забыли. А всѣ забываемъ это въ жизни и дѣятельности. Беремъ у Бога разнообразныя дары Его, какъ чада Его естественныя и благодатныя: беремъ безъ сознанія, безъ признательности, безъ мысли объ источникѣ этихъ даровъ, безъ прочной памяти о постоянной зависимости отъ Промысла Божія. А затѣмъ и удаляемся отъ Бога, живемъ въ забвеніи Бога, а если и вспоминаемъ Его изрѣдка, то только на словахъ, еще рѣже въ воздыханіяхъ и въ молитвѣ. Живемъ же такъ, какъ будто и нѣтъ Бога надъ нами, уходимъ отъ Него на страну далече, влечемся всякими житейскими вѣт-

рами, а не Духомъ Божіимъ водимся.

А на странѣ далече, въ удаленіи отъ Бога расточаемъ дары Божіи, живя распутно, распутно въ разнообразныхъ отношеніяхъ. Блуждаемъ умственно, одни, что пообразованнѣе, не имѣя твердыхъ устойчивыхъ христіанскихъ убѣжденій; а другіе, вся темная масса, не имѣя почти никакихъ христіанскихъ понятій. Блуждаемъ и нравственно, колеблясь въ нравственныхъ началахъ, даже не вѣдая во все закона Божія, погружаясь въ грѣхи разнаго рода, даже забывая считать большую часть нашихъ немощей грѣховными, даже извиняя въ себѣ и тяжкія грѣхонаденія, какъ естественныя и невольныя, неизбѣжныя и общія людямъ. А въ этомъ и жизнь уходитъ. И выходитъ, что преспѣвая возрастомъ, мы не усовершенсѣемся, а скорѣе падаемъ нравственно; выходитъ, что подъ конецъ нашего вѣка, а иногда и съ раннихъ лѣтъ въ насъ добрыя мысли мало по малу одна за другою потухаютъ; живыя теплыя чувства остываютъ и замерзаютъ; въ душѣ съ годами все духовное гложетъ. А дурныя навыки отвердѣваютъ. Страсти, перерождаясь одна въ другую, легкомысліе въ сластолюбіе, сладоглаголеніе въ корыстолюбіе, корыстолюбіе въ жестокость, самолюбіе въ честолюбіе, въ безпощадность къ другимъ, а всѣ вмѣстѣ, неудовлетворенныя, или же слишкомъ удовлетворенныя, переходя въ разочарованіе жизни, въ скуку и тоску, въ уныніе и меланхолію, или же въ крайнюю боязнь за жизнь и оставшіяся за нами ея блага, или же въ апатію и ненависть къ жизни и всему живому, овладѣвая нами окончательно, подавляя въ насъ все духовное, благородное, возвышенное, страсти творятъ насъ своими закабаленными рабами, рабами сатаны тайными полубезсознательно для насъ всегда, а иногда и явными исполнителями чужой роковой воли, воли сатаны, который

и посылаетъ насъ пасти свинія, творить гнусѣйшія или безпощадныя дѣла; а пася свиней, алкать и свиннаго корма, и алкать голодомъ неутолимымъ, томиться жаждою ненасытною, мучительнѣйшею жаждою извѣстнаго языческаго страдальца, горѣть до гроба огнемъ ненасытной страсти, или даже многихъ, становиться гнойнымъ пристанищемъ цѣлаго легіона бѣсовъ; которые разжигаютъ въ забабаленномъ ими сердцѣ свой тартаръ, неразлучный съ ними огонь ада... Не явенъ ли давящій перстъ сатаны, карающій перстъ Божій на блудномъ сынѣ, старомъ или вообще изможденномъ сластолюбцѣ, который пылаетъ еще порывами, распаляя себя воспоминаніями, но изжилъ уже свои силы? Не явенъ ли губящій перстъ сатаны, карающій перстъ Божій на блудномъ сынѣ, жалкомъ, отталкиваемомъ честолюбцѣ, который, не имѣя ни достоинствъ, ни дарованій, ни наконецъ счастья глупцовъ, ползаетъ, пресмыкается, терпитъ, когда въ него плюютъ и затѣмъ на немъ же растираютъ, вмѣстѣ и съ нимъ самимъ? Или на блудномъ сынѣ корыстолюбцѣ, который, имѣя сундуки, набитые хоть не золотомъ, да все же большими цѣнностями, моритъ себя голодомъ, или даже протягиваетъ на улицахъ руку за подаеніемъ? Не пасутъ ли такіе жалкіе рабы страстей, не хотятъ ли свиней у господина своего сатаны? Не мучатся ли ненасытною алчностью къ тѣмъ рожцамъ, которыми питаются сіи духовныя свиніи? Не томятся ли жадностію къ той грязи, въ какой они валяются? А встрѣтятъ и тутъ неудачу, въ прибавокъ ко всѣмъ неудачамъ неудавшейся по нашимъ расчетамъ жизни, тогда что же? Можно учинить съ нею и простой расчетъ, каковы теперь очень часто и учиняются, для чего способовъ у сатаны и рабовъ его очень довольно, даже очень много безъ числа, способовъ самоубійства... Говорить ли о тѣхъ заблудшихъ сынахъ,

нѣкогда бывшихъ Божиими, ставшихъ явными чадами сатаны, которые находятъ для себя счастье въ мучительствѣ и истязаніи ближнихъ, которые не только посягаютъ на убійство, но и испытываютъ даже наслажденіе въ пролитіи чужой невинной крови? Бывали, бываютъ и такіе.

Блаженъ, кто въ тяжкую нравственную минуту придетъ въ себя и опомнится, а опомнившись размыслить и скажетъ съ блуднымъ сыномъ: сколько наемниковъ у Отца моего избыточествуетъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода? Блаженъ, кто размыслить и вспомнить, сколько на свѣтѣ есть добрыхъ, честныхъ и богобоязненныхъ людей, которые всѣ лучше его по своему нравственному состоянію,—кто вспомнить, что онъ сынъ своихъ отцовъ, потомокъ благочестивыхъ, вѣрныхъ Богу и Христу Его предковъ, и пришедши въ себя скажетъ: сколько у Бога, Отца нашего небеснаго, и чадъ Божіихъ и наемниковъ, слугъ Его, которые избыточествуютъ дарами Его, а я вотъ голодомъ гибну. Бываетъ, что человѣкъ почувствуетъ муку и отъ духовнаго голода. Но большею частію пекущемуся о нашемъ обращеніи и спасеніи Промыслу нужно бываетъ вызывать этотъ голодъ какимъ либо недостаткомъ вещественнымъ, неудовлетворенною нуждою житейскою, болью тѣлесною или и душевною, но причиняемою отъятіемъ благъ мірскихъ. Есть въ Священномъ Писаніи изреченіе: *наченіе духомъ плотию скончавае.* Въ благополучіи почти всегда такъ и бываетъ, что человѣкъ, начавъ духовнымъ, возвышенными помыслами, благими наміреніями и желаніями, мало по малу забывается, опутывается житейскими утѣхами или попеченіями, дебелиетъ духомъ и становится всецѣло плотью. А чтобы пробудить въ немъ духъ, нужно начать обратно съ плоти: нужно наслать на человѣка бѣду, тяжкую потерю, мучительную болѣзнь, неудачу за неудачею, бѣдствен-

ный упадокъ силъ, болѣзненную, непочетную, необезпеченную старость. И вотъ тутъ-то, если человѣкъ былъ хоть блудный, но непогибельный сынъ, изможденіе плоти у него нерѣдко сопровождается возрожденіемъ духа, обращеніемъ его къ небу, покаянными воплями его къ Отцу небесному: *Отче! сохрани насъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарецися сыномъ твоимъ. Прими же меня въ число хотя наемниковъ твоихъ, въ число хотя послѣднихъ рабовъ твоихъ.* Въ жизни мы нерѣдко встаемъ и идемъ къ Отцу небесному съ воплями покаянія, съ благими намѣреніями исправиться. А затѣмъ потянуло насъ инымъ вѣтромъ, легкимъ вѣтромъ здоровья, благополучія, минувшей бѣды, пронесшейся надъ нами тучи горя, и мы снова присядемъ отдохнуть, раздумаемся, разсѣмся, а затѣмъ и снова пустимся на страну далече блуждать, бродить по разнымъ распутіямъ грѣха. Счастливы мы, если хотя кончины христіанскія у Господа просимъ; если хотя въ минуту смерти застонемъ рѣшительный вопль покаявшагося блуднаго сына: *Отче! прими, Отче, не отвергни,*—воплемъ покаявшагося среди крестной муки разбойника: *помяни мя, Господи,* недостойнаго, отчаяннаго, погибающаго. Если хотя въ минуту смерти будемъ сильны, будемъ имѣть благодатное вспоможеніе испустить покаянный вопль, то и этотъ послѣдній вопль можетъ тронуть отеческую любовь Отца небеснаго... Но... не должно обольщаться такимъ расчетомъ, такою невѣрною надеждою. Сколько смертей неожиданныхъ! Сколько смертей, когда люди себя обольщаютъ забвѣн о собственной смерти! Сколько смертей грубыхъ безъ покаянія! А бываютъ смерти и одеревенѣнія и ожесточенія и нераскаянности и даже невѣрія... Конечно, надежда на Бога не посрамитъ, молитва за Богомъ не пропадаетъ. Среди волнующагося моря житейскаго, среди гроз-

ной пучины безвѣрія, маловѣрія, тупаго невѣжества въ вѣрѣ, среди вздымающейся волны страстей и грѣхопадений, среди бури борьбы съ искушеніями, нравственнаго малодушія, унынія и даже отчаянія, любовь Отца небеснаго—это маякъ и свѣточъ, это скала и тихая пристань для обуреваемыхъ, для погибающихъ. Воззови, блудный сынъ, воззови погибающій: *Отче! сохрани насъ на небо и предъ Тобою и погибаю...* И небесный Отецъ сжалится и протянетъ руку спасенія, и *нападъ на выю* облобызаетъ погибельнаго, но милаго и дорогаго для отеческой любви сына... Въ этомъ сущность надежды на спасеніе всего христіанскаго міра. Посмотрите, всѣ грѣшны и тонемъ въ пучинѣ страстей среди житейскаго моря, воздвигаемаго напастей бурей. Всѣ рабы грѣха и служители діавола болѣе или менѣе, скорѣе болѣе, чѣмъ мы думаемъ каждый о себѣ. Гдѣ надежда спасенія? Она въ любви Божіей, жаждущей нашего спасенія. Она въ той высокой небесной радости, каковую чувствуютъ небожители о единомъ грѣшницѣ кающемся. Конечно, надежда и въ покаяніи. Богъ спасаетъ насъ не безъ насъ

А кто между нами эти старшіе сыновья, которые не радуются возвращенію распутныхъ чадъ Божіихъ подъ кровъ отеческій? Мало ихъ между нами стало, подобныхъ евангельскому старшему сыну, подобныхъ съ одной, съ хорошей стороны. Кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ отъ лѣтъ дѣтства служить Богу и николиже не преступалъ заповѣдей Отца небеснаго? Гдѣ они, эти строгіе слуги Божіи, эти постоянные безупречные исполнители закона Божія? Конечно, есть гдѣ либо. Но мы ли? А мало ли такихъ братій нашихъ, которые сердятся на наши грѣхопадения; которые и отъ небеснаго Отца отвращаютъ лицо свое за то, что Онъ не отвращаетъ лица своего отъ насъ бѣдныхъ грѣшниковъ; которые, мысля себя если и не святыми и не пра-

ведными, то честными и порядочными людьми, во всякомъ случаѣ мнѣ себя лучше многихъ другихъ, отрицають правосудіе Божіе, даже Промыслъ Божій, видя себя будто обдѣленными Промысломъ предъ другими, по ихъ суду, недостойными; которые готовы чуть не всякому другому сказать въ глаза: сей сынъ общества, пожирающій общественное достояніе, злоупотребляющій своимъ положеніемъ и еще рассчитывающій на милость Божію, на благосклонность и почоть у добрыхъ людей?... Кто они, эти братья наши, наши немилостивые обличители, не радующіеся тому, что Господь пока терпитъ грѣхамъ нашимъ? Это они обличители, это злоязычники, которыхъ въ мірѣ было всегда много, которые сперва работали только языками, а теперь стали работать и перьями, и печатью, да и всякими способами. Образы, не любезные Богу, не симпатичные и большинству немощныхъ и грѣшныхъ, но смиренныхъ людей, какъ показываетъ притча Спасителя.

И вотъ какъ разъ сегодня, въ недѣлю блуднаго сына, приходится намъ помянуть молитвою о упокоеніи души достлюбезнѣйшую личность, полнѣйшій и ближайшій типъ — отраженіе евангельскаго блуднаго сына, — типъ, который прошелъ всѣ ступени его ниспаденія и возстанія, всѣ ступени до мысленнаго шатанія и нравственнаго блужданія, до отрицанія и преступленія, до самыхъ тяжкихъ жизненныхъ испытаній, даже до каторги; который затѣмъ сталъ не только достойнѣйшимъ и полезнѣйшимъ сыномъ отечества, но и обновленнымъ сыномъ Стца небеснаго; который трудился на самомъ трудномъ и высокомъ поприщѣ мысленнаго творчества и свой безпримѣрный, но психическому анализу, не только въ русской, но и въ европейской литературѣ, художественно — мыслительный геній употребилъ, — на что вы думаете? По моему мнѣнію, не на что иное,

какъ исключительно на глубоко — художественное, на поприщѣ поэтического творчества, разъясненіе притчи Спасителя о блудномъ сынѣ, на созданіе многихъ трогательнѣйшихъ образовъ блудныхъ сыновъ и дочерей изъ среды нашего русскаго современнаго общества. Я не прошу васъ, знающихъ въ Бозѣ почившаго Θεодора Достоевскаго, не прошу васъ, согласиться со мною, подтвердить мою мысль. Ее стоитъ только назвать, не правда ли? Имѣли мы Пушкина, который во многомъ былъ не христіанскій мыслитель и поэтъ, который воспѣвалъ только страсти и страсти, у котораго бывали только минутные проблески обращенія къ духовной природѣ человѣка и къ небу, да и то не называя Бога даже по имени; который умеръ однакоже христіаниномъ послѣ извѣстнаго предосудительнаго злоключенія. Имѣли Гоголя, который былъ реальнымъ изобразителемъ сколько высокой поэзіи человѣческаго, какъ только человѣческаго, а не христіанскаго сердца, столько же и величайшей его грязи, который обратился къ христіанству, когда уже пошатнулся душевными силами, что именитѣйшіе наши мыслители поставили ему въ тяжкій упрекъ. Да простить ихъ и помилуетъ Богъ и прославить за учиненное ими добро славою небесною больше той, какою прославилъ на землѣ. Имѣли, имѣемъ много живописцевъ, писателей, которые раскрашиваютъ только безпросвѣтный моральный мракъ, мнясь службу приносить симъ живописаньемъ русскому обществу, конечно — не Богу. И наконецъ имѣли, а теперь потеряли и Достоевскаго, который не стыдился употребить свой высокій даръ на служеніе идеалу добра, возникающему иногда изъ самой зловонной нравственной грязи; который не постыдился въ своей предсмертной исповѣди признать себя рабомъ Христовымъ, а Христа провозгласить свѣтомъ міра, и въ частности свѣтомъ Христолюбиваго нашего оте-

чества, просвѣщеніемъ во тмѣ невѣдѣнія сѣдящаго, въ тинѣ грѣховной валяющагося русскаго люда, который однакоже и изъ этой бездны умѣетъ вопіять къ Богу: *Господи, владыко живота моего, спаси и помилуй. Боже! Будь милостивъ мнѣ грѣшному. Отче! Согрешихъ на небо и предъ Тобою.*

Помолимся объ отшедшемъ къ Богу нашемъ достохвальномъ и приснопамятномъ учителѣ, который не умретъ для Россіи никогда, пока не умретъ въ ней русскій христіюбивый народный духъ, — о вѣрномъ рабѣ Христовомъ Теодорѣ Достоевскомъ. Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

на вечернѣ недѣли сыропустной (прощенаго воскресенья, 1878 г.).

Отче нашъ, иже еси на небесахъ. Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Постараемся ввести васъ въ смыслъ настоящаго дня, въ значеніе настоящей нашей печально-торжественной вечерней службы.

День сей въ рускомъ глубоко-осмысленномъ просторѣчїи называется прощенымъ днемъ, прощенымъ воскресеньемъ. Называется такъ потому, что въ этотъ день православные, благочестивые, почтительные къ свято-отеческимъ преданіямъ люди просятъ другъ у друга прощенія въ прегрѣшеніяхъ, содѣянныхъ за все прошлое время одними относительно другихъ. Торжественный обрядъ взаимнаго прощенія совершается нынѣ за вечернимъ богослуженіемъ. Но предваряется онъ чтеніемъ за литургією апостола и евангелія и всѣмъ содержаніемъ утренняго богослуженія настоящаго прощенаго воскресенья.

Во всѣхъ этихъ богослуженіяхъ, и всенощнаго бдѣнія, и литургіи, и настоящей вечерни, проводится слѣдующая связная мысль. Всѣмъ недѣлямъ и частіе воскреснымъ

днямъ, начиная отъ недѣли Закхей мытаря и до недѣли всѣхъ святыхъ послѣ праздника Троицы, усвояются церковно нарочитыя чтенія изъ евангелія и особыя священныя воспоминанія. Въ ряду прочихъ недѣль, сему прощеному воскресенью усвояются воспоминаніе паденія Адамова.

Зачѣмъ же сему предпостному дню усвоенно воспоминаніе именно паденія Адамова? Въ дневномъ синаксарѣ это объясняется такъ: «въ сей день творимъ воспоминаніе испаденія первозданнаго Адама отъ райскія пищи, еже божественніи святіи отцы наши вчинили прежде святыхъ четырехдесятницы, показуя тѣмъ, елико постная лѣтца», т. е. лечение постомъ, «человѣческому естеству полезна; елико Адамъ злопострада отъ того, что не постился. Не сохранилъ онъ первое доброе человѣкамъ Божіе заповѣданіе о постѣ, но покорившись чреву, паче же прелестнику змію чрезъ Еву, не только не сталъ богомъ, но и смерть привлекъ и пагубу всему своему роду причинилъ. Преступивъ Божію заповѣдь, Адамъ и смертною облекся плотію, и навлекши на себя клятву былъ изгнанъ изъ рая, и пламенному оружію повелѣно хранить райскія врата. Адамъ же, сѣдя прямо противъ рая, плакалъ и рыдалъ, коликихъ благъ лишился за то, что въ свое время не постился. А съ Адамомъ равная участь постигла и весь родъ отъ него происшедшій. Понеже убо мы столько пострадали за то, что Адамъ не постился, то и предлагается нынѣ его воспоминаніе во входѣ святыхъ четырехдесятницы, дабы мы, поминая елико зло введено несоблюденіемъ поста, потщились постъ радостно прияти и сохранить, дабы обоженіе, котораго Адамъ хотѣлъ достигнуть нарушеніемъ поста, но обманулся, получить намъ рыдая и постясь и смиряясь, дондеже насъ Богъ посѣтитъ. Буди же вѣдомо, что святая и великая четырехдесятница есть десятина всего лѣта. И такъ какъ отъ лѣтности мы не

хочемъ поститися и уклонитися отъ зла всегда, то святые Апостолы и божественные отцы предали намъ святую четырехдесятницу, какъ бы нѣкую жатву душамъ, дабы мы все, что безмѣстное во все лѣто содѣяли, нынѣ очистили, будучи сокрушаемы и смиряемы постомъ».

Смыслъ сего сказанія таковъ. Адамъ былъ чистъ и святъ, жилъ въ раю въ общеніи съ Богомъ. Ему дана была заповѣдь поста, поста двоякаго, духовнаго и тѣлеснаго, тѣлеснаго—не вкушать отъ древа познанія добра и зла, а духовнаго—восходить къ богопознанію постепенно, а не порывисто. Адамъ же не соблюлъ заповѣди поста, и вкусилъ отъ древа познанія добра и зла. Слѣдствіемъ этого было, что полного добра онъ не постигъ, а зло увѣдалъ и наслѣдовалъ клятву и смерть со всеѣмъ родомъ своимъ. Въ прародителѣ Адамѣ мы все согрѣшили и стали повинны грѣху, проклятію и смерти. Но не хотая смерти грѣшниковъ Богъ указываетъ намъ средства избыть отъ лукаваго. Какія-жъ это средства? Постъ и молитва. Сей лукавый родъ ничимъ же исходитъ изъ насъ, токмо постомъ и молитвою. А для успѣшности молитвы необходимое условіе всепрощеніе.

Перенесемъ далѣе къ тому, что внушаетъ намъ св. церковь нынѣ чтеннымъ на литургіи евангеліемъ. Это самое и внушаетъ намъ нынѣ чтеннымъ евангеліемъ, что необходимое условіе успѣшности нашей молитвы передъ Богомъ есть всепрощеніе; что если мы желаемъ, чтобы Господь простилъ намъ грѣхи наши, то должны сами прощать другихъ. Безъ этого не получимъ прощенія. *Сице (такъ) молитесь вы,—учитъ Христосъ Спаситель. Отче нашъ, иже еси на небесахъ, да святится имя твое, да прійдетъ царствіе твое... И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.* Это

читано въ евангеліи за литургіей вчера въ сырную субботу. А затѣмъ въ евангеліи отъ Матѳея сряду же присовокупляется то, что читано въ нынѣшнемъ евангеліи за литургією: ибо если вы сами отпускаете челоукомъ согрѣшенія ихъ, — продолжаетъ Христосъ Спаситель, — отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Если же вы не отпускаете челоукомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.

Туже мысль обязательности взаимнаго между вѣрующими всепрощенія внушаетъ намъ и нынѣшнее чтеніе изъ апостола, которое мы слышали за литургією. Братіе! Часъ уже намъ отъ сна возстати. Нынѣ близко къ намъ спасеніе. Ночь прошла, а день приблизился. Итакъ отложимъ дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта. Какъ днемъ будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни безчиннымъ пированіямъ и пѣнству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти. Естественнаго попеченія о плоти не превращайте въ похоти. Ядущій не укоряй не ядущаго, и не ядущій не осуждай ядущаго. Ты кто осуждающій чужаго раба? Предъ своимъ господиномъ стоитъ онъ или падаетъ. И будетъ возставленъ: ибо силенъ Богъ возставить его. А ты что осуждаешь брата твоего? Или ты что уничижаешь брата твоего? Всѣ мы предстанемъ судищу Христову и каждый отдастъ слово за себя. Тѣмъ же убо миръ возлюбимъ.

Такимъ образомъ во всемъ этомъ проводится единая мысль, преподается намъ единый урокъ обязательности, необходимости, благотворности взаимнаго прощенія и примиренія. Внимайте. Вотъ всѣ мы пали въ Адамъ и согрѣшаемъ сами по себѣ. Всѣ имѣемъ нужду въ милости Божіей и въ прощеніи грѣховъ нашихъ. Но Богъ проститъ намъ согрѣшенія наши только тогда, если и мы отпускаемъ дру-

гимъ людямъ прегрѣшенія ихъ противъ насъ. Если же мы не прощаемъ другихъ, то и насъ Богъ не проститъ. *Всѣ предстанемъ судищу Христову и каждый изъ насъ тамъ отдастъ отчетъ за себя. Посль этого ты кто осуждающій чужаго раба, раба Божія, такого же какъ и ты самъ? Царство Божіе есть правда и миръ и радость о Духъ святомъ. Тѣмъ же убо братіе миръ возлюбимъ. Если возможно, — что зависитъ отъ васъ, — со всѣми людьми миръ имѣйте. Бывайте другъ къ другу благи, милосерды, прощая другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ прощаетъ васъ. Гнѣвайтесь и не согрѣшайте: солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ.*

По этой заповѣди св. Апостола, чтобы солнце не заходило во гнѣвъ нашемъ, чтобы мы ни въ одинъ день не переждали заката солнечнаго, гнѣваясь на ближняго; чтобы ни однажды не отошли ко сну, не простившись со всѣми, кого оскорбили или кто насъ оскорбилъ, — по этой заповѣди Апостола установленъ церковію особый обрядъ ежедневнаго прощенія. Именно, когда оканчивается послѣдняя дневная церковная служба такъ называемаго повечерія, то при отпустѣ повечерія священнодѣйствующій предстоятель, сотворивъ по уставу поклонъ на землю, говоритъ братіи: *благословите, отцы святѣи, и простите ми грѣшному.* А братія по уставу отвѣтствуетъ ему: *Богъ проститъ ти, отче святыи.* И посемъ сподобляются всѣ прощенія отъ предстоятеля, подобія глаголюще: *благослови отче святыи, и прости мя грѣшнаго.* И отходимъ за симъ въ дома наши, а въ монастыряхъ въ келліи наши, глаголюще молитву сію, молитву прощенія всѣмъ и всему: *непавидящихъ и обидящихъ насъ прости, Господи челоуколюбче.*

Такъ взаимнымъ всепрощеніемъ повелѣно оканчивать каждый день. Такъ и совершается въ монастыряхъ общее

всепрощенье въ вечеръ каждаго дня. Въ сей же знаменательный вечеръ прощенаго воскресенья, въ преддверіи св. великаго поста, сей обрядъ взаимнаго всепрощенья совершается нарочито торжественно. Зачѣмъ это? Откуда этотъ обычай?

Примомнимъ слова синаксаря. Такъ какъ отъ лѣности мы не хотимъ поститься и устраниваться отъ зла всегда, то святые Апостолы и божественные отцы предали намъ святую сорокадесятницу, какъ бы нѣкую жатву душамъ, чтобы мы сокрушаемые и смиряемые постомъ очистили все, что за все лѣто содѣлали безмѣстнаго и сквернаго и грѣховнаго. Въ нынѣшній день наканунѣ св. сорокадесятницы древніе христіане, насельники монастырей, совершивъ вечернее богослуженіе, поклонившись всей монастырской святынѣ и соутѣшившись за общею вечернею трапезою, торжественно совершали обрядъ взаимнаго прощенья, и затѣмъ расходились по пустынѣ безмолствовать и поститься въ глубокомъ уединеніи, молиться и каяться и плакать о содѣянныхъ за все прошлое время грѣхахъ. Оттуда то и возникли старинные обычаи, до сихъ поръ еще честно соблюдаемые въ нѣкоторыхъ особенно благочестивыхъ старинныхъ градахъ и всяхъ святой Руси, наприм., въ Москвѣ и другихъ. Тамъ православные благочестивые люди, въ сей прощенный день, ходятъ по монастырямъ, по древнимъ соборамъ; кланяются святымъ мощамъ и всякой особо-чтимой святынѣ; заходятъ принять благословеніе къ архіереямъ, предстоятелямъ церквей, благочестивымъ инокамъ, посѣщаютъ дома сродниковъ и знаемыхъ, вездѣ у всѣхъ прося прощенья и благословенія. Въ знакъ взаимнаго мира, прощенья и соутѣшенія, рассылаютъ другъ другу особые хлѣбы, которые готовятъ именно на сей день, какъ особые куличи на св. пасху. А въ монастыряхъ, соборахъ, какъ и во всѣхъ церквахъ, со-

вершается сей торжественный обрядъ взаимнаго прощенья, который и мы нынѣ совершаемъ. Въ монастыряхъ онъ совершается не всегда и не вездѣ въ церкви, но послѣ вечерняго богослуженья совершается въ трапезѣ, послѣ прощальнаго трапезованія, по прочтеніи тамъ же въ трапезѣ малаго повечерія. При прощаніи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, соборахъ и церквахъ поются ирмосы покаяннаго канона: *помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе сей мой Богъ*,—поются, напоминая всѣмъ и каждому, что всѣ мы *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ* предъ Богомъ нашимъ, *ниже соблюдохомъ, ниже сотворихомъ, якоже заповѣдалъ есть намъ*. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по исконному обычаю, поется при обрядѣ прощенья Пасха, именно стихиры пасхи: *Да воскреснетъ Богъ... Пасха священная намъ днесь показася*; поется не безъ цѣли, напоминая намъ, да и въ сей день, какъ въ день воскресенья, *другъ друга обьемемъ, рцемъ—братіе и ненавиждающимъ насъ и простимъ все и всѣмъ* ради постившагося насъ ради, страдавшаго и воскресшаго Христа.

Истинно и глубоко жаль, что эти добрые старинные обычаи исчезаютъ; исчезаютъ до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ кругахъ не остается ихъ ни слѣда. Посмотрите, разсудите, взвѣсьте, что изъ всего этого, освященнаго древностію, проникнутаго чистѣйшимъ христіанскимъ духомъ учрежденія, осталось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и кругахъ? Ничего святаго и духовнаго, а одно только грѣховное и плотское... Минуютъ въ сей день и вечеръ храмъ Божій, въ него и не заглянуть, а соберутся въ храминахъ увеселеній; предаются тамъ пресыщенію всякаго рода, излишеству возбуждающихъ удовольствій и проч. и проч. Это значитъ, люди заговляются. Для чего, въ какихъ видахъ заговляются? Для того ли, чтобы поститься

и молиться на завтра и дальше, каяться и плакать о грѣхахъ? Ничего не бывало. Заговляются ради самого заговѣнья, чтобъ только сей святой христіанскій день и особенно ночь на св. сорокашницу провести по язычески, какъ можно шумнѣе и веселѣе, только, не болѣе. Я и говорю и повторяю, что отъ древняго обычая нашихъ христіанскихъ отцовъ осталось въ нѣкоторыхъ кругахъ одно только языческое. Подавленное языческими обычаями, самое слово—заговѣнье потеряло свой первобытный христіанскій смыслъ. Заговѣнье—это начало говѣнья; а къ нашему язычеству времени оно переродилось въ своемъ значеніи въ усиленное пресыщеніе всякаго рода. И вотъ послѣ проведенной по язычески ночи заговѣнья, тусклѣющія отъ бессонницы, утомленія и пресыщенія очи видятъ наконецъ мерцающее утро святаго великаго поста. Утомленные зацѣлюю ночь трескомъ музыки, пусторѣчія, нерѣдко злоречія, шума и топота уши оглашаются подъ утро заунывнымъ звономъ великопостнаго колокола, приглашающаго къ утренней покаянной молитвѣ... Что дѣлать дальше? Усталыя ноги тащутъ бременное отяжелѣвшее тѣло, а отупѣвшія чувства влекутъ изнемогшую отъ угнетающихъ впечатлѣній душу не на утреннюю покаянную молитву, о которой и не думалось, а въ объятія тяжелаго, не освѣжающаго, не ободряющаго, но еще болѣе удручающаго грѣшную душу сна... Самъ Спаситель предостерегаетъ: *Сынъ человѣскій, второе пришедши судить насъ, обратитъ ли въру въ Себя на земли?* Несомнѣнно, что въра тускнеть и тухнетъ, тухнетъ и въ убѣжденіяхъ и въ привязанности къ святоотеческимъ учрежденіямъ.

А говорить ли о томъ, какъ нужно поддержать святоотеческіе обычай сего знаменательнаго прощенаго дня, какъ они благотворны, какъ психически необходимы? Говорить

ли, что обязательность взаимнаго всепрощенія не есть только положительное христіанское установленіе, но и психическая необходимость, есть неутолимая потребность душъ? Какая самая закоренѣлая въ порокахъ душа не чувствовала, не чувствуетъ иногда ядовито-ѣдко нужды въ прощеніи, въ забвеніи, въ изглаженіи содѣянныхъ ею золъ и собственной порочности? Въ Апокалипсисѣ говорится: *и видѣлъ я Іоаннъ, когда спящій на престолѣ Ангелъ отверзъ шестую, предпоследнюю изъ семи печатей, и се бысть трусъ земли великій, и солнце померкло, какъ черная власяница, и луна стала какъ кровь, и звѣзды небесныя пали на землю, какъ смоковница, потрясаемая сильными вѣтрами, роняетъ незрѣлыя смоквы свои. И небо скрылось, свившись, какъ свитокъ; и всякая гора и островъ двинулись съ мѣстъ своихъ. И цари земные, и вельможи, и богатые, и сильные, и всякій рабъ и всякій свободный скрылись въ пещеры и въ ущелія горъ. И говорятъ горамъ и камнямъ: падите на насъ и сокройте насъ отъ лица Спящаго на престолѣ и отъ гнѣва Ангела. Ибо пришелъ великій день гнѣва Его и кто можетъ устоять?* Это будущее, это нѣчто такое, что трудно постигнуть и предсказать,—предсказать то, какъ это мы станемъ прятать свою грѣховность отъ очей неумытнаго вѣчнаго Судии, какъ завопимъ горамъ, чтобы они насъ скрыли, пусть хоть раздавятъ насъ собой и превратятъ въ пыль и прахъ... Это для насъ впереди. Но кто уже не чувствовалъ, многіе-ль не переживали сзади въ прошломъ вотъ чего? Мятущіеся помысли, тяжкія воспоминанія, ужасающія безотчетныя предощущенія, безнадежность въ себѣ и въ своихъ силахъ терзаютъ душу такъ, что снялъ бы черепъ съ плечъ и кинулъ бы его объ землю. А въ душѣ при этомъ раздается вопль: отцы и братія! Дайте мнѣ гробъ,

выройте могилу и засыпьте меня пескомъ забвенія. Простите мнѣ всѣ, простите мнѣ все и забудьте, что я жилъ на землѣ... Это естественный, но анти-христіанскій духъ унынія. А христіанскій духъ утѣшительной христіанской надежды подсказываетъ мнѣ, тоскующему духу: и положутъ тебя во гробъ и опустятъ въ могилу и засыплютъ пескомъ, только не забвенія, а прощенія, окутаютъ твою могилу пожеланіемъ вѣчной памяти и молитвою о упокоеніи. Всѣ все тебѣ въ могилѣ простятъ и разрѣшатъ и благословятъ тебя, какъ и ты прощаешь и благословляешь всѣхъ. И Богъ тебя проститъ и помянетъ и упокоитъ.

Братіе! Годъ грѣшной жизни у насъ сзади. Могилы на годъ къ каждому изъ насъ приблизились. Кинемъ же въ общую могилу грѣхи прошлаго года, который для насъ умеръ, и засыплемъ ихъ тамъ пескомъ забвенія и общаго другъ другу всепрощенія. Аминь.

С Л О В О

въ день православія и восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Православія день празднуема православніи людие.

Въ день православія обыкновенно совершается обрядъ православія.

Такъ называется это священнодѣйствіе на языкѣ церковномъ. Но въ просторѣчии у простаго народа оно называется больше проклятіемъ: «пойдемъ—говорятъ—на проклятіе». Въ такомъ названіи священнодѣйствія выражается мысль, будто въ этомъ обрядѣ въ этотъ день церковь кого-то проклинаетъ. Такъ думаютъ люди не только изъ простаго народа, но и высшаго образованнаго круга. Развѣ не думалось кому-либо изъ васъ, когда вы присутствовали при обрядѣ православія, не говорили вы другимъ, не слышали говора отъ другихъ: «проклятіе!... Въ наше время, въ нашъ XIX вѣкъ! И это дѣлается въ церкви, которая считаетъ себя православною, т. е. чистѣйшею христіанскою церковію! Какъ мало пониманія здѣсь духа Христова, духа евангельскаго, духа мира и любви и всепрощенія! Молиться нужно о людяхъ, которые по вашему заслуждаются, а не

проклинать!» И воображали себя эти мудрецы мудрецами, которые рѣшили вопросъ со всѣхъ сторонъ, съ человѣческой—философской и христіанской точки зрѣнія! И воровалось въ нихъ при этомъ непочетное для церкви Христовой чувство, что они дѣлаютъ великую честь церковному обряду своимъ присутствіемъ при его совершеніи, и что впередъ они поступятъ умнѣе, если не удостоятъ своего посѣщенія это мрачное по ихъ понятіямъ и тяжелое по ихъ ощущеніямъ торжество.

Намъ хотѣлось бы и Господа Бога просить о помощи объяснить желающимъ, а отъ васъ надѣемся благоизволѣнія послушать нашей рѣчи, что въ день православія, въ чинѣ православія, какъ и никогда ни въ какомъ случаѣ, церковь никого не проклинаетъ съ желаніемъ вѣчной гибели; что она только провозглашаетъ отлученіе тѣхъ, которые упорнымъ невѣріемъ въ истины, необходимыя для спасенія и хранимыя церковію, сами себя отлучаютъ отъ спасительнаго союза съ нею; провозглашаетъ отлученіе по необходимости въ видахъ благотворныхъ, молясь въ тоже время о своихъ отступникахъ, спасая вѣрныхъ чадъ своихъ отъ отступничества, ублажая подвижниковъ православія усопшихъ, благославляя поборниковъ и всѣхъ чадъ православія живыхъ; что для добрыхъ христіанскихъ сердецъ торжество православія должно быть не мрачнымъ анахронизмомъ, а именно торжествомъ православія, хотя торжествомъ болѣе умирительно-трогательнымъ, или даже печальнымъ, чѣмъ свѣтлорадостнымъ.

Говоримъ, что въ чинѣ православія въ день православія православная церковь никого не проклинаетъ, съ желаніемъ вѣчной гибели.

Вслушивались ли вы въ послѣдованіе православія? Читали-ль его когда-либо? Вслушайтесь, вчитайтесь, поищи-

те, внимательно поищите, найдете ли тамъ слово: проклинаю, проклятіе,—найдете ли вы хоть одну мысль о положительномъ проклятіи. Мы искали и не нашли. Нашли напротивъ то, чего и намъ и вамъ больше хочется отъ обряда православія: нашли молитвы церкви: «о еже соблюсти святую свою церковь невредиму и непреобориму отъ ересей и суевѣрій и миромъ своимъ оградити,—о еже утишити раздираніе ея и силою Святаго своего Духа обратити всѣхъ отступльшихъ (о комъ молитва? объ отступникахъ?) къ познанію истины и сопричести къ избранному своему стаду; не хотая смерти грѣшныхъ, но ожидая обращенія и покаянія, обрати всѣхъ отступльшихъ (о комъ молитва? о нихъ же?) къ святѣй своей церкви; устроивый міръ сей во славу твою, сотвори, да и противящіися твоему слову (о комъ молитва?) обратятся и вкупѣ со всѣми вѣрными истинною вѣрою и благочестіемъ Тебе Бога нашего прославятъ; давый заповѣдь твою намъ, еже любить Тебе Бога нашего и ближняго своего, сотвори, да ненависти, вражды, обиды, мздоимства, клятвопреступства и прочая беззаконія прекратятся, истинная же любовь да царствуетъ въ сердцахъ нашихъ; молимтиса, Спасителю нашъ, услыши и милостивно помилуй».—О комъ же тутъ церковь молить Бога? Главнымъ образомъ, о своихъ отступникахъ. О чемъ же между прочимъ молить? О томъ, да царствуетъ истинная любовь въ сердцахъ нашихъ.—Находимъ мы дальше въ послѣдованіи православія молитву: «прилежно Тя всеблагій Господа молимъ: призри на церковь твою и виждь: яко твое спасительное благовѣстіе, аще и радостно пріяхомъ, но терніе суеты и страстей творитъ оное въ нѣкіихъ малоплодно, въ нѣкіихъ же и безплодно; и по умноженію беззаконій ови ересми, ови расколомъ противяся евангельской твоей истинѣ, отступаютъ отъ достоянія тво-

его, отрѣваютъ твою благодать и подвергаютъ себе суду твоего пресвятаго слова. Премилосердый и всемогущий, не до конца гнѣвайся Господи! буди милостивъ, молишь Тя твоя церковь, представляя Тебѣ (ходатаемъ) начальника и совершителя спасенія нашего Иисуса Христа, буди милостивъ намъ, укрѣпи насъ въ правовѣрїи силою твоею, заблуждающимъ же просвѣти разумныя очи свѣтомъ твоимъ божественнымъ (о комъ молитва? о заблуждающихъ, по взгляду церкви, *отдѣльно отъ насъ*—отъ правовѣрныхъ), да уразумѣютъ твою истину, умягчи ихъ ожесточеніе и отверзи слухи, да познаютъ гласъ твой и обратятся къ Тебѣ Спасителю нашему. Исправи, Господи, ихъ развращеніе и жизнь, несогласную христіанскому благочестію. Сотвори, да вси свято и непорочно проживемъ, и тако спасительная вѣра да укоренится и плодоносна въ сердцахъ нашихъ пребудетъ (о комъ молитва? о насъ: правовѣрныхъ, отступникахъ, беззаконникахъ; во взглядѣ церкви здѣсь уже всѣ соединены). Не отврати лица твоего *отъ насъ* (гдѣ разумѣются и отступники), Господи, воздаждь намъ (гдѣ разумѣются и отступники) радость спасенія твоего; подаждь, Господи, пастыремъ церкви твоея святую ревность и попеченіе ихъ о спасеніи и обращеніи заблуждающихъ духомъ евангельскимъ раствори: да тако вси (и заблуждающіе и развращенные и правовѣрные) руководими, достигнемъ, идѣже совершеніе вѣры, исполненіе надежды и истинная любовь».

Итакъ что же? Молится ли церковь о заблуждающихъ? Молится, какъ о самой себѣ, не отдѣляя ихъ въ своей молитвѣ отъ себя. Молится, да царствуетъ истинная любовь въ сердцахъ нашихъ; молится, чтобы ревностное попеченіе пастырей церкви о спасеніи и обращеніи заблуждающихъ Господь растворилъ духомъ евангельскимъ; молится, да вси

заблуждающіе и не заблуждающіе достигнемъ туда, идѣже царствуетъ полная, безпрепятственная, всеобъемлющая, истинная любовь. Итакъ церковь даетъ больше, чѣмъ мы требовали: видно не намъ ее учить, а учиться намъ у нея духу евангельскому, какъ и всегда и всему.—А проклиная ли кого-либо? До сихъ поръ не проклинала; посмотримъ, не будетъ ли проклинать дальше.

Теперь коснемся самой сущности чина православія.—«Якоже убо,—возглашаетъ церковь,—плѣняющихъ разумъ свой въ послушаніе божественному откровенію и подвизавшихся за оное ублажаемъ и восхваляемъ: тако противящихся сей истинѣ, аще ожидавшему ихъ обращенія и раскаянія Господу не покаяшася, священному Писанію послѣдующе и первенствующія церкви преданій держащеся, отлучаемъ и анаематствуемъ.—Отрицающимъ бытіе Божіе, и утверждающимъ, яко міръ сей есть самобытенъ, и вся въ немъ безъ промысла Божія и по случаю бываютъ, анаема. Отмещущимъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ будущій и воздаяніе вѣчное за добродѣтели на небесѣхъ, а за грѣхи осужденіе, анаема... и т. д... Анаема, анаема, анаема!»

Развѣ это не проклятіе? Да, у русскаго народа слово анаема переродилось и навязалось ему значеніе проклятія: «ахъ ты анаема... будь ты анаема»,—значить, ты проклять, будь ты проклять. Но по вѣковому или даже по тысячелѣтнему употребленію слова анаема въ церкви, оно значитъ: отлученіе. «Отлучаемъ,—возглашаетъ церковь,—и анаематствуемъ»,—это одно и то же.

«Отлучаемъ и анаематствуемъ, священному Писанію послѣдующе и первенствующія церкви преданій держащеся», но не проклинаямъ.

Нѣтъ въ священномъ Писаніи проклятія, въ смыслѣ зложеланія. Говорится въ Писаніи: проклять человѣка, но

не говорится: *будь проклять*. Здѣсь есть тонкое и существенное различіе.

Самъ Господь Богъ съ мудрою, если можно такъ выразиться, разборчивостію употребляетъ слово—проклять,—употребляетъ, какъ не хотѣй погибели и смерти грѣшника.—*Въ онъ же еще день съѣсте отъ него, древа познанія добра и зла, смертію умрете*,—вѣщаетъ Господь первымъ людямъ; не говоритъ: *умрите вы смертію*, будьте прокляты тогда (Быт. 2, 17), хотя въ этой заповѣди заключался источникъ всѣхъ клятвъ, какимъ послѣ подвергся человѣкъ.—*Яко послушалъ еси гласа жены твоея и ялъ еси отъ древа, еяже Азъ заповѣдахъ тебѣ сего, единого не ясти, отъ него ялъ еси: проклята земля въ дѣльзѣ твоихъ*,—вѣщаетъ Господь подвергшемуся клятвѣ Адаму, не ты проклять, а земля проклята, и проклята земля, а не—будь она проклята (Быт. 3, 17).—Особенно тяжкою силою эта клятва на проклятую землю пала во время потопа; и Господу Богу стало жаль ее: *не приложу къ тому*,—изрекъ Онъ послѣ потопа,—*прокляти землю*—не буду увеличивать клятву на землю за дѣла человеческія (Быт. 8, 21),—и ту клятву, который уже подверглась земля, Господь Богъ въ жалости своей ограничиваетъ.

Нѣчто, похожее на призываніе клятвы на голову человѣка, читаемъ мы только въ грозномъ законѣ Моисеевомъ. Моисей предписываетъ своему народу: *сѣи*—такія-то колѣна—*да станутъ благословляти на горѣ Гаризинъ*... *И сѣи*—такія-то колѣна—*да станутъ на клятву на горѣ Гевалъ*. *И отвѣщавше рекутъ левити всему Израилю гласомъ великимъ: проклятъ человѣкъ, иже сотворитъ извѣжаніе и сліяніе, мерзость Господеви*, т. е. кумиръ для обожанія... *И отвѣщавше вси людие рекутъ: буди*. *Проклятъ безчестный отца своего или мать свою: и рекутъ вси*

людие: буди. *Проклятъ... проклятъ... проклятъ... и рекутъ вси людие: буди*. *Проклятъ, иже возметъ дары порази души крове неповинныя: и рекутъ вси людие: буди*. *Проклятъ всякъ человекъ, иже не пребудетъ во вѣсѣхъ словесъхъ закона сего, еже творити я: и рекутъ вси людие: буди* (Втор. 27).— Но и здѣсь мы видимъ только нѣчто похожее на призываніе клятвы на главу человѣка, а не рѣшительное призываніе. Устами левитовъ законъ изрекаетъ свой окончательный приговоръ: *проклятъ есть*, а не *будь проклятъ человекъ*... Весь Израиль своими устами добровольно относитъ къ себѣ этотъ уже состоявшійся непреложный приговоръ: *буди*, такъ, аминь, — пусть 'будетъ такъ.

Почему же мы даемъ такое значеніе этому различію: проклять и *будь проклятъ*? Потому, что тутъ есть разница въ существѣ дѣла. Вообразите вы отца семейства, праотца всего человѣческаго рода Ноя, который съ едва вообразимою для насъ болѣзнію сердца говоритъ о своемъ родномъ внукѣ и всемъ потомствѣ его: *проклятъ Ханаанъ*, зная, что отецъ его Хамъ—сердце злое, видя, что Ханаанъ есть сѣмя Хамово, провидя, что весь родъ его будетъ отродьемъ Хамовымъ, и вообразите вы тогоже Ноя, еслибъ онъ, оскорбленный своимъ сыномъ Хамомъ, съ злостію сердца сказалъ о внукѣ своемъ Ханаанѣ: *будь ты проклятъ Ханаанъ*,—есть ли тутъ разность или нѣтъ? А Господь Богъ находился относительно рода человѣческаго въ положеніи Ноя относительно сына своего Хама и внука Ханаана. Еще въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ, когда Господь только замыслилъ создать человѣчество, Онъ предусмотрѣлъ, что человѣкъ пойдетъ путемъ зла и будетъ проклятъ: но ни тогда, ни послѣ не призывалъ Господь Богъ клятву на главу человѣка, хотя и предопредѣлилъ эту клятву. Зачѣмъ-же предопредѣлялъ?... Но этотъ вопросъ равняется вопросу: за-

чѣмъ Господь создалъ человѣка существомъ разумно-свободнымъ, человѣкомъ, а не скотомъ, не деревомъ, не камнемъ?... *Се даждь*,—вѣщаетъ Господь Израилю чрезъ Моисея (Втор. 30, 15, 19),—*предъ лицомъ твоимъ днесь жизнь и смерть, благо и зло. Засвидѣтельствую вамъ днесь небомъ и землею: жизнь и смерть даждь предъ лицомъ вашимъ, благословеніе и клятву: и избери жизнь, да живешь ты и сльмя твое, любить Господа Бога твоего, послушати гласа Его и прилепитися къ Нему, яко сіе жизнь твоя.* Послѣ такого приговора, общаго для всего человѣчества, о всякомъ богоотступникѣ съ пророкомъ Давидомъ можно сказать: онъ возлюбилъ клятву и придетъ ему; и не восхотѣлъ благословенія и удалится отъ него; и облечется въ клятву, яко въ ризу, и вошла она яко вода во утробу его и яко елей въ кости его (Псал. 108, 17—18).

Въ ветхомъ завѣтѣ и въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ Господь Богъ не призывалъ клятву на главу человѣка потому, что не желаетъ, чтобъ онъ былъ проклятъ и сгибъ, а предопредѣлилъ клятву за грѣхъ между прочимъ и потому, что предвидѣлъ и предопредѣлилъ искупленіе человѣка отъ клятвы въ завѣтѣ новомъ. И вотъ въ новомъ завѣтѣ вѣетъ уже новымъ, еще болѣе кроткимъ духомъ. И въ ветхомъ завѣтѣ нѣтъ зложелательнаго призванія клятвы на главу человѣка, рѣшительно говорится только о самовольномъ привлеченіи человѣкомъ клятвы на свою голову; а въ новомъ завѣтѣ уже провозглашается избавленіе отъ клятвы. Однажды кроткій нашъ Спаситель хотѣлъ пройти чрезъ одну весь самарянскую. *И не пріяша его тамъ*, потому что онъ былъ іудей и шелъ въ Іерусалимъ. Видѣвши же ученицы Его Іаковъ и Іоаннъ, рѣша: *Господи! хочещи ли, речемъ, да огнь снидетъ съ небесе и потреби ихъ, якоже и Ілія сотвори?* Обращая же Господь запрети

имъ и рече: не вѣсте, коего духа есте вы: Сынъ бо человеческій не придетъ души человеческія погубити, но спасти. И идоша во ину весь (Лук. 7, 51—56).—Неправда ли, какъ много здѣсь сказано о духѣ Христовомъ, какъ прекрасно очерчена здѣсь безмѣрность Христовой кротости, эта бездна любви божественной, особенно въ сравненіи съ упорствомъ застарѣлыхъ, съ удобовозгараемостію новыхъ ненавистей человѣческихъ?! Потому-то вѣрный проводникъ Христова духа, апостолъ Павелъ и провозглашаетъ: *которые подъ закономъ Моисеевымъ, тѣ подъ клятвою суть: писано бо есть: проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законныя, яко творити я.* А насъ Христосъ искупилъ отъ клятвы законныя, *бывъ за насъ клятва*,—самъ ставъ за насъ подъ клятвою (Гал. 3, 10—14). Этими словами великій апостолъ вовсе изгоняетъ употреблявшееся въ извѣстномъ смыслѣ въ ветхомъ завѣтѣ провозглашеніе клятвы изъ языка ново-завѣтнаго. Онъ же первый въ замѣнъ слова: проклятіе—произнесъ слово: анаѰема. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа*,—пишетъ онъ къ Коринѳянамъ,—*да будетъ анаѰема, маранаѰа* (1 Кор. 16, 22); а одинъ изъ вѣрнѣйшихъ учениковъ великаго апостола, апостолъ Климентъ, епископъ римскій, эти слова передаетъ такъ: *да будетъ отлученъ до пришествія Господа нашего.*

Съ тѣхъ поръ, первенствующія церкви преданій держащіяся, святая церковь исповонъ вѣку провозглашала, и нынѣ провозглашаетъ, и до скончанія вѣковъ, конечно, своимъ отступникамъ, которые всегда были, есть и будутъ, провозглашать будетъ: анаѰема. Не проклиная я васъ,—вотъ мысль церкви,—я скорблю о васъ, я даже люблю васъ, я молюсь о васъ, да вразумитъ васъ Господь и спасетъ, какъ самъ знаетъ; но вы не хотите быть моими дѣтьми, вы чужда-

етесь меня, и я съ болѣзнію материнскаго сердца свидѣтельствую предъ людьми и Господомъ Богомъ объ отлученіи васъ отъ общенія со мною: вы анаѰема.

Не думайте однакожь, что церковная анаѰема послѣ этого не много значитъ предъ судомъ Божиимъ для спасенія людей. Пусть разувѣритъ васъ въ этомъ евангеліе, которое провозглашается въ священнодѣйствіи православія. *Аще сопришлѣтъ къ тебѣ братъ твой, — вѣщасть кроткій, но и правдолюбивый нашъ Спаситель, — иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ. Аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою паки единаго или два, да приустѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголю. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви. Аще же и церковь преслушаетъ, пусть будетъ онъ тебѣ, якоже язычникъ и мытарь. Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси, и елика еще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесѣхъ.* Церковная анаѰема нераскаянному отступнику, лишаящая его всеочищающей и освящающей благодати таинствъ при его жизни, отчуждающая отъ него заступничество церкви за него по смерти, надъ его нераскаянностію въ день страшнаго суда изъ устъ самого отвергнутаго имъ нѣкогда Господа прозвучить уже отверженіемъ и проклятіемъ вѣчными: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный* (Матѣ. 25, 4).

«Въ такомъ случаѣ однакожь, если церковь не имѣетъ дѣятельнаго желанія подвергнуть проклятію отступниковъ своихъ, зачѣмъ анаѰематствовать, не лучше ли только молиться? И какой смыслъ можетъ имѣть церковная анаѰема въ наше время? Кому она нужна, иначе сказать, кого она можетъ устрашить теперь?»

Въ наше время анаѰема не нужна?! Не нужна, когда между мыслящими изъ насъ возникаютъ люди, не только

ругающіеся святымъ иконамъ, не только отвергающіе соборы святыхъ отецъ и ихъ преданія божественному откровенію согласная, не только отмещущіе вся таинства святая, — не только не вѣрующіе, яко Духъ Святой умудри пророковъ и апостоловъ и чрезъ нихъ возвѣсти намъ путь истинный къ вѣчному спасенію и утверди сіе чудесами, — не только не приѣмлющіе благодати искупленія, евангеліемъ проповѣданнаго, яко единственнаго нашего къ оправданію предъ Богомъ средства, — не только безумно глаголющіе, не нужно быти къ спасенію нашему и къ очищенію грѣховъ пришествіе въ міръ Сына Божія во плоти, Его вольное страданіе, смерть и воскресеніе, — но отмещущіе самое безсмертіе души, судъ будущій и воздаяніе вѣчное за добродѣтели на небесѣхъ, а за грѣхи — осужденіе, — но отрицающіе самое бытіе Божіе, и утверждающіе, яко міръ сей есть самобытенъ и вся въ немъ безъ промысла Божія и по случаю бываютъ..., люди, съ пренебреженіемъ отвергающіе всякій дуализмъ воззрѣнія, т. е. кромѣ міра видимаго вещественнаго существованіе міра другаго невидимаго — духовнаго?! Только ли молиться церкви о людяхъ, которые, родившись ея чадами, не только отступились отъ нея, но даже находятъ свое удовольствіе въ томъ, чтобъ осыпать ее хуленіями, видятъ свое призваніе въ томъ, чтобы соблазнять и развращать добрыхъ христіанъ — призваніе бѣсовъ, готовы собственною рукою стереть ее съ лица земли?! Не нужна въ наше время анаѰема, когда тысячи темныхъ проповѣдниковъ вѣроломнаго мрака въ средѣ не мыслящей толпы оглашаютъ церковь вавилонскою блудницею и слѣпцы сами многихъ слѣпцовъ за собою увлекаютъ въ яму раскола, безцерковности, затѣмъ безвѣрія и даже безбожія, къ которому идетъ и неизбѣжно придетъ нашъ расколъ?! Больше, можетъ быть, чѣмъ когда-либо, теперь церкви нужно опредѣлить свое по-

ложение, и отделить своихъ отъ чужихъ, чтобы хоть сберечь первыхъ, если не спасти послѣднихъ.

Для кого анаѣма нужна? Да, къ положенію рѣшительныхъ отступниковъ существеннаго ничего она не прибавляетъ. Сами они возлюбили клятву и придетъ она на нихъ, и не восхотѣли благословенія и удалится оно отъ нихъ. Но для нерѣшительныхъ, увлеченнымъ больше потокомъ чужихъ недобрыхъ мыслей, чѣмъ злонамѣренною работою собственнаго смысла, измѣнниковъ вѣрѣ отцевъ, ясная, опредѣленная, во всѣхъ углахъ Россіи провозглашенная, словомъ современныхъ проповѣдниковъ на современныя заблужденія направленная анаѣма церкви не лишена была бы, конечно, потрясающаго нравственнаго дѣйствія. Для такихъ недоростковъ въ дѣлѣ вѣры, какъ и въ измѣнѣ вѣрѣ отцевъ,—а ихъ больше, чѣмъ самостоятельныхъ вѣроотступниковъ,—для такихъ недоростковъ, для ихъ чувства, церковная анаѣма можетъ быть спасительнымъ предостереженіемъ и урокомъ.

Но не ихъ главнымъ образомъ, и тѣмъ менѣе—ихъ вожakovъ, имѣетъ въ своихъ благотворныхъ видахъ святая церковь: священно-дѣйствіемъ православія она хочетъ предостеречь, тронуть, умилишь, утвердить въ вѣрѣ и преданности Богу добрыхъ чадъ своихъ. Она дѣлаетъ дѣло матери, которая отрекается отъ неразумнаго, дерзкаго, развратнаго сына, отъ безпутной дочери, изгоняетъ ихъ изъ дому, грозитъ лишеніемъ наслѣдства, лишаетъ своего материнскаго благословенія, не переставая однакоже вопія въ милосердому Богу объ ихъ вразумленіи и исправленіи, съ болью материнскаго сердца и въ тоже время хотя съ дорого стоящею, съ трудомъ, но твердо принятою рѣшимостію благоразумія, чтобы примѣръ дѣтей безпутныхъ не растлилъ прочихъ дѣтей добрыхъ, чтобы строгостію рѣшенія объ однихъ

отнять охоту послѣдовать ихъ примѣру у другихъ,—указывая на достохвалныя примѣры ихъ достойныхъ отцевъ, вопія къ Господу Богу объ ихъ утвержденіи въ добрѣ и возможномъ счастіи во времени и въ вѣчности.

Въ этихъ-то видахъ въ день православія, провозгласивъ отступникамъ православія анаѣму, св. церковь всѣмъ о православіи подвизавшимся словесами, писаніями, ученіемъ, страданіями и богоугоднымъ житіемъ, яко защитникамъ и пособникамъ православія, ежелѣтнее воспоминаніе творя, возглашаетъ вѣчную память: святому благовѣрному и равноапостольному царю Константину и матери его Еленѣ, православнымъ греческимъ царемъ и царицамъ, благовѣрному и равноапостольному князю Владиміру и бабѣ его Ольгѣ и всѣмъ благовѣрнымъ княземъ и княгинямъ, царямъ и царицамъ русійскимъ, благочестивѣйшимъ императорамъ русійскимъ Петру, Александру, Николаю и прочимъ императорамъ и императрицамъ, патріархамъ, архіереямъ, всѣмъ пострадавшимъ и убиеннымъ за прославную вѣру и отечество и всѣмъ православнымъ христіанамъ въ истинной вѣрѣ и благочестіи и въ надеждѣ воскресенія скончавшимся. За тѣмъ, восхваляя подвиги сихъ, иже нынѣ спасительною вѣрою и добродѣтелію, приуготовляя себе къ вѣчному блаженству, утверждаютъ православіе, молятъ Господа о здравіи, спасеніи и многихъ лѣтахъ во первыхъ христіанскаго благочестія ревнителю, защитнику и покровителю Христовы церкви, благочестивѣйшему царствующему Государю и всему царствующему Дому, святѣйшему Синоду, патріархамъ, архіереямъ, синклиту, воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ, право содержащимъ спасительную вѣру и повинующимся Христовой церкви.

Итакъ вы видите, что церковь въ день православія никого не проклиняетъ, а напротивъ въ этотъ день, какъ

и всегда, молитъ своего Бога о всѣхъ: о своихъ защитникахъ, о своихъ чадахъ, о своихъ даже противникахъ.

Станемъ же и мы, братіе, не учить церковь нашу духу Христову, а учась отъ нея всему, молиться, чтобы тріединый нашъ Богъ насъ и всѣхъ правовѣрныхъ прославилъ и утвердилъ даже до конца въ правовѣріи, развратниковъ же и хульниковъ православныя вѣры и Христовы церкви обратилъ и сотворилъ, да придутъ они въ познаніе вѣчныя истины. Помолимся въ этотъ знаменательный день православія и восшествія на прародительскій престолъ благочестивѣйшаго Государя нашего, о Немъ—о нашемъ благодарованномъ Царѣ, чтобы Господь Богъ, отецъ нашихъ утвердилъ и на многая лѣта сохранилъ Его на престолѣ Его благовѣрныхъ отцевъ крѣпкимъ поборникомъ св. праотеческой вѣры.—Аминь.

1859 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю крестопоклонную (1877 г.).

Кресту твоему покланяемся, Владыко.

«Въ сей день, въ недѣлю третію постовъ, празднуемъ поклоненіе честнаго и животворящаго креста, ради таковой причины. Четырехдесятидневнымъ постомъ, нѣкоторымъ образомъ, и мы распинаемся, умерщвляя въ себѣ страсти, умерщвляя любострастную свою плоть. Вслѣдствіе того, мы имѣемъ въ себѣ чувство горести, унывая и падая духомъ. Потому то и предлагается честный и животворящій крестъ, какъ бы прохлажда насъ въ усталости отъ великопостнаго труда, и утверждая (поддерживая) нашу немощь, устающую отъ подвига, и воспоминаая намъ страсти Господа нашего Іисуса Христа, и утѣшая насъ въ уныніи отъ непрерывныхъ покаянныхъ воздыханій и воплей къ небу».

Это говорится въ синаксарѣ нынѣшняго дня.

Синаксарь—это особая поучительная повѣсть, полагаемая въ церковно-богослужебныхъ книгахъ въ особые праздничные дни, въ родѣ настоящаго дня крестопоклонной недѣли,—повѣсть, объясняющая событіе и смыслъ праздника, съ нравственнымъ его значеніемъ.

Какъ это излагается въ синаксарѣ нынѣшняго празд-

ника, какъ это отчасти мы сейчасъ прочитали,—такъ мыслили и чувствовали старые люди, стародавніе христіане старой греческой церкви, христіане и нашей русской церкви, наши еще недавніе предки, для которыхъ великій постъ былъ дѣйствительно великій постъ. Стародавніе монахи уходили на всю четырехдесятицу изъ монастырей, общинъ, скитовъ въ пустыню, чтобъ и лица человѣческаго не видѣть, чтобы и лишняго слова съ человѣкомъ не перемолвить. Что они въ пустыняхъ ѣли и пили, то Богу вѣдомо. Нѣкоторые пребывали безъ принятія пищи цѣлыхъ сорокъ дней и больше, до самаго свѣтлаго Христова Воскресенія. Собирались же въ монастыри только по средамъ и пятницамъ, и только къ преждеосвященнымъ литургіямъ, да по субботамъ и воскресеньямъ, и то только для слушанія литургіи; а по окончаніи службы Божіей уходили опять въ пустыню, не говоря другъ другу лишняго слова. На такой образъ жизни стародавнихъ монаховъ, въ св. четырехдесятицу, въ весьма многомъ походила и жизнь стародавнихъ мірянъ, впрочемъ еще и недавнихъ нашихъ предковъ. Еще я видѣлъ людей, не только монаховъ, но и мірянъ, которые въ великій постъ вкушали, по средамъ и пяткамъ, только антидоръ, а по субботамъ и воскресеньямъ только просфору, или даже почти ничего. Такъ и жили до Свѣтлаго Христова праздника. Службы Божіи у нашихъ предковъ были продолжительны. Церковный уставъ соблюдался буквально, съ великимъ радѣніемъ о всякомъ словѣ, завѣщанномъ святыми отцами. Земные поклоны были многочисленны и по множеству своему утомительны до изнурительности. И теперь въ единовѣрческихъ церквахъ, въ день Маріина или Андреева стоянія, полагается по уставу и кладутъ по семи сотъ земныхъ поклоновъ, за одну утреню. Кромѣ подвига собственно постнаго и молитвеннаго,

ревностные люди несли въ старину разные другіе подвиги, упражнясь, въ эти святые дни, особенно въ дѣлахъ милосердія. Богатые одѣляли бѣдныхъ, кто чѣмъ могъ; ходили по тюрьмамъ, по богадѣльнямъ, по нищенскимъ угламъ, простирая всюду руку помощи и утѣшенія. Ростовщики разрывали надаванныя имъ, неоплатныя долговыя росписки. Займодавцы—кредиторы освобождали своихъ несостоятельныхъ должниковъ изъ мѣстъ долговаго заключенія. Властители выпускали и прощали узниковъ. Всѣ по возможности воевали со всякими страстями, отгоняя отъ себя постомъ и молитвою всякихъ бѣсовъ, всякій лукавый духъ праздности, празднои скуки, тоски, унынія,—духъ любоначалія, превозношенія надъ другими, гнѣвлиности, обидчивости и обиды,—духъ празднословія, болтливости, нещадной растраты пустыхъ словъ, пустаго убиванья времени, которое дано на спасительное для души дѣланіе. Въмѣсто того усиливались всякими способами и особенно напряженною, соединенною съ постомъ молитвою, въ сіи великіе дни, вѣдрить въ себя духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, выражающейся въ усиленныхъ и учащенныхъ разнообразныхъ дѣлахъ христіанскаго милосердія. Вотъ, да, для такихъ постниковъ дни великаго поста были подвигомъ, подвигомъ нелегкимъ, подвигомъ не неизнурительнымъ, подвигомъ дѣйствительно умерщвляющимъ тѣлесныя страсти и самое тѣло, такъ что такіе постники едва влачили свои изнеможенные ноги, едва сильны были поднять отошалающую отъ неяденія руку; были подвигомъ, пригибающимъ многими поклонами и истощеніемъ тѣла и голову долу, и повергающимъ въ уныніе духъ, непрерывно удручаемый тяжкими помыслами и покаянными воздыханіями о грѣхахъ... Да, для такихъ подвижниковъ, для такихъ истинныхъ постниковъ, сей день средокрестной недѣли

ника, какъ это отчасти мы сейчасъ прочитали,—такъ мыслили и чувствовали старые люди, стародавніе христіане старой греческой церкви, христіане и нашей русской церкви, наши еще недавніе предки, для которыхъ великій постъ былъ дѣйствительно великій постъ. Стародавніе монахи уходили на всю четырехдесятицу изъ монастырей, общинъ, скитовъ въ пустыню, чтобъ и лица человѣческаго не видѣть, чтобы и лишняго слова съ человѣкомъ не перемолвить. Что они въ пустыняхъ ѣли и пили, то Богу вѣдомо. Нѣкоторые пребывали безъ принятія пищи цѣлыхъ сорокъ дней и больше, до самаго свѣтлаго Христова Воскресенія. Собирались же въ монастыри только по средамъ и пятницамъ, и только къ преждеосвященнымъ литургіямъ, да по субботамъ и воскресеньямъ, и то только для слушанія литургіи; а по окончаніи службы Божіей уходили опять въ пустыню, не говоря другъ другу лишняго слова. На такой образъ жизни стародавнихъ монаховъ, въ св. четырехдесятицу, въ весьма многомъ походила и жизнь стародавнихъ мірянъ, впрочемъ еще и недавнихъ нашихъ предковъ. Еще я видѣлъ людей, не только монаховъ, но и мірянъ, которые въ великій постъ вкушали, по средамъ и пяткамъ, только антидоръ, а по субботамъ и воскресеньямъ только просфору, или даже почти ничего. Такъ и жили до свѣтлаго Христова праздника. Службы Божіи у нашихъ предковъ были продолжительны. Церковный уставъ соблюдался буквально, съ великимъ радѣніемъ о всякомъ словѣ, завѣщанномъ святыми отцами. Земные поклоны были многочисленны и по множеству своему утомительны до изнурительности. И теперь въ единовѣрческихъ церквахъ, въ день Маріина или Андреева стоянія, полагается по уставу и владуть по семи сотъ земныхъ поклоновъ, за одну утреню. Кромѣ подвига собственно постнаго и молитвеннаго,

ревностные люди несли въ старину разные другіе подвиги, упражняясь, въ эти святые дни, особенно въ дѣлахъ милосердія. Богатые одѣляли бѣдныхъ, кто чѣмъ могъ; ходили по тюрьмамъ, по богадѣльнямъ, по нищенскимъ угламъ, простирая всюду руку помощи и утѣшенія. Ростовщики разрывали надаваанныя имъ, неоплатныя долговья росписки. Заимодавцы—кредиторы освобождали своихъ несостоятельныхъ должниковъ изъ мѣстъ долговаго заключенія. Властители выпускали и прощали узниковъ. Всѣ по возможности воевали со всякими страстями, отгоняя отъ себя постомъ и молитвою всякихъ бѣсовъ, всякій лукавый духъ праздности, празднои скуки, тоски, унынія,—духъ любоначалія, превозношенія надъ другими, гнѣвлиности, обидчивости и обиды,—духъ празднословія, болтливости, нещадной растраты пустыхъ словъ, пустаго убиванья времени, которое дано на спасительное для души дѣланіе. Въмѣсто того усиливались всякими способами и особенно напряженною, соединенною съ постомъ молитвою, въ сіи великіе дни, вѣдрить въ себя духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, выражающейся въ усиленныхъ и учащенныхъ разнообразныхъ дѣлахъ христіанскаго милосердія. Вотъ, да, для такихъ постниковъ дни великаго поста были подвигомъ, подвигомъ нелегкимъ, подвигомъ не неизнурительнымъ, подвигомъ дѣйствительно умерщвляющимъ тѣлесныя страсти и самое тѣло, такъ что такіе постники едва владели свои изнеможенные ноги, едва сильны были поднять отошалающую отъ неяденія руку; были подвигомъ, пригибающимъ многими поклонами и истощеніемъ тѣла и голову долу, и повергающимъ въ уныніе духъ, непрерывно удручаемый тяжкими помыслами и покаянными воздыханіями о грѣхахъ... Да, для такихъ подвижниковъ, для такихъ истинныхъ постниковъ, сей день средокрестной недѣли

былъ днемъ истинно-свѣтлой радости, днемъ прохлады и ободренія, днемъ страднаго воспоминанія страстей Господнихъ и духовнаго утѣшенія. Такіе то люди и имѣли право сказать о себѣ то, что мы прочитали въ началѣ нашего слова. Повторимъ. Теперь эти знаменательныя, выразительныя до типичности реченія будутъ намъ понятнѣе. Въ нихъ вѣетъ стародавнимъ духомъ древней христіанской церковности, духомъ стародавнаго дѣятельнаго подвижническаго христіанства.

«Въ сей день, въ недѣлю третію постовъ, поклоненіе празднуемъ честнаго и животворящаго креста. Празднуемъ ради сицевой вины. Понеже бо четырехдесятодневнымъ постомъ, нѣкимъ образомъ, и мы распинаемся, умерщвляя въ себѣ страсти и вмѣстѣ со страстями умерщвляя и самихъ себя; имѣемъ же отъ того чувство горести, унывая и низпадая духомъ. И вотъ посему предлагается честный и животворящій крестъ, какъ бы прохладя насъ и утверждая, и воспоминаая намъ страсти Господа нашего Иисуса Христа, и воспоминаніемъ страстей Господнихъ утѣшая насъ въ подвигѣ поста».

Въ какой же мѣрѣ мы можемъ примѣнить эти реченія къ себѣ? Въ какой мѣрѣ мы похожи на древнихъ христіанъ? Распинали-ль мы себя прошедшимъ трехъ-недѣльнымъ великимъ постомъ? Я не стану отвѣчать вамъ за васъ. Моя совѣсть отвѣтитъ мнѣ, а ваша совѣсть пусть отвѣтитъ каждому и каждой изъ васъ. Я повторю вопросъ на основаніи церковнаго синаксаря нынѣшняго праздника. Распинали-ль мы себя четырехдесятодневнымъ постомъ, великимъ постомъ? Былъ-ли этотъ великій постъ для насъ постомъ дѣйствительно великимъ? Былъ-ли этотъ великій постъ для насъ какимъ-либо постомъ? Постились-ли мы хоть сколько нибудь? Помнили-ли мы объ этомъ великомъ

постѣ,—не вовсе ли забыли о немъ? Не забыли-ль даже того, въ какомъ смыслѣ, для чего, почему это время въ году называется великомъ постомъ,—называется св. четырехдесятицею? Не забыли-ль даже того именно, что это время въ году называется великимъ постомъ, называется четырехдесятицею? Что называется этимъ послѣднимъ именемъ—святою четырехдесятицею,—это, конечно, многіе забыли. Это названіе—четырехдесятица не звучитъ ли даже для нашего нѣжнаго уха какъ-то странно, какимъ-то чуждымъ отголоскомъ чего-то давно забытаго, какими-то смущающими нашъ сладкій покой, идущими чрезъ даль вѣковъ и глохнущими въ этой дали предсмертными стопами когда-то роднаго намъ, но забытаго, отживающаго или уже, по нашему поверхностному суду, отжившаго и испускающаго послѣдніе вздохи древле-христіанскаго, истинно христіанскаго міра?... Спрашивать ли дальше, въ томъ же направленіи, по линіи указываемой синаксаремъ церковнымъ? Конечно, спрашивать безплодно,—безплодно въ томъ отношеніи, что почти ни отъ кого изъ присутствующихъ здѣсь не получимъ утвердительнаго отвѣта. А гдѣ тѣ избранники, которые похожи на древнихъ христіанъ, то Богъ вѣсть. Однакоже эти вопросы и благопотребны въ томъ отношеніи, что напомнятъ намъ, чѣмъ мы должны быть, по мысли церкви и идеалу христіанства, и чѣмъ стали, по нашему нерадѣнію, по нашей холодности, по нашему духовному невѣжеству. Умерщвляли ли мы свои страсти? Хотя думали-ль мы объ этомъ, хотя-бъ въ эти святыя великопостныя дни? Или давали этимъ страстямъ разгулъ такой же какъ и въ маслянную, какъ и всегда, — пускай—де ихъ гуляютъ, и хорошее дѣло, что гуляютъ... Потухнетъ страстный огонь, не раздуешь его ничѣмъ. Чувствуемъ ли мы въ себѣ чувство горести, чувство унынія, чувство упад-

ка духа отъ великаго постаго изнуренія? Отъ покаяннаго плача о грѣхахъ, отъ молитвеннаго утомленія? Чувствуемъ ли, проживъ три недѣли поста, чувствуемъ ли нужду въ духовной прохладѣ и утвержденіи, чувствуемъ ли потребность въ небесномъ утѣшеніи, чтобъ рука небеснаго Подвигоположника излила въ наши сердца прохладительную росу благодати, чтобы поддержала насъ и укрѣпила, чтобы утѣшила и хотя на одинъ этотъ свѣтлопраздничный день упокоила насъ, труждающихся и обремененныхъ тяжкимъ трудомъ поста, тяжкимъ крестомъ покаянія? Чувствуемъ ли мы внутреннюю жажду, изнуренные постнымъ покаяннымъ подвигомъ, отдохнуть очами на изнесенномъ для поклоненія крестѣ Христовомъ,—отдохнуть усталымъ духомъ на воспоминаніи страстей Господа, который также, какъ и мы страдалъ, томился духомъ, скорбѣлъ тоскою смертною до кроваваго пота, который не палъ только потому, что былъ Сынъ Божій; который тѣмъ не менѣе вопіялъ къ Богу: *Боже мой! Боже мой! Зачѣмъ ты меня оставилъ!... Жажду... Отче! въ руку твою предаю духъ мой... Совершишася!*—И преклонь главу предаде духъ... И преклонь главу издохъ—испустилъ послѣдній томительный вздохъ... Чувствуемъ ли мы все это? Были люди, которые чувствовали, и много ихъ было; быть можетъ, и есть. Да это мы ли съ вами?...

Однакоже и мы христіане. По крайней мѣрѣ, зовемся христіанами. И для насъ съ вами,—не для кого другаго, какъ для насъ съ вами,—изнесенъ сей честный и животворящій крестъ Христовъ. Что же намъ дѣлать? Что остается намъ дѣлать послѣ всего того, что дѣлали древніе христіане, о чемъ говорить нынѣшній церковный синаксарь, и чего не додѣлали мы съ вами? Поститься,—нельзя сказать, что мы съ вами совсѣмъ не постились;

но то вѣрно, что отъ поста не изнемогли, а иные изъ васъ и вовсе не постились. Распинаться со Христомъ—не распинались. Страстей не умерщвляли,—страсти въ насъ живутъ себѣ на здоровье, душѣ нашей въ тяготу и болѣзнь,—быть можетъ, даже въ пагубу. Чувства горести, унынія, упадка духа, отъ тяготы и долготы великаго постаго подвига, мы въ себѣ не чувствуемъ. Томительной жажды, чтобы изнесенный животворящій крестъ прохладилъ насъ, истомленныхъ подвигомъ поста, чтобы подкрѣпилъ насъ изнемогающихъ, чтобы утѣшилъ насъ унылыхъ,—этой спасительной духовной жажды нѣтъ у насъ почти ни слѣда. Что же есть, что остается въ насъ христіанскаго?... Какъ мы ни безпечны въ дѣлѣ своего спасенія, какъ ни холодны къ подвигамъ добродѣтели христіанской, но все же и въ насъ есть ощущеніе потребности, по обычаю предковъ, въ этотъ день крестопоклонной недѣли, поклониться честному животворящему кресту, и вспомнить страсти Господа нашего Іисуса Христа. За этимъ мы и пришли нынѣ въ святой храмъ сей. За этимъ мы и стоимъ у сего честнаго аналоя, у подножія честнаго Христова креста. Въ этихъ видахъ мы и внимаемъ,—каждый внимаетъ посильно,—крестопоклоннымъ пѣснопѣніямъ и молитвословіямъ настоящаго дня. Въ этихъ видахъ и я стою на семъ священномъ мѣстѣ, поучая васъ, а вы предстоите мнѣ, отверзши уши ваши, чтобъ услышать, что я скажу вамъ о крестѣ Христовомъ и страстяхъ Господа нашего.

Но сегодня мы стояли въ церкви уже довольно. Молились уже довольно. Даже слово наше простиралось уже не мало. Всего, что слѣдуетъ намъ знать и хотѣлось бы вспомнить о страстяхъ Господнихъ, въ одинъ разъ не перескажешь и не выслушаешь. Такъ вотъ же что мы сдѣлаемъ въ облегченіе себя. Духъ бо бодръ, плоть же немощна. Вы

усердствуйте въ предстоящіе многіе праздничные дни ходить во святыи храмъ сей послушать, а мы общаемъ вамъ, Богу содѣйствующу, поусердствовать побесѣдовать съ вами, по возможности, въ каждый изъ предстоящихъ велико-праздничныхъ дней,—побесѣдовать о страстяхъ Господа нашего. Церковь, самымъ порядкомъ приближающихся дней и расположеніемъ Божіихъ службъ, станетъ болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ, приближать насъ къ Іерусалиму, къ Сіонской горницѣ, къ Геосиманскому саду, къ Голгоѣ и кресту на ней, и живоносному гробу близъ нея. А вслѣдъ за церковью пойдѣмъ и мы съ нашимъ собесѣдованіемъ о послѣднихъ дняхъ жизни Господа нашего. Я буду вамъ рассказывать, по долгу своего архипастырскаго званія, а вы послушайте гласа моего. Собесѣдованія наши мы начнемъ съ событія, воспоминаемаго въ понедѣльникъ страстной седмицы, съ изсохшей смоковницы, и пойдѣмъ вслѣдъ за Спасителемъ нашимъ, неся крестъ Его на себѣ, хотя мысленно,—крестъ хотя воспоминанія спасительныхъ страстей Его; пойдѣмъ шагъ за шагомъ до глубины Его гроба, въ которомъ Онъ опочилъ отъ страданій плоти, до глубины ада, куда онъ низшелъ духомъ, чтобы вынести тамъ тягчайшую борьбу съ княземъ тмы, и извести изъ адской темницы души чаявшихъ Его пришествія адскихъ узниковъ, извести побѣдителемъ ада и смерти.

Приидите, почерпемъ върніи... Вы, конечно, пропустили мимо ушей одну превосходнѣйшую церковную пѣснь, которую чтець прочиталъ вчера, сегодня, конечно яко кимваль звяцай, и безсознательно, яко кимваль. *Приидите, върные, почерпнемъ,—почерпнемъ не изъ источника вещественнаго источающую воду тлѣнную, но изъ источника просвѣщенія, поклоненіемъ Христову кресту.* Прекрасный, картинный смыслъ этой пѣсни таковъ: вотъ течетъ источникъ,—

источникъ, источающій не воду тлѣнную, которую пьеть человѣкъ и вжаждется опять,—опять захочетъ пить,—но воду безсмертную, которой когда вкуситъ человѣкъ, не вжаждется,—не захочетъ пить во вѣки,—воду, текущую изъ источника просвѣщенія,—текущую изъ подъ корня живоноснаго древа крестнаго. Приидите же, върные, почерпайте воду нетлѣнія изъ источника просвѣщенія, преклоняясь къ подножію древа крестнаго,—кланяясь, и поучаясь, и вспоминая страсти Христовы. *Поста водою всѣ омоемъ свои души, и приступивше къ честному и животворящему кресту Господню, върою поклонимся, почерпая Божественное просвѣщеніе, и приобрѣтая нынѣ вѣчное спасеніе, миръ и велию милость.* Аминь.

СЛОВО

въ день Святыя Пасхи.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Сущу поздѣ въ день той во едину отъ субботѣ, и дверемъ затвореннымъ, идѣхше бяху ученицы его собрани страха ради іудейска, прииде Іисусъ и ста посреда, и глагола имъ: миръ вамъ (Іоан. 20, 19—20).

Вы знаете, что и какъ въ этотъ свѣтлый день Господь нашъ Іисусъ Христосъ, возставъ отъ мертвыхъ, явился прежде Маріи Магдалинѣ и другимъ мѣроносицамъ (Марк. 16, 9), потомъ Симону Петру (Лук. 24, 34); по сихъ же двумъ отъ учениковъ своихъ, изъ коихъ одинъ былъ Клеопъ, а другой по преданію—св. евангелистъ Лука, явился, идущимъ имъ на село, когда они шли въ весь, недалеко отстоящую отъ Іерусалима, которой имя Еммаусъ (Марк. 16, 12—13; Лук. 24, 13—35); послѣди же явился возлежащимъ единонадесяти апостоламъ (Марк. 16, 14). Къ этому послѣднему, въ свѣтлый вечеръ свѣтлаго дня воскресенія, явленію Воскресшаго св. церковь, въ эти священно-торжественныя минуты, обращаетъ наше благоговѣйное вниманіе, братіе.

Мы не повторяемъ для васъ поразительно-трогательное

повѣствованіе св. евангелиста Луки о явленіи воскресшаго Господа ему самому—Лукѣ и другому апостолу Клеопѣ, на пути въ Еммаусъ; не повторяемъ повѣствованіе, какъ они сначала не узнали Господа, приставшаго къ нимъ въ видѣ путника,—съ осторожнымъ невѣріемъ Ему самому рассказывали событія страданій Его, смерти и воскресенія,—какъ Онъ обличалъ ихъ за невѣріе и объяснилъ имъ все писанія, яже о Немъ,—какъ наконецъ открылся имъ въ Еммаусѣ и опять сдѣлался для нихъ невидимъ. Послушайте далѣе: великій день этотъ, хотя и прообразъ невечерняго дня свѣтло-блаженной вѣчности, склонился къ вечеру. Вотъ они—св. апостолы Лука и Клеопъ тотчасъ же, какъ открывшійся Господь опять сталъ для нихъ невидимъ, встаютъ и возвращаются въ Іерусалимъ; въ Іерусалимѣ находятъ собравшихся въ одно мѣсто единонадесять избранныхъ апостоловъ и другихъ съ ними учениковъ Господнихъ. Апостолы сказываютъ пришедшимъ Лукѣ и Клеопѣ, что воистину восталъ Господь и явился Симону; а они рассказываютъ, что было съ ними на пути изъ Іерусалима въ Еммаусъ, и какъ Господь былъ узнавъ ими, когда преломлялъ хлѣбъ.

Когда апостолы разсуждали все вмѣстѣ объ этихъ дивныхъ и великихъ событіяхъ великаго дня воскресенія, вотъ уже стало совсѣмъ поздно. Теперь представьте: вотъ горница; здѣсь собраны единонадесять избранныхъ апостоловъ; съ ними и другіе ученики Господни; здѣсь были безъ сомнѣнія и жены мѣроносицы, присутствовала конечно и пречистая Матерь нашего Господа, порученная сыновнему попеченію возлюбленнаго ученика Господня Іоанна Зеведеева, въ домъ котораго, или точнѣе въ домъ его отца—Зеведея, по голосу преданія, все это происходило. Ученики Господни трепещутъ іудеевъ, которые убили ихъ Господа, которые смущены вѣстію о воскресеніи Его и пустили злонамѣрен-

ную противъ Его учениковъ молву, что ученики украли Его. Двери горницы затворены. Ученики Господни, по обычаю іудейскому—возлежа, съ изумленіемъ и страхомъ, съ недовѣрчивостью и желаніемъ увѣриться въ истинѣ воскресенія, передаютъ другъ другу вѣсти о явленіяхъ распятаго, умершаго и погребеннаго своего Учителя. Вдругъ самъ Іисусъ является средѣ ихъ и вѣщаетъ: *миръ вамъ*. Для прославленнаго одухотвореннаго тѣла Господня ни стѣны ни затворенныя двери не были уже преградой. Но ученики затрепетали,—подумали, что видятъ духа. Успокоивая ихъ, Господь вѣщаетъ: *что смущени есте—что вы смутились, и зачѣмъ такіе помыслы входятъ въ сердца ваши? Видите руки мои и ноги мои, яко самъ Азъ есмь; осяжите Меня и увидите: духъ плоти и кости не имѣетъ, какъ—вы видите—Я имѣю*. Провѣщавъ это, Господь показалъ имъ прободенныя руки и ноги и ребра свои. И вотъ восторгъ потрясъ растерзанныя, убитыя, смятенныя ужасомъ отъ всѣхъ послѣднихъ событій сердца учениковъ: *возрадовавшая ученицы, видѣше Господа*. Но при такомъ скоромъ переходѣ отъ великаго горя и страха къ великой радости, отъ радости они еще не смѣютъ вѣрить, что видятъ дѣйствительно живымъ распятаго Господа своего, и чудятся. Укоривъ ихъ за невѣрствіе и жестосердіе—за то, что они не повѣрили женамъ мироносицамъ, апостолу Петру, апостоламъ Лукѣ и Клеопѣ, которые прежде видѣли Его воскресшимъ, Господь вопрошаетъ: *имѣете ли вы что съѣдное здѣсь*. Спрашиваетъ пищи не потому, чтобы воскресшее прославленное тѣло Его нуждалось въ пищѣ, но съ цѣлію утвердить еще колеблющуюся вѣру учениковъ въ томъ, что Онъ не привидѣніе, не духъ, а живой Бого-человѣкъ, имѣющій плоть и кости, способный вкушать пищу. Ученики даютъ Ему рыбы печеной часть и отъ пчель сотъ. И Го-

сподь *вземъ предъ ними яде*: удостоилъ вкусить отъ этихъ яствъ.

Конечно, въ эти дивныя минуты, когда ученики смотрѣли, что распятый и смертію почившій Господь ихъ вкушаетъ пищу, смятенныя мгновеннымъ ужасомъ, радостію и сомнѣніемъ въ дѣйствительности видѣнія, чувства ихъ стали приходить въ порядокъ. Тогда вѣщаетъ имъ Іисусъ паки: *миръ вамъ*. Все это сбылось по словамъ, которыя говорилъ Я вамъ, еще будучи съ вами, что подобаетъ скончаться—совершиться всему написанному въ законѣ Моисеевомъ и пророкахъ и псалмахъ о Мнѣ». Св. апостолы были люди некнижные и многого въ ученіи своего небеснаго Учителя, при жизни Его, не разумѣли. Теперь Онъ таинственнымъ дѣйствіемъ своей чудодѣйственной силы отверзъ имъ умъ, чтобы разумѣть писанія. И началъ объяснять имъ: *яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начавъ отъ Іерусалима*. Вы же,—вѣщаетъ Онъ апостоламъ,—свидѣтели сему всему. *И се Азъ по слову обѣщаніе Отца моего на васъ: въ же съидите во градъ Іерусалимъ, дондеже облечетеся силою свыше,—пока т. е. низойдетъ на васъ полная мѣра благодати Св. Духа. Какъ послалъ Меня Отецъ, и Азъ посылаю васъ*. И провѣщавъ это, Господь дунулъ на учениковъ и продолжаетъ: *пріимите Духъ Святъ,—власть рѣшить и вязать грѣхи людскіе. Силою Духа Святаго кому вы отпустите грѣхи, тѣмъ отпустятся, и кому удержите, удержатся*».

Вотъ что повѣствуютъ св. евангелисты о послѣднемъ въ великій день явленіи воскресшаго Господа своимъ ученикамъ. Св. Евангеліе оканчиваетъ исторію великихъ событій великаго дня повѣствованіемъ о невѣріи Ѳомы. По осо-

бенному смотрѣнію Божию, Тома отлучился изъ сонма единадесяти апостоловъ въ тѣ самыя минуты, когда въ этотъ разъ являлся имъ Господь. Когда Иисусъ Христосъ сокрылся, возвращается въ общее собраніе и Тома, и вотъ другіе ученики говорятъ ему: «мы видѣли Господа». Что же Тома? И тутъ свидѣтельству столь многихъ лицъ не повѣрилъ, не повѣрилъ, какъ послѣ его исповѣданіе показало, не съ упорствомъ невѣрія, но съ жаждою полного утвержденія вѣры. Душевно скорбя, что не удостоился того, чего удостоились прочіе, и твердо вѣруя, что если Господь воистину воскресъ, какъ сказываютъ, то по благодати своей соизволитъ увѣрить въ истинѣ воскресенія смятенную скорбію и сомнѣніемъ душу и его — Тома, какъ благоволилъ уже увѣрить прочихъ своихъ учениковъ, Тома говоритъ: «если я не увижу на рукахъ Его язвъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ язвы отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его,—не иму вѣры».

Что же—этимъ и заключимъ мы наше собесѣдованіе братіе?—Да, сейчасъ слышанное нами евангельское повѣствованіе, въ первообразной простотѣ своей, такъ величественно-прекрасно, такъ глубоко-назидательно, такъ радостно-творно, такъ умирительно-трогательно, что въ этотъ свѣтлый вечеръ, при такой священно-торжественной обстановкѣ великаго дня, простые слова св. евангелиста невозможно слушать равнодушно,—не правда ли? Невозможно слушать, не чувствуя въ сердцѣ особенныхъ рѣдко испытываемыхъ въ другое время движеній радости, умиленія, какой то особенной душевной тишины: немощью нашего ума и слова мы неспособны прибавить что-либо къ высочайшимъ совершенствамъ евангельскаго повѣствованія,—далеко даже неспособны исчерпать его содержаніе.

Позвольте только обратить ваше вниманіе на одну его

сторону.

Не правда ли,—сейчасъ слышанное нами евангельское повѣствованіе указываетъ намъ на обстоятельства, въ которыхъ теперь находимся мы сами? Положеніе св. апостоловъ вечеромъ въ свѣтлый день воскресенія, удостоившихся въ полномъ своемъ собраніи посѣщенія воскресшаго Господа, не имѣетъ ли близкаго сходства съ нашимъ настоящимъ положеніемъ—подумайте?... Вотъ теперь уже у насъ поздно: великій день, суббота субботъ, праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ, преклоняется къ вечеру. Мы, ученики воскресшаго Господа, собраны въ одномъ мѣстѣ, во святомъ храмѣ. И двери здѣсь затворены, не страха ради іудейска, но ради страха молитвы житейской, чтобы она возможно менѣе вторгалась во святилище Божіе и возмущала его священный миръ. Мы *беспдуемъ и совопрошаемъ* другъ друга *о всѣхъ сихъ приключившихся*,—о дивныхъ событіяхъ великаго дня воскресенія. Чего не достаетъ для точнаго сходства? Того, чтобы самъ воскресшій Господь нашъ Иисусъ Христосъ явился здѣсь, сталъ посредѣ насъ и благоволилъ промолвить: *миръ вамъ*.

«Счастлиное то было время,—многіе конечно думаютъ изъ васъ,—апостолы ждали и дождались явленія воскресшаго Господа; не смѣли надѣяться, и удостоились чести Его посѣщенія; сомнѣвались въ истинѣ воскресенія и самъ Господь пришелъ увѣрить ихъ; смущены были духомъ и самъ Господь предсталъ къ нимъ, чтобы преподать имъ миръ. А мы? Смѣемъ смѣло сказать,—Христосъ вчера и днесъ той же и во вѣки, вѣщаетъ и здѣсь и теперь среди насъ. Возведите очи и слухъ вашей вѣры горѣ: Господь теперь носится надъ нашими главами и, осѣняя насъ своими божественными дланями, вѣщаетъ къ намъ: *миръ вамъ*.... *Идѣже два или тріе*,—увѣряетъ Отецъ насъ,—со-

брани во имя Иисуса, ты есмь посреди ихъ.—А насъ теперь сколько собравшихся во имя Его?!—Азъ съ вами есмь, говорилъ Онъ, возносясь на небо, до скончанія вѣка: аминь.— Видѣвъ Мя въровавъ еси, говорилъ Онъ съ кроткою угрозою Ѳомѣ,—*блаженъ не видѣвшіе и въровавшіе!* И этимъ блаженствомъ, этимъ счастьемъ наслаждаемся именно мы не видѣвшіе и вѣрующіе.

«Счастье, положимъ, думаетъ кто-либо изъ васъ, но все же лучше увидѣть бы, увидѣть бы на руку Его язвы гвоздинныя и вложить перстъ въ язвы гвоздинныя и вложить руку въ ребра Его; лучше бы, если бы и мнѣ, какъ нѣкогда Ѳомѣ, предсталъ Господь и сказалъ: *принеси перстъ твой съмо и виждь руцѣ мои; и принеси руку твою и вложи въ ребра моя: и не буди не въренъ, но въренъ.* Лучше бы?... Что не только простительно, но и похвально было въ апостолѣ Ѳомѣ, то непохвально и даже непростительно было бы въ насъ; что Господь нашелъ нужнымъ допустить въ апостолѣ Ѳомѣ, то не находить нужнымъ допустить въ насъ: апостолы должны были засвидѣтельствовать истину воскресенія всему міру; Господь нашелъ нужнымъ сдѣлать ихъ очевидцами своего воскресенія, а Ѳому даже осязателемъ своего воскресенія. Насъ же Онъ достаточно увѣряетъ въ этой истинѣ внѣшнимъ свидѣтельствомъ нѣсколькихъ сотъ очевидцевъ, великихъ подвиговъ и чудесами, внѣшнимъ свидѣтельствомъ безчисленнаго множества чудесъ, совершенныхъ на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ бытія церкви, внѣшнимъ свидѣтельствомъ всей исторіи христіанства, а достойныхъ увѣряетъ и внутреннимъ свидѣтельствомъ сердца.

Къ вамъ обращаемся, праведныя души, истинные православные христіане, по вѣрѣ во Христа устрояющіе всю свою жизнь, честно протекшіе поприще святаго поста, тепло

молившіе Бога о счастіи достигнуть и поклониться св. Христову воскресенію. Вы, конечно, испытали и испытываете сегодня радость о Господѣ, данную въ удѣлъ только немногимъ. Горящее въ васъ сегодня сердце чувствуетъ, конечно, что нынѣ праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ, что *Господь къ вамъ близъ*, по слову апостола. Вы отъ всего сердца пѣли сегодня: «о божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго твоего гласа—о божественное, о любезное, о сладчайшее твое вѣщаніе! Съ нами неложно общался Ты быть до скончанія вѣка, Христе: это слово имѣя утвержденіемъ—порукою нашей надежды, мы радуемся». Вы подтвердите истину нашихъ словъ.

И къ вамъ обращаемся, души христіанскія, разбитыя опытомъ грѣшной жизни,—души, которымъ переживать этотъ день, особенно его конецъ, особенно бываетъ грустно и тяжело. Многіе изъ васъ испытали такого рода опытъ: молишь Бога, чтобы Онъ сподобилъ тебя достигнуть и поклониться святому Христову воскресенію; ждешь этого праздника праздниковъ и торжества торжествъ, и дождешься, и чувствуешь: «Боже мой! какъ мало созвученъ тупой голосъ моего сердца съ восторженными пѣснями Церкви! Она поетъ: *живуй нынѣ и веселися*, а у меня на сердце такая грусть, такая тоска, такая тяжесть, такая пустота». И съ особенно усиленною, теплою вѣрою молишься сегодня: «о пасха велія и священнѣйшая, Христе! о мудросте и Слове Божіи и силе! подавай намъ истѣе Тебе причащаться въ невечернѣмъ дни царствія твоего». Это—печаль по Бозѣ: въ этотъ день она ощутительно для сердца многимъ изъ насъ говоритъ, что *Господь къ намъ близъ*.

Что сказать въ совѣтъ тебѣ, сердце маловѣрующее, желающее однакожь увѣриться въ истинѣ воскресенія Господа и близости Его къ намъ? Древніе христіане въ этотъ

день имѣли и нынѣ добрые христіане имѣютъ обычай дѣ-
лать выходящія изъ ряда добрыхъ дѣла, особенно дѣла ми-
лосердія. Попробуй и ты сдѣлать что-либо подобное: обни-
мись со врагомъ, накорми алчущаго, отри слезу вдовы и
сироты, посѣти больного или узника, сдѣлай сегодня празд-
никъ для несчастнаго—Христа ради, и Христосъ сегодня
же провѣщаетъ тебѣ: *добро, сдѣланное тобою единому
сихъ братій моихъ меньшихъ, Милъ сотвореко. Миръ тебѣ.*
Попробуй, маловѣръ, дѣломъ милосердія отверзеть Христу
сегодня дверь твоего опустѣвшаго сердца: Онъ уже стоитъ
у нихъ и стучится, не услышишь ли ты гласа Его и не
отверзешь ли двери,—Онъ уже готовъ войти и посидѣть
съ тобою. Отвертая тобою сегодня слеза несчастнаго увѣритъ
твое маловѣрное сердце, что Христосъ живъ и присущъ
каждому изъ насъ также, какъ и апостоламъ былъ присущъ,—
что *Христосъ во истину воскресъ.* Аминь.

1858.

ПОУЧЕНІЕ

на вечернѣ въ первый свѣтлый день св. пасхи.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

*Еже прежде солнца солнце зашедшее иногда
во гробъ предвариша ко утру ищущія. яко дне
Мироносицы двѣ, и друга ко друзіи вопіяху:
о дружины! прїидите, вопями помажемъ тѣло
живоносное и погребенное, плоть воскресившаго
падашаго Адама, лежащую во гробъ; идемъ,
потщимся, якоже волсви, и поклонимся, и при-
несемъ мѣра, яко дары, не въ пеленахъ, но въ
плащаницѣ обвитому, и плачѣмъ и возопѣемъ:
о Владыко! востани, падиши падаѣи воскресе-
ше. Ст. св. пасхи.*

Вотъ пасхальная стихира, глубочайшая по смыслу,
трогательнѣйшая по тонкости чувства, изящнѣйшая по бар-
тинности, и наименѣе извѣстная намъ по нашей невнима-
тельности. Еще отличительная черта этой пѣсни. Она усво-
ена только свѣтлымъ днямъ свѣтлой седмицы (да и то съ
исключеніемъ свѣтлаго пятка) (*), да и на свѣтлой сед-

(*) Она читается еще на утренѣ въ три воскресенья до вознесенія, но
тамъ проходитъ незамѣтно.

мицѣ усвоена только утренѣ. Знающимъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ пасхальныхъ пѣсней употребляются круглый годъ, наприм: *Во гробъ плотски, во адъ же съ душою, яко Богъ*,—или: *Воскресъ Исусъ отъ гроба, якоже прорече*,—или же: *Воскресеніе Христово видѣше, поклонимся святому Господу Исусу*. Большая же часть пасхальныхъ пѣсней поются только отъ перваго дня свѣтлой седмицы и до отданія пасхи. А двѣ поются только на свѣтлой седмицѣ, одна: *Предварившя утро яже о Маріи и обрѣтшя камень отваленъ отъ гроба*,—а другая: *Еже прежде солнца солнце зашедшее иногда во гробъ*. Но первая и изъ этихъ пѣсней поется какъ на утренѣ, такъ и на часахъ и на литургіи. Последняя же: *Еже прежде солнца*, только на утренѣ. Выходить, что мы должны видѣть въ ней пѣснь исключительно и преимущественно пасхальную. И дѣйствительно, это алмазъ между алмазами, воды нѣсколько сумрачной, съ примѣсью умилительной грусти къ пасхальной свѣтлости, но блеска глубокаго, но качества отборнаго и цѣны высочайшей. Боимся, что нашимъ словомъ, нашимъ анализомъ уронимъ единство и живую цѣльность выраженной здѣсь творческой идеи высочайшаго церковнаго пѣснопѣвца, преподобнаго Іоанна Дамаскина, творца почти всѣхъ пасхальныхъ пѣсней.

Вотъ духовное солнце, сперва зардѣвшись кроваво багрянымъ заревомъ, затѣмъ укутавшись необычнымъ, чудеснымъ, ужасающимъ мракомъ, подъ конецъ одѣвшись просвѣтомъ тихо мерцающей, свѣтло гаснущей вечерней зари, общая свѣтозарный день, мирно склонилось къ своему закату и потухло, погрузивъ свои погасшіе для земли и смертныхъ очей лучи въ подземный мракъ гроба и ада, озаривъ собою антиподъ всякой жизни—подземную преисподнюю. Это солнце—страдалецъ Христосъ, умиравшій

въ тяжкихъ мукахъ, обогранный собственною кровію, на крестѣ, одѣтомъ въ сумракъ потухающаго дня и чудесно нависшей, совершенно необычайной тьмы,—Христосъ отдавшій духъ свой въ руки Божіи при землетрясеніи, при паденіи камней, при чудесномъ отверзтіи гробовъ, которые выпускали своихъ возставшихъ мертвецовъ, наконецъ снятый съ грознаго креста, унесенный съ ужасной Голгофы въ цвѣтущій садъ, при тихомъ мерцаніи зари тихо гаснущаго вечера, положенный въ новомъ гробѣ, осыпанный ароматами, укутанный плащаницею, омытый слезами друзей, обвитый ихъ погребальными молитвами и пѣснями исходными, заваленный камнемъ въ уединенномъ гробѣ и оставленный всѣми во мракъ надвинувшейся ночи на покой субботы, субботы великой,—умершій, какъ злодѣй со злодѣями, погребенный какъ царь, какъ грозный и во гробѣ судія злобной, но и робкой совѣсти своихъ враговъ, какъ похороненная, но не умершая надежда друзей и учениковъ, какъ смутно, но горячо чаемый ими побѣдитель смерти и ада, какъ воскреситель человѣчества. Спустилась ночь надъ Іерусалимомъ, ночь двойственная, ночь въ природѣ виѣшней и внутренней нравственной. Самый день великой субботы былъ для Іерусалимлянъ томительная ночь: для враговъ мрачная ночь торжества одержанной надъ обличающею истинною кровавой побѣды, но вмѣстѣ и пробужденія мучительно возстающей и грозно пугающей призраками совѣсти, а для друзей ночь мрачно гнетущей скорби, но и трепетно воскресающей надежды. Она проходитъ—эта томительная ночь. Наступившій съ закатомъ солнца покой великой субботы, не давъ даже кончить по чину обрядъ погребенія, пригвоздилъ всѣхъ къ мѣсту неподвижно. Не пригвоздилъ только злобу враговъ. Изъ мучительнаго опасенія, какъ бы льстецъ оный не возсталъ въ третій день, какъ предрекалъ, они пре-

небрегши покоем пасхальной субботы, шедше утвердиша гробъ, запечатавъ камень и приставивъ кустодію. Но этотъ третій день, пугающій однихъ, пробуждающій другихъ, приближался. Болѣе и болѣе бившіяся сердца, самыя горячія любовію къ почившему Страдальцу сердца святыхъ женъ мѣроносицъ поднимають ихъ на ноги, лишь только замерцала ночь воскресенія. Во мракѣ ночи, во мракѣ скорби, грызущей ихъ души, съ неудержимо встающею въ груди надеждою, онѣ спѣшатъ искать у гроба и встрѣтить свѣтозарный день воскресенія. Вечерняя заря погасла, утренняя на небѣ еще не загорѣлась, загорается развѣ только въ ихъ сердцахъ, но онѣ предваряють восходъ солнца изъ гробоваго мрака, вперяя нетерпѣливыя очи къ темному пока востоку и укутанному ночью тьмою саду, гдѣ сокрытъ рая краснѣйшій гробъ. Онѣ—мѣроносицы, въ рукахъ у нихъ послѣдняя дань почившему смертнымъ сномъ, благовоное мѣро. Во мракѣ ночи, мимо мрачной Голгофы, мимо мрачныхъ тѣней трехъ окровавленныхъ крестовъ, спѣшатъ онѣ во мракѣ уединеннаго сада, ко гробу дорогаго замученнаго Страдальца. Конечно, воображеніе ихъ пугаетъ страхи призрачные и дѣйствительные: тамъ враги видимые и невидимые; тамъ буйные римскіе войны, тамъ разбойники товарищи казненныхъ на Голгофѣ съ Іисусомъ; тамъ витають тѣни умершихъ, тамъ парятъ горніе и преисподніе духи. Идутъ жены мѣроносицы не озираясь вспять, однакоже одна другую ободряють; отгоняють проникающій трепетъ напоминаніемъ себѣ о неотложномъ печальномъ долгѣ и потухшей, но возгорающейся надеждѣ: о другини! о подруги! приидите, пойдѣмъ, благоуханіями мѣры помажемъ, принесемъ послѣднюю жертву нашей преданности дорогаго Мертвецу; Онъ умеръ тѣломъ, но живъ духомъ, и приметъ нашу жертву; приидите помажемъ тѣло, изъ кото-

раго улетѣлъ великій божественный духъ,—тѣло живоносное, которое давало и при жизни духовную жизнь другимъ, которое и по смерти—надѣмся—дастъ жизнь всѣмъ, хотя оно теперь и погребено; помажемъ благовоніями плоть, лежащую во гробѣ, но плоть, облакавшую Того, кто, среди велико-субботняго покоя во гробѣ плотски, во адѣ душою воскрешаетъ падшаго Адама. Идемъ, какъ волхвы, и поклонимся: волхвы кланялись слабому новорожденному младенцу, но и превѣчному Богу, лежащему въ ясляхъ; мы же поклонимся безсильному мертвецу, но и Побѣдителю смерти во гробѣ. Потщимся и принесемъ мѣры, какъ волхвы приносили свои дары: золото, ливанъ и смирну; принесемъ теперь уже не въ младенческихъ пеленахъ жизни нараждающейся, но въ мертвенной плащаницѣ жизни похороненной и обновляющейся обвитому. Принесемъ, подруги, прощальный даръ нашей любви и не станемъ удерживать нашихъ слезъ,—пускай ихъ льются эти слезы, слезы грустной утраты, но и сладкой надежды. Заплачемъ и всѣ вмѣстѣ возопіимъ: о Владыко! востани! Ты спишь сномъ смерти! Ты лежишь въ гробѣ! Посмотри кругомъ, сколько около Тебя гробовъ, съ Адамова начиная, и сколько въ нихъ падшихъ подъ косою смерти мертвецовъ. Проснись же, встань самъ и подыми всѣхъ падшихъ, подыми всѣхъ насъ, мертвыхъ и живыхъ, но всѣхъ—обреченную жертву смерти. Встань Солнце жизни, и животворными лучами твоего воскресенія озари эту темную бездну тѣни и праха, въ которой когда-то горѣла, но потухла жизнь; освѣти ихъ и пробуди къ новой жизни, какъ солнце весною пробуждаетъ зелень и цвѣты отъ замершихъ корней,—пусть растутъ и цвѣтутъ вѣчно въ невечернѣмъ дни царствія твоего.

Чувствуете ли вы, какъ вся эта пѣснь сложена изъ поэтическихъ антитезъ. Солнце на небѣ, солнце на крестѣ.

То еще не потухло, а солнце правды закатилось во гробъ. Ночь съ своимъ мракомъ надъ Іерусалимомъ, ночь томительной мрачной скорби въ душахъ. Блѣдетъ алѣетъ востокъ, загорается заря воскресенія, и мучительная скорбь перерождается въ умиленную грусть, въ точащую слезы радость. Во мракѣ ночи жены мѣроносицы ищутъ дня воскресенія и предваряютъ востокъ солнца изъ гробоваго мрака. Спѣшатъ помазать благовоніями тѣло мертвое, но по надеждѣ ихъ живоносное, — плоть, погребенную во гробѣ, но плоть Того, кто воскреситъ Адама изъ гроба. Мѣроносицы, какъ волхвы, спѣшатъ ко гробу, не къ яслямъ, — съ мѣрами вмѣсто злата, ливана и смирны, — не къ младенцу повитому пеленами, но къ мертвецу обвитому плащаницею, — отъ скорби, отъ тяжелой утраты плачутъ, но въ возраждающейся надеждѣ вопіютъ: о Владыко, о солнце наше красное, Ты закатилось, Ты лежишь во гробѣ среди гробовъ падшаго подъ косою смерти человечества, — взойди же Солнце и озари насъ падшихъ и пробуди всѣхъ къ новой жизни въ невечернѣмъ дни жизни уже безмертной.

Станемъ теперь размышлять и размышляя бесѣдовать о всѣхъ сихъ приключившихся. Поставимъ себѣ вопросъ, какова была вѣра св. женъ мѣроносицъ, приведшая ихъ сперва ко гробу почившаго, а затѣмъ и къ видѣнію воскресшаго Господа? Была-ль эта вѣра твердая и ясная? — Отвѣчаемъ, не была ихъ вѣра ни твердая, ни ясная, но была живая и дѣятельная, почему и привела ихъ не только ко гробу, но и къ видѣнію Воскресшаго, такъ какъ къ этому видѣнію привелъ ихъ не только перстъ Божій, начертавшій пути домостроительства Божественнаго, но привела и собственная ихъ заслуга. Эта вѣра была сперва оземленѣлая, не твердая, колеблющаяся; затѣмъ она была истерзана, замучена, почти убита искушеніемъ, но искушеніемъ же

очищена и возгрѣта; затѣмъ встала, какъ солнце въ ясный весенній день, на весь міръ, на всю невечерѣющую вѣчность.

Кого св. церковь, кого св. евангеліе причисляютъ къ лику св. женъ мѣроносицъ? Это была св. Марія Магдалина, изъ нея же Іисусъ изгна семь бѣсовъ, которая сама въ себѣ видѣла великое и благотворнѣйшее для себя чудо, чудо исцѣленія не только тѣла ея, но и души, и обратно, не только души, но и тѣла. Это была мать сыновъ Зеведеевыхъ, Іакова и Іоанна, избраннѣйшихъ учениковъ Господнихъ. Это были сестры Господа по плоти. Это была грѣшница, помазавшая мѣромъ, облившая слезами и отершая волосами своими ноги Господа въ дому Симона фарисея. Это были Марѳа и Марія, сестры Лазаревы. Это была жена грѣшница, излившая мѣро на главу Господа въ дому Симона прокаженнаго, и тѣмъ уготовившая Господа на погребеніе. Это были и ины многія жены, которыя ходили за Нимъ по Галилеѣ и изъ Галилеи послѣдовали за Нимъ, въ послѣдніе дни жизни Его, до Іерусалима. Онѣ ли уже не наслушались бесѣды Его? Онѣ ли не наглядѣлись чудесъ Его и всякихъ божественныхъ дѣяній? Онѣ ли не имѣли способовъ увѣриться въ Его небесномъ посланничествѣ, вникнуть въ духъ Его ученія? Первая Марія Магдалина видѣла надъ собою величайшее чудо, чудо исцѣленія души и тѣла, чудо побѣды Господа надъ бѣсовскою силою. Сестры Лазаревы Марѳа и Марія видѣли воскрешеніе четверодневнаго уже смердящаго мертвеца, своего брата. Родныя по отцу Іосифу сестры, какъ и братія Господа, знали всѣ дивныя знаменія, сопровождавшія дивную жизнь Его отъ вилеемскаго вертепа до славнаго входа Его въ Іерусалимъ на вольную страсть. Мать сыновъ Зеведеевыхъ слышала о сокровеннѣйшихъ ученіяхъ и чудотвореніяхъ Господа, ко-

торыхъ сыны ея были избраннѣйшими изъ избранныхъ свидѣтелей очевидцевъ. Сестра Лазаря Марія любила сидѣть у ногъ небеснаго Учителя и слышать слово Его, чувствуя, что слово Его есть единое на потребу, есть небесный хлѣбъ для души. Если кто, то именно жены мироносицы, неотступно слѣдя за Господомъ по Галилеѣ и Іудеѣ, ловили каждое слово Его, чувствуя что Онъ глаголы живота вѣчнаго имать и имъ изрекаетъ.

Вѣровали ль онѣ въ Господа, какъ Сына Божія, какъ небеснаго посланника? Вѣровали, какъ тотъ евангельскій мужъ, который изрекъ сіи безсмертной памяти слова: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*. Въ евангеліяхъ осталось много чертъ, которыя свидѣлствуютъ о колеблющейся вѣрѣ избраннѣйшихъ учениковъ, какъ и избраннѣйшихъ ученицъ Господа. Этихъ чертъ слишкомъ много для одной бесѣды. Укажемъ нѣкоторыя черты, касающіяся главнымъ образомъ только св. женъ, приближенныхъ ко Господу. *Ни братія Его вѣроваху въ Него*, замѣчаетъ св. евангеліе о братіяхъ. Но тоже, конечно, слѣдуетъ сказать и о сестрахъ: ни сестры Его вѣроваху въ Него. И вотъ черта въ доказательство этого. Братія и сестры, побудивъ идти съ собою и пречистую Богоматерь, приходили исхитить Его изъ толпы, среди вдохновеннѣйшей Его проповѣди, полагая, что Онъ можетъ кончить несчастіемъ для себя. Братія Его, а конечно и сестры, какъ-то странно побуждали Его, въ послѣдній годъ, идти изъ Галилеи въ Іудею, чтобъ ученики видѣли дѣла, какія Онъ творить, говоря: *никто не думаетъ что либо (славное) въ тайнѣ, но ищетъ самъ быть въ явѣ: если Ты сія творить, яви себя мірови*. Имъ все думалось и ждалось, что вотъ не сегодня—завтра Онъ объявитъ себя царемъ избраннаго народа и воцарится на землѣ еврейскимъ Мессіею. А когда они робко чувствовали, что

Онъ не къ тому направляетъ свои дѣла и слова и раздражаетъ противъ себя народъ и старѣйшинъ, они маловѣрно предостерегали Его: *Равви! Нынѣ Іудеи искажу Тебе убити,—и ужели Ты опять идешь въ Іудею?*—Уже въ послѣдній разъ, предъ самымъ входомъ въ Іерусалимъ, мать сыновъ Зеведеевыхъ обратилась ко Господу съ просьбою, совершенно своекорыстною еврейскою, чтобъ Онъ посадилъ ея сыновъ, единого одесную, а другаго ошую у своего престола, во славу царствія своего. Марѳа у гроба Лазарева съ маловѣріемъ говорила Господу, желавшему вызвать ея вѣру, что конечно братъ ея воскреснетъ въ воскрешеніе въ послѣдній день, а теперь о воскресеніи и думать ничего,—Лазарь *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть*.—Изумляешься, когда читаешь даже послѣднюю бесѣду Господа съ избраннѣйшими апостолами на тайной вечерѣ и на пути къ Геосиманскому саду; такъ много въ нихъ простодушія, такъ мало высокаго пониманія и не особенно много самой вѣры. А эти послѣдніе дни были днямъ искушенія и для женъ—ученицъ. Когда вели Господа уже на крестъ, сопровождавшія Его жены плакали и рыдали о Немъ,—что вотъ де чѣмъ кончилось дѣло. Почему обратившись къ нему Іисусъ рече: *дщери Іерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о чадахъ вашихъ*. Когда Его распяли, стояли всѣ знаемые Его издавеча; въблизи стояли только Мать Господа и возлюбленный ученикъ Іоаннъ, прочіе не осмѣлились приблизиться, какъ и жены, спослѣдствовавшія Ему, болѣе или менѣе участливо, но не безъ заботы и о собственной безопасности, смотря на все это. Потребовалась уже отвага мужская, чтобы ходатайствовать о снятіи со креста и погребеніи Господа; съ этою просьбою *Іосифъ дерзнулъ вниде къ Пилату*. Когда Іосифъ съ Никодимомъ погребали Господа, невидна уже никакого, тѣмъ болѣе дѣя-

тельнаго участія св. женъ; онѣ, кажется, даже оставили Господа въ эту печальную минуту, за исключеніемъ Маріи Магдалины и Маріи Іосіевой, которыя, *сплѣще прямо гроба, зряте, идѣ Ею полагаю*. Видно, что онѣ уже крѣпко убиты были горемъ и сознаніемъ полнѣйшаго своего безсилія дѣятельно помочь здѣсь хоть чѣмъ либо,—оставалось сидѣть издали, да смотрѣть. А прочія ушли, каждая съ своею заботою. Думается, что здѣсь самая вѣра въ замученнаго Страдальца была похоронена съ Нимъ во гробѣ, завалена камнемъ и припечатана... Уже въ ночь воскресенія Марія Магдалина, когда усмотрѣла, что камень взятъ отъ гроба, не только сама подумала, но и другимъ внушаетъ мысль, что кто-то взялъ Господа изъ гроба, только не знаетъ она, гдѣ положили Его. Даже увидѣвъ самаго Воскресшаго, она пока еще безсильна сама собой притти къ мысли, что это дѣйствительно воскресшій Христосъ, а думаетъ, что это вѣроятно садовникъ, къ которому и обращаетъ слова, звучавшія сколько любовію къ почившему, столько же и маловѣріемъ: *господинъ, если ты взял Ею, скажи, идѣ ты положишь Ею, и я возму Ею*. А прочія жены мѣроносицы, идя ко гробу, останавливаютъ свою заботу на томъ, кто отвалитъ имъ камень отъ дверей гроба, ибо камень былъ очень великій. Великимъ камнемъ въ этомъ же гробѣ завалена была пока еще и вѣра ихъ въ воскресеніе и въ Воскресшаго. Даже когда увидѣли камень отваленъ и Ангела юношу, сидящаго у мѣста, гдѣ лежалъ Господь, онѣ первымъ дѣломъ ужаснулись, и даже когда Ангелъ изрекъ имъ благовѣстіе о воскресеніи и ободрялъ ихъ словами: *не ужасайтесь: Іисуса ищите Назарянина распятаго* (вотъ кого онѣ искали,—Іисуса Назарянина распятаго); *Христосъ воскресъ*,—продолжаетъ Ангелъ,—*вотъ мѣсто, идѣ Онъ былъ положенъ*,—онѣ и послѣ этой радостно

потрясающей вѣсти, изшедши изъ гробовой пещеры, побѣжали, обуялъ ихъ трепетъ и ужасъ, и никому ничего онѣ не говорили, ибо боялись. И все это смущеніе лежало на ихъ чувствахъ, пока Господь не отверзъ имъ очи видѣти и умы разумѣть, пока не явился имъ самъ и не изрекъ: *радуйтесь!*

Какимъ же путемъ очевидно колеблющаяся вѣра св. женъ мѣроносицъ дошла до видѣнія воскресшаго Господа? Нужна была особая заслуга, особое приготовленіе, особая способность, чтобъ узрѣть Его по воскресеніи. Нужна же была особая заслуга для того, чтобы св. жены мѣроносицы узрѣли Воскресшаго даже прежде апостоловъ, а Марія Магдалина узрѣла даже первая. Нужно было въ ней особенное приготовленіе, особое возбужденіе души, какъ и въ апостолахъ, чтобъ сперва прозрѣло око духовное, а затѣмъ уже узрѣли Воскресшаго и тѣлесныя очи, такъ какъ до этого внутренняго просвѣтленія очи смотрѣли, но не видѣли и не узнавали. Нужна была особая, издавна пріобрѣтенная въ св. женахъ, какъ и въ апостолахъ способность, чтобъ удостоиться видѣнія Христа воскресшаго, такъ какъ прочіе современники воскресенія видя не видѣли Его воскресшаго, хотя Онъ и присутствовалъ между ними, но не являлся имъ. Такъ было съ воинами, стерегшими гробъ въ свѣтлую ночь воскресенія. Тоже, только въ иной степени, было съ учениками, шедшими въ Еммаусъ, или съ апостолами на морѣ Тиверіадскомъ. Изводилъ же Онъ апостоловъ изъ Іерусалима на гору Елеонскую, въ день вознесенія, но Іерусалимляне неспособны были узрѣть Его прославленное челоуѣчество. Явленія Воскресшаго были именно явленія, которыхъ нужно было удостоиться, нужно было заслужить эту радость, нужно было къ ней приготовиться, нужно было предварительно пріобрѣсти способность къ этому созер-

цанію. Св. жены мѣроносицы дѣйствительно были къ этому и способны, и приготовлены, и воспримчивы, и достойны этой высочайшей радости.

Онѣ приготовились къ этой радости вѣрою теплою, живою и дѣятельною, хотя пока еще и не вполне твердою и несовсѣмъ ясною. Приготовились великими дѣянiями преданности, самоотверженiя и горячей любви ко Господу. Оцѣните, кто можетъ, въ женахъ мѣроносицахъ преданность Господу, по которой онѣ, имѣя свои дома и семейства, почти неотступно слѣдовали за Нимъ по Галилеѣ, и изъ Галилеи до Іерусалима. Оцѣните, кто можетъ, то благоговѣніе, съ которымъ онѣ постоянно, сколько было можно, подобно Маріи сестрѣ Лазаревой, готовы были сидѣть у ногъ Его и слышать каждое слово Его, забывая про хлѣбъ насущный, забывая про домашніа дѣла свои, забывая даже о хозяйскомъ долгѣ угощать, подобно многозаботливой Марѣѣ, своего божественнаго Гостя, находя въ Его словѣ насущное питаніе для жаждущихъ небеснаго наставленiя своихъ сердецъ. Оцѣните и то, что онѣ, по всему видно, не обладая большимъ богатствомъ, нѣсколько лѣтъ служили Господу, съ Его избранными спутниками, отъ имѣній своихъ. Оцѣните и эту сердечную заботливость Марѣы, которая, хотя и желала бы сѣсть у ногъ небеснаго Учителя, по примѣру сестры своей Маріи, и упокоиться отъ житейскихъ попеченій въ слушаніи небеснаго ученiя, однакоже смиренно покорствуеъ долгу преданной своему божественному Гостю, попечительной обѣ упокоеніи Его хозяйки дома. Оцѣните самоотверженіе матери сыновъ Зеведеевыхъ, которая отдала на служеніе Господу юныхъ сыновей, изъ которыхъ Іаковъ первый и заплатилъ своею жизнію за свое апостольство. Оцѣните, кто можетъ, это глубочайшее смиреніе жены грѣшницы, которая въ дому Симона фарисея помазуетъ ноги

возлежащаго Господа, обливаетъ ихъ слезами сокрушенiя о грѣхахъ своихъ и любви къ чистотѣ небесной, и отираетъ ноги своими волосами и покрываетъ лобызаніями, всенародно выражая свое сокрушеніе о своей порочной жизни, не взирая на ропотъ окружающихъ мнимыхъ праведниковъ и негодованіе на то, что она осмѣлилась осквернить святое собраніе у фарисея своимъ презрѣннымъ присутствіемъ. Оцѣните, кто можетъ, это проникнутое глубочайшею тончайшею любовію предчувствіе женскаго сердца Маріи, которая, изливая драгоцѣнное миро на святую главу Воскресителя своего брата Лазаря, обрекаетъ на смерть Его самого, побѣдителя смерти, и уготовляетъ на погребеніе своимъ безсловнымъ, но многорѣчивымъ приношеніемъ. Вы дадите высшую цѣну и слезамъ, которыми жены Іерусалимскія оплакивали божественнаго Страдальца, изнемогавшаго подъ ношею креста, когда сравните эти невольныя слезы съ неистовыми криками мужей этихъ женъ: *возми, возми, распни Его! Кровь Его на насъ и на чадъхъ нашихъ.* Эти женскія слезы свидѣтельствовали о чувствѣ женскихъ сердецъ, что праведному Страдальцу наносится высшая несправедливость и учиняется величайшее злодѣянiе. Была своя благородная черта неотступной преданности и въ томъ, что у креста жены мѣроносицы стояли издавеча зряще сіе; особенно если сравнить это присутствіе слабыхъ женъ у креста съ отсутствіемъ мужей апостоловъ, когда они, оставивъ своего Учителя въ предсмертныя Его часы и минуты, вси бѣжаша; особенно если принять во вниманіе, что жены мѣроносицы не могли бы подступиться ко кресту, еслибъ и желали, когда тутъ у креста стояла воинская стража, присутствовали архіереи и старѣйшины, когда толпились здѣсь же у готоваго кроваваго зрѣлища неисчислимые массы кровожадныхъ зрителей, или просто охотниковъ

до кровавых зрѣлищъ изъ жителей не только Іерусалима, но и всей Палестины и окрестныхъ странъ. У самаго гроба женамъ мѣроносицамъ не оставалось ничего иного, какъ только сидѣть здѣсь и смотрѣть, — такъ какъ распорядителями погребенія были Іосифъ и Никодимъ, знатные богатые жители Іерусалима, ктому же только потаенные ученики Господа. Что имъ было, среди ихъ печальнаго, торопливаго и таинственнаго дѣла — погребенія распятаго Страдальца, тайнаго ихъ друга и учителя, — что имъ было до какихъ то бѣдныхъ галилейскихъ женщинъ? Собственная безопасность ихъ отъ беспощадности согражданъ и неистовства черни требовала всячески показывать, что они не только съ Его послѣдователями не имѣютъ ничего общаго, но и Его самаго погребаютъ единственно изъ состраданія. Оцѣните, кто можетъ, это безсиліе Маріи Магдалины оторваться отъ этого безцѣннаго гроба, когда Іосифъ съ Никодимомъ, заваливъ гробъ камнемъ, ушли; когда надвигалась ночь надъ уединеннымъ садомъ, надъ уединеннымъ гробомъ; когда онѣ оставались средь этой пустыни только съ одинокимъ Мертвецомъ, да съ своимъ преданнымъ Ему сердцемъ, да съ собственнымъ же воображеніемъ, способнымъ создавать ужасы. Уже и отсюда понятно, почему жены мѣроносицы спѣшатъ ко гробу въ ночь воскресенія, лишь только прошелъ вечеръ и погасла вечерняя заря великой субботы. Онѣ желали отдать послѣдній долгъ мѣропомазанія Почившему какъ можно сокровеннѣе, чтобъ имъ не попрепятствовали въ этомъ не только враги Господа, но и друзья обладатели сада, которые были хозяевами не только гроба, но и обладателями погребеннаго тѣла. Вспомните ихъ отвагу итти на встрѣчу всѣмъ ужасамъ ночи, гроба, сосѣдней страшной Голгофы, вражды и дерзости людской. Вспомните, что Марія Магдалина приходитъ въ гробовой садъ рѣшительно

одна, одна проникаетъ во гробъ, стоитъ тутъ, забывъ все кромѣ своей скорби, и изливается въ слезахъ: не только убили, но и взяли куда-то ея Господа... Отдай мнѣ Его, — говоритъ она воображаемому садовнику, — тебѣ Онъ не нуженъ, а мнѣ дорогъ и я возму Его.

Безспорно, что надъ этими душами пока еще носился мракъ двойной ночи. Ужасами этой смерти ниспровергнуты были всѣ ихъ коренныя понятія, попораны завѣтнѣйшія ихъ чувства. Но при свѣтѣ изъясняемой пасхальной пѣсни, приникните, какъ изъ тьмы въ этихъ измученныхъ душахъ загорается свѣтъ воскресенія. Вотъ ихъ солнце зашло во гробъ; изъ тьмы онѣ ищутъ вытти на свѣтъ Божій, среди ночи онѣ призываютъ свой день. Онъ умеръ, — пойдемъ благовоніями помажемъ тѣло уже — увы! — не живое, тѣло погребенное. Мы же — увы! — надѣяхомся, яко сей есть хотяи избавити Израиля, что Онъ воскреситъ падшаго Адама. Прошли въ ихъ воспоминаніи знаменательныя событія жизни Господа съ минуты рождества Его. Онѣ несутъ мѣро, — да, такъ несли волхвы свои дары, несли младенцу, повитому пеленами. Увы! Онѣ несутъ свой печальный даръ Ему же, лежащему уже не въ ясляхъ, а во гробѣ, повитому погребальною плащаницею, не младенческими пеленами. И слезы горести льются изъ глазъ ихъ по горестной утратѣ. А въ пламенѣющемъ сердцѣ загорается свѣточъ надежды и молитвы: Господи! Ужели все, что Ты содѣлалъ, растаяло, какъ дымъ? Что Ты изрекалъ и предрекалъ, исчезло, какъ дымъ? Ты же предрекалъ, что по тріехъ дняхъ возстанешь. Третій день загорается. Встань же, Господи, проснись, пробудись, воскресни и подыми насъ падшихъ отъ вѣка и вѣковѣчно падающихъ подъ косою смерти. И на ихъ трепетную молитву Ангелъ огласилъ ихъ вѣстію: Христосъ воскрес! И самъ Воскресшій осіялъ

ихъ своимъ лицезрѣніемъ и божественнымъ привѣтомъ ихъ сердцамъ: радуйтесь.

Оказывается, что къ радостному видѣнію Воскресшаго уготовала св. жены мѣроносицы вѣра хоть и неясная, хоть и колеблющаяся, но сильно стремящаяся перейти въ вѣру свѣтлую, несокрушимую. Уготовала чистота сердца, у однихъ сохраненная въ непорочномъ дѣвствѣ или честномъ нескверномъ супружествѣ, а у другихъ возстановленная слезами покаянія и сокрушенія. Уготовала любовь дѣятельная, проявлявшаяся въ жалости сердца, въ дѣлахъ милосердія, въ щедродательности, въ величайшемъ dobroхотствѣ и ревностнѣйшемъ радушіи. Уготовала любовь самоотверженная, чистѣйшая, трогательнѣйшая, тончайшая, какая проявилась наприм. въ дѣяніи жены грѣшницы въ домѣ Симона прокаженного. *Блаженн чистѣи сердцемъ, яко тиѣ Бога узрятъ. Аще кто любитъ Мя, и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ.* Св. жены мѣроносицы возлюбили Господа любовію чистою и самоотверженною, и Онъ, уже отходя къ Отцу небесному, явился имъ самъ. И съ той минуты онѣ явились первыми и всегдашними до собственной смерти, самоотверженными до смерти и безстрашными до самозабвенія благовѣстницами востекшей на горизонтъ всего міра свѣтлой радости воскресенія.

Можно-ль и намъ дойти до твердости вѣры, граничащей съ видѣніемъ Воскресшаго? Можно и тѣмъ же путемъ, какимъ дошли и св. жены мѣроносицы.

Въ великій день распятія, солнце нравственного міра, великій просвѣтитель человѣческаго рода, высочайшій образецъ нравственного совершенства, — солнце правды и свѣта истины закатилось со креста во мракъ смертный, а оттуда во мракъ и гроба. Нѣтъ на свѣтѣ мыслителя, знающаго исторію, который сомнѣвался бы въ непреложности факта

смерти этого высшаго Просвѣтителя людей. Мы же надѣяемся, яко сей есть хотяи избавити человѣчество не только отъ нравственного зла, но и отъ неотвратимаго зла смерти. Мы надѣялись, что Онъ явитъ всему человѣчеству опытъ воскресенія человѣка сперва въ Себѣ, затѣмъ въ другихъ, а далѣе и во всѣхъ смертныхъ. Онъ дѣйствительно и показалъ такой опытъ. Его воскресшаго видѣли св. жены мѣроносицы, видѣли св. апостолы; кромѣ ихъ видѣли въ одинъ разъ до 500 братій, которые долго еще живы были по воскресеніи и вознесеніи Его на небо, и на которыхъ указывалъ своимъ современникамъ изъ язычниковъ св. апостолъ Павелъ, какъ на живыхъ еще тогда очевидцевъ воскресшаго Господа. Этотъ историческій фактъ опять же непреложенъ. Отчего же невѣріе въ воскресеніе? Оттого, что разсудку нашему такъ трудно примирить истину воскресенія съ понятіями, выработанными нашею тѣлесностію, нашими мозгами, нашею соприкосновенностію съ предметами только вещественными и опять же вещественными вездѣ кругомъ. Наша грѣховность, какъ гиря, давить насъ въ тину плотяности, частичности, разложенія, тлѣнія, какъ процессовъ необходимыхъ для самой жизни. Жизнь кругомъ условливается смертію. Поэтому лишь только мы забываемъ про несомнѣннѣйшія историческія свидѣтельства о воскресеніи Христовомъ, какъ мысль и привыкаетъ къ естественному представленію о невѣроятности загробной жизни, для насъ ли, для самого ли Спасителя нашего. Даже иногда чѣмъ больше вдумываешься въ эту вѣковѣчную загадку, чѣмъ больше взвѣшиваешь доводовъ этой неразрѣшаемой проблемы ума, тѣмъ болѣе замыкаешься въ безвыходномъ кругѣ разсудочныхъ соображеній. Какъ же быть?

Единственный путь къ выходу здѣсь, по вѣковѣчному

психическому опыту, это путь практический, путь дѣятельной христіанской любви, путь, который въ свою очередь и самую вѣру содѣлаетъ живою и стойкою. Пусть наша вѣра теперь невыше вѣры евангельскаго мужа, который въ лицо самому Господу Іисусу, сказалъ сіи безсмертныя слова: *влѣру, Господи, помози моему невѣрію*. То естественно, что вѣра наша граничитъ съ маловѣріемъ. Такъ было и въ евангельскія времена. Пусть теперь около насъ такъ много богоубійственнаго невѣрія; пусть оно растетъ кругомъ насъ съ каждымъ днемъ грознѣе и грознѣе. Такъ было и въ евангельскія времена. Весь міръ тогда погруженъ былъ въ невѣріе и развратъ. Весь міръ дышалъ злобой и пресненіями на малое стадо Христово; а самаго Христа, единодушнѣйшимъ приговоромъ богоизбраннаго народа и римскаго права, предалъ позорнѣйшей и ужаснѣйшей казни. Тѣмъ не менѣе едва едва не потухшая даже въ избранныхъ ученикахъ Христовыхъ вѣра загорѣлась въ нихъ, со дня воскресенія Христова, свѣтлымъ міровымъ солнцемъ, которое, до сего дня, лучами божественной, просвѣщающей и согрѣвающей истины, свѣтитъ во всѣ концы міра. А кто изъ насъ не дорожитъ тѣмъ, чтобъ оно свѣтило, просвѣщая, согрѣвая, возвращая доброе, убивая худое, утверждая крѣпкое, умирая мятежное и малодушное, въ нашихъ собственныхъ сердцахъ! Дорожитъ, конечно, каждый; желаетъ этого каждый. Такъ и иди же каждый путемъ св. женъ муроносицъ.

Да не отягчаютъ сердца наши объяденіемъ, пиянствомъ и печальми житейскими. Да не омрачаются страстями и похотями, теряя послѣднѣйшую искру евангельской чистоты, необходимой для зрѣнія Бога. Да не ослабѣваемъ въ поощреніи себя къ любви христіанской. Христа, живаго воскресшаго Христа ощутить сердцемъ всегда не трудно, про-

тягивая руку во имя Христова къ меньшей братіи. И много чертъ можно списать для подражанія съ честнаго лика св. женъ муроносицъ. Но вотъ одна черта, поучительнѣйшая для нашего охладѣвающего ко Христу времени. Въ ночь воскресенія св. муроносицы уготовляютъ ароматы, чтобы помазать Христа умершаго. Въ дому Симона фарисея, Симона прокаженнаго и Лазаря, праведныя жены муроносицы изливаютъ то слезы, то драгоцѣнное миро на главу и ноги Христовы. Всѣ жены муроносицы служатъ Христу отъ имѣній своихъ. Именно свѣтится въ нихъ эта пламенная готовность, всякими жертвами и благоугожденіями, служить Христу самому, а не нищимъ Его ради. И первый именно Іуда предатель нашелъ, что это напрасно, неправильно, неразумно и неодобрительно. — *Чего ради тибель сія бысть?*—въ извѣстномъ случаѣ спрашивалъ онъ кругомъ себя съ негодованіемъ, — *чего ради миро сіе не продано было за триста пльязей и дано нищимъ?* Казалось бы, Іуда замѣтилъ довольно основательно. Скажите, не похоже ли это отчасти на современную благотворительность? Въ нѣкоторыхъ кругахъ все на нищихъ, всѣ заботы о бѣдныхъ, и ничего собственно и непосредственно для Христа. Замѣтимъ, что Христосъ Спаситель взглянулъ въ душу сей жены и ея дѣла безконечно глубже, чѣмъ будто бы нищелюбивый Іуда. *Что труждаете жену,*—замѣтилъ Господь на корыстное замѣчаніе Іуды, — *дѣло доброе она сдѣлала относительно Меня, ибо нищихъ вы всегда имѣете съ собою, Меня же не всегда имѣете. Возліявши бо миро сіе на тѣло мое, она на погребеніе Меня приготовила.*—Посмотрите, нѣкоторые круги, памятуя только о нищихъ, о бѣдныхъ, не забываютъ ли о Христѣ ближайшимъ образомъ? О бѣдныхъ заботятся—для Христа ли? Вотъ храмъ или домъ Христовъ,—поставить ли когда либо

Христу свѣчку? Воскурятъ ли еиміамъ? Подадутъ ли на елей? Пожертвуютъ ли плащаницу, пелену, ризу Христу? Не становится ли для нихъ храмъ Христовъ, сей свѣтъ въ храмахъ, которымъ пользуются и они, сіи свѣтлыя облаченія и утвари, сіи стройныя лики пѣнія, стоящіе людямъ труда и требующіе способъ, не становится-ль все это дѣломъ стороннимъ, даже чуждымъ, даже недостойнымъ ихъ вниманія, даже противнымъ ихъ вкусамъ и понятіямъ? Повѣрьте, мы не въ укоризну говоримъ это въ первый день свѣтлыя пасхи. *Другъ друга обьемемъ въ день воскресенія.* А указываемъ только на односторонность взгляда, который начинаетъ быть господствующимъ, который происходитъ изъ ошибочности укореняющагося принципа. Указываемъ на достохвальность старо-русскихъ христіанскихъ обычаевъ. Не стыдись, христіанская душа, зажечь у образа Христова свѣчку. Повѣрь, Христосъ увидитъ свѣтъ и свѣчки и твоего горящаго свѣчкою передъ Нимъ сердца. Не стыдись подать копѣйку на ладонь, на вино церковное, на елей для храма Христова. Повѣрь, Христосъ самъ обоняетъ благовоніе твоей жертвы, твоего усердія и теплой молитвы. Не труждайте ихъ, не тревожьте ихъ,—вѣщаетъ Христосъ съ неба,—дѣло доброе дѣлаютъ для Меня. Во всѣхъ этихъ жертвахъ выражается кроткая и смиренная любовь ко Мнѣ самому. А кто истинно любитъ Меня, тотъ не забудетъ ради Меня и меньшую нищую братію. А кто любитъ Меня, того возлюблю и Я и явлюся ему самъ. Явлюся ему въ явномъ благословеніи моемъ во дни счастья, чаще въ утѣшеніи моемъ во дни искушенія и скорби; еще чаще на смертномъ одрѣ отходящаго ко мнѣ смиренно—вѣрнаго раба моего, а непременно за гробовою доскою. Гдѣ и встрѣчу его и реку ему: радуйся. Я восхожду и ты со Мною ко Отцу моему и Отцу вашему и

Богу моему и Богу вашему. На землѣ ты посылно, хотя и усиленно вѣровалъ, яко Христосъ воскрес; теперь у гроба и за гробомъ видишь, яко воистину воскрес. Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНИЕ

на вечернѣ въ первый день свѣтлыя пасхи.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

О пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте, и Слове Божіей, и силе! Подай намъ истѣе Тебе причащатися въ не вечернѣмъ дни царствія твоего.

Праздникъ пасхи начался въ раю и кончится въ раю; начался въ раю земномъ, а кончится въ небесномъ.

Пасха значитъ собственно переходъ, но не простой переходъ съ мѣста на мѣсто, а великій и священный переходъ человѣка первозданнаго изъ райскаго состоянія въ высшее и лучшее, прообразовательный переходъ Израиля изъ рабства египетскаго въ свободу богоизбраннаго народа, таинственный переходъ искупленнаго Христомъ человѣчества отъ смерти къ животу. Пасха велія и священная самъ Христосъ, Божіе Слово, Божія мудрость и сила, какъ обѣтованный Избавитель, какъ виновникъ той и другой и третьей, а въ концѣ концовъ единой, великой и священной пасхи, перехода человѣчества отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси.

Замѣтьте, какъ самая пасха, такъ и ея символика, символика домостроительства нашего спасенія, началась еще

въ раю, а продолжается и доселѣ. Это я хочу ввести васъ, какъ и себя самого, въ смыслъ глубочайшей по мысли пасхальной пѣсни: *О пасха велія и священнѣйшая, Христе! О мудросте и Слово Божіе и сила! Подай намъ истѣе Тебе причащатися въ не вечернѣмъ дни царствія твоего.*

Причащался этой пасхи первозданный человѣкъ въ раю, но такъ, что и у него оставалось желаніе причащатися ея истѣе. Оттого онъ и палъ, что неистово рванулся впередъ къ этой цѣли. Весь рай былъ символъ для первозданнаго человѣка, какъ цѣльнаго единства духа и вещества, и все въ раю было символъ. Символъ—это вещественное земное изображеніе духовной небесной тайны. Было въ раю особыхъ два древа, древо жизни и древо познанія добра и зла. То и другое были символами великой и священной пасхи, Слова Божія, Иисуса Христа. Замѣтьте, это были двѣ противоположности, но противоположности таинственно-символическія, которыя должны были перейти одна въ другую, или точнѣе—которыя, исходя изъ единства, потомъ раздвояясь въ противоположности, должны были опять перейти и слиться въ единство. О томъ и другомъ, какъ и всякомъ древѣ райскомъ сказано: *произраститъ Господь Богъ изъ земли всякое древо, красивое въ видѣнїи и доброе въ снѣдѣ, и древо жизни посреди рая, и древо познанія добра и зла.* Видите, древо познанія добра и зла также Богомъ насаждено въ раю, какъ и древо жизни. Затѣмъ о древѣ жизни сказано, что человѣкъ могъ *простираť къ нему руку и брать отъ плодовъ его и ѣсть и быть живымъ во вѣкъ.* О древѣ же познанія добра и зла сказано Адаму какъ разъ противоположное: *не ѣшь отъ него, а въ день, въ который ты вкусишь отъ него, ты смертию умрешь.* Явная противоположность. Одно—древо жизни, другое—смерти. Одно

—источникъ добра и счастья для человѣка, а другое— источникъ зла и несчастія. Между тѣмъ то и другое насаждены Богомъ, источникомъ добра и, безъ сомнѣнія, только для добра человѣку. Какъ же это вязалось? Вязалось символическою тайною райской пасхи, перехода первозданнаго человѣка изъ одного состоянія въ другое, изъ низшаго въ высшее, изъ тѣлеснаго въ духовнѣйшее, изъ земнаго въ небесное.

Вкушая отъ древа жизни, человѣкъ, облеченный вещественнымъ тѣломъ, по природѣ смертный, приобреталъ, по благодати Божіей, временное ежечасное безсмертіе, но приобреталъ, чтобы постепенно переходить въ состояніе безсмертія неотъемлемаго, вѣчнаго, небеснаго. Райскій человѣкъ, одаренный свѣтлымъ умомъ, но невинный, какъ чистое Божіе дитя, долженъ былъ переходить отъ невинности въ состояніе вѣдѣнія и мудрости, человѣкъ ограниченный по природѣ и маломощный призванъ былъ, чрезъ постоянное духовное усовершенствованіе, переходить отъ силы въ силу, отъ первобытнаго богоподобія къ высшему богоуподобленію, къ большому и большому усвоенію себѣ божественной мудрости, божественной силы, божественнаго блаженства, полнѣйшаго упокоенія въ Бозѣ, божественнаго творчества, какъ соединенія божественной мудрости и силы.

Но для такого перехода, человѣкъ обязанъ былъ не вкушать отъ древа познанія добра и зла. Древо жизни давало ему ежеминутное безсмертіе даромъ. Но чтобы наследовать плодъ вѣчнаго невечерѣющаго безсмертія, человѣку нужно было приобрести заслугу чрезъ древо познанія добра и зла. По заслугѣ человѣка, оно должно было дать въ возмездіе человѣку какъ разъ то самое, что пообѣщалъ змій искушитель: дать высшее богоподобіе, высшее вѣдѣніе, высшую силу, полную божественнаго блаженства. Такимъ обра-

зомъ, древо жизни въ раю было символомъ благодати Божіей, символомъ дара безъ заслуги, символомъ прирожденной бренности человѣка, ограниченности его мощи, его первобытной неискушенной дѣтской невинности, символомъ безсмертія хотя и постоянного, но только привременнаго, земнаго, въ вещественномъ тѣлѣ сверхъ—естественнаго, а въ началѣ и въ концѣ всего символомъ Слова Божія, Творца и Вседержителя, который создалъ и поддерживалъ человѣка для достиженія имъ высшей небесной вѣчной цѣли. А древо познанія добра и зла, подъ страхомъ смерти временной и вѣчной, было символомъ подвига, заслуги, права человѣка, символомъ высшаго богоподобія, богоподобной мудрости, силы, блаженства, символомъ безсмертія невечерѣющаго, безконечнаго, символомъ Бога Судіи и Мздовоздателя, вѣнчающаго добродѣтель подъ угрозою кары за грѣхъ. Но человѣкъ призванъ былъ совершать эту райскую пасху, этотъ счастливый переходъ отъ совершенства невинности къ совершенству твердости въ добрѣ не иначе, какъ въ предѣлахъ заповѣди Божіей постепеннымъ восхожденіемъ, чтобы мало по малу перестать имѣть нужду въ земномъ райскомъ древѣ жизни и заслужить, невкусеніемъ отъ плодовъ земнаго райскаго древа познанія добра и зла, неотъемлемое право вкусить плодъ этого древа въ небѣ, плодъ высшаго вѣдѣнія, высшаго богоподобія, высшей мощи, высшаго счастья и вѣчнаго безсмертія духовъ небесныхъ.

Между тѣмъ извѣстно, что человѣкъ, увлекшись тройственною похотью плоти, очесъ и гордости, похотию тѣлесною къ вещественному наслажденію и духовною—порывомъ гордости, возставшей на Бога, человѣкъ совершилъ пасху роковую, учинивъ обратный переходъ отъ жизни къ смерти, отъ чистаго богоподобія, отъ древа жизни, отъ общенія съ Богомъ во власть змія искушителя, который, обвинивъ его

своими кольцами, влил и вливаетъ въ него свой смертоносный ядъ, ядъ грѣховнаго пораженія воли, омраченія смысла и вѣчной гибели. Съ другой стороны извѣстно, что еще въ раю, тотчасъ же по паденіи перваго человѣка, промыслитель Богъ предначерталъ нашу пасхальную пѣснь, что *Христосъ воскреснетъ изъ мертвыхъ смертію смертью поправъ*; что обѣтованное Сѣмя жены, пріснодѣвы Маріи, сотретъ и поправъ сокрушитъ своею пятою главу змія искушителя, который волеетъ свой смертоносный ядъ въ пята, ядъ смерти въ человѣческое естество самаго Искушителя; что умерщвленное естество Искушителя, поправъ смертію смерть, станетъ сѣменемъ новой жизни, станетъ закваскою воскресенія, новымъ деревомъ жизни и безсмертія, новымъ деревомъ познанія единнаго добра послѣ того, какъ познаво зло, станетъ путемъ, истиною и жизнью всего человѣчества, станетъ для всѣхъ людей божественнымъ причастіемъ возрожденія и обновленія, станетъ истинною пасхою. Почему тогда же въ раю и учреждена Богомъ кровавая жертва, символъ казни за грѣхъ и смерти съ одной стороны, а съ другой символъ благоугожденія правдѣ Божіей и искупленія. Эта кровавая жертва и была прообразомъ истинной пасхи, пожертвой за грѣхъ міра, прообразомъ нашей пасхи, Христа Иисуса.

Какъ съ тѣхъ поръ, со времени перваго грѣха, родъ человѣческій сталъ ниспадать въ бездну золь глубже и глубже, до крайняго растлѣнія и общей гибели человѣчества до потопнаго, до погруженія во мракъ и нечистоту язычества почти всего человѣчества послѣ потопнаго; то Богъ благоустроилъ и еще прообразовательную пасху, пасху подзаконную, исходъ богоизбраннаго народа изъ области язычества, изъ плѣна египетскаго въ особое наслѣдіе Божіе, въ землю обѣтованную. Эта подзаконная еврейская пасха была сим-

воломъ сколько воспоминанія о прошедшемъ, столько же и символомъ надежды и прообразомъ будущаго. Празднованіе этой пасхи въ началѣ весны было символомъ воспоминанія о первомъ весеннемъ мѣсяцѣ исхода изъ Египта; съ другой стороны символомъ, прообразомъ той весны, когда надлежало и истинной пасхѣ Христу быть закланнымъ за освобожденіе міра отъ власти фараона мысленнаго; а далѣе символомъ, прообразомъ и вѣчной весны, когда мы совершимъ переходъ отъ смерти къ жизни вѣчной. Это была пасха Господу Богу Израилеву, великое празднованіе Богу промыслителю, спасшему Израиля отъ работы египетскія, имѣвшему спасти отъ египетскаго плѣненія изъ области грѣха и тлѣнія, въ свободу славы чадъ Божіихъ. Закланіе пасхальнаго агнца ночью—это былъ памятникъ перваго закланія пасхальнаго агнца еще въ Египтѣ, когда ожесточенный Фараонъ, образъ темной силы, усиливался держать Израиля въ рабствѣ; когда ангелъ смерти, поразивъ египетскими казнями всю египетскую землю, навелъ на весь Египетъ смерть первенцовъ, отъ человѣка до скота, а дома Израиля, на которыхъ положено было крестовидное знаменіе кровію пасхальнаго агнца, проходилъ мимо; когда побораемому Богомъ Израилю не бѣше мощно держиму быти въ оковахъ работы египетскія, почему сами Египтяне изгоняли ихъ отъ себя въ пустыню, въ свободу чадъ Божіихъ. Закланіе и печеніе пасхальнаго агнца во мракѣ ночи—было символомъ, прообразомъ того ночнаго мрака, которымъ окутанъ былъ крестъ Христовъ, отраженіе или точнѣе истинный образъ своего прообраза, крестовиднаго вертела, на которомъ запекался на огнѣ пасхальный агнецъ; было символомъ, прообразомъ и ночи, которая окутывала живоносный гробъ воскресенія Христова, какъ и той адской ночи, какою объята была душа Христова, во адъ спешшая и сокрушившая

державу вражью, якоже не было мощно Христу держиму быти отъ болѣзни смертныя, болѣзни адовы, почему адъ съ мукою изрынулъ не только самого Христа, но и всѣхъ узниковъ, держимыхъ во чревѣ адовѣ отъ вѣка. Еще закланіе пасхальнаго агнца ночью было символомъ, прообразомъ и той страшной ночи, которая будетъ предшествовать послѣдному дню міра, когда и солнца потухнутъ и всѣ міры разрушатся, и когда звѣзды спадутъ съ неба и стихіи сжигаемыя разорятся, а затѣмъ разсвѣтитъ утро уже невечерняго дня въ царствѣ небесномъ. Вкушеніе пасхальнаго агнца было также не только воспоминаніемъ перваго причащенія пасхѣ еще въ Египтѣ въ самую ночь исхода, но и символомъ причащенія тѣлу и крови истинной искупительно—пасхальной жертвы Агнца, закланнаго отъ сложенія міра за грѣхъ міра. А обязательное празднованіе пасхи не въ иномъ мѣстѣ, какъ только въ Іерусалимѣ, въ мѣстѣ, которое избралъ Господь Богъ Израилевъ, чтобы тамъ пребывало имя Его, было прообразомъ указаніемъ Іерусалима, какъ предопредѣленнаго Богомъ мѣста закланія истинной пасхи Іисуса Христа Сына Божія, какъ мѣста смертнаго Его упокоенія и возстанія изъ гроба; было символомъ, указаніемъ и небеснаго Іерусалима, гдѣ будетъ праздноваться пасха вѣчная. И вотъ одно изъ поразительныхъ доказательствъ божественности Христа и истинности Христіанской пасхи. Съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ пожертъ былъ, наша истинная пасха, то и Іерусалимъ погранъ язычниками, и храмъ, въ которомъ пребывало имя Бога Израилева, разрушенъ; и агнецъ пасхальный самими Евреями уже не заклается, а ѣдятъ они только свои опрѣсноки, хлѣбы бѣдствій, каковыхъ Евреи такъ много вынесли и выносятъ на пространствѣ тысячелѣтій, и ѣдятъ единственно только въ воспоминаніе о прошедшемъ, о своемъ египетскомъ рабствѣ,

о поспѣшномъ бѣгствѣ и страданіяхъ въ странствіи по пустынѣ, но теперь уже безъ всякой надежды на какое либо будущее освобожденіе, безъ всякаго символическаго знаменованія. Еврейская пасха теперь потеряла свой таинственно знаменательный смыслъ.

Вся глубина символики, вся радость надежды, весь восторгъ самыхъ восхитительныхъ воспоминаній, какія только даны на землѣ человѣку, восторгъ самого глубокого содержания, самого успокоительнаго и веселящаго празднованія, восторгъ предвкушенія неземной радости и предчувствія блаженства райскаго, небеснаго, все это перешло отъ ветхаго Израиля къ новому, и у новаго Израиля разсвѣло свѣтомъ неба, разцвѣло неувядающими цвѣтами рая. Эта свѣтлая пасхальная ночь—какъ она многознаменательна въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ! Христосъ во мракѣ гроба, во мракѣ ада, во мракѣ Іосифова сада, во мракѣ свѣтозарной ночи воскресенія; во мракѣ ада поражаетъ его владыку; изводитъ адскихъ узниковъ, въ восторгѣ шествующихъ къ свѣту райскаго жилища; возвращается душою въ охладѣвшее, измученное, покоящееся въ мрачномъ гробѣ тѣло; исходитъ изъ гроба, яко женихъ отъ чертога, со знаменемъ побѣды надъ смертію, при восторженныхъ ликахъ освобожденныхъ узниковъ адскихъ: *Христосъ воскресъ!* при безмолвномъ благоговѣйномъ преклоненіи ангеловъ небесныхъ, нарядныхъ, витающихъ, сѣдящихъ у живоноснаго гроба, и при восторженныхъ кликахъ ихъ плачущимъ; трепещущимъ отъ страха и радости, женамъ мурносицамъ: *Христосъ воскресъ! воста, нѣсть здѣ!* Эти мурносицы дѣвы, ищущія ночью дня воскресенія, въпяющія свой тревожно трепетный, полный томительно-радостной надежды и предчувствія взоръ къ живоносному гробу во мракѣ, къ едва загорающемуся разсвѣтомъ востоку неба, къ поражающему

восхитительнымъ небеснымъ свѣтомъ ангелу, къ вѣющему тихую, но уже нестѣплемую, воскрешающею, животворящею радостью прославленному, одухотворенному, тонкому, проникающему облику самаго Воскрешаго, къ Его устамъ, изрекающимъ на вѣки вѣчные ихъ сердцамъ трогательное, родное, восторгающее: *Маріа!.. Что плачешь? Кого ищешь?.. Радуйтесь...* Такъ вотъ и мы въ ночь воскресенія ходимъ вокругъ храма, съ горящими свѣтильниками, съ пылающими сердцами, съ радостно-томительною жаждою воскресенія, какъ жены мѣроносицы, какъ апостолы вокругъ свѣтоноснаго гроба, какъ ангелы, около него рѣившіе, и поемъ со слезами умиленія и радости: *воскресеніе твое, Христѣ Спасе, ангелы поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить.* Съ горящими свѣтильниками, съ пылающими сердцами, какъ мудрыя дѣвы у брачнаго чертога въ полночи, мы ждемъ грядущаго Жениха, ждемъ оклика: *се, Женихъ грядетъ!* И молимъ Его, чтобъ Онъ и въ послѣднюю грозную ночь, предъ послѣднимъ днемъ страшнаго суда, не затворилъ предъ нами дверей своего брачнаго чертога, какъ теперь затворяются и отверзаются предъ нами двери блестящаго свѣтомъ и радостью, окуреннаго благовоніями, благоуханіемъ духовнаго веселія, храма Христова, оглашаемаго радостными кликами: *Христосъ воскресъ, воистину воскресъ!* Таже свѣтлая радость, таже воскрешающая надежда, таже восторгающая отъ земли къ небу символика дышутъ и въ этихъ немолчныхъ пѣсняхъ пасхальной ночи: *воскресенія день! Просвѣтимся людие, пасха, Господня пасха, отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси пасха!* И въ этихъ свѣтлыхъ облаченіяхъ, и въ этихъ тысячахъ свѣтильниковъ въ рукахъ у всѣхъ, и въ этихъ бротныхъ свѣчечкахъ, мерцающихъ надъ пасхальными яствами, и въ этихъ

неумолкающихъ привѣтствій съ лобызаніями: *Христосъ воскресъ, воистину воскресъ, другъ друга обьемъ, рцемъ— братіе и ненавидящимъ насъ;* и въ этомъ взаимномъ раздаяніи красныхъ яицъ, символа жизни, возникающей изъ смерти, и въ этомъ евангельскомъ возглашеніи на четыре страны свѣта на всѣхъ возможныхъ языкахъ: *въ началѣ бѣ Слово и Слово было у Бога и Богъ было Слово, и Слово плоть бысть, и вселися въ ны и мы видимъ славу Его,* славу воскресенія въ насъ; и въ этомъ артосѣ, пасхальномъ хлѣбѣ, который св. апостолы полагали въ ожиданіи новыхъ явленій Воскрешаго, вкушавшаго между ними пищу, въ символическомъ хлѣбѣ небесномъ, какой мы чаемъ вкушать въ раю со всѣми небожителями; и въ этомъ непрестанномъ во всю свѣтлую седмицу колокольномъ звонѣ, возвѣщающемъ всему міру праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ, напоминающемъ торжественную трубу архангела, который воззоветъ насъ изъ гробовъ къ жизни воскресенія Христова и къ вѣчному празднику праздниковъ въ небесахъ; и въ этихъ взаимныхъ общихъ посѣщеніяхъ и поздравленіяхъ со свѣтлымъ праздникомъ, какъ и ученицы и ученики Христовы, въ свѣтлые дни воскресенія Христова, спѣшили радовать другъ друга свѣтлыми вѣстями о воскресеніи: *воистину воста Господь, видѣхомъ Господа,* по заповѣди самаго Господа Маріи Магдалинѣ: *иди ко братіи моей и рцы имъ: восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему,* какъ и на небѣ всѣ мы возликовствуемъ и уже какъ поздравимъ другъ друга на всю вѣчность, когда услышимъ отразившееся въ сердцахъ нашихъ слово Господне: *приидите благословеніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе;* и въ этомъ освѣщеніи и торжественномъ вкушеніи освященныхъ пасхальныхъ яствъ, напоминающемъ, какъ воскресшій Христосъ

являлся въ преломленіи хлѣба и вкушалъ пищу со учениками, напоминающемъ и блаженство, какое вкусимъ мы, если удостоимся вкусить отъ древа, еже есть посредѣ рая Божія, въ Іерусалимѣ небесномъ, въ вѣчной обители живаго Бога. И въ этой веснѣ, которая начинается свѣтлымъ праздникомъ воскресенія, воскресенія человѣчества къ новой жизни подъ свѣтлымъ солнцемъ Христовой вѣры; которая напоминаетъ весну неувядаемую на небѣ, за воскресеніемъ всѣхъ людей для новой жизни подъ животворящимъ свѣтомъ лица Божія вмѣсто привременныхъ солнца и луны; которая своими журчащими потоками, своими новыми цвѣтами, своими красными горбами, своимъ весеннимъ благоуханіемъ, напоминаетъ и тихую могилку, покрытую зеленѣющимъ дерномъ и цвѣтами (есть и въ ней своя умиленная поэзія), и цвѣты, и источники, и райское благовоніе райской обители. Радостная символика и въ этомъ пасхальномъ днѣ, который начинается радостнымъ утреневаніемъ въ глубокую утреню и вмѣсто мѣра жень мѣроносицъ принесеніемъ воскресшему Владыкѣ пасхальныхъ пѣсней; который и оканчивается пѣсеннымъ прославленіемъ показавшейся намъ пасхи священной, пасхи новосвятой, пасхи таинственной; оканчивается евангельскимъ воспоминаніемъ явленія Воскресшаго ученикамъ уже съ наступленіемъ ночи, когда великій день воскресенія преклонился къ вечеру и солнечному закату; оканчивается умиленно-радостнымъ напоминаніемъ не вечерняго дня воскресенія въ небесномъ царствіи Христовомъ. Умиленная символика и въ этомъ отданіи пасхи, когда празднуетъ Богу останокъ помышлений, возбужденныхъ въ насъ отходящею въ бездонную даль прошедшаго свѣтлой радостью воскресенія; когда на сердцѣ и легко и печально, когда думается и плачется, а сподобить ли Богъ еще разъ до-

жить на землѣ до радости воскресенія; а нѣтъ, то сподобить ли удостоиться радости воскресенія и за гробовою доскою. Глубокая символика и въ этомъ особо торжественномъ свѣтло-радостномъ, въ свѣтлые дни воскресенія, причащеніи истиннаго Агнца пасхальнаго, тѣла и крови Христовыхъ, когда въ старые годы, въ этотъ праздниковъ праздникъ, приступали къ св. Христовымъ тайнамъ всѣ вѣрные, не одни только священнодѣйствующие, памятникомъ чего у насъ остался обычай—причащать дѣтей въ эти свѣтлые дни, прочими же вѣрными предваряется праздникъ свѣтлаго Христова воскресенія вкушеніемъ истой пасхи Христовой въ причащеніи въ великій четвертокъ и въ прочіе очистительные дни святаго великаго поста. Наконецъ радостная символика и въ этомъ заключительномъ восклицаніи пасхальнаго богослуженія: *и намъ даровавъ животъ вѣчный, покланяемся Ею тридневному воскресенію*, и въ этомъ глубоко-умиленномъ пѣсенномъ заключеніи пасхальнаго канона: *о пасха велія и священнѣйшая Христе, о мудросте Божія и Слово и сила! Подай намъ истѣе Тебе причащатися въ не вечернымъ дни царствія твоего*.

Что можетъ быть радостнѣе, нѣтъ, не можетъ быть на землѣ радости выше радости свѣтлаго Христова воскресенія! Вспомнимъ эти неизобразимые восторги дѣтства, въ этотъ праздниковъ праздникъ, это пѣніе дѣтскими устами: *Христосъ воскресъ*, съ восторженнымъ прыганіемъ легкихъ. Если у насъ въ мозгахъ рождается и остается идея райскаго восторга, то эту идею опытно разъясняетъ намъ восторгъ дѣтскаго сердца въ свѣтлый праздникъ свѣтлаго Христова воскресенія. Что можетъ быть трогательнѣе, нѣтъ, не можетъ быть умиленія выше умиленія мужей и старцевъ, когда они съ мыслью о близкой смерти, съ надеждою жизни безсмертной за гробомъ, поютъ въ пасхальную ночь,

или въ день отдаѣя пасхи въ послѣдній разъ поють, заливаясь слезами: *о пасха велия и священнѣйшая Христе, о мудрость Божіа, о Слово Божіе и сила! Дай намъ истле Тебе причащаться*, пусть не мудрости твоей причащаются, не творческой твоей мощи и силы,— пусть это будетъ блаженнымъ жребіемъ другихъ, многихъ твоихъ избранныхъ; а нашему недостойнству, нашей нечистотѣ, нашему душевному мраку дай насладиться зрѣніемъ и жить причастіемъ зрѣнія послѣднѣйшаго изъ лучей твоей животельной славы въ самомъ дальнемъ отъ центра неба, отъ твоего престола, углѣ безпредѣльной обители горняго міра, въ невечернѣмъ дни царствія твоего! Даруй и намъ въ животѣ вѣчномъ поклоняться твоему тридневному воскресенію. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю разслабленнаго.

Душу мою, Господи, во грѣсѣхъ всяческихъ и безмѣстными дѣяньми лють разслаблену, воздвигни божественнымъ твоимъ предстательствомъ, якоже и разслабленнаго воздвиглъ еси древле, да зову Ти спасаемъ: щедрый, слава Христе державъ твоей.—Кондакъ.

Исторія исцѣленія 38-лѣтняго разслабленнаго извѣстна; да мы и слышали ее снова въ нынѣ чтенномъ евангеліи. Въ праздникъ именно святыхъ пасхи,—такъ по толковникамъ,—пришелъ Господъ Іисусъ въ Іерусалимъ. Была въ Іерусалимѣ у овечьихъ воротъ, которыя овечьими назывались потому, что черезъ нихъ прогонялись ко храму жертвенныя животныя, главнымъ образомъ, овцы, воны и прочее,—такъ у этихъ воротъ была купальня, называвшаяся по еврейски Виезда, домъ милосердія или милости, при которой было пять крытыхъ ходовъ. Это были галереи, въ которыхъ можно было ходить, сидѣть, лежать больнымъ, защищеннымъ отъ непогоды и солнечнаго жара. Въ этихъ галереяхъ, во дни Христовы, лежало множество больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, изсохшихъ, страждущихъ сухоткою. Вѣроятно, они приходили, или ихъ приводили и приносили

туда только по временамъ, когда ожидалось движеніе воды, а нѣкоторые оставались тутъ и долгое время въ этомъ ожиданіи. Тамъ былъ и 38-лѣтній разслабленный. При своемъ разслабленіи, въ Висездѣ онъ имѣлъ обычное для себя вѣдалище, гдѣ ожидая исцѣленія, повидимому, не имѣя у себя близкихъ людей, ни родныхъ, ни добрыхъ знакомыхъ, жилъ подаваніями прохожихъ. Всѣ больные здѣсь ожидали движенія воды. Ибо Ангелъ Господень на всяко лѣто сходилъ въ купальню и возмущалъ воду. Источникъ этой купальни имѣлъ цѣлительную силу не всегда, а только по временамъ, и былъ цѣлебень не для всѣхъ, а для тѣхъ только, кто прежде, по возмущеніи воды, входилъ въ нее. Не видно изъ евангелія, чтобы ангелъ Господень сходилъ въ видимомъ образѣ на источникъ и возмущалъ его воду. Это было невидимое для другихъ, но созерцаемое духовнымъ окомъ св. евангелиста Іоанна дѣйствіе ангела. То, что для другихъ дѣйствіе стихій, то для просвѣщеннаго духовнаго взора дѣйствіе горнихъ силъ, поставленныхъ Богомъ Творцомъ надъ тѣми или надъ другими силами природы. Этотъ источникъ, какъ и многіе цѣлебные источники, дѣйствовалъ особенно сильно періодически. Дѣйствіемъ вездѣсущей силы Божіей, въ этомъ источникѣ вода, повидимому, проторгалась по временамъ съ особою силою и изобиліемъ, вслѣдствіе чего и возмущалась, дѣлалась мутною или красною, кровавою, какъ свидѣтельствуется преданіе древности. И только непосредственно по своемъ возмущеніи, вода оказывала необыкновенное цѣлебное свойство, а затѣмъ теряла свое энергическое дѣйствіе. И только первый, кто входилъ въ нее непосредственно по возмущеніи, выздоравливалъ. Потомъ вода теряла силу; какъ и на естественныхъ цѣлебныхъ источникахъ въ ваннѣ, въ которой искупался одинъ больной, другой уже не купается, вода

потеряла свою силу.

Тутъ былъ человекъ, находившійся 38 лѣтъ въ болѣзни. Онъ былъ весь разслабленъ, особенно страдалъ слабостію ногъ (хотя нѣсколько и могъ ходить). Въ эту болѣзнь онъ впалъ отъ какого либо особеннаго грѣха, можетъ быть, отъ злоупотребленій юности. Увидѣвъ его лежащаго и узнавъ, или отъ другихъ бывшихъ тутъ, или непосредственно по своему божественносту всевѣдѣнію, что онъ лежитъ уже долгое время, желая возбудить въ немъ силу вѣры, Господь Іисусъ говоритъ: *хочешь-ли быть здоровъ?* Но больной, не понявъ, къ чему ведетъ рѣчь его Собесѣдникъ, жалуется, что не можетъ воспользоваться цѣлебною силою источника. Такъ, Господи,—отвѣчаетъ больной,—*хочу быть здоровымъ, какъ не хотѣть? Но не имѣю человека, который опустилъ бы меня въ купальню, когда возмутится вода. Когда же я прихожу, другой уже сходитъ въ купальню прежде меня.* Должно быть, кроткое и доброе сердце было: онъ не высказываетъ никакой хулы, не отворачивается отъ Христа, предложившаго ему какъ бы неумѣстный вопросъ, не проклинаетъ день своего рожденія, какъ дѣлаютъ малодушные и въ болѣе легкихъ болѣзняхъ, а отвѣчаетъ кротко и робко. И Господь умилосердился надъ нимъ и, прозрѣвая въ немъ вѣру, всемогущимъ своимъ словомъ исцѣляетъ его. Господь Іисусъ говоритъ ему: *встань, возьми одрѣ твой и ходи.* И онъ тотчасъ выздоровѣлъ, и взялъ постель свою и пошелъ.

А было это въ день субботы, когда у Іудеевъ нельзя было дѣлать никакого дѣла, нельзя было нести постель. Посему Іудеи говорили исцѣленному: *сегодня суббота, не должно тебѣ брать постель.* Онъ отвѣчаетъ имъ: *кто меня исцѣлилъ, тотъ мнѣ сказалъ: возьми постель свою и ходи.* Онъ чудотворецъ, посланникъ Божій, и если Онъ

велѣлъ взять постель въ субботу, то Ему слѣдуетъ повиноваться безпрекословно.—Его спросили, съ отѣнкомъ пренебреженія къ чуду и чудотворцу, съ угрозою исцѣленному и исцѣлителю, какъ преступнику, нарушителю субботы: *а кто тотъ человекъ, который сказалъ тебѣ: возьми постель твою и ходи?* Исцѣленный же не зналъ, кто Онъ; въ радости отъ исцѣленія, опустилъ Его изъ виду, не узнавъ даже имени своего благодѣтеля. А Иисусъ скрылся въ народѣ, бывшемъ на томъ мѣстѣ. Потомъ Иисусъ встрѣтилъ его во храмѣ, куда исцѣленный вѣроятно пришелъ возблагодарить Бога за Его милость. И говоритъ ему Иисусъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.* Вотъ ты выздоровѣлъ; не грѣши же, чтобы не случилось съ тобою чего хуже.

Вотъ по словамъ самаго Христа, грѣхъ разслабляетъ не только душу, но и тѣло. Грѣхъ самъ по себѣ есть болѣзнь. Это я и хочу нѣсколько растолковать вамъ (*).

Что такое грѣхи въ частности, что называется грѣхомъ, это всякій знаетъ. Грѣхъ—прелюбодѣяніе, грѣхъ воровство, грѣхъ насиліе и гнѣвливость, грѣхъ грабежъ и убійство. Но что такое грѣхъ вообще?

Трудно растолковать нѣкоторымъ здѣсь, что такое норма жизни. Норма—это правило жизни, предписанное Богомъ, природою и обществомъ человѣческимъ. Вотъ примѣрно норма, предписываемая природою для тѣлесной нашей жизни: должно питаться здоровою пищею, пить чистую воду, умеренно отдыхать, двигаться, работать, дышать по возможности чистымъ воздухомъ, беречь здоровье отъ всего, что можетъ причинить ему вредъ, и т. д. Кто отступить отъ этой нормы жизни тѣлесной, тотъ учинить проступокъ про-

(*) Проняпесеро въ церкви уфимскаго тюремнаго замка.

тивъ такъ называемой гигиены, науки о сохраненіи здоровья. Вотъ норма жизни нравственно-религіозной, предписываемая Богомъ и закономъ духа человѣческаго: вѣровать въ Бога и благоугождать Ему, жить на землѣ для неба, любить ближнихъ, чтить родителей, отцовъ духовныхъ, отцовъ отечества и всякую богопоставленную власть, воздавать всѣмъ должное, быть справедливымъ и добрымъ ко всѣмъ, никого не обижать, не убивать, не развращать блудомъ, не красть, не лжесвидѣтельствовать, не желать чужаго довольствуясь своимъ, что кому Богъ послалъ, вообще не творить никому того, чего не желаешь себѣ. Кто нарушитъ заповѣдь закона Божія, закона духовнаго, написаннаго на скрижаляхъ нашего сердца, тотъ сотворитъ грѣхъ. Опытомъ жизни, въ продолженіи многихъ тысячелѣтій, человѣчество извѣдало, что всѣ заповѣди истиннаго закона Божія, что извѣстные предписанія нашей души, извѣстные требованія правильной тѣлесной жизни условливаютъ благосостояніе какъ цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, такъ и каждаго человека въ частности, и потому люди оградили обязательность заповѣдей закона Божія и требованій природы предписаніями и общественныхъ законовъ. Кто нарушитъ предписаніе закона общественнаго, тотъ совершитъ преступленіе противъ этого закона. Но какъ законы общества опираются на законы человѣческой духовно-тѣлесной природы, а законы природы, правильно понимаемые, въ концѣ концовъ, суть заповѣди закона Божія; потому нарушеніе законовъ правильной тѣлесной жизни, непротивныхъ закону ума и вообще закону нашего духа, какъ нарушеніе и законовъ нашей внутренней духовной жизни, какъ и предписаній закона общественнаго, есть въ концѣ концовъ грѣхъ, преступленіе закона Божія, нарушеніе воли Бога, Творца и каждаго человека и всѣхъ людей и всѣхъ человѣческихъ

обществъ. А потому грѣхъ есть всякое нарушеніе воли Божіей, преступленіе закона Божія и истекающихъ изъ него предписаній нашей духовно-тѣлесной природы, какъ и законоположеній общественныхъ.

Помните, мы хотимъ разъяснить, что грѣхъ есть болѣзнь, разслабляющая душу и тѣло.

Всѣ грѣхи между собою связаны, потому что связаны заповѣди, которыя грѣхами нарушаются. А заповѣди какъ общественнаго, такъ и естественнаго закона нашей природы, тѣсно связаны и между собою и съ закономъ Божиимъ; связаны потому, что проистекаютъ изъ одного источника, закона Божія, и на немъ основываются. А заповѣди закона Божія суть единство, потому что произрастаютъ изъ единого корня воли Божіей. Потому-то св. апостолъ Іаковъ (Іак. 2, 11) и учитъ: *кто весь законъ соблюдетъ, а согрѣшитъ въ одномъ, сталъ повиненъ всему. Ибо Тотъ, кто сказалъ: не прелюбодействуй, сказалъ и: не убій. Если же ты не сотворишь грѣха блуда, а убьешь, то ты сталъ преступникъ, нарушитель, оскорбитель всего закона, какъ и самаго Законодателя.* Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ грѣхи вяжутся между собою. Возьмите праздность. Она называется мать всѣхъ пороковъ. Праздность родитъ скуку, скука нужду развлеченій, нужда развлеченій родитъ расточительность, расточительность при праздности родитъ хищничество, жажда развлеченій родитъ пьянство, родитъ блудъ всякаго рода, родитъ насиліе, родитъ обиду, убійство, грабежъ и т. д. безъ конца. Возьмите пьянство. Пьянство родитъ бездѣлье, родитъ расточительность, родитъ бѣдность и нужду, родитъ необузданность, родитъ жажду удовлетворить страсти, родитъ жестокость въ собственной семьѣ, родитъ хищничество, родитъ обиду и насиліе, родитъ безчестіе и потерю образа человѣческаго. Возьмемъ гнѣвливость... Но

начинать ли о каждомъ грѣхѣ съ начала и повторять одно и то же, что на прим. гнѣвливость родитъ обиду, необузданность, мстительность, насиліе, ярость, убійство, поджоги и т. д. Всѣ мы грѣшны, а между слушателями есть и весьма опытные въ грѣхахъ люди. Всякій изъ насъ знаетъ, какъ слабость развивается въ грѣхъ, въ склонность, въ страстность, въ ожесточеніе во грѣхѣ. Взять ли на прим. пьянство, взять ли блудъ, взять ли скупость, взять ли хищничество? Иной мальчикъ утащить мелочь у своей матери, утаить вещицу, принадлежащую сверстнику, слазить и привыкнетъ лазить въ чужой огородъ или садъ; а глядишь, возмужаетъ, найдетъ дорогу и въ чужой амбаръ, и въ чужую кладовую, заберется и въ домъ со взломомъ, а тамъ разломить кому либо и голову ломомъ. А началось у человѣка, у мальчика, чуть не у ребенка съ мелочей.

Имѣйте въ виду, что грѣхъ—болѣзнь, разслабляющая душу и тѣло; это мы хотимъ разъяснить себѣ.

Законодатель Богъ знаетъ, и просвѣщенное закономъ Божиимъ человѣчество, тысячелѣтними опытами, давно и прочно умудрено, въ чемъ заключается норма жизни, условливающая здоровье человѣческой души и тѣла, и какъ это здоровье сохранять и поддерживать. Этому-то, какъ сохранить и поддержать здоровье тѣла и духа, какъ соблюсти благосостояніе каждаго человѣка и общества человѣческаго, какъ соблюсти норму жизни,—этому и учатъ заповѣди закона Божія и основанныя на нихъ законоположенія общественныя. Кто нарушаетъ эти законоположенія и заповѣди, кто отступаетъ отъ нормы жизни, тотъ непременно причиняетъ себѣ болѣзнь и тѣла и духа, и обратно. Замѣтьте, что тѣло тѣсно соединено съ душою. Но дальше нужно имѣть въ виду, что въ нашемъ существѣ есть бѣдственное раздвоеніе двухъ природъ, тѣлесной и духовной, почему и царить

внутри насъ постоянная борьба между закономъ, сущимъ во удахъ нашихъ, и закономъ ума или вообще духа. Потому не всякое нарушение естественныхъ требованій чело-вѣческаго тѣла есть грѣхъ, не всякое бываетъ и болѣзнь; не всякое разслабленіе тѣла есть вмѣстѣ и разслабленіе духа. Наприм. благословеннымъ Богомъ ради постомъ укрѣпляется духъ. Усталостью послѣ добраго труда укрѣпляется духъ. Высокимъ самоотверженіемъ ради Бога и людей укрѣпляется духъ. Любовью отца и трудомъ его для семьи укрѣпляется духъ отца; самоотверженнымъ трудомъ матери ради дѣтей укрѣпляется духъ матери, и т. д. безъ конца. Но всѣ проступки противъ тѣлеснаго благосостоянія, кото-рые въ то же время преступаютъ и законы духа, состав-ляютъ не только болѣзнь, но и грѣхъ, какъ и обратно, не только грѣхъ, но и болѣзнь. Наприм. членовредительство, ради нищенства, или во избѣжаніе воинской повинности, или изъ мести кому либо другому, есть и болѣзнь и грѣхъ, какъ и обратно. Самооскопленіе, нарушеніе одной изъ пер-выхъ основныхъ заповѣдей Божіихъ раститися и множитися, есть болѣзнь и грѣхъ. Изступленное факирство, извращен-ное подвижничество, есть болѣзнь и грѣхъ. Самосожигатель-ство—болѣзнь и грѣхъ. Самоубійство всякое—болѣзнь и грѣхъ. Это ясно.

Но всякій собственно-душевный грѣхъ непремѣнно и душу разслабляетъ и разрушаетъ благосостояніе тѣлесное. Посмотрите на пьяницъ, посмотрите на обжоръ: нужно ли тутъ доказывать, что ихъ слабость, что ихъ грѣхъ, что ихъ страсть разстраиваютъ и душу и тѣло? Посмотрите на скупца, который, обоготворяя сундукъ, морить голодомъ и холодомъ и всякой нуждою себя самого и свою семью? Здоровъ-ли онъ духомъ и тѣломъ? Посмотрите на често-любца, посмотрите на гордеца: всякая мелочь въ отношені-

яхъ къ другимъ причиняетъ имъ невыносимыя убійствен-ныя боли сердца. Здоровы-ли они? Посмотрите на любодѣя, —сколько болѣзней стерегутъ его на пути къ удовлетво-ренію его страсти? Посмотрите на нецѣломудренныхъ холо-стяковъ: какъ рано растериваютъ они всѣ идеалы жизни? Какъ рано черствѣютъ сердцемъ? Какъ скоро расточаютъ и губятъ всякую привязанность къ жизни? Какія они жалкія безпомощныя безпріютныя сироты на старости лѣтъ? здо-ровы-ли они? Посмотрите на вора, на грабителя, на убійцу, —какъ трясутся они Каинами между людьми до конца вѣка? Какія грезятся имъ чудища? Сколько трепета кары суда чело-вѣческаго и страшнаго суда Божія? Здоровы-ли они? Посмотрите на самый тонкій духовный грѣхъ, на не-вѣріе. Какъ естественно и скоро развиваются у безбожни-ковъ позывы на всякій грѣхъ! Какъ они внутренно раз-биты! Какъ унылы! Какъ мрачны! Какъ легко у нихъ поднимается рука на жизнь чужую! Какъ мало они доро-жатъ и своею! Или иногда на оборотъ, какъ они малодушны и трусливы за свою жизнь, при глубокомъ равнодушіи къ чужой! Какъ они часто и глубоко ненавидятъ не только людей, но и себя! Какъ скоры они на проклятіе небу, въ которое не вѣрують! Съ какимъ мрачнымъ упоеніемъ при-зываютъ они упокоеніе въ ничтожествѣ! Почему невѣры такъ часто поднимаютъ убійственную руку и на самихъ себя. Нужно ли спрашивать, здоровы-ль они? Здоровы-ли острожники, не потому только, что они дышутъ нѣсколько спертымъ воздухомъ тюрьмы, но именно потому, что они острожники? Здоровы ли каторжники, отверженные обще-ствомъ? Здоровы ли преступники, острожники и каторжники, которые еще не попали ни въ острогъ ни въ каторгу, но трясутся, какъ Каины, ежечасно отъ трепета, что вотъ вотъ попадутъ сперва въ острогъ, а затѣмъ и на каторгу? Это

вѣчные мученики, вѣчные страдалцы, трясущіеся лихорадкой отъ страха.

Нужно ли даже спрашивать, что грѣхи разслабляютъ тѣло и душу, какъ злѣйшія болѣзни? Посмотрите на то, какъ господствующіе и развивающіеся въ наше время пороки разлагаютъ гнилою гангреною наше общество? Сколько они порождаютъ болѣзней, сколько бѣдъ, сколько стонъ и воплей, сколько отчаянія? Посмотрите на это разливающееся всенародное пьянство, — развѣ оно здоровье народа? Посмотрите на язву конокрадства, на язву казнокрадства, на язву безчестнѣйшаго хищничества во всѣхъ общественныхъ слояхъ, на язву разрушительнаго эпидемическаго поджигательства, — развѣ это здоровье общества? Посмотрите на язву разрастающагося блуда, которая, какъ зловерный ракъ, разъѣдаетъ семейную жизнь. Посмотрите на то безвѣріе, которое родитъ отчаянные замыслы на разрушеніе общества, которое родитъ недовольство всѣмъ и всѣми, начинаи въ каждомъ безбожникъ съ себя самаго, которое потрясаетъ нашу отчизну отчаянными посягательствами на убійства, которое сдѣлало въ наши дни самоубійства зауряднымъ явленіемъ 11—лѣтніе гимназисты стрѣляются. 9—10 лѣтнія дѣти рѣжутъ головы другимъ! 80—лѣтніе старики накладываютъ на себя руки! Слыхано ли!? Здоровы ли мы?! Не сходимъ ли мы съ ума повалю, начиная съ представителей суда и адвокатуры, которые, согласно съ церковію, видятъ въ преступникѣ больного, почему и утверждаютъ нерѣдко, что преступникъ учинилъ нарушеніе закона, наприм. убійство, въ аффектъ чувства, почему и полагаютъ, уже вопреки ученію церкви, что убійцу, какъ больного, дѣйствовавшаго подъ неодолимымъ вліяніемъ аффекта, только слѣдуетъ лѣчить, какъ больного, а не казнить, какъ виновнаго, нерѣдко возвращая его въ общество, устрашая и за-

ажа общество, расходясь съ церковію именно въ воззрѣніи на значеніе болѣзни преступленія, на степень участія въ немъ преступной воли, и на лѣкарство, которымъ эту болѣзнь слѣдуетъ лѣчить цѣлесообразно, соответственной карою, согласно извѣчному закону Божію, а не признаніемъ невмѣняемости и невинности, по требованію новѣйшей юриспруденціи.

Возьмемъ вотъ это еще безмѣрно уродливое явленіе, эту язву времени, мѣста и народа, — скопчество (*). Боже мой! Русскіе простецы, не умѣющіе прочесть—*Вѣрую* и ни слова въ Символѣ вѣры не понимающіе, сочиняютъ себѣ не только свой самоизмышленный, но и до забавнаго простой способъ спасенія. Отрѣжь и спасешься, такъ просто. И воображаютъ, что никто вотъ, до нашихъ Уфимскимъ или тамъ Бирскихъ какихъ—то такъ называемыхъ мужичковъ, не придумалъ такого простаго способа. Въ старомъ язычествѣ скопчество было произведеніемъ многоженства и деспотизма. Сильный человѣкъ захватывалъ себѣ столько женъ, сколько ему и нужно не было, не только до 1000 женъ, какъ наприм. Соломонъ, но и до 5000 женъ, какъ Индійскій царь Акбаръ. А у другихъ онъ же отнималъ извѣстные члены, которые, такъ ему казалось, имъ не нужны, будучи для него самаго опасны, какъ орудіе противъ него у множества соперниковъ. Христіанство съ самаго начала отнеслось къ оскотленнымъ съ состраданіемъ, а къ самооскотившимся съ осужденіемъ. Такъ было съ первыхъ вѣковъ христіанства. Напрасно скопцы ссылаются на извѣстное евангельское (Мат. 19, 12) изреченіе: *суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго*. Всѣ толковники искони понимали это изреченіе въ смыслѣ ду-

(*) Въ это время содержалось въ тюрьмѣ около 200 скопцовъ обоаго пола.

ховномъ, въ смыслъ укрощенія страсти, и никто не понималъ буквально въ смыслъ искаженія тѣла, какъ и другое реченіе Христово: *еще око твоё десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе* (Мат. 6, 29). Никто никогда не исторгалъ у себя очей, не отсѣкалъ рукъ ради царствія небснаго. Самъ Христосъ не могъ понимать своихъ словъ о самоскопленіи въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ въ ветхо-завѣтной церкви вовсе не замѣчается слѣдовъ самооскопленія, а между тѣмъ вольное дѣйство существовало. Никто изъ вольныхъ скопцовъ въ христіанской церкви не причтенъ къ лицу святыхъ. И на всемъ пространствѣ христіанской исторіи самооскопленіе, какъ гнусная ересь, появлялось только изрѣдка въ немногихъ мѣстахъ и въ крайне малыхъ размѣрахъ. Нашему широкому отечеству, нашей русской широкой натурѣ суждено духомъ исторіи, неправильнымъ напоромъ нашей богатырской силы, явить чудовищныя противоположности, отъ безмѣрно отчаянныхъ безбожниковъ—цареубійцъ, посредствомъ химическихъ способовъ, до этихъ массъ самооскопляющихся ради спасенія души простецовъ, которые вообразили, что мы всѣ не сегодня завтра станемъ на нихъ молиться, крестясь на нихъ, какъ на святые образа, обѣими руками. Опомнись неразумная простота, опомнись невѣжество, опомнитесь сатанинское самообольщеніе и слѣпая духовная гордыня. Видишь слѣпая духовная гордыня, что твое пророчество, что въ прошломъ году настанетъ кончина міра и мы станемъ молиться на васъ, не сбылось: прошлый годъ истекъ, кончина міра не настала, мы на васъ не молимся, а вы попали въ тюрьму, всего же прискорбиѣе—искалѣчили свой духъ и тѣло. Это было бы такъ просто, чтобы понасть во святые, отрѣзать, исказить себя и только. Но извѣстно, что этимъ чудовищно—простымъ способомъ достигается только иска-

женіе природы человѣческой, искаженіе образа Божія, но вовсе не обновленіе въ себѣ образа Божія, не чистота духа. Самооскопленіе, если бы оно распространилось, какъ того хотятъ скопцы, было бы только самоубійствомъ всего человѣческаго рода. Самооскопитель есть убійца, оскопитель есть убійца потомства; есть преступникъ первоначальной заповѣди Божіей: *раститесь и множитесь...* Пусть бы достигалось этимъ высшее совершенство, столько благоплодное для высшихъ духовныхъ отпавленій въ человѣчествѣ. Но нѣтъ. Оскопленіе не освобождаетъ человѣка отъ самой чудовищной, самой уродливой страстности. Это извѣстно и это лучше насъ знаютъ сами скопцы. Скопчество, въ самомъ дѣлѣ, искажаетъ въ человѣкѣ и человѣческой и Божій образъ. Скопецъ мужчина дѣлается ни мужчина ни женщина, а что—то среднее чудовищное, чего ни Богъ ни природа не предполагали въ своихъ планахъ: борода перестаетъ расти, голосъ дѣлается отвратительно тонкій или жесткій, лицо возмутительно—отталкивающее особою печатью скопчества. Скопецъ естественно становится мраченъ, фанатиченъ, жестокъ, неумолимъ, жадный скупецъ, сумасшедшій, пугающее чудовище, причиняющее боль сердцу однимъ своимъ чудовищнымъ видомъ. И хотятъ эти жалкіе полулюди, чтобы мы на нихъ молились.

Такъ видите, братіе, что всѣ грѣшники, отъ нихъже первый есмь азъ, больные предъ очами Божіими, жалкіе разслабленные предъ очами правды и милости Божіей. Обитатели дома сего, видите, что вы больные. Видите, что острогъ есть больница; осторожная жизнь, съ ея угрюмыми условіями, это горькое, но лѣкарство. Видите, что кара закона за преступленіе—горькое, но необходимое, но благотворное лѣкарство, необходимое и полезное потому, что и въ васъ сдерживаетъ развитіе болѣзни, и другихъ спаса-

еть отъ опасности заразы, и избавить васъ отъ осужденія на страшномъ судѣ Божіемъ. Отъ вашей воли зависитъ сдѣлать для себя это горькое лѣкарство благотворнымъ и спасительнымъ.

Молитесь Богу. Помолимся всѣ молитвою, которую влагаетъ церковь въ уста каждому изъ насъ въ сей благословенный день евангельскаго разслабленнаго. Душу мою, Господи, грѣхами всяческими и безмѣстными дѣланіями жестоко разслабленную, воздвигни божественнымъ твоимъ представительствомъ, якоже и разслабленнаго Ты воздвигъ еси древле, чтобы я, спасаемый Тобою, воззвалъ къ Тебѣ: щедрый, милосердый, слава Христе берзавъ твоей. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день вознесенія Господня и рожденія Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича.

Будете Ми свидѣтели во Иерусалимѣ же и во всей Іудей и Самаріи и даже до послѣднихъ земли. Дѣян. 1, 1—9.

Кто эти свидѣтели Христовы? Кто призванъ и долженъ свидѣтельствовать о Христѣ во Иерусалимѣ и во Іудей и въ Самаріи и даже до послѣднихъ концовъ земли? Одни ли только апостолы? Одни ли пастыри церкви? Или вмѣстѣ съ ними и миряне?

Событіе вознесенія Господня наиболее подробно рассказано у святаго евангелиста Луки, въ началѣ книги Дѣяній святыхъ апостоловъ. *Иисусъ училъ*,—повѣствуетъ благоголивый Лука,—*даже до того дня, въ который Онъ вознесся, давъ при вознесеніи Святымъ Духомъ повелѣнія апостоламъ, которыхъ Онъ избралъ, которымъ и являлъ себя живымъ, по страданіи своемъ, со многими вѣрными доказательствами, въ продолженіи сорока дней являясь имъ и говоря о царствѣ Божіемъ. Въ самый день вознесенія собравъ ихъ, Онъ далъ имъ такое повелѣніе: не отлучайтесь изъ Иерусалима, но ждите общаго отъ*

Отца, сошествія Святаго Духа, о чемъ вы слышали отъ Меня. Ибо Иоаннъ предтеча крестилъ водою, а вы, чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, будете крещены Духомъ Святымъ. Посему они сошедши спрашивали Его, говоря: не теперь—ли, не въ это ли время, Господи, возставляешь Ты царство Израилю? Ученики Христовы, какъ Евреи, воспитанные въ еврейскомъ духѣ и понятіяхъ, даже теперь, въ самый день вознесенія, не покидали еще еврейской мечты, которую лелѣли постоянно, о восстановленіи израильскаго царства на землѣ, подъ скипетромъ самаго Христа, какъ истиннаго Мессіи. Потому-то ученики и спрашиваютъ Его: не теперь ли, Господи, Ты возставляешь царство израильское? Онъ же сказалъ имъ: не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отецъ небесный положилъ въ своей власти. Но вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый; и будете Мнѣ свидѣтелями въ Иерусалимѣ и во всей Иудей и Самаріи, и даже до края земли.

Но опять стоитъ передъ нами вопросъ, кто—жъ эти свидѣтели? Только ли святые апостолы? Богоглаголивый Лука отвѣтствуетъ: апостолы, которыхъ Господь Іисусъ избралъ. Въ день вознесенія Онъ собралъ ихъ. Посему они сошедши провожаютъ Его до горы Елеонскія, до горы вознесенія. Но одни ли тутъ были святые апостолы? Только ли одиннадцать избраннѣйшихъ апостоловъ, или и прочіе семдесятъ? Сказавъ сіе,—продолжаетъ благоглаголивый Лука,—Онъ поднялся въ глазахъ ихъ и облако подняло Его изъ вида ихъ. И когда они смотрѣли на небо, во время восхожденія Его, вдругъ предстали имъ въ бѣлой одеждѣ два мужа, два свѣтлыхъ ангела, и сказали: мужи галилейскіе! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, придетъ такъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на

небо. Тогда они,—кто это они? Одни ли апостолы?—возвратились въ Иерусалимъ съ горы, нарицаемой Елеонъ. И пришедши взошли въ Сіонскую горницу, идѣ и пребывали,—кто взошли, кто пребывали?—Петръ и Іаковъ, Иоаннъ и Андрей, Филиппъ и Тома, Варфоломей и Матѳей, Іаковъ Алфеевъ и Симонъ Зилотъ и Іуда, братъ Іакова. Всѣ они въ Сіонской горницѣ единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи, съ нѣкоторыми женами и Марією, Матерію Іисуса, и съ братьями Его. Было же здѣсь собраніе чело-вѣкъ около ста двадцати.

Итакъ вотъ собраніе учениковъ Христовыхъ, мужей и женъ, со святыми апостолами во главѣ, которые сидѣли въ Сіонской горницѣ, ожидая обѣтованнаго сошествія Святаго Духа; которые провожали Христа на гору Елеонъ и съ горы на небо; которымъ Онъ велѣлъ всѣмъ собраться въ день вознесенія, всѣмъ велѣлъ сидѣть въ Иерусалимѣ и ждать исполненія обѣтованія о сошествіи Св. Духа; которымъ и говорилъ: примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый, и будете Мнѣ свидѣтелями въ Иерусалимѣ и во всей Иудей и Самаріи и даже до края земли. Итакъ всѣ вѣрные приняли, какъ и нынѣ принимаютъ, сошествіе Святаго Духа, тогда приняли въ видѣ огненныхъ языковъ, нынѣ и всегда принимаютъ въ таинствѣ миропомазанія и въ другихъ таинствахъ. Поэтому всѣ же вѣрные, а не одни апостолы, призваны и обязаны быть и свидѣтелями Іисуса Христа въ Иудей и Самаріи и даже до послѣднихъ краевъ земли.

Я хочу разъяснить вамъ, что не одни апостолы, не одни пастыри, но и міряне, однимъ словомъ, всѣ ученики Христовы призваны и обязаны проповѣдывать Христа. Представимъ этому яснѣйшее доказательство.

Спрашивается, кто видѣлъ Христа по воскресеніи? На

этотъ вопросъ св. апостолъ Павелъ въ 15-й главѣ 1-го посланія къ Коринѳянамъ (ст. 3—8) отвѣчаетъ такъ: я первоначально преподалъ вамъ, что и самъ принялъ, что Христосъ умеръ за грѣхи наши по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифъ, апостолу Петру, потомъ двѣнадцати апостоламъ. Потомъ явился, — обратите вниманіе на это, — явился болѣе нежели пятистамъ братій въ одно время, изъ которыхъ большая часть до нынѣ остается въ живыхъ, а нѣкоторые и почилъ. Потомъ явился Иакову, брату Господню, которому и поручилъ епископство надъ іерусалимскою церковію. Это предъ самымъ вознесеніемъ своимъ. Наконецъ явился всѣмъ апостоламъ уже въ самый день вознесенія. Такъ какъ, говоря о явленіяхъ Воскресшаго, святые евангелисты отчетливо не указываютъ, гдѣ и когда совершилось такое великое явленіе Воскресшаго, о какомъ говоритъ св. апостолъ Павелъ, — о явленіи болѣе нежели пятистамъ братій въ одно время, изъ которыхъ въ ту пору, въ пору написанія апостоломъ Павломъ этого посланія къ Коринѳянамъ, еще большая часть оставалась въ живыхъ, а нѣкоторые уже и померли; посему толковники, на основаніи древняго преданія, и положили, что это великое явленіе изображено въ евангеліи отъ Маттея, въ послѣднемъ зачатѣ; но только изображено безъ упоминанія о точномъ числѣ очевидцевъ сего явленія, въ количествѣ болѣе пятисотъ братій. Обстоятельства же сего великаго явленія у евангелиста Маттея представляются въ слѣдующихъ чертахъ. Воскресшій Господь назначилъ собраться апостоламъ и другимъ ученикамъ своимъ, предъ самымъ вознесеніемъ своимъ, на одной галилейской горѣ. Кромѣ одиннадцати апостоловъ, туда собралось болѣе пятисотъ вѣровавшихъ во Христа. Апостолы и большая часть изъ вѣ-

ровавшихъ, увидѣвъ Господа, поверглись предъ Нимъ на землю и воздали Ему поклоненіе. А иные усумнились въ дѣйствительности видѣнія. И приблизившись Іисусъ сказалъ имъ: дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Шедше убо научите вся языки, всѣ народы, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, наставляя ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ. И се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Итакъ кому въ этотъ разъ явился воскресшій Господь предъ самымъ вознесеніемъ своимъ? Кромѣ одиннадцати апостоловъ, явился болѣе нежели пятистамъ братій, мужей же и женъ; явился всему собранію вѣрующихъ своихъ учениковъ. Что Онъ заповѣдалъ имъ? Чтобъ они шли въ міръ весь, распростра- няясь по всѣмъ краямъ земли, и проповѣдали евангеліе всякой живой твари; чтобъ они, всею совокупностью церкви, учили всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, наставляя ихъ соблюдать все, что Іисусъ Христосъ заповѣдалъ. Что всѣмъ имъ при этомъ обѣтовано? Обѣцано то, что Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и по вознесеніи на небеса, и по отшествіи апостоловъ въ горнія обители, пребываетъ и будетъ пребывать съ своими вѣрными учениками, съ неложными проповѣдниками евангелія по всему міру, до скончанія вѣка. Ясно, что проповѣдать евангеліе призваны и обязаны не одни только апостолы, не одни только прямые преемники апостольской власти, духовные пастыри, но и весь соборъ церкви, всѣ вѣрные ученики Христовы, всѣ міряне и исповѣдники Христова имени.

Вы слышите, вотъ въ началѣ литургіи предъ лицомъ священнодѣйствующаго архіерея всегда читается: тако да просвѣтитъ свѣтъ твой предъ челоуки, яко да видятъ добрая дѣла твоя, и прославятъ Отца нашего, иже на

небесных. А слыша это постоянно, вѣрно думаете, что архіерею такъ и слѣдуетъ, онъ будетъ горѣть и свѣтить, а вы будете только смотрѣть и судить. Нѣтъ, горѣть предъ Богомъ и людьми чистымъ свѣтомъ, какъ свѣчка изъ чистаго яраго воску, долженъ всякій христіанинъ. Эти слова сказаны Христомъ Пастыреначальникомъ къ архіерею, конечно, прежде всѣхъ, какъ предстоятелю церкви, а затѣмъ къ лицу и всѣхъ вѣрныхъ. Такъ ли это, посмотримъ. Эти слова изречены Господомъ въ такъ называемой нагорной бесѣдѣ. А къ кому именно изречены, извольте прислушаться. Однажды *взошелъ Иисусъ на гору помолиться и пребылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу. Когда же настала день, призвалъ учениковъ своихъ и избралъ изъ нихъ двѣнадцать, которыхъ и наименовалъ апостолами. И сошедши съ ними съ горы, Онъ сталъ на ровномъ мѣстѣ, и множество учениковъ Его, и много народа изъ всей Иудеи и Иерусалима, и приморскихъ мѣстъ тирскихъ и сидонскихъ, которые пришли послушать Его. И Онъ, возведши очи свои на учениковъ своихъ, сталъ говорить (Лук. 6, 12—21): блаженны нищій духомъ, блаженны плачущіе, блаженны кроткіе, блаженны алчущіе и жаждущіе правды, блаженны милостивые, блаженны чистые сердцемъ, блаженны миротворцы... Вы соль земли. Вы свѣтъ міра. Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего небеснаго.* И такъ къ кому же обращены эти святые слова? Къ тому, къ кому обращена и вся нагорная бесѣда, т. е. ко всему народу, ко всѣмъ ученикамъ Христовымъ, всѣмъ вѣрующимъ въ Него, а не однимъ апостоламъ. Не однимъ апостоламъ, а всѣмъ вѣрнымъ сказано: *блаженны нищій духомъ, блаженны плачущіе о грѣхахъ, кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ.* Не однимъ пастырямъ церкви, а всѣмъ вѣрнымъ сказано: *вы свѣтъ*

міру. Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего небеснаго. Не однимъ особо поставленнымъ церковнымъ учителямъ, а всѣмъ вѣрнымъ сказано и далѣе: *кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ другихъ людей (словомъ и примѣромъ), тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ. А кто сотворитъ и научитъ (словомъ и примѣромъ), тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ (Мат. 5, 1—19).* Такимъ образомъ по заповѣди Господней, всякій вѣрующій, а не только пастырь церкви, обязанъ и самъ творить заповѣди закона Божія и учить тому же другихъ. Всякій вѣрующій, а не только пастырь церкви, долженъ свѣтить предъ людьми свѣтомъ добрыхъ дѣлъ, да святится на землѣ имя Отца нашего небеснаго. Всякому вѣрующему повелѣно идти въ міръ и проповѣдать евангеліе Христово всякой твари. Всякій вѣрующій, а не только прямой апостольскій преемникъ, епископъ или пресвитеръ, призванъ быть свидѣтелемъ Іисуса Христа даже до конца земли.

Такъ отчего жъ это современность шумитъ только противъ пастырей церкви, что они не учатъ народъ, или учатъ худо, а наоборотъ молчатъ, не говоря ни слова о томъ, что міряне не учатъ другъ друга закону Христову? И какого это учительства требуетъ отъ насъ, отъ духовныхъ, наше время? Проповѣдей, вдохновенныхъ бесѣдъ, блистательныхъ ораторскихъ рѣчей? Во всякомъ случаѣ требуютъ чего-то такого, что въ прошлые вѣка въ такомъ шумѣ, съ такою настойчивостью не требовалось. Требуютъ большей, лучшей, во всякомъ случаѣ успѣшнѣйшей проповѣди, церковной и домашней, учительской и пастырской, чтобъ мы учили, учили и учили, постоянно, настойчиво и вліятельно учили. Требованіе конечно законное. Тоже заповѣдуетъ и

св. апостолъ Павелъ епископу Тимофею: *заклинаю тебя предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ: проповѣдуй слово, истой благовременнъ и безвременнъ, обличай, запрещай, увѣщай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ* (2 Тим. 4, 1—2). Но есть у нашего времени, касательно сего предмета, нѣкоторое недоразумѣніе, которое нуждается въ разъясненіи.

При современныхъ шумныхъ требованіяхъ объ усиленіи церковной проповѣди, забывается и вовсе выпускается изъ виду, что проповѣдничество есть высокое искусство, есть рѣдкій даръ Божій, требующій постояннаго упражненія и усовершенствованія трудомъ, возгрѣванія и поощренія благопріятствующими обстоятельствами. Выпускается изъ виду, что послѣ перваго вѣка христіанской эры, когда вновь создаваемая церковь Христова и особенно нуждалась и такъ изобиловала чрезвычайными дарами Святаго Духа; когда въ церковныхъ собраніяхъ постоянно проповѣдывали не только предстоятели церквей, но и міряне по вдохновенію свыше, — послѣ перваго вѣка церковное слово умолкаетъ до славной эпохи IV—VI вѣковъ, до эпохи Аѳанасія и Кирилла александрійскихъ, Василия великаго, Григорія богослова и Іоанна златоустаго, Григорія нисскаго и Августина, до Льва великаго и Григорія двоеслова; а затѣмъ снова умолкаетъ и до нашихъ дней. Выпускается изъ виду, что и на святой Руси, по принятіи христіанства, проповѣдничество слово, только лишь проявившись въ самобытно возникшихъ и крайне рѣдкихъ дарованіяхъ, въ родѣ Иларіона кіевского и Кирилла туровскаго, молчитъ многіе вѣки, до пробужденія своего въ западно—русской церкви вліаніемъ кіевской академіи, откуда пересаживается въ Москву, и является на высшей степени силы и развитія въ святителяхъ Платонѣ, Иннокентіи и Филаретѣ. Вы-

пускается при этомъ изъ виду, что неужели проповѣдь евангельская молчала во всѣ тѣ эпохи, когда ораторское проповѣдничество слово умолкало? Ужели она молчала въ устахъ всѣхъ тѣхъ предстоятелей церкви, которые не говорили проповѣдей? Ужели она молчала въ устахъ множества святыхъ святителей, начиная съ Игнатія богоносца и Поликарпа смирнскаго, которые не оставили письменныхъ памятниковъ своего ораторскаго искусства? Ужели она молчала во всѣ тѣ длинные періоды въ древней вселенской церкви, когда церковная проповѣдь раздавалась только изъ рѣдка? Или въ позднѣйшей грековосточной церкви, отъ VIII вѣка и до нашихъ дней, когда церковныхъ ораторовъ мы видимъ очень мало? Или въ первоначальной россійской церкви, до пробужденія въ ней церковнаго проповѣдничества вліаніемъ кіевской академіи? Конечно нѣтъ. Мы, церковные предстоятели, по учительному—пастырскому призванію, не болѣе какъ глашатаи Слова Божія. Мы *возвѣщаемъ вамъ свидѣтельство Божіе не въ превосходствѣ слова или мудрости. Слово наше и проповѣдь наша не въ убѣдительныхъ словахъ человеческой мудрости. Мудрость мы проповѣдуемъ не въка сего. Но проповѣдуемъ премудрость Божію тайную, сокровенную* (1 Кор. гл. 2). Мы сами неспособны что и помыслить отъ себя, какъ бы отъ себя, но способность наша отъ Бога. Онъ далъ намъ способность быть слугами новаго завета, не буквы, но духа (2 Кор. 3, 5—6). Мы не себя проповѣдуемъ, но Христа Иисуса Господа (2 Кор. 4, 5). Проповѣдуемъ не человеческое слово, но востину слово Божіе (1 Сол. 1, 13). А кто учитъ иному и не слѣдуетъ здоровымъ словамъ Господа нашего Иисуса Христа и ученію о благочестіи, тотъ гонимъ, ничего не знаетъ, но зараженъ страстію къ состязаніямъ и словопрѣніямъ (1 Тим. 6, 3—5). Священ-

ныя писанія достаточны для того, чтобы умудрить насъ во спасеніе, впроу во Христа Іисуса. Богодухновенное писаніе достаточно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 15—17). Это все слова святаго апостола Павла. Значить, во всѣ тѣ времена, когда Слово Божіе въ церкви Христовой провозглашалось, тогда проповѣдь евангелія Христова не умолкала. Когда мы, вся учительная церковь, отъ іерарха предстоятеля до послѣдняго церковника, когда мы провозглашаемъ въ церкви Слово Божіе, когда только читаемъ его въ храмахъ,—то тѣмъ самымъ мы провозглашаемъ проповѣдь евангелія. Мы проповѣдуемъ евангеліе и всѣмъ тѣмъ, что совершаемъ по долгу нашего священнослуженія во имя Христова. Такъ самый простодушный изъ священниковъ внятно и понятно проповѣдуетъ вѣру Христову, когда провозглашаетъ: *благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа*. Самый простѣйшій изъ діаконовъ проповѣдуетъ христіанское благочестіе, когда провозглашаетъ: *миромъ Господу помолимся; станемъ добры, станемъ со страхомъ, возлюбимъ святое возношеніе въ миръ приносить*. Самый простодушный изъ чтецовъ—пѣвцовъ церковныхъ провозглашаетъ вѣру Христову, когда поетъ: *святый Боже, святый крепкій, святый безсмертный помилуй насъ*; когда читаетъ *Отче нашъ*... Даже смиренный стражъ церковный и тотъ проповѣдуетъ Христа, когда, ударяя въ церковный колоколъ, провозглашаетъ на весь міръ: *приидите, поклонимся и припадѣмъ ко Христу*. Самый малоученый староста церковный, и тотъ проповѣдуетъ Христа, когда, ходя между собраніемъ вѣрующихъ, приглашаетъ всѣхъ: *подайте, православные, на храмъ Божій, на свѣчку Христу Богу*. Однимъ словомъ, весь вѣко-

вѣчный строй и чинъ нашего священнослуженія немолчно проповѣдуетъ Христа всякому имѣющему уши слышати...

Въ тоже время и выставлемый церковію проповѣдникъ учить не одинъ, не самъ собою и не отъ себя, но отъ лица всей помѣстной церкви, и учить не современниковъ своихъ только, не въ настоящемъ только, но и въ будущемъ учить потомство, если только слово его будетъ имѣть столько жизненности, что переживетъ его самого и перейдетъ въ потомство. Такъ въ свою пору, проповѣдуя слово Божіе, учили не одни только Аѳанасій великій, діаконовъ александрійскій, или Іоаннъ златоустый, пресвитеръ антїохійскій, но въ нихъ и чрезъ нихъ учили и благословлявшіе ихъ на трудъ учительства Александръ епископъ александрійскій и Флавіанъ епископъ антїохійскій, какъ и вся тогдашняя учительная церковь Александріи и Антіохіи, хотя сіи епископы съ соборомъ подвѣдомыхъ сопастырей и молчали, когда у одного діакона, а у другаго пресвитера проповѣдывали. Святые Василій великій, Григорій богословъ и Іоаннъ златоустъ потому и названы вселенскими учителями, что въ премудромъ душеспасительномъ словѣ ихъ выразилось учительство вселенской церкви, которая въ молчаніи благословляла проповѣданіе ихъ своимъ всецерковнымъ согласіемъ, сочувствіемъ и почтительнымъ вниманіемъ. А проповѣдь этихъ вселенскихъ учителей, какъ и многихъ другихъ, одобренныхъ церковію, учителей церковныхъ не умолкнетъ и не умолкаетъ въ церкви до кончины вѣка. А есть въ церкви Христовой и другая проповѣдь, проповѣдь не слова, но крайней мѣры, не искусственнаго слова, а дѣла и подвига. Многіе сонмы святыхъ святителей, какъ и другихъ смиреннѣйшихъ пастырей, подвижниковъ, исповѣдниковъ и мучениковъ, мало говорили проповѣдей, по крайней мѣрѣ не писали ихъ и не передали потомству, какъ

большая часть и самих святых апостовъ. Но за то святость жизни ихъ, труды и подвиги, страданія и кровь ихъ, пролитая за Христа, проповѣдуютъ о Христѣ, во все концы міра на все вѣка, громче всякаго искусственнаго витійства. *Во всю землю изыде вѣщающе изъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ.*

Въ исторіи церкви Божіей можно усмотрѣть то характерное явленіе, что въ началѣ сзиданія и возрастанія церкви ея члены больше творятъ законъ Божій и творятъ учатъ; а по склонѣ къ упаду церкви, въ той или другой части ея, въ томъ или другомъ народѣ, члены церкви больше учатъ и меньше творятъ. Просто сказать, сперва бываетъ больше дѣлъ и меньше словъ святыхъ, а подъ конецъ наоборотъ, больше словъ и меньше дѣлъ святыхъ. Такъ въ ветхо-завѣтной израильской церкви времена великихъ пророковъ, священныхъ проповѣдниковъ ораторовъ, Исаи, Іереміи, Іезекииля, Осии, Іоиля и другихъ были временемъ упадка вѣры въ израильскомъ народѣ, какъ и самого народа. Времена величайшихъ проповѣдниковъ христіанства, Аѳанасія и Василія великихъ, Григорія богослова и Іоанна златоуста, Августина и Григорія двоеслова были временемъ апогея процвѣтанія христіанства, послѣ чего церковь древне-римской вселенной пошла къ упадку. Тоже явленіе усматривается даже въ язычествѣ: и тамъ высшіе ораторы Перикль и Демосѳенъ, Цицеронъ и Цезарь намѣтили собою черту, за которою сталъ вымирать героическій духъ древняго человѣчества, стала убывать жизненность древней языческой цивилизаціи. Подобнымъ же образомъ и западная римско-католическая церковь мало проповѣдала, пока былъ крѣпокъ въ западной Европѣ духъ латинскаго христіанства; а величайшіе ораторы римскаго католичества Массильонъ, Бурдалу и другіе означили собою черту, за которою этотъ

духъ явно склонился къ истощенію. А низшая фаза развитія христіанскаго духа въ протестанствѣ, несмотря на самое усиленное требованіе живой христіанской проповѣди, представляетъ наибъ только одно грустное явленіе, процессъ постепеннаго, но окончательнаго разложенія христіанства у протестантскихъ народностей, такъ что весь протестантскій міръ, несмотря на самое несмолкаемое проповѣданіе, не имѣлъ уже силы произвести изъ себя ни одного проповѣдника, полнаго духа и силы. По нѣкоторымъ признакамъ думается, не дожила-ли и Русь святая до этой высшей грани, за которою должно начаться уже разложеніе народнаго духа, такъ какъ и мы имѣли святителей Иннокентія и Филарета, такихъ церковныхъ ораторовъ, выше которыхъ церковное ораторское искусство не восходило? Послѣ этого слѣдуетъ ли русскимъ жаловаться на скудость церковной проповѣди, когда послѣдніе два вѣка произвели на Руси не мало проповѣдниковъ, завѣщавшихъ свое имя исторіи? А это рѣдко бывало на пространствѣ всехъ вѣковъ.

Заносимое къ намъ отыуды требованіе учащенной проповѣди не свидѣтельствуетъ ли именно о томъ, что христіанское чувство въ нашей русской средѣ ослабѣваетъ и нуждается въ ежечасномъ возбужденіи извнѣ? Не свидѣтельствуетъ ли именно о томъ, что живая дѣятельная проповѣдь въ самой народной средѣ, въ средѣ мірянъ вымираетъ? Міряне не только призваны, но въ старые годы и отлично исполняли свое призваніе быть свидѣтелями Іисуса Христа и проповѣдывать евангеліе. Конечно, въ весьма многихъ случаяхъ міряне и теперь прекрасно исполняютъ это святое дѣло. Посмотрите, вотъ проповѣдуетъ Христа благочестивая мать, когда, складывая персты ребенка на крестное знаменіе, учитъ его креститься и молиться во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Я на своемъ вѣку видѣлъ

простую семью ремесленниковъ, въ которой отецъ семьи всякое утро и вечеръ, послѣ дневныхъ трудовъ, со всѣми чадами и домочадцами, становился подъ образами и читалъ вслухъ всѣхъ, наизусть, всѣ сполна утреннія и вечернія на сонъ грядущимъ молитвы, а по праздникамъ и акафисты. Развѣ онъ не проповѣдникъ Христа? А мало ли было, конечно, и есть не мало на Руси такихъ свидѣтелей Христовыхъ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, отъ низшаго до самаго высшаго. Такъ вотъ громкимъ свидѣтелемъ Христа явился полководецъ Кутузовъ, когда наканунѣ бородинской битвы обносилъ чудотворную икону Божіей Матери; когда при этомъ всѣ воины исповѣдались, причащались и въ чистое бѣлье одѣвались, готовясь на смерть. За то ихъ честною кровію залита величайшая въ мірѣ военная звѣзда, такъ, что скоро и совсѣмъ потухла. Громкимъ свидѣлемъ Христа явился благочестивѣйшій императоръ Николай, когда, провожая казацкіе полки на восточную крымскую войну, спрашивалъ: а что, братцы, ударимъ?—Ударимъ Государь,—тѣ отвѣчали молодецки. Тогда великій императоръ, полагая исходъ великой войны въ волю Божію, самъ перекрестилъ ихъ большимъ крестомъ и звучнымъ голосомъ заплѣлъ, а всѣ поддержали: *Спаси Господи люди твоя и благослови достояніе твое...* Какая минута для очевидцевъ! Это я слышалъ отъ очевидца, тогда казацкаго полковника, нынѣ заслуженнаго генерала. А такую ли уже проповѣдь о силѣ и дѣйственности христіанства провозгласилъ вслухъ всего міра первый вождь севастопольскихъ ратоборцевъ, когда отклонилъ мужественное до самоотверженія предложеніе святителя обнести по бастіонамъ чудотворную икону Богоматери, выразивъ кощунственное опасеніе за безопасность и достоинство царицы небесной!? За то, сколько бы онъ самъ ни запищалъ впоследствии свою суетную му-

дрость, никто ея силѣ и плодотворности не вѣрилъ и не повѣрилъ, и всѣ безпредѣльныя доблести севастопольскихъ героевъ жалостно, хотя и славно, разбились о севастопольскіе камни... А мало ль у насъ явилось нынѣ отрицательныхъ свидѣтелей, враговъ Христа и христіанства? Въ старые годы весь строй русской жизни, снизу до верху, поставленъ былъ такъ, что всѣ отъ мала до велика, отъ простака до боярина, были благоговѣйными исповѣдниками Христа. А нынѣ, особенно въ верхнихъ слояхъ, весь строй жизни извращается такъ, что христіане явпо начинаютъ стыдиться Христа. А можно ль этому радоваться, судите сами. Когда смотришь на многовѣковое многовѣтвистое дерево и видишь, что верхнія вѣтви его начинаютъ усыхать, —то явный знакъ, что начинаетъ сохнуть все дерево, какъ бы ни были мощны его корни.

Братіе христіане. Когда въ день вознесенія Господня слышите слова возносящагося Христа: *и будете Мы свидѣтели во Иерусалимѣ же и во всей Иудей и Самаріи и даже до концевъ земли*,—то помните, что быть свидѣтелями Христа, проповѣдывать евангеліе всей твари, учить всѣ народы Христовой вѣрѣ обязаны не одни только духовные, но и міряне, и всѣ вы безъ исключенія. Это мы и хотѣли сказать вамъ сегодня.

Имѣя долгъ свидѣтельствовать свою вѣру и молитвою, и творить молитвы прежде всѣхъ за царя и за всѣхъ иже во власти суть, помолимся, братіе, всеусердно нынѣ въ день рожденія за Наслѣдника Всероссійскаго престола, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, да утвердитъ Его премысль Божій опорой русскаго отечества и русскаго народа и русской святой православной христіанской вѣры. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНИЕ

къ воспитанницамъ епархіального женскаго училища въ Уфѣ, 16 іюня въ день храмоваго праздника святителя Тихона.

Избави отъ всѣхъ бѣдъ рабы твоя, Спасе и Владыко нашъ Господи, и всегда яко милостивъ исполни во благихъ желаніе всѣхъ насъ.

Вчера мы молились на выпускъ дѣтей, вамъ подобныхъ, и думалось: для насъ это уже обычное явленіе; уже нѣсколько десятковъ лѣтъ почти ежегодно мы присутствуемъ на подобныхъ выпускахъ. А эти дѣти, ставъ возрастными, вступая въ жизнь отсюда, переживаютъ одну изъ знаменательнѣйшихъ минутъ въ своей жизни. И множество мыслей роилось въ нашей головѣ, когда мы заглядывали въ будущее этихъ дѣтей и сравнивали его съ ихъ прошедшимъ.

Сегодня мы торжественно молимся на вашемъ выпускѣ. Да, на выпускъ... Старшія изъ васъ, оглянитесь кругомъ. Посмотрите на это собраніе, окиньте его вашими взорами. Вы видите его, въ полномъ его составѣ, послѣдній разъ. Ну и проститесь съ нимъ взорами и въ вашихъ сердцахъ. Что касается меня, то вѣроятно въ день дѣйствитель-

наго прощанья вашего съ заведеніемъ я буду отсутствовать, и счелъ долгомъ сказать вамъ нѣсколько прощальныхъ напутственныхъ словъ теперь. Припомните, какъ отецъ, отпускающая въ далекій путь жизни сына или дочь, напутствуетъ ихъ совѣтами, какіе считаетъ наиболѣе нужными и пригодными,—оно похоже. Наша немощь не только названа, но и поставлена надъ вами отцемъ. Ну и выслушайте прощальное слово,—простое слово отца.

За воротами этого заведенія ожидаетъ васъ жизнь. Лишь только переступите его порогъ въ послѣдній разъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вы вступите въ свѣтъ.

Въ жизнь вы вступите—это да. Въ свѣтъ?—Нѣтъ. Чуть ли не сзади у себя вы оставите свѣтъ.

Что значило учиться въ этомъ заведеніи? Значило готовиться къ жизни, живя на чужой счетъ. Посмотрите, подумайте. Вы прожили каждая уже болѣе, чѣмъ по десятку лѣтъ. И до сихъ поръ сами не принесли человѣчеству,—радость, утѣху кому либо принесли,—но пользы не принесли еще почти никому. А человѣчество на васъ трудилось, растило васъ, поило, кормило, одѣвало, грѣло, учило и берегло.

Теперь пришла ваша очередь платить, помните,—долгъ платежемъ красенъ. Помните, что жить значитъ трудиться,—трудясь на себя непремѣнно трудиться и на другихъ. Кто на другихъ не трудится, недостоинъ и жить *Труждающемуся дѣлателью подобаетъ ясти. Кто не работаетъ на другихъ, ниже да ястъ.*

Какъ же трудиться на другихъ? Какой трудъ взять на себя именно вамъ?

Замѣтьте, кто не пашетъ землю, не занимается рукодѣльемъ, торговлею, не защищаетъ отечество оружіемъ, не работаетъ перомъ и головою, не служитъ высшимъ эстети-

ческимъ потребностямъ, тотъ не работаетъ на человѣчество. Въ этой работѣ нужно различать двѣ стороны: низшую и высшую. Высшая сторона, когда трудъ направленъ къ удовлетворенію высшихъ потребностей общества: устроению и поддержанію порядка, укрѣпленію нравовъ, развитію ума и вкуса. Низшая сторона труда та, когда трудъ кормитъ себя и другихъ, поитъ, одѣваетъ, строитъ жилища и т. п. Замѣтите,—эту низшую и грубѣйшую часть чорнаго труда несетъ на своихъ плечахъ народъ. Хлѣбъ, изъ котораго развились ваши мускулы, кости, кровь и нервы, полить потомъ народа; ленъ и шерсть, которыми вы прикрыты и были прикрыты, выдѣланъ руками чорнаго народа. Хлѣбъ, которымъ вы и будете питаться, жилища, въ которыхъ и будете жить, и прочія матеріальныя удобства, которыя и будутъ васъ окружать, по большей части, если только не исключительно, будутъ доставлены вамъ тѣмъ же чорнымъ народомъ, такъ называемымъ и дѣйствительно чорнымъ, неумытымъ тѣлесно, умственно, нерѣдко и нравственно. Ему некогда умыться, и никто его не умываетъ, а маться нужно и для насъ съ вами.

Что вы обязаны дѣлать? Что вы можете сдѣлать для народа? Было время,—дѣлали мало. Были условія, по которымъ и трудно было что либо сдѣлать. Теперь же, къ счастью, запросъ на трудъ этого рода поставленъ. Можете работать для народа и вы, и отличное дѣло можете сдѣлать.

Назвали мы народъ неумытымъ. Да, неумыть онъ умственно, а затѣмъ не умѣть и не можетъ начисто умыться даже физически, не говоря о высшей чистотѣ. Умъ всегда былъ силою руководящею, просвѣщающею путь всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.

Сказали мы, что, вступая въ жизнь, вы вступите не

въ свѣтъ, да, не въ свѣтъ, а въ мракъ жизни. Посмотрите, что разумѣетъ нашъ народъ и чего не разумѣетъ?

Возьмемъ по части религіознаго развитія. Не знаетъ народъ символа вѣры и десятословія почти поголовно. Не знаетъ постоянно употребляемыхъ моливъ: «Ослаби остави», «Подъ твою милость», «Приндите поклонимся». «Помилуй мя Боже», почти поголовно. Не знаетъ: «Достойно есть», «Пресвятая Троице», «Царю небесный», въ большинствѣ. Во множествѣ не знаютъ: «Отче нашъ», знаютъ «Богородице Дѣво». Во множествѣ не знаютъ ни даже «Богородице Дѣво», «Святой Боже», «Иисусовой молитвы», «Слава Отцу и Сыну». Во множествѣ не умѣютъ сказать даже шести словъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». И родители несомнѣнно не учатъ дѣтей даже этимъ шести словамъ. Больше. Не знаютъ, не различаютъ не только никакихъ святыхъ иконъ въ церкви; но не отличаютъ образа Спасова отъ Богородицы и отъ Николая святителя. Въ одномъ изъ ближайшихъ отсюда селъ вынесли намъ на встрѣчу одну икону святителя Николая, и дѣти вашихъ лѣтъ не могли, не умѣли сказать, какой это образъ.—Скажите, можно ли идти во тму кромѣшнюю дальше и глубже?

Чего еще не знаетъ нашъ народъ? Скажите, что онъ знаетъ,—это легче перечислить по пальцамъ. Говоримъ, что религіозное невѣдѣніе есть только основа и подкладка общаго невѣжества, есть вывѣска умственной неподвижности. Не знаетъ нашъ народъ простѣйшаго и необходимѣйшаго въ жизни. Не знаетъ необходимости трубъ въ хатахъ. Не знаетъ, что нельзя выводить низкую въ полъ-аршина трубу, да и ту къ изумленію деревянную, на плохо наваленной соломенной крышѣ. Не знаетъ, что нельзя заваливать навозомъ жалкіе деревенскіе водопой. Не знаетъ, что нельзя лубьемъ живыхъ деревьевъ усти-

лать десятки верстъ грязнѣйшей дороги. Не знаетъ, что нельзя лѣчить болѣзни причитаньями и другими, не только бесполезными, но и вредными вещами. Не знаетъ, что нельзя жить вѣчно въ грязи, изъ которой въ селахъ и деревняхъ едва едва вытаскиваетъ подюжина лучшихъ лошадей. Ничего не знаетъ. Не знаетъ, что отцу нельзя утверждать всенародно въ глаза ребенку сыну, что отецъ училъ сына креститься и читать «Во имя Отца», когда ребенокъ говорить, что отецъ не училъ. Не знаетъ, что не слѣдуетъ въ глаза дѣтямъ, которые не умѣютъ сказать: «Во имя Отца», — не слѣдуетъ отцамъ и дѣдамъ говорить: «гдѣ намъ, мы люди темные, соха нужна»... Вотъ чего не знаетъ нашъ народъ.

Онъ не зналъ этого и тысячу лѣтъ.

Въ чемъ же запросъ времени? Отрадный запросъ на ученіе, — ученіе въ училищахъ, ученіе и домашнее. Нашли мы приходъ, — говорилъ и повторяю, — въ которомъ все поголовно дѣти знали даже «Вѣрую». Кто училъ? Дома учили священникъ и его дочка. — Въ селѣ вынесли намъ на встрѣчу крестъ, образъ Богородицы и дванадцати праздниковъ. Три сразу взятые дѣвочки не знали, не умѣли назвать ни Богородицу, ни крестъ, о третьемъ нечего было и спрашивать; не знали и молитвъ никакихъ; но тутъ же взятый нами мальчикъ, похожій на нищаго, сказалъ: «это Богородица, а это Христосъ — крестъ Христовъ, а это воскресеніе», и зналъ молитвы. Откуда сему премудрость сія? Говорить: «съ мѣсяцъ учился въ школѣ». Школа отраднѣйшее явленіе, свѣтъ во мракѣ ночи, путеводная звѣзда на застланномъ тучами небѣ. Русскій народъ развитъ природою и тысячелѣтнею исторіею. Троньте его ученіемъ, чрезъ мѣсяцъ мальчикъ дикарь глядитъ умнымъ, милымъ, привѣтливымъ, привлекательнымъ человѣкомъ христіаниномъ.

«Кто училъ?» спрашиваетъ «Священническая дочь», — отвѣчаютъ. Такіе истинно утѣшительные отвѣты получены въ двухъ мѣстахъ. Этого мало, конечно, но получены. — «Гдѣ вы получили воспитаніе?» спрашиваетъ учительницу. «Въ уфимскомъ духовномъ училищѣ». — Услышать это всегда было истиннымъ утѣшеніемъ.

Начало положено, но только начало. Дочки священниковъ! Дочери церковнаго причта! Народъ кормилъ васъ и кормить. Платите ему хлѣбомъ духовнымъ, — учите. Жены священниковъ, жены церковнаго причта! Платите народу хлѣбомъ духовнымъ, — учите. Повѣрьте, сослужите огромную службу отечеству и человѣчеству. Не будьте ниже, по задачѣ жизни, женъ мусульманскихъ муллъ и азанчеевъ, — тѣ учатъ своихъ. Учите всему, — учите домоводству, какъ шить, варить, беречь скотъ, разводить огороды и садъ, разводить птицу и пчелъ. Запаситесь книжками — руководствами. Увы! Народъ спитъ, глубоко спитъ! Спать отцы, спать и дѣти! Наша полу-ученость бесплодна, — не стремится ни къ какимъ практическимъ результатамъ и не достигаетъ ихъ; не читаетъ, не мыслить, ничего не предпринимаетъ и засыхаетъ; изощряется развѣ въ простѣйшемъ и антипатичнѣйшемъ искусствѣ не дать, а взять... *Поминайте слово Христа, еже самъ рече: блаженны естѣ паче даяти, нежели приимати.* Еще одно, — хотя можно бы и многое сказать, — лѣчите народъ. Возьмите какой либо обыденнѣйшій учебникъ: если растолкуете народу, что не нужно лѣчиться тѣмъ, чѣмъ онъ лѣчится, — и то будетъ заслугою. Возьмитесь дружно за дѣло, за умственную работу, не засыпайте, не тупѣйте, не деревянѣйте въ убійственномъ себялюбіи. Будьте живая сила, величайшая изъ силъ нашего времени — умственная.

Конечно, этимъ словомъ не исчерпана задача жизни.

Помните, что жизнь есть игра страстей и страданье. Не тушите ваши радужныя мечты,—пламя ихъ потухнетъ безъ вашихъ усилій. Жизнь и время потушатъ ихъ безъ васъ. Радуга ваша останется у васъ сзади надъ стѣнами этой, повидимому, хмурой школы. Тамъ дальше встрѣтятъ васъ нерѣдко ужасы и трагедіи. Куда ни поглядишь, вездѣ подъ лоснящеюся подкладкою разглядишь трагедію. Открой уши, и каждую недѣлю услышишь то о желаніи разорвать неразрывное, то о покушеніи задушить, то о порывѣ наложить руки на себя... Боже! говорятъ даже юныя особы,—есть ли счастье въ жизни? Есть оно, есть. Соломонъ отвѣтилъ на это. Но есть не тамъ, гдѣ ищемъ: *то суета суетъ, и всяческая суета, и крушеніе дуща. Бога бойся и заповѣди его храни*,—въ этомъ счастье человѣка.

Дѣти! Година если—быть можетъ—не послѣдняя, то грозная. Вѣтры буйные ходятъ въ головахъ. Помните, что вы молились въ этомъ храмѣ, помните совѣтъ много пережившаго и передумавшаго человѣка, который напутствуетъ васъ въ жизнь въ званіи и качествѣ вашего отца,—помните: бываютъ въ жизни мрачныя и тяжкія минуты, когда важно и существенно полезно опереться въ церкви буквально на стѣну церкви, опереться безъ молитвы, безъ надежды, коли хотите—даже безъ вѣры твердой, а только просто опереться на стѣну церкви, деревянную или каменную. А тяжкія минуты ждутъ каждую изъ васъ, отъ нихъ же да избавить васъ Господь.

Еще совѣтъ. Вѣтры буйные поднимаются въ головахъ, сердцахъ и рѣшеніяхъ. Помните, что въ вашей залѣ висѣлъ портретъ Богопомазаннаго Вѣнценосца. Помните, что это знамя единства, сердцевина народной твердости, жизненный мозговой узелъ исторіи, развитія, самаго бытія русскаго народа. Помните, что Русь по краямъ и мѣстамъ

вздымалась, какъ песокъ, какъ буря въ широкой степи. Помните, что именно этотъ край, далекій отъ центра русской жизни, отъ окрѣпшаго уклада русскаго строя, бывалъ ареною подобныхъ буряновъ. Будьте консервативнымъ разумнымъ началомъ истинно-русской жизни. Не забывайте и устами пѣть и въ сердцахъ молиться: «спаси Господи люди твоя и главу людей, буквально главу народа, благочестивѣйшаго Императора».

А дальше обдумайтесь, сосредоточьтесь и, принося, въ сей знаменательный для васъ день, словословіе Богу, умиленно возопійте: избави, Спасе и Владыко нашъ Господи, отъ всѣхъ бѣдъ рабы твоя, и всегда яко милостивъ исполни во благихъ желаніе всѣхъ насъ,—молитвами святаго угодника твоего, святителя Тихона, народнаго нашего молитвенника за насъ грѣшныхъ.

Будьте умны, будьте честны, будьте дѣятельны, будьте счастливы, и благословеніе Господне, призываемое отъ имени вашихъ родителей и церкви святой, да будетъ надъ сими дѣтьми отъ нынѣ и довѣка. Аминь.

1879 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ день преображенія Господня.

*Не утешеннымъ баснемъ послѣдовавъ, ска-
захомъ вамъ силу и пришествіе Господа нашего
Исуса Христа, но самовидцы бывше величествъ
оного. 2 Пет. 1, 10—19.*

Плотскому соображенію событіе преображенія Господня представляется въ тускломъ свѣтѣ, подъ туманнымъ покрываломъ, которое закрываетъ подъ собою много неразрѣшимыхъ для невѣрующаго смысла загадокъ. Вотъ какъ событіе преображенія рисуется передъ взоромъ невѣрія. Поздній темный вечеръ. Утомленный дневнымъ трудомъ пути и бесѣдъ съ народомъ, великій учитель Исусъ Христосъ, съ тремя избраннѣйшими учениками, уединяется отъ народа и даже отъ прочихъ изъ дванадцати учениковъ на высокой горѣ. Впрочемъ и эти три избранные ученика нужны Ему только какъ спутники въ ночномъ пустынномъ уединеніи, а не какъ собесѣдники. Отъ бесѣдъ съ людьми Онъ усталъ и ищетъ уединенной бесѣды только съ Отцемъ небеснымъ. Возведши трехъ спутниковъ своихъ до половины горы, здѣсь Онъ покидаетъ ихъ отдыхать, даже опочить сномъ ночнымъ, если хотять, а самъ одинъ восходитъ на самую вершину горы помолиться въ глубочайшей ночной

тиши, подкрѣпить бесѣдою съ Отцомъ небеснымъ томящійся духъ свой, въ тоскливомъ ощущеніи тяготы своей высокоподвижнической жизни и въ скорбномъ предощущеніи своей страшной кончины. Самые ученики, спутники Его уединенія, подавлены скорбнымъ настроеніемъ своего обожаемаго Учителя, тѣмъ болѣе что вечернюю бесѣду свою съ ними и съ народомъ Онъ кончилъ заповѣдію о крестѣ, о долгѣ нести каждому послѣдователю Его крестъ свой, и предска-заніемъ близости къ Нему Его собственнаго креста. Этотъ душевный гнетъ не мѣшаетъ однакоже бральной утомленной плоти учениковъ забыться сномъ, какъ это повторилось впослѣдствіи съ ними же даже въ саду Геосиманскомъ, въ обстановкѣ еще болѣе грозной, когда грозное предсказаніе о крестѣ совсѣмъ приблизилось къ грозному исполненію. На Гаворѣ они уснули. Но вотъ они пробуждаются, поднимаютъ очи горѣ. Что это?! Зрѣлище—восторгъ! Зрѣлище дивное и страшное! Самое раннее едва загорающееся утро. Только что выплывающее, но пока еще не выплывшее изъ за горизонта, внизу еще невидимое солнце позолотило вершину горы, озарило своимъ блескомъ одухотворенное бдѣніемъ и молитвою лицо Исуса, осеребривъ бѣлизною снѣга и самую сѣдѣду Его. По вершинѣ горы около Него стелются сіяющія небеснымъ свѣтомъ тѣни утренняго горнаго тумана; а изъ-за гребня горы надвигается озаренное утреннимъ отраженіемъ пока еще не загорѣвшагося на небѣ солнца ослѣпительно свѣтлое облако. Зрѣлище чудное, чарующее, поражающее. Еще невольнѣ пробудившемуся чувству Петра, еще пока не проявившемуся послѣ глубокаго сна его сознанію вся совокупность зрѣлища кажется сверхъестественною: лицо Исуса сіяетъ славою небесною, блеститъ краше солнца; ризы поражаютъ только что раскрытыя послѣ сна очи бѣлизною паче снѣга; клубящійся туманъ об-

лаковъ — то партия тѣхъ премірныхъ душъ, кого-же больше, какъ не величайшихъ ветхо-завѣтныхъ праведниковъ Моисея и Іліи. Зачѣмъ они прилетѣли съ неба, зачѣмъ они у ногъ небснаго Учителя? Чу! Они бесѣдуютъ о близкомъ переселеніи, о скорбномъ переселеніи и Его самого въ ихъ горній свѣтлый міръ. Въ неземномъ притрепетномъ восторгѣ Петръ вопіетъ: *Господи! Какъ хорошо! Сотворимъ здѣсь три сплн, Тебѣ едину, и едину Моисею и едину Іліи*, да здѣсь и останемся на вѣкъ, — говоря такъ не видѣвъ, еже глаголаше, не помня себя отъ восторга, не помня себя отъ страха, въ неполномъ еще пробужденіи отъ сна ночнаго. А въ минуту облако надвигается изъ — за горы и покрываетъ всѣхъ ихъ; а оттуда внезапно раздается потрясающій звукъ грома, который и повергаетъ апостоловъ въ состояніе близкое къ обмороку, при быстромъ переходѣ ихъ чувства отъ восторга къ подавляющему ужасу. Въ изступленіи ужаса они и не замѣтили, какъ подошелъ къ нимъ Іисусъ и говоритъ: *встаньте, не бойтесь*. Поднявъ очи, теперь они ничего уже не увидѣли, что минуту тому назадъ видѣли.

Ясно-ли, что хочетъ сказать невѣріе такимъ не объясненіемъ, а затемненіемъ свѣтлаго преображенія Господня? Не было-ль оно совершенно естественнымъ происшествіемъ? Возможно ли, чтобы дѣйствительно являлись изъ загробнаго міра Моисей и Ілія? Возможенъ ли, былъ ли дѣйствительно этотъ громовый гласъ Отца небснаго, изъ обыкновеннаго облака? Кто видѣлъ это видѣніе? Не былъ ли видѣвшій въ состояніи самообмана? Кто свидѣтельствуетъ о событіи, очевидецъ ли? Вообще достовѣрный ли свидѣтель? Чувствуете ли вы, что въ этихъ суетныхъ пререканіяхъ заключается вся сила возраженій, какія только дѣлаются суетнымъ невѣріемъ противъ дѣйствительности евангель-

ской исторіи въ ея таинственной сторонѣ?

Къ душевному нашему упокоенію и отрадѣ, въ событіи преображенія, въ способѣ исторической передачи его потомству, мы имѣемъ поразительнѣйшее доказательство дѣйствительности какъ самаго преображенія, таинственнѣйшаго въ евангельской исторіи событія, такъ и всей евангельской исторіи.

Вы слышали сегодня на литургіи апостольское чтеніе. Оно имѣетъ своимъ предметомъ именно событіе преображенія Господня.

Кто свидѣтельствуетъ объ этомъ событіи? Святый первоверховный апостолъ Петръ. Отъ другихъ ли онъ слышалъ о событіи, или самъ былъ очевидцемъ? Если слышалъ отъ другихъ, то опять отъ очевидцевъ ли, отъ вѣрныхъ ли свидѣтелей? Не былъ ли этотъ слухъ не болѣе какъ баснею, и баснею хитросплетенною въ извѣстныхъ видахъ убѣжденія другихъ во лжи? Вы слышали, что св. апостолъ Петръ отвѣчаетъ именно на эти вопросы, *Мы возвестили вамъ, — пишеть онъ, — силу и пришествіе Господа нашего, не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдуя, но сами бывъ очевидцами Его величія. Онъ принялъ отъ Бога честь и славу, когда отъ величійной славы принесся къ Нему такой гласъ: сей есть Сынъ мой возлюбленный, въ которомъ мое благоволеніе. И сей гласъ, принесшійся съ небесъ, мы сами слышали, будучи съ Нимъ, Господомъ Іисусомъ, на святой горѣ*. Итакъ самъ св. апостолъ Петръ видѣлъ преображеніе Господне, самъ слышалъ гласъ Бога Отца, самъ былъ на святой горѣ преображенія съ преобразившимся Господомъ, о чемъ самъ же и свидѣтельствуетъ.

Въ какой силѣ принималъ самъ св. апостолъ Петръ событіе преображенія? Не было-ль оно естественнымъ случаемъ? Не такъ ли происходило дѣло, что вотъ блескъ восхо-

дѣлающаго солнца отразился на сіяющемъ внутреннею божественною красотою лицѣ Іисуса, какъ и на Его одеждахъ? Затѣмъ прогремѣлъ изъ надвинувшагося облака громъ, въ которомъ апостолы услышали, какъ и всѣ простые сердцемъ всегда слышатъ не иное что, какъ гласъ Божій, гласъ Отца небеснаго. Нѣтъ, св. апостолъ Петръ говоритъ, что мы были сами очевидцами не иного чего, какъ именно величія Господа нашего Іисуса Христа; сами видѣли и слышали, что Онъ отъ самого Бога Отца пріялъ честь и славу, когда отъ величійной неизреченной славы Бога Отца къ преобразившемуся Господу Іисусу донесся не безсмысленный звукъ грома, а такой членораздѣльный гласъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, въ которомъ мое благоволеніе*; этотъ гласъ принесся именно съ небесъ, и мы сами его слышали. Неизреченною славою преображенія св. апостолъ Петръ объясняетъ силу и величіе всего пришествія Господа нашего Іисуса Христа на землю, все божественное величіе Его лица, весь пренебесный смыслъ Его земной жизни и небеснаго посланничества. *Ибо мы,*—пишетъ св. апостолъ Петръ,—*прежде устно возвѣщали, какъ теперь письменно утверждаемъ предъ вами силу и пришествіе на землю Господа нашего и Спаса, именно какъ Господа и Спасителя нашего, Іисуса Христа, не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдуя, но сами бывъ очевидцами Его величія на горѣ святой въ день преображенія. Тамъ самъ Богъ Отецъ возвѣстилъ міру честь и славу Его, нарекии Его своимъ возлюбленнымъ Сыномъ. Тамъ, на горѣ преображенія, мы видѣли божественную славу Сына Божія, просіявшую въ Его человечествѣ. Тамъ мы видѣли небожителей Моисея и Ілію, благоговѣйно представшихъ Іисусу и бесѣдовавшихъ съ Нимъ о небесномъ Его посольствѣ и близкой искупительной Его смерти на крестѣ, коей чаяли небо и земля.*

И не иное что, какъ сіи бесѣды небожителей съ Іисусомъ, сей гласъ Бога Отца, съ неба спедшій, мы слышали; сію славу препрославленнаго человечества Іисуса Христа, какъ Сына Божія, мы сами видѣли, сами же были очевидцами и всей Его земной жизни, всего пришествія Его на землю отъ начала до конца, и всей силы Его, явленной въ Его жизни, смерти и воскресеніи.

Не былъ ли самъ св. апостолъ Петръ въ самообольщеніи чувствъ при созерцаніи преображенія Господня? Но совмѣстна ли какая либо мысль о самообольщеніи съ тою искренностію, простотою и естественностію, съ какими апостолъ Петръ повѣствуетъ объ этомъ сверхъ-естественномъ событіи? *Мы не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдовали,*—увѣряетъ онъ,—*но были сами очевидцами чуднаго событія; сами были съ Господомъ на горѣ святой; сами слышали принесшійся къ Нему съ неба гласъ Бога Отца. Сверхъ такого положительнаго увѣренія въ воспріятіи собственными очами и ушами чуда преображенія, св. апостолъ Петръ сопоставляетъ это чудо со всѣми прочими дивными, свидѣтельствующими о божественной силѣ, событіями всей дивной жизни Богочеловѣка. Если бы апостолъ находился хоть сколько либо въ самообольщеніи чувствъ при видѣніи преображенія, то не могъ же онъ постоянно обманываться, будучи постояннымъ самовидцемъ воплотившагося на землѣ Божія Слова и ближайшимъ избраннымъ Его слугою, слѣдуя за Нимъ неотступно болѣе трехъ лѣтъ, видя собственными очами каждое Его движеніе, слыша собственными ушами каждое Его слово, отъ словъ призванія его, самаго апостола Петра, къ апостольству: *гряди по Мнѣ*, и до словъ прощанія со всѣми учениками предъ вознесеніемъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*. Св. Петръ воспоминаетъ событія преображенія не для того,*

чтобы только рассказать о немъ, а чтобы этимъ чудеспѣйшимъ событіемъ высказать великій смыслъ всей божественной жизни и личности Христа Спаса, такъ что у св. апостола Петра чудо преображенія проливаетъ дивный свѣтъ на значеніе всей земной жизни Христовой, а вся остальная жизнь Христа служить подтвержденіемъ чуда преображенія. А могъ ли самовидецъ апостолъ быть постоянно въ самообольщеніи чувствъ цѣлыхъ три съ половиною года, когда собственными ушами слышалъ дивное ученіе и пророчества Христовы, изъ коихъ многія исполнились еще при жизни св. апостоловъ; когда собственными глазами видѣлъ безчисленный рядъ чудныхъ дѣяній Христа, видѣлъ славное преображеніе не задолго до крестной смерти, видѣлъ Лазарево воскресеніе, видѣлъ крестную смерть, свѣтлое воскресеніе и славное вознесеніе Іисуса на небо,—видѣлъ не одинъ, но съ прочими двѣнадцатью апостолами, видѣлъ съ тысячами непосредственныхъ свидѣтелей, не только учениковъ, но и враговъ Іисуса?

Тяжело даже языку, не только сердцу поставить обычный въ апологетику вопросъ, не скрывалось ли въ этомъ повѣствованіи намѣренія ввести въ заблужденіе другихъ? Но представимъ себѣ отца, который, чувствуя приближеніе смерти, даетъ завѣщаніе дѣтямъ. Не будетъ ли у дверей гроба, съ устъ завѣщающаго, сходить только истина, одна истина? А здѣсь мы имѣемъ нѣчто въ тысячу разъ больше и священнѣе отца, дѣлающаго завѣщаніе предъ смертію. Мы видимъ здѣсь старца апостола, который пишетъ объ этомъ во второмъ и послѣднемъ своемъ посланіи; пишетъ именно какъ завѣщаніе своимъ вѣрнымъ чадамъ; пишетъ предъ близкою кончиною, о которой знаетъ и по естественному чувству старческаго одряхлѣнія и по особому откровенію отъ Господа Іисуса Христа. Не обольнося воспо-

минати вамъ присно о семъ, о вашемъ призваніи,—завѣщаваешь старецъ апостолъ,—хотя вы и знаете и утверждены въ настоящей истинѣ. Справедливымъ же считаю, доколь нахожусь въ семъ тѣлѣ, возбуждать васъ воспоминаніемъ, зная, что скоро долженъ оставить мою тѣлесную храмину, какъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ открылъ мнѣ. Потщуся же, чтобы вы и по смертномъ моемъ исходѣ всегда память о семъ творили. Пусть же дерзкое праздномысліе думаетъ послѣ сего, что завѣщающій предъ своею праведною, уже завѣдомо близкою кончиною первоверховный апостолъ Христовъ намѣренъ былъ приводить другихъ въ заблужденіе. Вѣдь онъ же писалъ это современникамъ, изъ которыхъ многіе могли сами видѣть Господа Іисуса Христа, могли лично знать святыхъ апостоловъ и евангелистовъ, когда жива была память еще у очевидцевъ Господа и Спаса нашего о всѣхъ Его словахъ и дѣлахъ, когда апостольская проповѣдь самовидцевъ воплощеннаго Слова Божія звучали еще живымъ языкомъ; писалъ въ сожительствѣ съ евангелистомъ Маркомъ, котораго въ этомъ же посланіи и именуетъ своимъ сыномъ, который по преданію писалъ и евангеліе свое, евангеліе отъ Марка, въ присутствіи и со словъ первоверховнаго апостола Петра, одного изъ трехъ самовидцевъ таинственнаго преображенія Господа нашего; когда былъ живъ еще одинъ изъ трехъ самовидцевъ преображенія, возлюбленный ученикъ Господень Іоаннъ, какъ и всѣ три евангелиста, кромѣ Марка, Маттея и Лука, которые передали евангельское повѣствованіе о преображеніи, передали безъ сомнѣнія со словъ очевидцевъ апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна, согласно повелѣнію самаго Господа, такъ какъ Господь повелѣлъ самовидцамъ преображенія молчать объ этомъ дивномъ явленіи только до времени, пока Онъ изъ мертвыхъ воскреснетъ, слѣдовательно дасть, хотя и косвен-

но, но положительную заповѣдь возвѣстити о славномъ преобращеніи послѣ славнаго воскресенія, чтобы преобращеніе понято было, какъ предвѣстіе и проясненіе воскресенія, а воскресеніе, какъ подтвержденіе и предначатіе преобращенія вѣчнаго.

Мало того что св. апостолъ Петръ говоритъ о славномъ событіи преобращенія, какъ и о всѣхъ дивныхъ явленіяхъ жизни Господа Іисуса Христа, какъ самовидецъ и непосредственный слуга воплощеннаго Слова Божія, какъ очевидный свидѣтель воплощенной истины. Въ подтвержденіе своего свидѣтельства онъ ссылается еще на свидѣтельство и другихъ слугъ истины Божіей, на свидѣтельство древнихъ пророковъ, свидѣтельство особенно поразительное и само въ себѣ доказательное, такъ какъ ветхозавѣтныя пророчества изречены за вѣка прежде исполненія, такъ какъ въ пророчествахъ предначертаны всѣ событія жизни Мессіи, и эти пророчественныя предначертанія, во очію современниковъ Христа, исполнились на Немъ до поразительныхъ подробностей, согласно мессіаническому смыслу, данному мессіаническимъ пророчествамъ древними ветхозавѣтными толковниками, задолго до пришествія Христова.

И сей гласъ Бога Отца, — увѣряетъ св. апостолъ Петръ, — *принесшійся съ небесъ, мы сами слышали, будучи съ Господомъ нашимъ на святой горахъ. И притомъ мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово*, которымъ подтверждается все наше благовѣстіе о Христѣ Іисусѣ. *И вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ слову пророковъ, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, пока не начнетъ разсвѣтать день, и не взойдетъ денница въ сердцахъ вашихъ.* Замѣтьте. Мы теперь живемъ во мракѣ страстей, который претитъ намъ усматривать чистое, святое, небесное; во мракѣ плотяности, который мѣшаетъ разглядывать

духовное и духоносное; во мракѣ разсудочности, въ которомъ мы привыкли видѣть только матеріальное и частичное, только осязаемое и грубое. Гдѣ же нашей грубости вообразить себѣ таинственное преобращеніе? Какъ плотскому нашему смыслу представить себѣ божественный свѣтъ преобращенія? Какъ понять явленіе небожителей при преобращеніи? Мы и вѣруя увлекаемся маловѣріемъ; даже зная непрекормаемой достовѣрности и высшаго нравственного достоинства свидѣтельства о преобращеніи, мы готовы сомнѣваться. Намъ нужно осязать, чтобы убѣдиться. Но новѣйшій разсудочный анализъ способенъ подвергнуть сомнѣнію даже осязаемое, если это осязаемое выходитъ изъ мѣрки нашего обыденнаго опыта.

Вотъ помимо свѣточа евангельскаго, помимо свѣточа древнихъ истинныхъ пророчествъ, во мракѣ плотяности, въ которомъ мы обречены жить, вращаться и глядѣть, увлекаемые духомъ современнаго невѣрія, но въ тоже время и прирожденною жаждою вѣры, современные суемудры усиливаются зажечь свой самодѣльный свѣточъ, для освѣщенія мрака загробнаго, свѣточъ, который суевѣры возжигали впрочемъ многократно и упорно въ разныя эпохи, тысячи лѣтъ тому назадъ, свѣточъ вызыванія мертвыхъ, свѣточъ для разсмотрѣнія преобращенія посредствомъ смерти живаго плотянаго чловѣка въ духа премірнаго и наоборотъ свѣточъ для освѣщенія преобращенія загробныхъ душъ въ осязаемые и видимыя тѣлесныя формы. Разумѣемъ неестественный свѣточъ современнаго спиритизма.

Факты вызыванія и явленія умершихъ душъ, даже такъ называемой матеріализаціи, т. е. временнаго явленія ихъ въ осязаемыхъ формахъ, даже оставленія ими на землѣ осязаемыхъ памятниковъ ихъ присутствія, по множеству не только древнихъ, но и новѣйшихъ свидѣтельствъ, по

видимому безспорно, хотя вызываніе мертвыхъ, въ большей части случаевъ, богопротивно и неестественно, перѣдо опасно и даже пагубно, потому большею частію и преступно. По одному изъ новѣйшихъ сказаній, имѣющему признаки достовѣрности, подтвержденному свидѣтельствомъ ученыхъ мужей (Прав. Обоз. 1881 г. июль—ноль), при одномъ вызываніи мертвыхъ, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, духъ умершей за годъ предъ тѣмъ, бывшей безбожницы Ольги изрекъ присутствовавшей при засѣданіи, бывшей своей подругѣ, по убѣжденіямъ также матеріалистѣ, дѣвницѣ Екатеринѣ, слѣдующія слова: «я страдаю потому, что ты не вѣришь». Скоро затѣмъ самой Екатеринѣ ночью Ольга изрекла слова: «злые духи мѣшаютъ тебѣ приступить къ причастію: ты сперва хотѣла говѣть, потомъ раздумала. Я приходила предупредить тебя, чтобы ты имъ не повиновалась. Въ четвергъ послѣ причастія я тебя навѣщу и сдѣлаю тебѣ подарокъ въ церкви». Дѣйствительно, послѣ причастія у Екатерины въ рукахъ очутился букетъ цвѣтовъ, перевязанныхъ локномъ волосъ Ольги. Черезъ нѣскольکو времени, по предварительному обѣщанію, при свидѣтеляхъ Ольга явилась видимо вся въ бѣломъ, ступала ровно, спокойно, подошла къ Екатеринѣ, взяла ее за руку, обняла и погладила лице рукою, затѣмъ обернулась и исчезла въ воздухѣ. Въ другой разъ при свидѣтеляхъ обликъ Ольги опять явился и при прощаніи покрылъ Екатерину газовымъ покровомъ (вуалью). Когда Екатерина вскорѣ затѣмъ умерла, отъ чахотки, то велѣла положить этотъ букетъ и газовый покровъ съ собою во гробъ; но мать ея, женщина строгихъ правилъ, считавшая все эти явленія дѣломъ нечистой силы, выбросила и букетъ и покровъ (вуаль) изъ гроба, какъ вещи опасныя для душевнаго спасенія дочери.

Вотъ вамъ преображеніе отшедшаго изъ тѣла духа опять въ тѣлесную форму, съ оставленіемъ по своему явленіи вещественныхъ памятниковъ. Вотъ преображеніе невѣрующихъ атеистовъ и нигилистовъ въ вѣрующихъ духовидцевъ, преображеніе невѣрующихъ ученыхъ въ испытующихъ чародѣевъ, вызывателей съ того свѣта мертвецовъ, какихъ то странныхъ полу-христіанъ, однакоже попирающихъ христіанство, которые слятся вырвать у Бога Его тайны упрямо и гордо испытующимъ умомъ, а не кроткимъ и чистымъ вѣрующимъ сердцемъ. А намъ съ вами святой апостолъ Петръ внушаетъ вѣрить непререкаемымъ свидѣтельствамъ о преображеніи Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, съ явленіемъ къ Нему небожителей Моисея и Іліи, и внимать древнимъ пророчествамъ, какъ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, во мракѣ плотяности и земляности и грѣховной страстности, пока прежде всего еще здѣсь на землѣ въ нашихъ сердцахъ не *станетъ разсвѣтать день и не взойдетъ утренняя звѣзда*, а затѣмъ не засіяетъ для насъ вѣчное солнце правды и за гробовымъ мракомъ. А загорится въ насъ и для насъ небесный свѣтъ вѣдѣнія и видѣнія горняго, если мы, *удалившись отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія похотію*, — по наставленію апостола Петра, — *покажемъ въ вѣрѣ нашей добродѣтель, въ добродѣтели разума (разсудительность), въ разумъ воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи же любовь. Если это въ насъ есть и умножается*, — поучаетъ первоверховный апостолъ, — *то вы не останетесь безъ успѣха и плода въ познаніи Господа нашего Іисуса Христа. А въ комъ нѣтъ сего, тотъ слѣпъ, тотъ самъ смежилъ свои очи* (2 Пет. 1, 4—9)... Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ день Преображенія Господня.

Преданіе и мамы отъ святыхъ отецъ, отъ спасительнаго сего праздника, преображенія, съдати гроздіе, идъже обрътается, благословеніе приѣмше отъ іерея. Сей уставъ бываетъ и на смоквахъ и надъ прочими овоцми, явь яко во времена ихъ, кое когда приспѣетъ. Миней, августъ, 6 день.

Въ нашихъ краяхъ, въ сей спасительный день преображенія Господня, освящаются садовые плоды, по преимуществу яблоки. Откуда это преданіе и какой его смыслъ?

Преданіе глубоко древнее, изъ самыхъ первоначальныхъ, упирающееся въ первобытное время первыхъ людей, въ уттановившійся обычай уже семейства Адамова. Въ книгѣ Бытія (гл. 4, 2—4) читаемъ о старшихъ сынахъ Адама: былъ Авель пастырь овецъ, а Каинъ былъ земледѣлецъ. Спустя нѣсколько времени Каинъ принесъ отъ плодовъ земли даръ Господу. И Авель также принесъ отъ первородныхъ стада своего. Отсюда мы видимъ, что принесеніе плодовъ земли въ семействѣ Адамовомъ было даромъ или жертвою Господу, какъ и принесеніе жертвъ животныхъ;

что каждый изъ братьевъ приносилъ даръ или жертву Господу отъ плодовъ своихъ занятій: Каинъ, какъ земледѣлецъ, принесъ даръ отъ плодовъ земли, а Авель, какъ пастырь овецъ, принесъ даръ отъ стада своего; что тотъ и другой приносили въ даръ именно *начатки* отъ плодовъ своихъ занятій: какъ Авель принесъ даръ Господу отъ первородныхъ стада своего, такъ и Каинъ принесъ въ даръ безъ сомнѣнія начатки земныхъ плодовъ. Видимъ далѣе, что принесеніе дара отъ плодовъ земныхъ шло рядомъ съ принесеніемъ жертвъ животныхъ, имѣетъ съ нимъ тѣсную связь и однородное значеніе.

Какое же именно значеніе? Всѣ и всякія жертвоприношенія имѣли тѣсную связь съ обстоятельствами грѣхопаденія. Вкусивъ отъ запрещеннаго древа познанія добра и зла, первый человѣкъ лишился плодовъ древа жизни и подвергся вѣчной смерти. А чтобъ избавить человѣка отъ вѣчнаго осужденія, Богъ сказалъ праматери нашей Евѣ: *умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей: въ бользни будешь рождать дѣтей; праотцу Адаму сказалъ: за то что ты пльз отъ дерева, о которомъ Я заповѣдалъ тебѣ: не пльз отъ него, проклята земля за тебѣ; со скорбію будешь питаться отъ нея во все дни жизни твоей; терніе и волцы произрастятъ она тебѣ; въ потъ лица твоего съси зльбъ твой, дондеже возвратиши въ землю, отъ нея же взята еси; а змію искусителю, какъ и первымъ людямъ, Богъ изрекъ: *Съмля жены сотретъ главу змія, сотретъ первородное сѣмя лучшей части человѣчества, посредствомъ собственной искупительной смерти. И затѣмъ самъ Богъ научилъ первыхъ людей, съ одной стороны, закалать и сжигать въ жертву первородныхъ отъ стадъ, а съ другой приносить въ даръ Господу начатки плодовъ земныхъ, чтобы наименовать че-**

ловѣчеству объ искупительной жертвѣ обѣтованнаго Сѣмени, грядущаго Избавителя, иже есть перворожденъ всея твари, есть единородный Сынъ Божій и первенецъ пречистыя своей Матери Приснодѣвы, первенецъ отъ мертвыхъ, отъ сыновъ человѣческихъ, иже есть начатокъ, святой начатокъ святаго примѣшенія; чтобъ напоминать о вкушеніи отъ древа познанія добра и зла и лишеніи плодовъ древа жизни, о проклятіи земли въ дѣлахъ человѣка и необходимости каждому отыти въ землю; чтобъ питать въ насъ надежду на возстановленіе падшаго человѣка, на избавленіе отъ смерти, на снятіе проклятія съ земли и на обновленіе видимой природы, на новое совершеннѣйшее вкушеніе отъ плодовъ не только древа жизни, но и древа познанія, отъ безконечной мудрости божественной, и на полнѣйшее обоготвореніе природы самаго человѣка. Однимъ словомъ, принесеніе даровъ и жертвъ отъ плодовъ земли, какъ и отъ животныхъ, указывало всегда и должно указывать людямъ на два преображенія: на преображеніе природы внѣшней и человѣческой въ прошедшемъ, преображеніе на худшее, и на преображеніе какъ человѣка, такъ и земли въ будущемъ, преображеніе на лучшее, чтобы постоянно питать въ духѣ человѣческомъ смиреніе и чувство зависимости отъ Бога, отвращеніе ко грѣху, живую вѣру въ силу страданій то грядущаго, то уже пришедшаго Искупителя и надежду возвратити себѣ богоподобную невинность, а природѣ свободу отъ привнесеннаго человѣческимъ грѣхомъ истлѣнія.

Этотъ смыслъ сохраняли и сохраняютъ на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, какъ въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ новомъ, всѣ жертвы, какъ кровавыя, такъ и безкровныя. Самымъ широкимъ и глубокимъ истолкователемъ этого смысла въ ветхомъ завѣтѣ является самъ боговидецъ Моу-

сей, учредитель всякихъ, и кровавыхъ и безкровныхъ жертвъ въ церкви подзаконной, или точнѣе—самъ Богъ чрезъ ходатаю завѣта Моусея. У него широко объясняются и причины и поводы и цѣль учрежденія въ израильскомъ народѣ всѣхъ этихъ жертвъ, которыя уже среди патриархальнаго человѣчества существовали въ общихъ чертахъ.

Такъ учредивъ первую жертву, приношеніе пасхальнаго агнца, который былъ прообразомъ Агнца, закланнаго отъ сложенія міра, Господь повелѣваетъ Моусею: *освяти Милъ каждого первенца, разверзающаго всякія ложесна между сынами Израилевыми, отъ человѣка до скота: потому что они мои. Помните сей день, въ который вышли вы изъ Египта, изъ дома рабства; ибо рукою крѣпкою вывелъ васъ Господь отъ Египта. И когда введетъ тебя Господь въ землю, о которой клялся Онъ отцамъ твоимъ, что дастъ тебѣ землю, кипящую медомъ и млекомъ, то совершай сіе служеніе въ семь мѣсяцъ. Семь дней пышъ прѣсный хлѣбъ и въ седмый день праздникъ Господу. И обязи въ день тотъ сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь Богъ сдѣлалъ со мною, когда я вышелъ изъ Египта,—когда сыны Израилевы, поспѣшно исходя изъ Египта, должны были захватить съ собою нескисшее тѣсто. И да будетъ тебѣ это знакомъ на руки твоей и памятникомъ предъ глазами твоими, дабы законъ Господень былъ всегда въ устахъ твоихъ. И когда введетъ тебя Господь въ землю Ханаанскую, какъ Онъ клялся тебѣ и отцамъ твоимъ, отдѣляй Господу все мужскаго пола разверзающее ложесна; и все первородное изъ скота, какой у тебя будетъ, мужскаго пола, посвящая Господу. А всякаго изъ ословъ разверзающаго утробу, замятый агнцемъ; а если не замянешь, выкупи его; и каждого первенца человѣческаго изъ сыновъ твоихъ выкупи. И когда послѣ спро-*

сита тебя сына твоего, говоря: что это? то скажи ему: рукою крепкою вывел насъ Господь изъ Египта изъ дома рабства. Ибо когда Фараонъ упорствовалъ отпустить насъ, Господь умертвилъ всѣхъ первенцовъ въ землѣ Египетской, отъ первенца человеческого до первенца изъ скота: посему я и приношу въ жертву Господу все разверзающее ложесна мужскаго пола, а всякаго первенца изъ сыновъ моихъ выкупаю (Исх. гл. 13). Три раза въ году праздниъ Мнѣ. Наблюдай праздниъ снрѣсноковъ; семь дней пшъ прѣсный хлѣбъ, какъ Я повелѣлъ тебѣ. И пусть во дни праздниковъ не являются ко Мнѣ съ пустыми руками. Наблюдай и праздниъ жатвы первыхъ плодовъ труда твоего, какіе ты сѣялъ на полѣ, и праздниъ собиранія плодовъ въ концѣ года, въ нынѣшнемъ августѣ мѣсяцѣ, когда уберешь съ поля работу твою. Три раза въ году долженъ являться весь мужескій полъ предъ лице Владыки Господа твоего (въ единственный у Израіля Божій храмъ). Начатки плодовъ земли твоей приноси въ домъ Господа твоего. Вотъ Я посылаю предъ тобою Ангела моего (Ангела завѣта, единороднаго Сына Божія). Блуди себя предъ лицемъ Его и слушай гласа Его; ибо имя мое на Немъ. Если будешь слушашъ гласа моего и будешь исполнять все, что скажу тебѣ, и сохранишь заветъ мой: то вы будете у Меня народомъ избраннымъ изъ всѣхъ племенъ. Ибо вся земля моя. Но вы будете у Меня царственнымъ священствомъ и народомъ святымъ. И поидетъ предъ тобою Ангелъ мой, Ангелъ завѣта, единородный Сынъ Божій, и истребитъ враговъ твоихъ. И благословитъ хлѣбъ твой и вино твое и воду твою. И отверащу отъ васъ болѣзни. Число дней твоихъ сдѣлаю полнымъ. Ужасъ мой пошлю предъ тобою, и въ смущеніе приведу всякій народъ, къ которому ты придеши, и обра-

щу предъ тобою тылъ всѣхъ враговъ твоихъ (Исх. гл. 23). Вы сыны Господа Бога вашего, народъ святыи у Господа Бога твоего. Отдѣляй десятину отъ всего произведенія сѣмянъ твоихъ, которое приходитъ съ поля твоего ежегодно. Приноси десятину хлѣба твоего, вина твоего и елей твоего, дабы ты научился бояться Господа Бога твоего (Втор. 14). Когда войдете въ землю, въ которую Я введу васъ, и будете псть хлѣбъ земли той; то возносите возношеніе Господу. И отъ начатковъ тѣста вашего возносите лепешки въ возношеніе Господу въ роды ваши (Чис. 15, 19—21). Ты народъ святыи у Господа Бога твоего; тебя избралъ Господь Богъ твой, чтобы ты былъ собственнымъ Его народомъ изъ всѣхъ народовъ которые на землѣ, потому, что любитъ васъ Господь, и чтобы сохранить клятву, которою Онъ клялся отцамъ вашимъ. Знаи, что Господь Богъ твой есть Богъ, Богъ вѣрный, который хранитъ заветъ свой и милость къ любящимъ Его и сохраняющимъ заповѣди Его до тысячи родовъ. И если вы будете слушать законы сіи и хранить и исполнять ихъ; то и Господь Богъ твой будетъ хранить заветъ и милость къ тебѣ, какъ Онъ клялся отцамъ твоимъ, и возлюбитъ тебя и благословитъ тебя и размножитъ тебя и благословитъ плодъ чрева твоего, и плодъ земли твоей, и хлѣбъ твой, и вино твое, и елей твой, раждаемое отъ крупнаго скота твоего и отъ стада овецъ твоихъ (Вт. гл. 7). И помни весь путь, которымъ велъ тебя Господь Богъ твой по пустынь, какъ Онъ смирялъ тебя, томилъ тебя голодомъ и питалъ тебя манною, которой не зналъ ты и не знали отцы твои, дабы показать тебѣ, что не о хлѣбѣ единомъ живетъ человекъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, — что не однимъ хлѣбомъ живетъ человекъ, но словомъ, исходящимъ изъ устъ

Господа, живеть человекъ. И когда будешь псть и насыщаться, тогда благословляй Господа Бога твоего. Береись, чтобы ты не забылъ Господа Бога твоего, не соблюдая заповѣдей Его. Когда будешь псть и насыщаться, и построить хорошия дома и будешь жить въ нихъ, и когда будетъ у тебя много скота, много серебра и золота, и всего у тебя будетъ много: то смотри, чтобы не надмилось сердце твое, и не забылъ ты Господа Бога твоего, и чтобы ты не сказалъ въ сердце твоемъ: моя сила и крепость руки моей приобрьли мнѣ все богатство сіе; но чтобы помнилъ Господа Бога твоего: ибо Онъ даетъ тебѣ силу приобрести богатство, дабы исполнить заветъ свой, который Онъ клятвой утвердилъ отцамъ твоимъ (Втор. гл. 8.). Ибо земля вся моя, глаголетъ Господь (Лев. 25, 23); а вы пришельцы и поселенцы у Меня. Я Господь Богъ вашъ. Если вы будете поступать по уставамъ моимъ и заповѣди мои будете хранить и исполнять ихъ: то Я дамъ вамъ дождь въ свое время, и земля дастъ произрастенія свои, и деревья полевая дадутъ плодъ свой. Пошлю миръ на землю вашу, ляжете, и никто васъ не обезпокоитъ. Призрю на васъ, и благословлю васъ, и размножу васъ, и буду твердъ въ заветъ моему съ вами. И поставлю жилище мое среди васъ, и душа моя не возмущается вами. И буду ходить среди васъ, и буду вашимъ Богомъ, а вы будете моимъ народомъ. Я Господь Богъ вашъ. Если же не послушаете Меня, нарушивъ заветъ мой, то и Я поступлю съ вами такъ: пошлю на васъ ужасъ, чашлость и горячку, отъ которыхъ истомятся глаза и измучится душа ваша, и будете съять сплмена ваши напрасно, и враги ваши съядятъ ихъ, и сломя гордое упорство ваше, и небо ваше съдлаю, какъ железо, и землю вашу, какъ мѣдь. Если же и послѣ сего

не исправитесь и пойдете противъ Меня, то и Я въ ярости пойду противъ васъ, и поразиу васъ всемеро за грѣхи ваши въ отмщеніе за заветъ, нарушенный вами. А когда покорится необрѣзанное сердце ихъ и потерпятъ они за беззаконія свои, и Я вспомню заветъ мой съ Иаковомъ, и заветъ мой съ Исаакомъ, и заветъ мой съ Авраамомъ вспомню, и землю вспомню. И не презрю ихъ, и не возмущаюсь ими до того, чтобы истребить ихъ, чтобы разрушить заветъ мой съ ними. Ибо Я Господь Богъ ихъ. Вспомню для нихъ заветъ съ ихъ предками, которыхъ вывелъ Я изъ земли египетской предъ глазами народовъ, чтобы быть ихъ Богомъ. Я—Иегова Господь (Лев. гл. 26).

Такимъ образомъ, отсюда ясно видны, у пророка Моисея въ религіи подзаконной, неразрывная связь между жертвами кровавыми и безкровными, причина и цѣль ихъ учрежденія, ихъ внутренній смыслъ и нравственное значеніе. По Моисееву закону, Израильтяне приносили, кромѣ первой жертвы пасхальной, слѣдующія кровавыя жертвы: жертву всесожженія, жертву о грѣхѣ, [жертву мира и спасенія и нѣкоторыя другія. Кромѣ сего посвящали въ жертву Богу всѣхъ первородныхъ мужескаго пола отъ человека до скота; причемъ за человека и скотовъ нечистыхъ платили выкупъ, а первенцовъ отъ чистыхъ животныхъ заклали въ жертву. За первенцовъ человѣческихъ Богъ отдѣлилъ и освятилъ себѣ на служеніе скинии и храму колѣно Левіино; изъ колѣна Левіина избралъ и приблизилъ къ себѣ родъ священниковъ, родъ Аароновъ, а изъ рода священниковъ выдѣлилъ на исключительное первосвященническое служеніе первородныхъ по нисходящей линіи. Кромѣ сего Израильтяне давали десятину отъ всего достоянія своего, какъ отъ скотовъ, такъ и отъ произведеній земли. Кромѣ сего въ особыя назначенныя времена посвящали Богу всѣ на-

чатки произрастеній земныхъ, начатки всякихъ зеренъ и плодовъ садовыхъ, начатки винограда, вина и елѣя, начатки муки, тѣста и хлѣба. Кромѣ сего самыя кровавыя жетвы сопровождались возношеніемъ Богу опрѣсноковъ, муки, соли, разныхъ возліяній. Кромѣ сего въ праздники собиранія плодовъ земныхъ, заповѣдано было посвящать Богу древесныя вѣтви и цвѣты: *въ первый день возьмите себѣ вѣтви красныхъ деревьевъ, — заповѣдуетъ Господь (Лев. 23, 40), — вѣтви пальмовыхъ деревьевъ и вѣтви деревьевъ широколиственныхъ и вербъ рѣчныхъ, и веселитесь предъ Господомъ Богомъ вашимъ семь дней.* Всѣ эти праздники и жертвы учреждены были въ воспоминаніе великихъ благодѣяній Божіихъ, во первыхъ сотворенія міра, покоя Божія въ день субботный и отпаденія человѣка отъ Бога, съ обѣтованіемъ объ искупительномъ Сѣмени, въ воспоминаніе пасхи, исхода Израильтянъ изъ Египта, въ воспоминаніе синайскаго законодательства, установленія завѣта Божія съ Израилемъ и отцами его, Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, въ память странствованія по пустынѣ и въ воспоминаніе многоразличныхъ даровъ Божіихъ, ниспосланныхъ тогда, во время странствованія, какъ и въ послѣдствіи времени. Нравственной же цѣлью всѣхъ этихъ жертвоприношеній было, чтобъ Израильтяне помнили завѣтъ свой съ Богомъ: помнили, что Господня земля и исполненіе ея, что люди странники и пришельцы на землѣ Божіей, что живутъ они на землѣ не о хлѣбѣ единомъ, но о глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, что Господь хочетъ быть ихъ Богомъ, а ихъ сдѣлать своимъ избраннымъ народомъ, людьми святыми, царственнымъ священствомъ, своимъ особымъ царствомъ на землѣ; чтобы совершить съ ними и новую пасху, переходъ ихъ, а чрезъ нихъ и всего человѣчества, сперва въ царство благодати, а затѣмъ и въ царство славы на небѣ. А сокровеннѣйшій таинственный смыслъ

всѣхъ жертвоприношеній церкви подзаконной былъ тотъ, что законъ Моисеевъ былъ пѣстуномъ во Христа, что всѣ жертвы были прообразомъ міроочистительной жертвы крестной; агнецъ пасхальный, какъ и прочія жертвоприносимыя животныя, указывали на Агнца, закланнаго отъ сложенія міра, взяющаго грѣхи всего міра; жертвоприносимый елей былъ образомъ милости Бога къ человѣку, какъ и милосердія однихъ людей къ другимъ; еиміамъ — образомъ возносимой къ небу въ дымѣ кадильномъ молитвы и нисходящаго съ неба благоуханія благодати Божіей; манна, пасхальный опрѣснокъ, всякій жертвоприносимый хлѣбъ были образомъ хлѣба, сходящаго съ небеси, символомъ празднованія Богу не въ квасѣ ветхомъ, но въ безквасіи чистоты и истины; вино и вода символомъ духовнаго веселія, духовной жажды человѣка и чувства нужды утоленія этой жажды отъ росы небесной; древесные плоды, вѣтви, цвѣты — символомъ плодовъ и цвѣтовъ потеряннаго на землѣ и обѣтованнаго на небѣ рая; самое прехожденіе Израильтянъ съ мѣста на мѣсто, которое избралъ и освятилъ себѣ Господь, для празднованія и возношенія всѣхъ этихъ жертвъ, служило символомъ странствованія человѣка по землѣ ко храму небесному, символомъ исканія отчизны въ раю горнемъ, взамѣнъ потеряннаго рая земнаго, символомъ надежды на конечное преображеніе всей твари, растлѣнной грѣхами человѣка, въ тварь новую, свободную отъ всякой суеты и тлѣнія.

Въ такомъ видѣ всѣ эти жертвоприношенія существовали въ ветхомъ завѣтѣ до наступленія новаго и даже частью перешли изъ подзаконной церкви въ христіанскую. Но если въ религіи подзаконной преобладали обрядъ и внѣшній символъ жертвы надъ духомъ, то въ церкви христіанской сталъ преобладать духъ надъ символомъ и обрядомъ,

до нѣкотораго ослабленія символа, до исчезновенія многихъ жертвоприношеній въ подробностяхъ, до забвенія многими смысла сохранившихся.

Такъ послѣ кровавой крестной жертвы ветхо-завѣтное кровавое принесеніе животныхъ въ жертву Богу, какъ безцѣльное теперь, отмѣнено самимъ Христомъ и апостолами. Въ замѣнъ ветхо-завѣтныхъ кровавыхъ жертвъ заповѣдано въ новомъ завѣтѣ постоянное возношеніе на ново-завѣтныхъ алтаряхъ святѣйшей безкровной жертвы, которая въ существѣ своемъ есть истинное не только воспоминаніе, а повтореніе жертвы крестной, да и не повтореніе и не продолженіе и не воспоминаніе предъ очами нашими и не символъ, а существенное единство съ единственною крестною жертвою. Тѣмъ не менѣе несовершенно исключено посвященіе Богу въ христіанскомъ мірѣ и животныхъ жертвъ. Вообще всякіе начатки отъ земнаго благосостоянія были приносимы первенствующими христіанами и пріемлемы въ христовой церкви. Это видно еще изъ апостольскихъ правилъ. Тамъ упоминается, что въ первенствующей церкви были приносимы и пріемлемы: хлѣбъ разнаго вида и рода, вино, елей, еиміамъ, воскъ, медъ, млеко, мясо и т. д. Изъ этихъ приношеній къ алтарю представлялись только хлѣбъ и вино, еиміамъ, елей и воскъ, а прочія приношенія поступали или въ трапезу церковную, или же прямо въ дома церковнаго клира, епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Въ первенствующей христіанской, какъ и въ православной Россійской церкви, въ древнія времена, эти приношенія были и многочисленны и разнообразны. Можно сказать, что тогда начатки всякаго добра, принадлежавшаго христіанамъ, посвящались въ жертву Богу, на служеніе Богу, на питаніе Божіихъ служителей и на поддержаніе всей нуждающейся братіи. А нынѣ съ вырожденіемъ духа древняго

благочестія, отъ обильныхъ и разнообразныхъ старинныхъ жертвоприношеній остались нѣкоторые обломки, уже не тѣсно группирующіеся около единой главной существенной нерушимой жертвы безкровной, въ таинствѣ евхаристіи, въ возношеніи Богу хлѣба и вина, претворяемыхъ въ истинную плоть и кровь Христа Божія. Такъ посвященіе хлѣба и вина, яицъ и млека, разныхъ мясъ и вообще яствъ сохранилось въ освященіи пасхальнаго артоса въ церкви и пасхальныхъ яствъ въ домахъ. Посвященіе цвѣтовъ и вѣтвей древесныхъ совершается и нынѣ въ праздники Ваіи и Троицы, воздвиженія креста Господня и недѣли крестополонной. Приношеніе меда и кутіи сохранилось въ паннихидахъ и вообще въ заупокойныхъ поминкахъ. Приношеніе воску, еиміама и елея сохраняется и доннынѣ постоянно. Возношеніе прихожанами просфоръ къ проскомидіи, равно какъ и вина, совершается и нынѣ, хотя по мѣстамъ уже и выводится. Наконецъ освященіе плодовъ земныхъ совершается въ христіанской церкви именно въ праздникъ Преображенія. Явно, что въ этомъ послѣднемъ посвященіи Богу плодовъ земныхъ должно видѣть то посвященіе, которое заповѣдано было еще Моисеемъ, въ ветхомъ завѣтѣ, которое въ ветхо-завѣтной церкви и падало какъ разъ на это самое время, какъ и у насъ, на время собиранія плодовъ садовыхъ, огородныхъ и полевыхъ, время, которое начиналось въ Палестинѣ у Евреевъ отъ праздника пятидесятницы, а оканчивалось концомъ года, т. е. концомъ нашего августа мѣсяца, такъ какъ повелѣтіе древле не только въ ветхо-завѣтной, но и въ христіанской и даже въ русской православной церкви до императора Петра I праздновалось въ началѣ нашего сентября мѣсяца.

Приношеніе и освященіе плодовъ земныхъ въ день Преображенія у насъ, въ здѣшнемъ (уфимскомъ) графѣ, перероди-

лось нынѣ въ то, что мы теперь видимъ и дѣлаемъ. Здѣсь происходитъ освященіе и раздаяніе только яблокъ. Съ нашей стороны это оказывается и жертвоприношеніемъ, потому что мы приносимъ сіи плоды въ церковь Господню, освящаемъ и раздаемъ вѣрнымъ; а съ вашей стороны оно выходитъ не приношеніе, а только полученіе освященныхъ плодовъ. Впрочемъ и то хорошо, и то слава Богу, что съ вѣрою и усердіемъ примете освященное и раздаваемое. А то можно и не принимать, и въ церковь не зайти въ праздникъ Преображенія, какъ и дѣлаютъ многіе. Это конечно хуже, это совсѣмъ худо. Но я видѣлъ еще край, гдѣ обычай этого жертвоприношенія совершается гораздо ближе къ мысли первоначальнаго учрежденія. Я видѣлъ его въ томъ край, въ тѣхъ весяхъ, въ которыхъ родился. Тамъ всякій домохозяинъ, въ праздникъ Преображенія, а кто не успѣетъ въ Преображеніе, то въ день нерукотвореннаго Спаса, приноситъ котомку, наполненную первосборнымъ зерномъ, которое сверху заложено фруктами, какіе имѣются, какіе Богъ послалъ, яблоками, грушами и т. п. Всѣ, пришедши въ церковь, ставятъ свои котомки предъ алтаремъ, около солей въ нѣсколько рядовъ. Священникъ въ свое время выходитъ, читаетъ молитву и кропитъ святою водою освящаемое. За тѣмъ небольшая доля этой жертвы отдѣляется, по закону Божію, въ пользованіе іерея Божія и всего клира, а остальное уносится на домъ жертвоприносителями, какъ освященный благословенный начатокъ Божія дара на истекающее лѣто. Вотъ этотъ обычай моего роднаго края въ совершенствѣ напоминаетъ древнее богоустановное посвященіе Богу плодовъ земныхъ, не однихъ только яблоковъ или вообще древесныхъ фруктовъ, но и хлѣбныхъ зеренъ, пшеницы, ржи и т. д. А въ здѣшнемъ край этотъ обычай, къ прискорбію, совсѣмъ повидимому выводится и исчезаетъ,

исчезаетъ даже изъ памяти народной.

Въ какой мысли отцами предано освящать плоды именно въ праздникъ Преображенія? Думаемъ, какъ и сказали уже, во первыхъ потому, что этотъ древній христіанскій праздникъ падаетъ, по своему времени, на древнѣйшее ветхо-завѣтное празднованіе жатвы, когда Израильтянами приносились въ жертву Богу начатки плодовъ земныхъ. Но христіанской мысли христіанскаго чина посвященія плодовъ въ день Преображенія должно искать въ молитвословіи самаго обряда и въ таинственномъ знаменованіи, какое дается ему въ церкви Христовой. Освящая плоды въ день Преображенія, святитель или іерей въ молитвѣ къ Богу Отцу возглашаетъ такъ: *Боже Спасителю нашъ, благоволивый нареши виноградоу (виноградною лозою) единороднаго твоего Сына, Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и чрезъ Него плодъ безсмертія намъ даровавый, Самъ и нынѣ плодъ сей благослови и насъ рабовъ твоихъ, вкушающихъ отъ него, причастниками истиннаго винограда, святаго тѣла Христа твоего сотвори, невреденну жизнь нашу сохрани и миръ намъ всегда даруй, и вѣчными твоими неотъемлемыми дарами жизнь нашу украси, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ.*

Вспомните, вдумайтесь. Вкусивъ отъ дѣла познанія добра и зла, человѣкъ лишился плодовъ древа жизни, самъ подпалъ вѣчной смерти и подвергъ природу преобразенію на худшее, такъ что земля проклята въ дѣлахъ его, а вся видимая тварь повинувась суетѣ и тлѣнію; сталъ человѣкъ виною даже того, что самъ единородный Сынъ Божій, первородное обѣтованное Сѣмя благодатной Жены обречено было своею смертію погнать смерть всего человѣчества и тѣмъ обновить всю видимую тварь. Чтобы питать въ себѣ вѣру въ грядущаго Искупителя, надежду на обновленіе

своей и всей твари и любовь къ милосердому Творцу и подателю всѣхъ благъ, наученный Богомъ падшій человекъ сталъ приносить жертвы Богу, какъ кровавыя отъ животныхъ чистыхъ, такъ и безкровныя отъ земныхъ произрастеній. Наученный Богомъ ходатай ветхаго завѣта Моисей учредилъ принесеніе во первыхъ пасхальнаго агнца, а затѣмъ и другія сосредоточивавшіяся около этой первичной жертвы, какъ кровавыя, такъ и безкровныя, чтобъ Израиль чувствовалъ свою повинность предъ Богомъ и безусловную отъ Него зависимость, чтобы нерушило пребывать въ завѣтѣ съ Богомъ, сохранялъ въ себѣ царство Божіе и вѣру въ сопутствующаго ему Ангела завѣта, грядущаго избавителя, чтобы совершить великую пасху, и самъ переходя и человечество за собою переводя сперва въ благодатное Христово царство, а наконецъ и въ царство славы, отъ вѣчной смерти къ вѣчной жизни, отъ земли къ небеси, къ возсозданію всей видимой твари. Еще въ раю, уже по паденіи человека, насаждено было милосердіемъ Божиимъ новое древо жизни въ самомъ Адамѣ, въ священномъ родѣ древнѣйшихъ патріарховъ, въ богоизбранномъ родѣ Авраама, Исаака и Іакова Израиля, и въ обѣтованной отрасли этого богонасажденного древа, въ божественной лозѣ, Сынъ Божіемъ воплотившемся, который нынѣ преобразился на горѣ Ѡаворѣ, показавъ на нѣсколько многовеній славу свою ученикамъ своимъ, якоже можаху вмѣстити, который окончательно преобразилъ свое плотское смертное естество въ безсмертное въ день свѣтлаго воскресенія, и вознесшись на небеса, далъ намъ плоть свою ясти и животворящую кровь свою пити, чтобы причащаясь сего божественнаго винограда въ возношеніи безкровной жертвы пресуществленнаго хлѣба и вина, възгрѣвая свою вѣру, надежду и любовь различными отцепеданными жертвоприношеніями, якоже и въ

день сей Преображенія, мы прививались своимъ грѣшнымъ, постоянно очищаемымъ естествомъ къ чистѣйшему естеству сей божественной лозы; чтобы причащаясь ея соковъ, жизни, и силы истѣе и истѣе, прививаясь къ ней полнѣе и полнѣе, мы сами въ нашемъ тлѣнномъ ествѣ болѣе и болѣе преобразались изъ вѣтнаго въ новаго человека; чтобы не отягчая сердца своихъ объяденіемъ и пїанствомъ и печальми житейскими, мы воспитывали въ себѣ способность къ воспріятію высшаго блаженства въ созерцаціи божественнаго свѣта,—блаженства, какое ощутили избраннѣйшіе изъ учениковъ Христовыхъ на Ѡаворѣ, какое начинаютъ ощущать еще на землѣ святые постники, подвижники, праведники, чрезъ умерщвленіе плоти низводящіе въ свои души миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, и несказанную радость о Дусѣ Святѣ; чтобы, уготовляя себя къ полному свѣтлому преобразенію брэннаго и тлѣннаго естества въ день послѣдняго всеобщаго воскресенія, мы уготовляли, ускоряли и возвышали въ степени славное преобразеніе всей твари, которая, подчиненная рабству тлѣнія и суестьи грѣхами человека, чаесть свободы сыновъ Божіихъ, а вмѣстѣ съ этимъ освобожденіемъ чаесть и своего собственнаго избавленія, обновленія и просвѣтленія въ невечернемъ дни царствія преобразившагося Господа Христа Иисуса, гдѣ самъ Богъ будетъ освѣщать насъ вмѣсто солнца, гдѣ мы преобразенные въ нашемъ духовно-тѣлесномъ ествѣ, будемъ упиваться свѣтомъ этого вѣчнаго солнца, какъ вѣчно упиваются ангелы небесные, будемъ таинственно—духовно питаться отъ плодовъ древа жизни, еже посредѣ рая Божія, отъ плодовъ древа познанія мудрости безконечной божественной, и обонять благовоніе отъ райскихъ цвѣтовъ, благовоніе благода-

ти, мира и несказанной радости о Дусѣ Святѣ.
Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

на день пренесенія нерукотвореннаго Спасова образа.

*Иже боговиднѣмъ иногда заднихъ Моисеево
лице прославивый Богъ и тѣмъ богочертан-
ный законъ пославый невѣрующимъ изральтескимъ
людемъ, се прииде во Христоименитый градъ но-
выхъ людей божественнымъ начертаніемъ перво-
образнаго Его страшнаго образа. Стихира дневная.*

Въ сей праздникъ пренесенія нерукотвореннаго Спасова
образа, берусь за разъясненіе, для васъ какъ и для себя,
нынѣшняго праздничнаго чтенія изъ Апостола (Зач. 173;
2 Кор. 3, 4—18), одного изъ труднѣйшихъ къ уразумѣ-
нію и объясненію, сколько по затруднительной постановкѣ
славянскихъ реченій, столько и еще больше по глубинѣ
мысли св. апостола Павла. Какъ-то совѣстно было, каждый
разъ у васъ на храмовомъ праздникѣ при чтеніи изъ Апо-
стола, задаваться вопросомъ, а кто изъ присутствующихъ
во храмѣ это чтеніе разумѣетъ? А кто разумѣетъ, какъ
оно относится къ нынѣшнему празднованію Спасова неруко-
твореннаго образа? Не смутитесь. Еще св. Златоустъ объ
этомъ мѣстѣ писаній св. апостола Павла замѣтилъ: «а
мы что? Намъ остается только стенать. Удостоенные та-

кихъ благодѣяній Божіихъ, мы не понимаемъ даже того, что говорятъ намъ о нихъ».

Что же здѣсь говорится? Здѣсь разсуждаетъ св. апостолъ Павелъ о превосходствѣ новаго завѣта предъ ветхимъ, о превосходствѣ служенія новому завѣту предъ служеніемъ ветхому завѣту, о превосходствѣ славы Іисуса Христа, какъ ходатая новаго завѣта, предъ славою Моисея, какъ ходатая ветхаго завѣта. Служеніе ветхому завѣту св. апостолъ Павелъ называетъ служеніемъ письмени, письмени убивающему, служеніемъ смерти, смертоноснымъ буквамъ, служеніемъ осужденія; а служеніе новому завѣту называетъ служеніемъ не письмени, а духу, духу животворящему, а не письмени убивающему, служеніемъ завѣту, начертанному не на камени, а на скрижаляхъ сердца плотныхъ, служеніемъ жизни, а не смерти, служеніемъ оправданія, а не осужденія. Равно какъ и славу, какою просвѣтлено было лице ходатая ветхаго завѣта Моисея, св. Апостолъ называетъ преходящею, престающею, а славу ново-завѣтнаго служенія именуетъ пребывающею, такъ что та слава, слава Моисея, не оказывается даже славою по сравненію съ превосходящею славою послѣдующаго служенія ново-завѣтнаго. Что все это значитъ?

Для уразумѣнія всего этого необходимо знать обстоятельно исторію синайскаго законодательства. Посредствуя при заключеніи завѣта Бога съ израильскимъ народомъ, Моисей шесть разъ восходилъ на гору Синай.

Вотъ обстоятельства перваго восхожденія. Когда Израильтяне подошли къ Синаю, Богъ повелѣваетъ, отъ имени своего, сказать Израильтянамъ: «вы видѣли, что Я сдѣлалъ съ Египтянами, и какъ Я поднялъ васъ, точно на орлиныхъ крыльяхъ, и принесъ къ Себѣ. Теперь, если вы послушаете гласа моего и соблюдете завѣтъ—договоръ, по-

рый Я хочу постановить съ вами, то будете избраннымъ моимъ народомъ и составите у Меня священное царство». Моисей чрезъ старѣйшинъ сообщилъ эти слова народу, и народъ изъявилъ готовность исполнить все, что ни повелитъ имъ Богъ. Тогда Господь повелѣлъ Моисею освятить народъ двухдневнымъ очищеніемъ и приготовить его къ третьему дню. На третій день, который былъ пятидесятымъ отъ исхода изъ Египта, съ утра послышались громы, молніи, и густая туча обложила гору; раздавался трубный звукъ, который становился все сильнѣе и сильнѣе. Весь народъ, бывшій въ станѣ, трепеталъ. Моисей повелъ его изъ стана въ срѣтеніе Богу. Народъ видѣлъ, что весь Синай съ самыхъ основаній колеблется и дымъ восходитъ отъ него, какъ бы отъ пещи. Въ густомъ облакѣ и въ огнѣ сошелъ на него Господь. Моисей, вмѣстѣ съ Аарономъ, получилъ позволеніе приблизиться ко Господу и сталъ на горѣ, въ виду народа, какъ посредникъ между нимъ и Богомъ. Тогда весь народъ услышалъ голосъ. Образа того, кто говоритъ, никто не видѣлъ. Но всѣ могли различать слова, которые исходили съ вершины движущейся горы, изъ среды огня. Богъ говорилъ: *Азъ есмь Господь Богъ твой*. Изречено десятословіе.

Вотъ обстоятельства втораго восхожденія. Когда Богъ изрекъ десятословіе, старѣйшины израильскіе выступили предъ Моисея и сказали ему: «вотъ Богъ показалъ намъ славу свою. Мы слышали и голосъ Его изъ среды огня. Мы видѣли, что Богъ можетъ говорить съ человѣкомъ, и при этомъ человѣкъ можетъ остаться въ живыхъ. Но теперь для чего намъ подвергаться опасности смерти? Этотъ страшный огонь пожретъ насъ, если мы будемъ продолжать выслушивать глаголы Божіи. Мы чувствуемъ, что невозможно никакому смертному существу слышать голосъ Бога

присноживущаго, такъ слышимъ мы, и остаться въ живыхъ. Лучше приступи ты и слушай все, что скажетъ тебѣ Богъ нашъ, и пересказывай намъ: мы будемъ слушать и исполнять». Моисей сказалъ народу: «не бойтесь, не умрете. Богъ пришелъ, чтобы испытать васъ и чтобы, положивши на васъ страхъ свой, удержать васъ отъ преступленія заповѣдей своихъ». Въ отвѣтъ на слова народа Богъ сказалъ Моисею: «все, что они говорили тебѣ, справедливо. О! еслибъ они всегда сохраняли этотъ благоговѣйный страхъ въ сердцѣ своемъ и соблюдали всѣ заповѣди мои, чтобы хорошо было имъ и дѣтямъ ихъ во вѣки. Я не поставлю ихъ болѣе предъ моею славою. Во время свое Я воздвигну имъ Пророка изъ среды братьевъ твоихъ, какъ и тебя. Я вложу слова мои въ уста Его. И кто не послушаетъ словъ моихъ, которыя Онъ будетъ говорить отъ имени моего, съ того Я взыщу. Теперь повели имъ возвратиться въ шатры свои, а самъ останься здѣсь со Мною». Моисей отпустилъ собраніе, а самъ вступилъ во мракъ, ознаменованный ближайшимъ присутствіемъ Божества. Тамъ онъ принялъ различные законы, относившіеся къ церковному и гражданскому благоустройству израильскаго народа. Сошедши съ горы, онъ пересказалъ народу все, что говорилъ ему Господь, и сообщилъ ему всѣ законы и все это записалъ въ книгу.

Вотъ обстоятельства третьяго восхожденія. На другой день рано по утру Моисей соорудилъ подъ горою жертвенникъ изъ земли и поставилъ около него двѣнадцать камней, по числу двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ. И избралъ юношей, вѣроятно изъ первородныхъ у сыновъ израилевыхъ, для принесенія Богу всесожженій и жертвы благодарственной. Когда они заклали тельцовъ и козловъ, Моисей отлил половину крови въ чаши, а другую вылилъ на жертвен-

никъ. Потомъ прочиталъ книгу завѣта, договора Бога съ Израилемъ, въ слухъ народу. Народъ съ своей стороны произнесъ обѣтъ исполнить все, что ни повелитъ Господь. Это было заключеніе завѣта или договора съ Богомъ, со стороны всего Израиля. Затѣмъ совершенно нѣчто въ родѣ присяги на вѣрность завѣту. Моисей окропилъ жертвенною кровію какъ самую книгу завѣта, такъ и весь народъ, говоря: «это кровь завѣта, который Господь заключилъ съ вами». Кровь завѣта—это значило: на васъ и на завѣтъ жертвенная кровь, которая пролита за ваши грѣхи во очищеніе, взаимнъ вашей собственной крови, которая должна быть пролита за нарушеніе завѣта. Послѣ этого Моисей, какъ повелѣлъ ему Богъ, возвелъ на гору Аарона, двухъ сыновей его и семьдесятъ изъ старѣйшинъ израилевыхъ, и показалъ имъ мѣсто, гдѣ остался слѣдъ присутствія Божія. Это Моисей, такъ сказать, представилъ ихъ предъ лице Царя небеснаго, какъ представителей народа, вступившаго съ Богомъ въ завѣтъ. Здѣсь они поклонились законодателю своему, Творцу неба и земли, и возвратились, не потерпѣвши вреда.

Вотъ обстоятельства четвертаго восхожденія. Потомъ Господь воззвалъ къ Моисею: «взойди ко Миѣ на гору и будь тамъ, Я дамъ тебѣ каменные скрижали, на которыхъ Я начерталъ для нихъ заповѣди». Взявъ съ собою Исуса Навина, Моисей взошелъ на гору, которую покрыло облако. Тамъ Моисей пробылъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Въ это время онъ получилъ наставленіе, какимъ образомъ устроить скинію, въ которой народъ долженъ будетъ приносить жертвы и возносить молитвы къ Богу. По окончаніи сорока дней Господь далъ ему двѣ скрижали каменные, на которыхъ перстомъ Божиимъ начертаны были десять заповѣдей. Но какъ въ это время Израильяне уже успѣли нарушить

только что заключенный съ Богомъ завѣтъ, именно слили себѣ для поклоненія золотого тельца въ подраженіе богочтению египетскому; то Богъ, вручая скрижали Моисею, говорить: «пойди, сойди отсюда скорѣе. Народъ, выведенный тобою изъ Египта, уже совратился съ пути, который Я заповѣдалъ ему: онъ сдѣлалъ себѣ литого тельца, покланяется ему, приносить жертвы и называетъ его богомъ, который будто бы вывелъ его изъ земли египетской. Я вижу, что это народъ жестоковыйный. Не препятствуй Мнѣ, и Я истреблю ихъ, а отъ тебя произведу многочисленный народъ». Но Моисей сталъ молиться, и ходатайство Моисеево спасло народъ отъ гибели. Но когда Моисей спустился къ подошвѣ горы и увидѣлъ тельца и пляски, тогда, воспламенившись гнѣвомъ, онъ бросилъ изъ обѣихъ рукъ обѣ скрижали и разбилъ ихъ подъ горою, въ виду всего народа. А Левитамъ, оставшимся вѣрными Господу, повелѣлъ убивать виновныхъ. И пало тогда до трехъ тысячъ виновныхъ отъ меча.

Вотъ пятое и шестое восхождение Моисея на гору Синай. На другой день опять Моисей взшелъ на гору и повергся предъ Богомъ; сорокъ дней и сорокъ ночей хлѣба не ѣлъ и воды не пилъ и, умоляя за грѣхъ народа, говорилъ: «если Ты не простишь грѣха ихъ, то изгладь меня изъ книги твоей, въ которую вписаны у Тебя предназначенные для вѣчнаго блаженства». Между тѣмъ народъ рыдалъ отъ горя, жалости и раскаянія. Моисей усугубилъ свои молитвы. И Богъ, возвращая свое благоволеніе, повторилъ прежнее обѣщаніе идти предъ народомъ. Чувствуя, что Богъ въ существѣ своемъ не то, чѣмъ себя проявляетъ, не гроза и страхъ смертоносный, а благодать и любовь безконечная, Моисей простеръ свое молитвенное дерзновеніе до того, что просилъ у Господа показать ему существ-

венную славу свою: «яви ми Тебе самаго». Господь сказалъ ему: «лица моего (существа моего) нельзя человѣку видѣть, и остаться въ живыхъ: но Я проведу предъ тобою благодать мою, и провозглашу предъ тобою имя Іеговы. Ты увидишь Меня сзади (явственный слѣдъ Божія присутствія), но лице мое (существо мое) не откроется тебѣ. Между тѣмъ ты вытѣши себѣ двѣ скрижали каменные, подобныя прежнимъ. Я напишу на нихъ тѣже слова, какія были на прежнихъ скрижаляхъ, которыя ты разбилъ. И завтра взойди ко Мнѣ на вершину Синая». Моисей исполнилъ, что повелѣлъ ему Богъ: вытесалъ скрижали, по подобію прежнихъ, и поутру взшелъ съ ними на вершину горы, совершенно одинъ. Тогда Господь сошелъ во облакъ, остановился близъ Моисея и провозгласилъ имя Іеговы. И когда Господь проходилъ, Моисей слышалъ слѣдующія слова, возвѣщающія благодать Божію: «Іегова, Іегова, Богъ благосердый и милостивый, долготерпѣливый, богатый милостью и истиною, сохраняющій милость въ тысячи родовъ, снимающій беззаконіе, преступленіе и грѣхъ, но не почитающій виновнаго наравнѣ съ невиннымъ, наказывающій беззаконіе отцовъ въ сынахъ, и въ сынахъ сыновъ до третьяго и четвертаго рода». Моисей тотчасъ-же палъ на землю и поклонился Богу. Послѣ этого Моисей опять пробылъ на горѣ въ совершенномъ постѣ, сорокъ дней и сорокъ ночей, и принялъ опять скрижали, на которыхъ Богъ начерталъ тѣже десять заповѣдей. Это собесѣдованіе съ Богомъ и созерцаніе слѣдовъ славы Божіей оставило слѣдъ и на лицѣ Моисея: лице его издавало лучи. Моисей узналъ это, когда уже сошелъ съ горы, потому что Ааронъ и всѣ Израилтяне боялись подойти къ нему. Онъ подозвалъ ихъ и сообщилъ имъ все, что заповѣдалъ ему Богъ. Послѣ этого положилъ себѣ на лице покрывало, которое снималъ только

тогда, когда предстоялъ предъ Богомъ.

Имѣя въ виду эти обстоятельства синайскаго законодательства, теперь мы можемъ выяснитъ себѣ, что пишетъ св. апостолъ Павелъ о превосходствѣ новаго завѣта предъ ветхимъ.

По противоположенію ветхаго завѣта новому, ветхо-завѣтное законоположеніе, по слову Апостола, есть буква, начертанная на камени, на скрижаляхъ каменныхъ, а не на плотянныхъ скрижаляхъ сердца. Правда, самъ законодатель Моисей говорилъ Израильтянамъ, повидимому, нѣчто противоположное: *близко къ тебѣ слово сіе; оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ* (Вт. 30, 14). Но это Моисей говорилъ объ одной сторонѣ ветхозавѣтнаго законоположенія, — о той, о которой самъ Христосъ сказалъ: *иота едина или едина черта не прійдетъ отъ закона* (Мат. 5, 18). Здѣсь разумѣются историческая и догматическая части Моисеева пятокнижія, разумѣются заключающіяся въ немъ пророчества и нравственный законъ, который лежалъ въ основѣ законовъ обрядоваго и гражданскаго, который, совпадая съ нравственнымъ естественнымъ закономъ, по слову ап. Павла, написанъ въ сердцахъ человѣческихъ, начертанъ въ глубокой основѣ человѣческой природы. Такъ это слово Моисея, дѣйствительно, было близко къ Израилю, было не только на устахъ его, но и въ сердцѣ его.

Но Моисей нащелъ нужнымъ оградить нравственное свое законоположеніе предписаніями еще законовъ обрядоваго и гражданскаго. Въ самое десятословіе внесена у Моисея заповѣдь о храненіи субботы, которую справедливо назвать основною обрядовою. А всѣ прочія заповѣди десятословія служили у Моисея основою гражданскаго еократическаго законоположенія, подробныхъ предписаній касательно исполненія этихъ заповѣдей и касательно исполненія этихъ за-

повѣдей и касательно наказаній, которыя ограждали это исполненіе. Вслѣдствіе этого смѣшенія однихъ предписаній съ другими, нравственныхъ съ обрядовыми и гражданскими, въ подробномъ обстоятельномъ раскрытіи закона Моисеева, весьма трудно указать разграничительную черту, гдѣ оканчивается собственно нравственное законоположеніе и начинается обрядовое и гражданское. Первое нравственное законоположеніе у Моисея весьма часто, если только не постоянно, смѣшивается до неразрывности съ двумя послѣдними и какъ бы закрывается ими. Зато эти послѣднія законоположенія, гражданское и особенно обрядовое, раскрываются весьма обширно, занимая въ Моисеевомъ пятокнижіи многія главы къ ряду и при томъ вовсе не касаясь нравственныхъ предписаній, за исключеніемъ развѣ того, что всегда предполагаютъ подъ собою нравственную основу, общую нравственную обязательность закона Божія. Можно сказать, что въ пятокнижіи Моисея нравственное законоположеніе хотя и лежитъ въ основѣ, но мало выставляется на видъ, а вездѣ напротивъ по преимуществу выставляются на видъ законоположенія обрядовыя и еократическія гражданскія. Такъ у самого Моисея. А что же сказать о позднѣйшихъ его толковникахъ? Извѣстно вообще и въ первыхъ изъ обличеній Господа Іисуса Христа на фарисеевъ и книжниковъ іудейскихъ, что они своими толкованіями измелчили предписанія Моисеева закона до безконечности, до полного почти забвенія собственно нравственныхъ законоположеній, такъ что Христосъ Спаситель называлъ ихъ вождями слѣпыми слѣпыхъ и говорилъ, что они затворяютъ царствіе небесное предъ человѣками, сами не входятъ и другимъ возбраняютъ внити; что они оставили вѣщее, существенное въ законѣ, праведный судъ и милость и самую вѣру. Между тѣмъ всѣ эти фарисейскія обрядово—гражданскія толкованія на законъ, которыя у евреевъ считались и считаются чуть

не выше самого закона, да и собственные Моисеевы предписанія, касающіяся обрядовъ и правилъ гражданскаго быта, всѣ эти предписанія составляютъ такъ называемый положительный законъ, предписываемый положительною волею законодателя или даже произволомъ его толковниковъ. Всѣ они, какъ положительные, по этому самому отличаются отъ закона нравственнаго, естественнаго. И какъ этотъ послѣдній, естественный нравственный законъ, лежа въ основѣ человѣческой природы, начертанъ на плотяныхъ скрижаляхъ человѣческаго сердца; такъ, наоборотъ, положительные предписанія были начертаны только на камени, на скрижаляхъ каменныхъ, на дщицахъ или на хартіи, а не на скрижаляхъ сердца. Всѣ они поэтому составляли только букву закона.

Самыя нравственныя предписанія Моисеева закона не вошли въ плоть и кровь Израиля, не вошли на всемъ пространствѣ израильской исторіи. Такъ до плѣненія вавилонскаго Израильтяне всегда склонны были къ языческимъ обычаямъ, часто отпадая въ идолопоклонство, забывая Бога истиннаго, оставляя истинную вѣру, отвергая самый обрядъ богоустановленнаго богослуженія, вводя языческія правила и въ распоряженіе обще-народной государственной жизни. А съ плѣненія вавилонскаго болѣе истые изъ Израильтянъ погрузились въ мелочное фарисейство съ обожаніемъ внѣшности и буквы; болѣе образованные впади въ саддукейство, въ саддукейское невѣріе, а толпа погрязла въ смертной тѣни невѣжества, полуязычества, маловѣрія и грубости. Посему духъ божественнаго нравственнаго закона, даннаго Моисеемъ, слабо проникая Израильтянъ даже при Моисеѣ, даже въ лучшую эпоху ихъ духовнаго развитія, къ концу ветхо-завѣтной исторіи, совершенно изсякъ, отлетѣлъ и исчезъ. Потому—то св. апостолъ Павелъ и называетъ слу-

женіе ветхому завѣту служеніемъ буквѣ, а не духу, буквѣ, начертанной на камнѣ, а не на плотяныхъ скрижаляхъ сердца.

Мало этого, св. апостолъ называетъ служеніе ветхому завѣту еще служеніемъ смерти, служеніемъ смертоносной буквѣ, буквѣ убивающей, служеніемъ осужденія, а не оправданія. Это какъ и почему? Начнемъ съ того, что ветхій законъ только осуждалъ, а не оправдывалъ, и осуждалъ всякаго безъ исключенія человѣка. Апостолъ Павелъ говоритъ: *отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть человека предъ Богомъ. Закономъ бо познаніе грѣха* (Рим. 3, 19—23). Даже затѣмъ законъ и привиде, да умножится *прегрѣшеніе*. Что это значитъ? До Моисеева закона люди жили, руководясь дольго естественнымъ закономъ, который забыли. А если и помнили, то только какъ велѣніе своей собственной совѣсти, какъ движеніе собственной воли. Грѣшили, не зная закона, и были меньше повинны по невмѣняемости вины, какая всегда уступается невѣдѣнію. Потому *то грѣхъ не вѣдѣлся, пока не было закона* (Рим. 5, 13). Кромѣ того тогда грѣшили неисполненіемъ добрыхъ движеній только собственнаго человѣческаго сердца. А Моисеевъ законъ во—первыхъ растолковалъ человѣку его нравственныя обязанности: извиняться невѣдѣніемъ стало невозможно; законъ далъ всякому знать, что такое грѣхъ. Затѣмъ законъ изрекъ свои предписанія, какъ велѣніе высочайшей воли Божіей: еще однимъ извиненіемъ стало меньше. Всякій грѣхъ не только въ существѣ, но и въ сознаніи человѣка, сталъ теперь преступленіемъ уже /высочайшей воли Божіей, а не одной только благой воли человѣка. Законъ привзошелъ, чтобы увеличить *прегрѣшеніе* не только въ количествѣ, но и въ качествѣ, въ степени. Кромѣ того Моисеевымъ закономъ предъявлено было къ исполненію мно-

жество предписаній обрядовыхъ и гражданскихъ, сверхъ нравственныхъ, и всѣ они, какъ и нравственныя предписанія, предъявлялись къ исполненію, опять же какъ велѣніе той же воли Божіей. Значитъ разнovidныхъ велѣній воли Божіей оказалось очень много по количеству. Да и помимо обрядово-гражданскаго закона Божія, одна нравственная заповѣдь Господня *широка зъло* по своему существенному свойству; точнѣе сказать, она безконечна по качеству. Выполнить всю ея безпредѣльность безсиленъ всякій падшій грѣшный человекъ. Поэтому грѣхъ дѣлаетъ повиннымъ предъ закономъ, самый законъ осуждаетъ, подводитъ подъ судъ и осужденіе всякаго человека. *Вси согрѣшиха, вси и лишени суть славы Божіей, да всяка уста заградыся и повиненъ будетъ весь міръ предъ Богомъ* (Рим. 3, 19—23).

Но подводя подъ осужденіе всѣхъ и каждого, законъ не оправдывалъ ни одного человека. Не оправдывалъ, не очищалъ, не спасалъ ветхій законъ, самъ по себѣ, по своей силѣ. Правда, въ ветхомъ заветѣ въ возмездіе правдъ Божіей, въ наказаніе за грѣхъ и во очищеніе грѣха, приносились кровавыя жертвы. Но, по слову апостола, *невозможно крови тельцовъ или овецъ очищати грѣхи*, невозможно и удовлетворить правдѣ Божіей за грѣхъ. Обрядовый Моисеевъ законъ былъ только тѣнью грядущаго. Онъ очищалъ грѣхи, удовлетворялъ правдѣ Божіей и спасалъ человека только по вѣрѣ въ грядущаго Икупителя. По слову св. апостола (Гал. 3, 21—22), *если бы Моисеемъ данъ былъ законъ, могущій животворить, то подлинно праведность была бы* (оправданіе происходило бы) *отъ закона. Но ветхозавѣтное писаніе заключило всѣхъ подъ грѣхомъ, дабы обрѣтѣніе върующимъ даровано было по вѣрѣ въ Іисуса Христа*. Конечно, Израильтяне въ огромномъ большинствѣ этого не разумѣли. Они думали угождать Богу только внѣ-

шностью, только служеніемъ буквѣ, полагая, что стоитъ только принести въ жертву овна или козла, и грѣхъ прощенъ и очищенъ. Но это былъ только самообманъ. Въ ту пору въ ветхомъ заветѣ грѣхъ не всегда вмѣнялся, не всегда навлекалъ явную кару Божію, но ни одинъ грѣхъ не очищался и не прощался. Совершенное очищеніе и прощеніе грѣховъ переносилось изъ ветхаго завета въ новый. А Моисеевъ законъ только осуждалъ, не спасая.

Самъ въ себѣ онъ подводилъ даже подъ смерть, осуждая всякаго на смерть, всякаго на смерть вѣчную духовную, всякаго же на смерть и временную тѣлесную; а многихъ осуждалъ и прямо на смертную казнь. *Единымъ человекомъ, праотцемъ Адамомъ, грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ вошла смерть, и такъ смерть вошла во всѣхъ людей чрезъ Адама, въ которомъ всѣ мы согрѣшили* (Рим. 5, 12), какъ и продолжаемъ всѣ, уже сами въ себѣ, согрѣшать, преступая законъ Божій. И этотъ законъ надъ каждымъ изъ насъ единожды навсегда изрекъ и продолжаетъ постоянно изрекать свой грозный приговоръ: *смертію умрешь*, вѣчною смертію умрешь неизбежно; *земля еси и въ землю отыдеши*, умрешь и тѣлесною смертію неизбежно. Кромѣ того Моисеевъ законъ очень часто изрекаетъ и исключительные смертные приговоры: *смертію да умреть*. Вотъ посудите. За нарушеніе первой заповѣди десятословія смерть! За нарушеніе второй—смерть! Третьей—смерть! Четвертой, даже за собираніе дровъ въ субботу, смерть! Пятой, даже за ослушаніе родителямъ, за хуленіе ихъ, смерть! Шестой, за убійство, смерть! Седьмой, за прелюбодѣяніе разныхъ видовъ, смерть! За нарушеніе многихъ чисто обрядовыхъ предписаній смерть! За нарушеніе всѣхъ прочихъ заповѣдей тяжкія кары, вообще не только равномѣрное возмездіе за всякій проступокъ: *око за око, зубъ*

за зубъ, но и большее, преувеличенное въ количествѣ и степени, возмездіе, чтобы грѣшнику грѣшить не повадно было; возмездіе земною гражданскою карою помимо наказанія, насылаемаго непосредственно отъ самаго Бога, наказанія и временными на землѣ карами и вѣчною мукою за каждый грѣхъ, совершенный и не очищенный. А тогда въ ветхомъ завѣтѣ ни одинъ грѣхъ и не могъ быть очищенъ. Слѣдовательно, каждый грѣхъ, рано ли, поздно ли, навлекъ на грѣшника тяжкую кару, начиная весьма нерѣдко съ смертнаго приговора. Къ чему все это вело, можно судить по евангельской исторіи съ женою, ятою въ прелюбодѣяніи. Всѣ старцы израилевы, предъ лицомъ сердцевѣдца Спасителя, совѣстію обличаемые, вышли единъ по одному со срамомъ, и ни одного не оказалось правоспособнаго, чтобы кинуть камень въ прелюбодѣйцу, осужденную на смерть закономъ Моисеевымъ. Слѣдовательно и всѣ эти старцы также, какъ и несчастная жена, подлежали смертному приговору по закону Моисееву, по приговору собственной совѣсти. Если же избѣжали казни, то только потому, что согрѣшенія ихъ извѣстны были совѣсти ихъ, да сердцевѣдцу Богу, а не людямъ. Такимъ образомъ въ ветхомъ завѣтѣ до очевидности явно было, что *оброцы грѣха смерть* (Рим. 6, 23). Вотъ что значать у св. апостола выраженія, что служеніе ветхому завѣту было служеніемъ буквѣ убивающей, а не духу животворящему, служеніемъ буквамъ смертоноснымъ, служеніемъ смерти, служеніемъ осужденія, а не оправданія.

Буква убивающая—это имѣло еще и другой внутреннѣйшій смыслъ: буква убивала не только тѣло, но и духъ; убивала духъ не только за гробомъ, вѣчною смертію, но и здѣсь на землѣ, подавляя въ Израильтянахъ все духовное. И это главное. Буква убивала тѣмъ, что заповѣдь Господня

у Моисея намѣренно втѣсняла свою безпредѣльную широту въ точныя опредѣленныя, и такъ сказать, узкія предписанія; въ предписанія, которыя въ нравственной части были по преимуществу отрицательнаго свойства: *не убій, не укради* и т. п., въ которыхъ мало было чего либо подобнаго безпредѣльнымъ евангельскимъ совѣтамъ и высшимъ требованіямъ безконечной любви, самоотверженія, полной нестяжательности, безпредѣльной чистоты и святости духа. Между тѣмъ обширный кодексъ обрядовыхъ предписаній, наоборотъ, носилъ на себѣ самый положительный, точный и рѣшительный характеръ: *помни день субатный* и т. п. Отъ этого Израильтянинъ, исполнивъ точныя, опредѣленныя, положительныя требованія обрядоваго и отрицательныя нравственнаго Моисеева закона, могъ воображать, какъ нерѣдко и воображалъ себя праведникомъ, который исполнилъ всю волю Божію и обязывалъ самого Бога къ должной наградѣ, подобно евангельскому фарисею, самодовольно благодарившему Бога: *Божже! благодарю Тя, яко нѣсмь якоже прочіи человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи; пощуся два раза во недѣлю* и т. д. Этотъ фарисей, какъ и другіе фарисеи слышали совершенную новостъ для себя въ словахъ Христовыхъ: *аще сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголюще, яко раби неключими есмь: яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ*. Правда, и фарисей читалъ въ законѣ: *святѣ будите, якоже Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ*; но никакъ не могъ возвыситься до пониманія этой заповѣди Божіей въ безпредѣльномъ смыслѣ заповѣди Христовой: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*, въ томъ смыслѣ, что духъ человѣскій предназначенъ къ безконечному усовершенствованію и богоуподобленію. А фарисей воображалъ, что, исполнивъ точныя предписанія закона, онъ исполнилъ весь законъ, и

правъ, и больше дѣлать ему ничего не остается. У него духъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ обрѣзанъ и искалѣченъ подавлявшимъ его убѣжденіемъ, что законъ Господень конеченъ и удобоисполнимъ. Буква закона свивала Израиля какъ бы пеленками, которыя не позволяли возрастать духу въ естественную мѣру духовнаго возраста, и держали его въ принудительномъ дѣтствѣ не смотря на многовѣковую исторію Израиля, такъ что во многихъ Израильянахъ духъ совѣмъ и замеръ. Буква Моисеева закона убивала духъ еще тѣмъ, что предъявляла свои требованія почти исключительно во имя наградъ, и наградъ почти исключительно земныхъ, а не горнихъ—небесныхъ, равно какъ и наказаній земныхъ же: *будетъ небо надъ главою вашею мяою и земля подъ ногами жельзна* и т. п. Кромѣ этихъ наградъ и наказаній стихійныхъ, находящихся въ рукахъ Божіихъ, буква закона ограждала свою обязательность еще и тяжкими карами закона гражданскаго. Вообще выдвигаемымъ на видъ началомъ и мотивомъ нравственной жизни Израиля былъ рабскій страхъ. Высшее безпредѣльное начало нравственнаго христіанскаго совершенства, любовь къ Богу, мотивъ любви къ добру ради самаго добра, даже мотивъ награды не временной на землѣ, а вѣчной награды въ небесахъ за самоотверженіе на землѣ, всѣ эти начала и мотивы, выдвигаемые на видъ въ евангеліи и вообще въ христіанскомъ правоученіи, въ ветхомъ заветѣ были прикрыты господствующимъ началомъ рабскаго страха, которымъ подавлялся другой высшій принципъ сыновней любви къ Богу и самоотверженнаго влеченія къ добродѣли. По слову апостола, до пришествія Христова Израильяне заключены были подъ страхомъ, подъ стражею закона, Законъ былъ суровый пистунъ во Христа. Израильянинъ—наслѣдникъ царства Божія, доколь былъ въ дѣтствѣ, ни-

чѣмъ не отличался отъ раба, хотя былъ и господинъ всего; былъ подчиненъ попечителямъ и домоправителямъ; былъ поработенъ вещественнымъ началамъ міра (Гал. гл. 3 и 4). Потому-то и на Синаѣ схождение Бога и изреченіе десятословія окружено было чрезвычайно грозными явленіями, съ цѣлію внушить именно страхъ. Потому-то на Синаѣ Богъ и говорилъ Моисею: «о, еслибъ они всегда сохраняли сей благоговѣйный страхъ въ сердцѣ своемъ и соблюдали заповѣди мои, да благо имъ будетъ и чадамъ ихъ во вѣки»!

Правда, въ существѣ дѣла и ветхозавѣтный законъ имѣлъ своимъ виновникомъ Бога любви, также какъ и законъ Христовъ. Глубочайшая основа у того и другаго законовъ одна и таже—любовь: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и ближняго твоего, яко самъ себе*. Высшая цѣль одна—смягченіе, возвышеніе, очищеніе духа и спасеніе вѣчное. Есть и у Моисея самыя возвышенныя предписанія о любви, о любви не только къ братьямъ, но и къ чужероднымъ, даже ко врагамъ, съ за-прещеніемъ мести, о чувствѣ попеченія не только о людяхъ, но и о животныхъ, и даже растеніяхъ, предписанія въ высшей степени трогательныя и гуманныя. Такъ Моисей заповѣдуетъ отъ лица Божія: *да не возненавидиши брата твоего во умѣ твоемъ. И да не отмщаетъ рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей твоихъ, и возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе* (Лев. 19, 17—18). Такъ запрещая воздѣлывать землю въ седьмой годъ покоя, Моисей заповѣдуетъ: *что само выростетъ на жатвь твоей, не сжигай и гроздовъ съ необрѣзанныхъ лозъ твоихъ не снимай. Да будетъ это годъ покоя земли, чтобы и земля отдохнула. И будетъ это всѣмъ вамъ въ пищу, тебѣ и рабу твоему, и рабъ твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, и скоту твоему, и звѣрямъ, которые въ*

земль твою, да будутъ всѣ произведенія ея въ пищу (Лев. 25, 5—7). Не умилительна ли эта заповѣдь о пощадѣ живыхъ деревьевъ: если будешь держать въ осаду городъ, чтобы завоевать его и взять его, то не порти деревьевъ его, отъ которыхъ можно питаться, и не опустошай окрестностей. Ибо дерево на полъ не человѣкъ, чтобы могло уйти отъ тебя въ укрѣпленіе (Вт. 20, 19)? Или эта заповѣдь: если попадется тебѣ на дорогѣ птичье гнѣздо на какомъ либо деревѣ или на землѣ, съ птенцами или яйцами, и мать сидитъ на птенцахъ или на яйцахъ, то не бери матери вмѣстѣ съ птенцами; мать пусти, а дѣтей возьми себѣ, да благо ти будетъ и долготѣнъ будешь на земли (Вт. 22, 6—7)? Т. е. благоговѣно, чтитворческую силу, корне—плодное начало природы, какъ и родителей своихъ, да благо ти будетъ и долготѣнъ будешь на земли. Нельзя здѣсь и исчислить всѣ подобныя правила у Моисея, которыя дышутъ глубочайшею любовью къ человѣку и къ природѣ, природѣ и одушевленной и такъ называемой бездушнѣ, которую Моисей однако-же изображаетъ живою, одушевленною и чувствующею. Созерцая и изображая Бога большею частію грознымъ, карающимъ, Моисей чувствовалъ сердцемъ, что эта гроза только внѣшнее обличіе славы Божіей. Почему онъ и молилъ Бога: *покажи мнѣ славу твою, яви мнѣ Тебя самаго*. Но Богъ отвѣтствуетъ: *лица моего нельзя человѣку видѣть и остаться въ живыхъ. Но Я проведу предъ тобою благодать мою*. И когда Господь проходилъ, Моисей слышалъ слова, возвѣщающія именно благодать Божію, которая и превозмогаетъ въ Богѣ Его правду: *Иегова, Иегова, Богъ благосердый и милостивый, долготерпѣливый, богатый милостію и истиною, сохраняющій милость въ тысячи родовъ, снимающій беззаконіе, преступленіе и грѣхъ* и т. д. А когда самъ Моисей при-

близился къ видѣнію высочайшей славы Божіей, къ видѣнію лица Божія, къ видѣнію божественнаго существа, которое состоитъ въ любви, такъ какъ *Богъ есть любовь*; тогда на собственномъ лицѣ Моисея отразилась слава Божія въ лучахъ свѣта, подобно тому, какъ просвѣтилось лице Іисуса Христа на Фаворѣ. И какъ на Фаворѣ апостолы не могли смотрѣть въ лице преобразившагося Господа, такъ и Израильтяне у подошвы Синая не могли смотрѣть на просвѣтленное славою Божіею лицо Моисея, который и вынужденъ былъ положить покрывало на лице свое. Вышло отсюда то, что это покрывало закрывало на лицѣ Моисея проблескъ существеннѣйшей славы Божества, проблескъ лица самаго Бога, проблескъ существа Божія, которое есть благодать и любовь. То есть, покрывало Моисея закрывало именно благодать и любовь Божію: Израильтяне еще не доросли до способности созерцать существеннѣйшую славу благодати и любви Божіей на лицѣ Моисея, какъ и въ законѣ его; а видѣли въ законѣ его, какъ и въ немъ самомъ, какъ и въ самомъ Богѣ законодатель, только грозу и страхъ. Это же покрывало было символомъ таинственнаго покрывала, лежавшаго и на всемъ Моисеевомъ законѣ. Такъ какъ Израиль наслѣдникъ царства Божія, будучи младъ, еще не доросъ до постиженія любви Божіей, то въ ветхомъ заветѣ Израиль, хотя и сынъ Божій, не былъ отличенъ отъ раба, былъ выдерживаемъ подъ приставникомъ, былъ воспитываемъ пѣстуномъ, пѣстуномъ суровымъ, именно Моисеевымъ закономъ, который хотя въ существѣ и былъ основанъ на духѣ любви, но былъ начертанъ на скрижаляхъ каменныхъ буквами суровыми и грозными, буквами осужденія и смерти. Израиль видѣлъ и чувствовалъ въ законѣ только грозу и страхъ; а любовь была закрыта покрываломъ.

Возвратимся же съ этимъ предварительнымъ изъясненіемъ къ нынѣшнему чтенію изъ апостола, и приблизимъ главную нить его смысла къ нашему разумѣнію.

Вотъ Богъ далъ намъ способность быть служителями новаго завѣта, не буквы ветхозавѣтной, но духа. Та ветхозавѣтная буква убивала и убиваетъ, а духъ новозавѣтный животворитъ. Служеніе ветхому завѣту было служеніе буквамъ, начертаннымъ на камнѣ, буквамъ суровымъ, смертоноснымъ, было служеніемъ закону осуждавшему, служеніемъ осужденія, а не оправданія; такъ какъ Моисеевъ законъ осуждалъ предъ Богомъ всѣхъ до единого, ни единого человека не оправдывалъ, тогда какъ въ новомъ завѣтѣ наоборотъ уже нѣтъ никакого осужденія всѣмъ вѣрующимъ во Іисуса Христа Искупителя. Но если то ветхозавѣтное служеніе было такъ славно, что лице Моисеево освѣтилось отблескомъ славы божественной и сыны Израилевы не могли смотрѣть на эту славу, хотя она и была преходящею, такъ какъ освѣщеніе лица Моисеева лучами небесной славы скоро престало и кончилось; то не болѣе ли должно быть славно служеніе новому завѣту, служеніе духа, а не буквы, служеніе оправданія, а не осужденія, служеніе жизни, а не смерти. Если славно то служеніе преходящее, служеніе ветхому завѣту, престающему и уже кончившемуся; то тѣмъ болѣе славно служеніе новому завѣту, вѣчно пребывающему. Имѣя такую надежду, мы должны питать великое дерзновеніе къ Богу. Моисей полагалъ покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конецъ преходящаго ветхаго завѣта, чтобы не видѣли ясно его основы, его сущности, его цѣли, его конца; чтобы ясно не постигали, что онъ основанъ на любви Божіей, что его сущность состоитъ въ любви къ Богу и ближнимъ, а не въ обременявшей его буквѣ частныхъ обрядово—гражданскихъ

постановленій,—что его цѣль была не спасти тогда же человечество, а только привести къ вѣрѣ въ грядущаго Искупителя,—что съ пришествіемъ Искупителя, изведшаго изъ ада всѣхъ ветхозавѣтныхъ, съ вѣрою чаявшихъ Его пришествія, и спасающаго всѣхъ вѣрою, а не дѣлами закона, ветхому завѣту долженъ настать, какъ уже и насталъ, конецъ. Умы Израильтянъ и донинѣ ослѣплены. И донинѣ тоже покрывало, которымъ Моисей закрывалъ отъ нихъ свое прославленное лице, остается для нихъ не снятымъ при чтеніи ветхаго завѣта. И донинѣ, когда они читаютъ Моисея, тоже покрывало лежитъ у нихъ на сердцѣ ихъ, мѣшая имъ постигнуть Моисея, въ сокровеннѣйшей его сущности, потому что это покрывало снимаетъ Христосъ, когда Израильтяне обращаются ко Господу нашему. Господь есть Духъ; а гдѣ Духъ Господа, тамъ свобода, свобода отъ рабства ветхозаконной буквѣ, свобода отъ грѣха, отъ власти діавола, свобода отъ проклятія и смерти. Мы же всѣ, служители новаго завѣта, открытымъ лицомъ, открытыми очами и тѣла и духа, видимъ божественную славу, какъ въ зеркалѣ, въ богочеловѣческомъ ликѣ нашего Господа Христа Спаса, преобразившагося на горѣ, распятаго за насъ и воскресшаго, восшедшаго на небеса и сѣдящаго одесную Бога Отца, оставившаго намъ въ себѣ, въ своемъ вочеловѣченіи, образъ высочайшаго совершенства, да послѣдуемъ стопамъ Его. Слѣдуя стопамъ Его и взирая на божественный ликъ Его, мы и сами преобразуемся въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, споспѣшествуемые благодатію Духа Господня. Посему, имѣя по милости Божіей, такое призваніе, такое служеніе, мы не должны унывать.

Не должны унывать, памятуя, что тотъ самый Богъ, который чрезъ видѣніе заднихъ слѣдовъ славы Божіей на Синаѣ прославилъ лице Моисея и чрезъ него послалъ бого-

начертанный законъ невѣрнымъ израильскимъ людямъ, сей самый Богъ витаетъ между нами божественнымъ начертаніемъ первообразнаго своего страшнаго и пречистаго образа, ему же поклоняющагося благодарственно вопіемъ: радости исполнилъ еси всѣхъ насъ, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день усѣкновенія честныя главы честнаго славнаго пророка предтечи и крестителя Іоанна.

Праведникъ, аще постигнетъ скончати, въ покоемъ будетъ. Осудитъ же праведникъ умирающаго живущаго нечестиваго. Прем. Солом. гл. 4—5. Дневная паримія.

Замѣчательное совпаденіе. По принятому обычаю поминовенія отшедшихъ въ горній міръ высочайшихъ особъ, на канунъ тезоименитства въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, намъ приходится упомянуть его заупокойною молитвою именно сегодня, въ день памяти усѣкновенія честныя главы честнаго славнаго пророка, предтечи и крестителя Господня Іоанна, и въ тоже время въ день годичнаго заупокойнаго поминовенія православныхъ воиновъ и всѣхъ, за вѣру и отечество на брани жившихъ свой положившихъ. Такъ, безъ сомнѣнія, самъ Богъ устроилъ. И если мы желаемъ прикинуть вѣрующимъ смысломъ въ назидательную цѣль такого устроения, то можно думать, Богъ устроилъ такъ конечно потому, что мученическая кончина всѣхъ ихъ, при разностепенной нравственной высотѣ, имѣетъ одинаковый нравственный смыслъ. Не только поминаемые нынѣ православ-

ные воины и другие вѣрные сыны отечества, но и Благочестивѣйшій Государь нашъ Императоръ Александръ II, и даже славный предтеча и креститель Господень Іоаннъ животъ свой положили и кровь свою пролили за вѣру и отечество на брани со врагами отечества. Съ другой стороны на всѣхъ на нихъ, конечно, въ разной силѣ, сбылось и священное слово древняго священнаго мудреца, что *праведникъ, если и ускоритъ скончаться, въ покой будетъ; но умирая онъ осудитъ живущихъ нечестивыхъ*. Такъ это сбылось на крестителѣ Господнемъ Іоаннѣ; это же сбывается и на безвременно скончавшемся мученикѣ Царѣ нашемъ, и на православныхъ воинахъ и на всѣхъ вѣрныхъ сынахъ нашего отечества, животъ свой на брани положившихъ.

Нужно ли разяснять, что св. предтеча, ускоривъ скончаться, проливъ кровь свою рановременно, не болѣе какъ около 32 лѣтъ привременной жизни, переселился въ покой и славу жизни вѣчной? Но разяснимъ то, что онъ положилъ животъ свой именно на брани, положилъ не только за вѣру но и за отечество, и умирая безвременно, осудилъ и осуждаетъ нечестивцевъ, которые послѣ него остались въ живыхъ, которые пролили его святую кровь.

Смотрите, какой позоръ! Если бы креститель Христовъ не умеръ своею мученическою смертію, то вѣроятно исторія не назвала бы даже имени какого-то Ирода Антипы. А теперь это лицо вѣковѣчно историческое, правда, но покрытое въ исторіи вѣковѣчнымъ стыдомъ. Чистая же кровь предтечи, какъ вѣчно немеркнущая зарница, освѣщаетъ вѣковѣчно нравственное безобразіе этого Ирода пророкоубійцы. Смотрите, этотъ Иродъ Антипа, сынъ безславнѣйшаго изъ отцовъ, Ирода великаго, тетрархъ, мелкій царь Итуріи и Перей, равнявшійся съ великими современными ему царями развѣ только по порокамъ и злодѣйствамъ,

жалкій властелинъ своей маленькой страны, жалкій трусливый рабъ римскаго цезаря, ѣдетъ туда въ столицу міра Римъ на поклонъ. Обитатель и строитель роскошныхъ дворцовъ въ своей землѣ, тамъ въ столицѣ міра онъ не болѣе, какъ постоялецъ у своего роднаго брата Ирода, Филиппа, который, будучи лишенъ наслѣдства отцомъ, проживалъ въ Римѣ частнымъ человѣкомъ. Тамъ онъ попадаетъ въ сѣти жены своего роднаго брата Филиппа, дочери другаго роднаго брата Аристовула, значить родной своей племянницы Иродіады; или самъ уловляетъ ее въ сѣти разврата. Оба они уже не могли извинить себя увлеченіемъ юности. У Иродіады отъ Филиппа была уже взрослая дочь Саломія. Признательный Филиппу за гостепріимство Антипа платитъ ему тѣмъ, что и окончательно увозитъ у него жену, теперь уже свою наложницу, по родственнымъ связямъ свою родную сестру — невѣстку, свою родную племянницу. Укралъ ли онъ ее или выторговалъ у мужа — брата? Безъ сомнѣнія, было одно изъ двухъ, иначе братъ Филиппъ имѣлъ полную возможность предъявить свои священные и предъ римскимъ судомъ права мужа и отца; но не видно, чтобы предъявлялъ. А братъ Антипа увезъ у Филиппа не только жену Иродіаду, но за одно уже встали и дочь Саломію. Вѣрнѣе всего, что выторговалъ у мужа и отца жену и дочь. Чѣмъ же онъ подкупилъ ихъ самихъ, и ту и другую? Ужели одной нимало не дорогъ былъ мужъ, съ которымъ она уже не мало лѣтъ жила, отецъ ея уже взрослой дочери, а другой даже родной отецъ? Да честь быть наложницей царя, хоть и мелкаго, дороже для жены. Да приманка блистать красотою въ царской роскоши, хоть и въ ложномъ положеніи, дороже для дочери, чѣмъ жить въ честной бѣдности у полу — изгнанника отца. И заблестѣли обѣ яркими кровавыми звѣздами на немеркнущемъ горизонтѣ исторіи. Виро-

чемъ Антипа подкупалъ Иродіаду обѣщаніемъ жениться на ней, не для того конечно, чтобъ освятить бракосочетаніемъ совершенно нечестивый бракъ съ женою отъ живаго мужа — брата, а чтобы только скрѣпить торжественнымъ заключеніемъ брачнаго союза выгоду, за которую продавали себя мать и дочь. У Антипы давно уже была своя законная жена, дочь арабскаго владѣтеля Ареы, сильнаго и грознаго сосѣда. Но у связаннаго чувственностью или интригою Ирода Антипы грѣхъ за грѣхомъ, легкомысліе за легкомысліемъ. Какъ должна была отнестись къ подобному посягательству на священнѣйшія свои права законная жена, царская дочь? Что долженъ былъ сдѣлать въ защиту чести дочери и своей собственной тесть арабскій царь, дочери котораго грозилъ позоръ развода въ угоду вывезенной наложницы? Антипа не думаетъ о томъ. Не думаетъ, сколько крови его подданныхъ прольется за его легкомысленную сладострастную прихоть; не думаетъ, сколько жизней будетъ погублено, сколько благосостояній разрушено, сколько весей и городовъ будетъ уничтожено въ удовлетвореніе мести раздраженнаго тестя его. Дѣйствительно Ареа наказалъ его жестокимъ пораженіемъ и разрушеніемъ городовъ. А развратному малодушному Антипѣ что отъ этого? Развѣ больно? Поражали его подданныхъ, разрушали его подданныхъ. Самъ же Антипа скрылся и пируетъ въ одномъ изъ своихъ раззолоченныхъ дворцовъ, съ своими славными побѣдоносными соратниками.

Конечно, и туда доходилъ до слуха развратнаго мелкаго тирана глухой ропотъ его подданныхъ. Но выдавался надъ всѣми одинъ громкій голосъ, который терзалъ его совѣсть и не хотѣлъ умолкнуть. То былъ голосъ предтечи Христова. Мы говорили, что предтеча Господень пролилъ кровь свою на брани. Да, то была брань самаго высокаго качества,

брань, въ которой одинъ выходилъ противъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ, противъ очень многихъ, противъ безчисленныхъ враговъ, противъ всего этого растлѣннаго фарисейства, садукейства, противъ несправедливаго, жестокаго, всѣхъ обижавшаго, на всѣхъ клеветавшаго, вѣчно недовольнаго своими оброками тогдашняго военнаго сброда, противъ огрубѣлаго въ своемъ невѣжествѣ и ожестѣніи сердца народа, противъ наконецъ Ирода царя, царя ничтожнаго по могуществу власти сравнительно съ величіемъ римскихъ цезарей, но по жестокости, подозрительности, по коварству равнаго всѣмъ тогдашнимъ деспотамъ. И враги эти вооружены были всякаго рода оружіемъ противъ одного, противъ праведника, пророка, предтечи Господня, который поражалъ ихъ до глубины мозговъ только своимъ громоноснымъ словомъ, который силенъ былъ только своимъ безстрастіемъ, самоотверженіемъ и благодатною помощію до уреченнаго дня. Но какъ только насталъ этотъ уреченный день, какъ только предтеча Господень уготовалъ своею громовою проповѣдію, громовымъ гласомъ въ пустынѣ, нѣсколько уравненный путь грядущему на землю Господу, часъ свѣтенія этого великаго пустыннаго свѣточа прошелъ, а пробилъ часъ погаснуть для земли, чтобъ загорѣться уже для горняго міра. Этотъ самый ничтожный Иродъ Антипа скрылъ этотъ небесный свѣтильникъ сперва во мракѣ темницы. За чѣмъ, за что? За тоже, за свой собственный грѣхъ, за *Иродіаду жену Филиппа брата своего*, — свидѣтельствуется евангеліе, — *потому что женился на ней, потому что Іоаннъ говорилъ Ироду: не должно тебѣ имѣть жену брата твоего* (Марк. 6, 17); за то, что надъ ропотомъ народа царилъ приговоръ пророка о беззаконіи развратнаго сожителства Ирода съ Иродіадою. По взгляду Ирода, такое мужество пророка равнялось преступленію, которое достойно было, по

крайней мѣрѣ, пожизненнаго заключенія въ темницѣ. По взгляду Ирода, пророкъ за это достоинъ былъ даже смертной казни, почему Иродъ и хотѣлъ убить его; если же не убилъ, то только потому, что боялся народа, потому что Іоанна почитали за пророка. Сама же Иродіада, злобясь на него, еще пламеннѣе, еще настойчивѣе желала убить его, но не могла потому, что не попускалъ Иродъ, боясь не только народа, но и самаго Іоанна, его мести, зная, что онъ мужъ праведный и святой; почему и берегъ его, берегъ въ темницѣ отъ своей собственной беззаконной жены. Выходило такимъ образомъ, что Иродъ, заключивъ Іоанна въ темницу, былъ даже правъ съ своей лицемѣрной совѣсти, потому что дѣлалъ даже хорошее дѣло, видите, даже берегъ пророка отъ злобы своей жены. Этого мало. Этотъ великодушный Иродъ удостоилъ Іоанна даже высокой чести сдѣлать его своимъ собесѣдникомъ, доставивъ этимъ и себѣ особаго рода удовольствіе. Между прочими качествами въ характерѣ Ирода была большая доля пока еще не потухшаго, не совершенно охладѣвшаго къ запросамъ души любопытства, которое заставляло его жадно справляться съ истинами религіи, которыя такъ явно нарушались имъ въ его обыденной жизни. Онъ сталъ призывать къ себѣ Іоанна для бесѣды. Подобно новому Іліѣ предъ другимъ Ахавомъ, сосредоточенный и важный пустынножитель являлся безбожно предъ нечестивымъ царемъ. Слова его, слова истины и справедливости, разсужденіе о праведной жизни, умѣренности и будущемъ судѣ, жгучимъ пламенемъ пожирала грубую и ледяную совѣсть царя. Иродъ выслушивалъ пророка съ смутной и слабой надеждой на исправленіе, слушалъ его даже въ сладость; кое въ чемъ даже слушался голоса пророческаго и даже многое исполнялъ по его указанію. Но существовало одно, чего онъ не хотѣлъ, а можетъ

быть, даже увѣрилъ себя, что и не могъ сдѣлать, бросить преступную связь, которая опутала его, или боялся отпустить высокомѣрную, властолюбивую и злобную женщину, которая управляла его жизнію, боясь ея мести. Но нелицемѣрный пророкъ утверждалъ одно: *не должно тебѣ имѣть ее*. Не разъ проводили блѣднаго истощеннаго заключеніемъ и оковами узника до палатъ царскихъ, и хотя онъ былъ твердо увѣренъ, что къ нему питаютъ вражду непримиримую, что его отведутъ снова въ его уединенное заключеніе, что онъ окончательно выйдетъ изъ темницы развѣ только черезъ врата смерти, однакоже онъ не колебался ставить предъ лицомъ опаснаго властелина великое слово: *не должно*. Величайшее мужество въ мірѣ, — высшее всякой боевой храбрости, — такъ какъ на войнѣ люди сражаются поддерживаемые общимъ сочувствіемъ отечества, — величайшее мужество въ мірѣ — это мужество такъ называемое гражданское, когда великій гражданинъ, мудрецъ, священнослужитель, пророкъ говорятъ истину горькую царямъ и царицамъ, горькую народнымъ толпамъ, при общемъ несочувствіи и враждѣ даже до смерти. Потому то храбрость на войнѣ составляетъ явленіе столько же общее, сколько открытое мужество гражданское — явленіе въ обыкновенныхъ людяхъ, безъ помощи благодатной силы, слишкомъ рѣдкое. Но и по этому мужеству болѣе Іоанна предтечи не воста въ рожденныхъ женами. Онъ оказался завершеніемъ мученичества ветхозавѣтнаго и верховнѣйшимъ первоначаломъ христіанскаго. На грани ветхаго и новаго завѣтовъ онъ сталъ за истину Божию даже до крове, какъ передовой ратоборецъ царства Божія.

Смотрите далѣе, этотъ ничтожный Иродъ, будучи царемъ еврейскимъ, держался и вѣроисповѣданія по имени еврейскаго, а въ сущности никакого. Какъ и современные намъ

безысповѣдники, онъ руководствовался не предписаніями религіи, не нравственными правилами, а только модными обычаями и хитрыми лицемѣрными расчетами плыть по теченію. Вотъ онъ и на еврейскую пасху пріѣзжалъ въ Іерусалимъ, но только за тѣмъ, чтобы сдѣлать вѣжливость Пилату, показаться архіереямъ и народу и наругаться надъ Христомъ. Въ сущности онъ былъ хуже язычника, какъ и многіе наши современники. Какъ раболовный поклонникъ гордаго язычества, онъ ввелъ при дворѣ своемъ языческій обычай праздновать день рожденія. Подражая обычаю римскихъ и восточныхъ деспотовъ, онъ въ этотъ торжественный день сдѣлалъ пиршество всему своему двору, всѣмъ своимъ приближеннымъ. Богатство, изысканная архитектура дворцовъ, общее стремленіе Иродовъ выставить себя напоказъ, служили достаточнымъ ручательствомъ того, что на этомъ пиру не было недостатка ни въ чемъ, что только могли выставить роскошь и царская представительность. Достаточно сказать, что этотъ пиръ, безъ сомнѣнія, былъ похожъ на тѣ ужасныя оргіи, которыя согласовались съ развратными обычаями римской имперіи того времени и соединяли въ себѣ римское обжорство съ греческою чувственностью. Но коварная Иродіада задумала при этомъ угостить царя неожиданнымъ и возбуждающимъ страсти удовольствіемъ,—зрѣлищемъ, которое должно было восхитить такихъ гостей, какъ иродовы. Танцовщики и танцовщицы были тогда въ большемъ ходу, и танцы нерѣдко сопровождались безстыдными пантомимами—представленіями. Настоящій роскошный праздникъ не былъ бы полонъ, если бы не кончился роскошью подобнаго возбудительнаго зрѣлища. Между тѣмъ Иродіадѣ нужно было усыпить колеблемую проповѣдью пророка совѣсть Ирода и возжечь холодѣющее къ ней съ лѣтами и возрастающими затрудненіями сердце

царя. И вотъ мать вводитъ въ безнравственный заговоръ свою родную дочь, допустимъ, что и не объясняя ей своихъ тайныхъ цѣлей. Когда пиръ приходилъ къ концу, когда гости уже насытились и напились, Саломія, дочь Иродіады, тогда еще цвѣтущая молодостью и красотою, исполнила театральнѣйшій танецъ предъ собраніемъ этихъ иродовыхъ гостей. *Она вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшимъ съ нимъ.* Иродъ же, какъ новый Ксерксъ, въ чаду пьянаго удовольствія, при восторгахъ пресыщенной пьяной толпы пирующихъ, клянется развращенной дѣвицѣ дать ей все, чегобъ она не попросила, даже до полуцарствія,—до половины царствія, которое неравнялось нашему уѣзду.

То естественно, что дочь бѣжитъ къ матери спросить, чего просить. Но можно подозрѣвать, что она предчувствовала пока еще невысказанную ужасную просьбу матери и уже напередъ готова была послужить орудіемъ этого ужаса. Мать давно уже задумала умертвить пророка предтечу, да только не могла и, вѣроятно, не разъ высказывала свою ярость, свои угрозы противъ св. предтечи. Вѣроятно дочь угадывала завѣтную думу матери; могла слышать даже ея угрозы, и по всему видно, сочувствовала ея убійственному замыслу. Но вотъ мать дѣйствительно диктуетъ свою ужасную просьбу своей единственной родной дочери, именно просить, въ этомъ счастливомъ для нихъ случаѣ, голову Іоанна Крестителя. И за что? За то, что эта святая глава охуждала преступную связь матери въ прошедшемъ и грозила разорвать въ будущемъ,—связь матери, бросившей отца дочери для развратника девера. И мать вводитъ дочь, юную дѣвицу, во всѣ эти мерзости, и вводитъ какъ ужаснѣйшее орудіе къ ихъ защищенію и поддержанію. Вообразите всю глубину этого противо-естественнаго разврата. Хо-

роша мать. Но еще не лучше ли дочь? Развратъ, какъ и все живое на свѣтѣ, извѣстно развивается и растетъ. И вотъ эта обольстительная юность сплѣснуть назадъ въ залу, гдѣ минутою назадъ прелестила всѣхъ своими танцами, и просить,—нѣтъ, не просить, заручившись торжественною клятвою царя, а приказываетъ: *дай мнѣ здѣсь сейчасъ-же, при всѣхъ свидѣтеляхъ твоей клятвы, на этомъ блюдѣ главу Иоанна Крестителя...* Мать говорила: *проси голову Иоанна Крестителя.* А дочь, пылая омерзительнѣйшею ревностью, усиливаетъ просьбу: *сейчасъ же дай здѣсь же на блюдѣ голову...* Назовутъ ее кровожадною? Пусть назовутъ, она не стыдится быть не только кровожадною, а даже людоедкою: *дай здѣсь на блюдѣ...* Что ваши кушавья?! Вотъ пиршественное блюдо, въ моихъ рукахъ!!... Всѣ эти гости, эти заматорѣлые злодѣи—не болѣе, какъ нѣжныя дѣти предъ этою прелестною дѣвицею, предъ этою Перовскою древности... *И печаленъ бысть царь,*—говоритъ евангеліе. Ахъ, какая жалость! Ахъ, что вышло изъ этой забавной потѣхи? Впрочемъ, было надъ чѣмъ и серьезно задуматься, и тяжело опечалиться: подлежало учинить возмутительнѣйшее злодѣяніе, убить невиннаго и святаго, раздражить народъ, наконецъ, испортить впечатлѣніе праздника, облить неповинною кровью собственный день рожденія. Можно было глубоко опечалиться не только по чувству правды, еще не вполне угасшему, по страху суда Божія, по страху грозы человѣческой, а даже изъ суевѣрія, изъ боязни кроваво-мрачнаго предзнаменованія въ собственный день рожденія, изъ страха къ этому переходу отъ пира и потѣхи къ пролитію человѣческой крови... Вѣдь это было хуже валтасаровскаго пиршества. Но нечего дѣлать, поклялся, поклялся предъ всѣми совозлежащими. Не измѣнять же царю своей клятвѣ, хотя бы и ничтожному Ироду

Антипѣ, хотябы это и стоило головы человѣку невинному, человѣку общечтимому, святому, праведному, уважаемому самимъ Иродомъ. Ему оставалось выбрать между нарушеніемъ двухъ долговъ: или нарушить вѣрность своему клятвенному слову, или посягнуть на неприкосновенность чужой жизни. Въ первомъ случаѣ пострадало бы его самолюбіе: какъ! Иродъ Антипа поклялся и не исполнилъ. Боже мой! Тысячи обѣтовъ не исполняются. Тотъ же Иродъ Антипа нарушилъ обѣтъ супружеской вѣрности своей законной женѣ! Тотъ же Иродъ Антипа нарушилъ святой долгъ не посягать на чужую жену, на жену своего брата! И нарушилъ и посягнулъ. А чужая голова чего она стоитъ? Отрубить ее—велика важность. Потерять голову Іоанну предтечѣ и подвергнуться насмѣшкамъ ему, Ироду Антипѣ,—какое сравненіе?!? Можноль тутъ задумываться надъ выборомъ?! Да и гости, *совозлежащіе* подсказываютъ болѣе легкій выборъ, болѣе легкій выходъ изъ печальнаго затрудненія. Какъ Пилать впослѣдствіи умылъ руки предъ народомъ, очищая свою совѣсть отъ вины, такъ и здѣсь Иродъ, показавъ видъ печали предъ гостями, самъ Иродъ, самъ царь, опечалился,—чего же больше?! Какое нужно еще удовлетвореніе общественной совѣсти?! Значить чистъ и правъ предъ Богомъ и людьми, поступилъ такъ по необходимости, связавъ себя клятвою. Жаль конечно, истинно жаль. *И печаленъ бысть царь.* Тѣмъ не менѣе, въ ту же минуту онъ послалъ оруженосца въ темницу, и такимъ образомъ, по приказанію развратнаго лукавства, въ угожденіе омерзительной фантазіи безстыдной дѣвицы, топоръ палъ или мечъ просвистѣлъ въ воздухѣ, и голова славнѣйшаго изъ пророковъ была усѣчена. Въ темничной оградѣ одиноко совершилась казнь. У простаго зрителя отнялось бы слово, а исполнитель казни, приближенный къ царю воинъ ору-

женосецъ, усердно исполнивъ отвратительную должность палача, угрюмо вышелъ на свѣтъ, неся за волосы эту святую голову, и во всемъ кровавомъ ужасѣ недавней смерти положивъ на блюдѣ съ царскаго стола, вошелъ съ этимъ кровавымъ блюдомъ въ пиршественную залу и вручилъ его юной царевнѣ танцовщицѣ при Иродѣ царѣ и при всѣхъ. Что ощутилось при этомъ въ сердцахъ, что выразилось на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, гостей, прислуги?... Что почувствовалось въ сердцахъ, что отпечатлѣлось при этомъ на лицахъ по прошествіи этого ужаснаго полу-часа, когда всѣ въ пиршественной залѣ каждую минуту могли и должны были ждать, что прекрасная царевна вотъ-вотъ кинется названному отцу-царю на шею съ истерическими рыданіями и мольбою: «не надо, не надо, отецъ, это ужасно, это нестерпимо?» Но эта прекрасная юность неумолимо выдержала себя, выдержала то, что безъ сомнѣнія было невыносимо для мужскихъ зачерствѣлыхъ сердецъ; быть можетъ, и дрожащими руками, но рѣшительною волею, взяла блюдо съ теплою еще сочившею кровью головою и омерзительно страшная, какъ языческая мегера, какой и свѣтъ другой не видалъ, отнесла ужасную ношу къ своей матери, ужасной матери достойная дочь, омерзительной семьи отвратительный выродокъ.

Скажите теперь, что мы знали бы объ этихъ омерзительныхъ ничтожествахъ, этой Саломіи, этой Иродіадѣ, этомъ Антипѣ, одномъ изъ Иродовъ, достойнѣйшемъ изъ сыновъ своего коварнокроважаднаго Ирода отца, если-бъ они не учинили своего омерзительнаго преступленія? А теперь имена ихъ—подъ клятвою у всего христіанства, пока будетъ существовать христіанство, т. е. до кончины вѣка, да и по кончинѣ вѣка будутъ подѣ проклятіемъ вѣчнымъ, если не умолятъ за нихъ кровь предтечи, какъ кровь Аве-

ля молить за Каина. Такъ то великій праведникъ, ускоривъ скончаться, осудилъ своею смертію живущихъ нечестивыхъ. Но какую пользу принесла его смерть вѣрѣ и отечеству? Да вся жизнь его, запечатлѣнная мученическою кончиною, была служеніемъ истинѣ Божіей, истинной вѣрѣ своего богоизбраннаго народа, истинной вѣрѣ всего будущаго человѣчества. Самая смерть его была ужаснымъ, но высоко—назидующимъ урокомъ, показавъ его народу, до какихъ ужасовъ, до какого развращенія нравовъ, до какого разложенія истинной народной жизни дожилъ этотъ богоизбранный народъ. Не говоримъ о разѣдавшемъ этотъ народъ фарисействѣ, саддукействѣ и т. д. Возмемъ хоть этотъ самый пиръ. На немъ же пировали старѣйшины народа съ царемъ во главѣ. Вѣдь среди этого народа возмощенъ же сталъ такой царь, совершенно чуждый всякихъ доблестей и блиставшій всякими пороками. Вѣдь возмощенъ же сталъ этотъ пиръ цѣлыхъ сотенъ представителей народа съ отрубленною головою на столѣ, на блюдѣ, въ рукахъ у царевны, въ рукахъ у ея матери, для обезпеченія ея возмутительнѣйшаго кровосмѣшенія! И никто изъ этихъ сотенъ, изъ этихъ тысячъ представителей подавленнаго народа не сказалъ ни слова противъ такого смѣшенія вопіющихъ злодѣйствъ, противъ такого омерзительнаго зрѣлища на самомъ пиру, въ царскомъ дворцѣ, въ день рожденія царя. Очевидно было для всѣхъ, имѣющихъ очи видѣти, что уже сѣкира при корени сего народнаго древа лежитъ. Оставалось только срубить его и сжечь, какъ неплодное на добро. Съ другой стороны святая кровь предтечи стала святымъ сѣменемъ христіанскаго мученичества, сѣменемъ, изъ котораго выросло новое древо истинной церкви Божіей,—древо къ которому привились многія вѣтви и тогдашняго плотскаго Израиля. Не исчерпаешь глубины судебъ Божіихъ.

Не можемъ ли, не должны ли мы сказать нѣчто подобное же и о нашемъ мученикѣ — царѣ? Онъ умеръ за вѣру, — это всего яснѣе видно изъ того, что онъ убитъ невѣрными, злодѣями, которые отреклись отъ Бога и отъ Христа и отъ свято-отеческой вѣры. Онъ умеръ за отечество? Да, умеръ какъ царь, стоя на ногахъ, исполняя свой царственный долгъ, сохраняя свое царственное положеніе, дѣлая въ послѣднюю минуту дѣло царственного милосердія, отечески озаботившись горькою участью тутъ же у ногъ его положившихъ животъ свой за царя. Умеръ, какъ первый подвижникъ ратоборецъ своего царства. Вѣдь если бы онъ хотя тысячною долею походилъ на какого либо Антипу, по робости, по чувству самохраненія, онъ ускакалъ бы. Это было легко; это было даже должно потому, что царь обязанъ хранить свою жизнь для покоя и блага народа. Но онъ взглянулъ прямо въ лицо смерти, давно зная, какъ оказывается, что часъ его скоро пробѣдетъ, что дни его сочтены. Нужно ли нашей вѣрѣ разъясненіе, что онъ наслѣдовалъ вѣчный покой въ небесной славѣ, когда мы не видѣли и не знаемъ болѣе трогательной, болѣе величественной, болѣе прекрасной смерти царей, даже христіанскихъ царей? А вотъ что поразительно, — смыслъ дневной париміи, которая и дала намъ мысль для настоящей нашей бесѣды. Эта паримія написана именно на смерть нашего мученика царя. Прислушайтесь.

Праведникъ, если и рановременно умретъ, переселится въ вѣчный покой. Но праведникъ умирая осудитъ живыхъ нечестивыхъ. Оглянитесь назадъ, сколько ужасовъ, сколько нравственныхъ безобразій, привела въ сознаніе, вписала въ исторію человѣчества, невинно — пролитая кровь предтечи, или невинно — пролитая кровь Богочеловѣка Христа? Думаете ли вы, что и кровь нашего мученика царя не впишетъ

въ исторію кровавыми чернилами нравственные безобразія нашего вѣка и народа, нашего поколѣнія, нашей такъ называемой интеллигенціи? Безъ этой мученической кончины эти безобразія, конечно, предстали бы суду Божию; но вѣроятно, болѣе или менѣе укрылись бы отъ суда исторіи. Теперь же исторія нашего поколѣнія будетъ горѣть не только доблестями, не только блескомъ всего того, что сдѣлано великаго и прекраснаго въ прошедшее великое царствованіе, но и кровавымъ блескомъ нашего позора и позора погибелнаго. *Люди увидятъ кончину праведнаго, — продолжаетъ священный мудрецъ, — и уничтожатъ его, но Господь посмѣется имъ.* Господь храни насъ отъ этого Господня посмѣянія. Господь сохрани насъ и отъ слѣдующей угрозы. *И послѣ сего будутъ они безчестнымъ трупомъ и позоромъ на вѣкъ. Въ сознаніи грѣховъ своихъ они предстанутъ на судъ Божій со страхомъ и беззаконія ихъ осудятъ ихъ въ лице ихъ... И раскаяваясь и воздыхая отъ стѣсненія духа, будутъ говорить сами въ себѣ: мы заблудили отъ пути истины и свѣтъ правды не свѣтилъ намъ, и солнце не озаряло насъ. Мы преисполнились дѣлами беззаконія и погибели, и ходили по пустынямъ непроходимымъ, а пути Господня не познали.* Не свѣтитъ ли намъ зарево невинно пролитой крови мученика царя, указывая, что отъ пути истинной вѣры мы заблудили? Что свѣтъ правды не озаряетъ насъ, не смотря на ново-устроенные суды? Что солнце крѣпкой народной нравственности слабо грѣетъ насъ, потухая надъ омраченными головами нашими? Что мы путь Господень забываемъ, а начинаемъ ходить по пустынямъ непроходимымъ, преисполняясь дѣлами беззаконія и всенародной погибели? Что наше маловѣріе, наша нравственная распушенность, хищничество, развратъ плодятъ и воспитываютъ въ нашихъ дѣтяхъ тысячи Саломій, готовыхъ на всякую

мерзость, довольно уже готовых потребовать, положить на блюда и если не самим съѣсть, то выкинуть кому либо на съѣденіе наши собственные головы. Тяжко слово, а въ какой степени оно ложно? Вотъ вопросъ. Потому что *если съ зелеными древами такъ поступили, то съ сухими что будетъ?* Если не пожалѣли крови благодушнѣйшаго и благотворнѣйшаго изъ царей, то пожалѣютъ ли другихъ? Въ зернѣ, которому Богъ пока не даетъ развиться, это вѣрно. Тревожное время.

И не только мученика царя, но и всѣхъ воиновъ безвременно пролитая кровь вопіетъ отъ земли на небо, вопіетъ противъ зла, за которое они побиты; вопіетъ противъ зла, если таковое подвигло ихъ на кровавое побоище, если подвигло ихъ туда чужое честолюбіе или вредная для отечества, для высшей правды политика; вопіетъ, чтобы правда Божія стерла неправду человѣческую съ лица земли и отплатила нечестію, невинно, безвременно пролившему кровь ихъ; вопіетъ, вознося тысячи тысячъ воплей къ престолу Бога Вседержителя: *доколь, Владыко святой и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли* (Апок. 6, 10)?

Помолимся объ упокоеніи духа ихъ въ обителяхъ небесныхъ, чтобы кровь ихъ, кровь побитыхъ нашихъ братьевъ Авелей вопіяла къ правдѣ, милости и премудрости Божіей о спасеніи нашемъ и очищеніи русской земли отъ сѣмени и племени Каиновъ, чтобы наши внутренніе враги не помогали нашимъ внѣшнимъ врагамъ въ стремленіи втоптать насъ въ прахъ земной, для удобренія нашей обширной земли, на которой они будутъ сѣять для себя хлѣбъ, котораго теперь имъ не достаетъ, отчего они и грызутъ свои зубы на насъ. Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день воздвиженія честнаго и животворящаго креста.

Четвероконачный міръ днесь освящается четверочастному воздвизаему твоему Кресту, Христе Боже нашъ, и роизвѣрнаго совозносится Императора нашего, тѣмъ и враговъ сукрушаемъ роиз...

Мнѣ желательно исполнить предъ вами и для васъ трудную задачу, — изобразить, въ возможно краткихъ чертахъ, міровое значеніе празднуемаго нынѣ событія, воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, значеніе именно міровое, а не премірное, — значеніе, какое имѣло это событіе для міровой, для здѣшней, земной и временной жизни человѣчества, насколько эту жизнь можно отдѣлить отъ жизни премірной, загробной, неземной, таинственно-духовной.

Съ одной стороны орудіе казни, символъ гоненія, а съ другой стороны орудіе нравственнаго и умственнаго возрожденія, всесторонняго обновленія и переустройства міра, Крестъ Христовъ, сокрытый подъ спудомъ на горѣ Голгофѣ, подъ слоемъ земли и остатковъ разрушенія Іерусалима, былъ образомъ первобытнаго состоянія христіанскаго міра. Религія древняго міра и жрецы, законы и блюстители ихъ,

обычай и воспитанный на нихъ народъ, весь государствен-
ный строй и его охранители, чувствуя въ христіанствѣ
свою гибель, единодушно напрягали тогда всѣ свои усилія,
чтобы раздавить его въ прахъ, чтобы смести его съ лица
земли. Вслѣдствіе этого христіанство вынуждено было, съ
своимъ именемъ, своимъ исповѣданіемъ, своими священно-
дѣйствіями, съ новыми зачатками своего общественнаго
строя, скрываться въ горахъ и вертепахъ и пропастьхъ
земныхъ. Тѣмъ не менѣе движимое своимъ предопредѣлені-
емъ, подкрѣпляемое Божіею благодатію, всасывая въ себя
лучшія, самыя крѣпкія силы дряхлѣющаго древняго міра,
христіанство быстро, хотя и прикровенно, заплотняло не
только города, но и веси, и обратно не только веси, но и
тщательно оберегаемые города, даже столицу цезарей, отъ
хижины и пещеръ и до цезарскихъ дворцовъ, во всей тог-
дашней вселенной, отъ Индіи и Египта и до Испаніи, до
Гибралтара. Такъ, что Константинъ великій, опершись на
эту, пока еще непризнанную, но уже великую въ настоя-
щемъ, особенно же въ своемъ будущемъ силу, Крестомъ
Христовымъ покорилъ подъ ноги свои всѣхъ враговъ своихъ
и сталъ единодержавнымъ властителемъ — императоромъ
всего тогдашняго, уже стремившагося къ распаденію рим-
скаго царства.

Когда же мать царя Константина, святая равноапостоль-
ная царица Елена извлекла животворящій Крестъ Христовъ
изъ-подъ спуда и руками архіерейскими воздвигла его на
Голгоѣ, теперь уже не для позора міру, а для поклоненія,
— съ тѣхъ поръ человѣчество, со всѣхъ концовъ міра, уст-
ремилось уже необязанно и открыто, сердцами и мыслями,
очами и стопами къ священному востоку и святому граду
Іерусалиму, къ подножію спасительной Голгоѣ, и все по-
верглося долу у подножія животворящаго Креста. Вмѣстѣ

Вмѣстѣ съ воздвиженіемъ Креста, воздвиглись изъ подъ
спуда и священное имя Христа и Его послѣдователей хри-
стіанъ, и исповѣданіе Христовой вѣры, и совершеніе хри-
стіанскихъ священнодѣйствій съ христіанскими храмами и
церковными уставами, и христіанская іерархія съ ея чино-
положеніями, канонами и дѣйствующими правами. Воздвиг-
шись на Голгоѣ, Крестъ Христовъ вмѣстѣ съ тѣмъ воз-
двигся, какъ украшеніе, какъ руководственное и спаситель-
ное, охранительное, укрѣпляющее и побѣдное знаменіе, на
челахъ и персяхъ всѣхъ вѣрныхъ, въ почетныхъ углахъ
и на фронтонахъ домовъ, на главахъ храмовъ и царскихъ
дворцовъ, на могилахъ, гробницахъ и мавзолеяхъ, на пло-
щадяхъ и распутіяхъ, на знаменахъ государственныхъ и
воинскихъ, на царскихъ скипетрахъ и коронахъ. Выше воз-
нестись на землѣ онъ уже не могъ. Вознесенный на нако-
нечникъ копья, пронзающаго пасть дракона, Крестъ Госпо-
день сталъ съ тѣхъ поръ символомъ побѣды христіанства
надъ язычествомъ, сталъ государственнымъ гербомъ сперва
восточной римской имперіи, а затѣмъ по преемству и рус-
скаго царства. Въ то же время, вслѣдъ за воздвиженіемъ
Креста на Голгоѣ, не подъ спудъ сокрылись, а совершенно
стерлись съ лица земли и религія древняго языческаго мі-
ра, съ ея культомъ и служителями, и тѣсно связанный съ
религіею древній государственный строй, съ его великими
первосвященниками въ лицѣ Августовъ императоровъ, съ
его сенатомъ отцами сенаторами, съ его авгурами и ав-
спиціями, съ его богами въ лицѣ живыхъ и отходящихъ
изъ сего міра властителей, съ его пантеономъ боговъ и бо-
гинь, покровителей и покровительницъ отдѣльных народ-
ностей, областей, городовъ и разнообразныхъ проявленій го-
сударственной жизни, войны, правосудія, мудрости и т. д.
Скоро по воздвиженіи Креста, стерлись съ лица земли, из-

чезли изъ живой практики, исключены изъ жизни, оставшись только памятникомъ исторіи, не только древнія философскія системы, но и самыя общественныя законы съ ихъ принципами, оставивъ въ наслѣдіе новому христіанскому міру изъ своихъ многовѣковыхъ выводовъ только то, что въ нихъ было согласнаго съ началами Христова евангелія; все же несогласное съ ними исчезало изъ законодательныхъ кодексовъ постепенно, но неуклонно, какъ исчезаетъ тѣнь при постепенномъ, но неустрашимомъ прониканіи во всѣ темныя углы дневнаго солнечнаго свѣта. Упорѣе всего изъ остатковъ язычества отстаивали свое существованіе языческіе нравы, потому что они неразрывно были связаны съ обоженными въ язычествѣ немощами и страстями человѣческаго сердца, изъ котораго вырвать ихъ трудно. Но и тѣ быстро потеряли свой старый характеръ ободряемой языческимъ послабленіемъ или даже освящаемой обоженіемъ обаятельности, а приняли напротивъ свой настоящій истинный характеръ слабостей и пороковъ, преступленій и злодѣяній, осуждаемыхъ законами правды не только божеской, но и человѣческой, которая въ свою очередь теперь обосновалась на евангельской же правдѣ.

Скоро, по воздвиженіи Креста Христова, древній Римъ, обремененный массою важнѣйшихъ памятниковъ древне-языческаго государственнаго строя, изъ-подъ которыхъ теперь уже выдвинуто было ихъ основаніе, т. е. древняя языческая религія, — древній Римъ послѣ этого сейчасъ же рухнулъ, чтобъ уже никогда не возстать въ древней формѣ языческаго быта и культа. Движимыя провидѣніемъ, тогда же надвинулись на Римъ густыя массы варваровъ, чтобъ быть новыми мѣхами, въ которые влито новое вино новаго евангельскаго ученія, коренной основы новаго уклада жизни. А сердцевиною не разрушеннаго, но обновленнаго стараго

міра, съ того времени явился Римъ новый, Римъ окрещенный равноапостольнымъ Константиномъ, и получившій по крещеніи христіанское имя Константинополь, по имени своего крестнаго отца царя Константина. Долго было бы говорить о томъ, какъ христіанство, постепенно проникая во всѣ изгибы жизни, налагало свой отпечатокъ если не на всѣ обнаруженія духовно-нравственнаго строя, то, по крайней мѣрѣ, на всѣ проявленія вѣшняго церковно-гражданскаго быта новыхъ западно-христіанскихъ народовъ. Развитіе юныхъ окрещенныхъ въ христіанство народовъ въ западной половинѣ древней римской имперіи разнилось отъ устройства старыхъ населеній восточной ея же половины именно тѣмъ, что въ западной половинѣ росли и мужали, подъ влияніемъ христіанства и мѣстныхъ условій, народы именно юные, младенчествующіе, а въ восточной половинѣ переустроивался народъ именно старый, греко-римскій. Этотъ народъ походилъ, весь въ совокупности, на стараго человѣка, который уже послѣ долголѣтней жизни въ язычествѣ принялъ святое крещеніе, въ соотвѣтствіе тому какъ и дѣйствительно въ тѣ вѣка принимали крещеніе большею частію люди старые, или даже предъ самою смертію, какъ на примѣръ самъ равноапостольный царь Константинъ. Произнесши въ крещеніи обѣты жизни новой христіанской, этотъ уже одряхлѣвшій народъ отрицался отъ всѣхъ дѣлъ, отъ всего культа—служенія, отъ всея помпы—гордыни язычества, и во всѣхъ слояхъ своихъ усиливался преобразоваться, хотя уже и поздно по обще-народной устарѣлости, согласно воспринятому идеалу христіанства; въ лучшихъ же людяхъ бѣжалъ въ пустыни и въ монастыри оплакивать всенародныя грѣхи юности и языческаго невѣдѣнія. Но не смотря на всѣ свои усиленные стремленія къ нравственному перерожденію, въ духѣ христіанства, какъ на-

родъ уже изжившій, онъ болѣе и болѣе дряхлѣлъ, мало по малу терялъ члены своего разлагающагося политическаго тѣла, наконецъ изнемогъ и какъ политическая единица умеръ подъ послѣдними смертельными ударами побѣдоносныхъ враговъ. Тѣмъ не менѣе и съ другой стороны, возрожденный въ купели крещенія, онъ приобрѣлъ отъ Божіей благодати столько внутренней силы, что послѣ крещенія своего, по паденіи древняго Рима, просуществовалъ государственною единицею еще тысячу лѣтъ, выдержавъ тысячи ударовъ со стороны многочисленныхъ и грозныхъ враговъ; уже въ это бѣдственное время своей политической агоніи, до паденія Константинополя, блестѣлъ еще на весь миръ обаятельною славою своего Царяграда; и даже по паденіи Царя-града, уже потерявъ свою политическую самобытность, удержалъ самобытность и фizioномію народную даже до сего дня, въ ожиданіи отъ милости Божіей дальнѣйшихъ своихъ судебъ, новаго возрожденія и обновленнаго бытія.

Этотъ старый, нѣкогда высоко-образованный, христіанскій, православный греческій народъ, вѣдѣніемъ Промысла, сталъ не только воспріемникомъ отъ купели и крестнымъ отцомъ, но и дѣйствительно духовнымъ нѣстуномъ и наставникомъ младенчеству русскаго народа. Плотскими родителями этого дитяти нужно считать древнихъ славянъ, изстари расселившихся отъ устьевъ Дуная до устьевъ Волхова и Одера, а дѣдами Арійцевъ, жившихъ нѣкогда за Каспіемъ въ глубинахъ Азіи. Временемъ нашего политическаго рожденія было образованіе русскаго государства чрезъ водвореніе среди русскихъ славянъ Рюрикова рода. А св. крещеніе русскій народъ, какъ извѣстно, принялъ при равно-апостольной княгинѣ Ольгѣ и внукъ ея равно-апостольномъ Владимірѣ, проживъ послѣ своего рожденія до крещенія младенчествующею государственною особою всего около

столѣтія. Крещеніе св. Ольги патріархомъ Поліевктомъ и воспріятіе ея отъ купели греческимъ царемъ Константиномъ Багрянороднымъ было прообразомъ того, что греки станутъ крестителями всего русскаго народа, станутъ всенародными нашими крестными отцами, воспріемниками отъ купели крещенія, нашими огласителями, наставниками и руководителями въ Христовой вѣрѣ. И дѣйствительно духовными нѣстунами нашей юности были они съ начала русской исторіи въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, выработавъ въ насъ тотъ складъ нравовъ и обычаевъ, основныхъ понятій и міровоззрѣнія, уставовъ и законоположеній, общественнаго строя и распорядка, который лежитъ въ глубочайшей основѣ православнаго русскаго царства даже до нынѣ. Отъ православнаго греческаго царства приняли мы святую Библію и богослужебныя книги, церковныя и монастырскія уставы, іерархію и первыхъ учителей, азбуку и церковныя ноты, церковное пѣніе и иконопись, архитектуру и металлургію, Четь-Минеи и прологи, апокрифы и легенды, номоканонъ и кормчую, лѣтописный методъ и дворскія чины, вѣнецъ Мономаха и державу со скипетромъ, чинъ помазанія на царство и государственный гербъ. Здѣсь-то и заключаются коренныя основы русскаго царства, государственнаго строя и народнаго русскаго міровоззрѣнія.

Конечно, древняя языческая религія уступала христіанству свое мѣсто, въ сознаніи и правахъ русскаго славянства, не безъ долгой борьбы. Смутная, неопредѣленная, не упорядоченная, не разграниченная, но наслѣдованная, отъ глубокой старины, отъ отцовъ и дѣдовъ, и потому прирожденная славянскому духу и сросшаяся съ нимъ славянская мифологія упорно отстаивала свое бытіе предъ натискомъ новыхъ христіанскихъ идей. Тѣмъ не менѣе, защищаясь, она или совершенно очищала свое мѣсто или сливалась съ

новою вѣрою христіанскою. Поэтому, въ первые вѣка по крещеніи Руси, въ нашемъ народѣ рѣзко кидается въ глаза народное двувѣріе; въ духѣ народа сказывались повѣрія языческія и вѣра христіанская, строй жизни языческой и нововозникающій христіанскій. Христіанство съ своимъ строемъ постепенно побѣждаетъ. Мѣстическіе боги мало по малу уступаютъ мѣсто Богу единому и святымъ Его, жрецъ и волхвъ священнику и монаху отшельнику; древнее круговое вѣче, не принесшее порядка великой и обильной русской землѣ, склоняется предъ велѣніями князя, предъ верховною волею великаго князя, наконецъ предъ единодержавіемъ и самодержавіемъ царя, богоизбраннаго помазанника Божія. А въ концу эпохи нашихъ царей, русская жизнь отлилась въ такое единство формы по единству принципа, въ какомъ не была ни прежде ни послѣ этой эпохи. И это единство формы и принципа было церковно-христіанское, имѣвшее свой прототипъ въ древней греческой византійской имперіи, а еще прежде въ библейскомъ израильскомъ царствѣ при первыхъ славныхъ его царяхъ. Въ православной церкви все, отъ русскаго царя до послѣдняго простолюдина, искали основъ мудрости, нравоученія, законодательства, эстетики, распорядка жизни, которая вся и распредѣлилась по церковнымъ праздникамъ и днямъ святыхъ,—вся и укладывалась по предписаніямъ церковнаго устава.

Такъ было до великаго преобразователя Петра I. Великій умъ, великій характеръ, этотъ великій императоръ былъ виновникомъ не только быстраго движенія организаціи, развѣтвленія, широкаго многосторонняго развитія, но и раздвоенія русской жизни. Со времени его реформы, рѣзко обозначились въ Россіи два направленія: свѣтское и церковное. Двинутое его мощною рукою, приближеніе Россіи къ Запа-

ду, которое принесло намъ неисчислимыя выгоды въ смыслѣ государственнаго народнаго развитія,—оно же естественн^о привело съ собою и свою односторонность, и свои крайности, странно развивающіяся уже на русской почвѣ. Цивилизація Запада, бывшая тамъ естественнымъ плодомъ великихъ крайностей и переворотовъ, именно плодомъ поглощенія всѣхъ проявленій жизни церковностію, плодомъ обмирщенія церкви, плодомъ деспотизма папской власти и упадка этой власти, плодомъ реформаціи, сокрушившей вѣковыя основныя формы церковности, плодомъ наконецъ французскаго вольномыслія, готоваго породить революцію, готовую въ свою очередь разгромить вѣру и церковь Христову,—цивилизация Запада пересадила къ намъ разнородныя свои произведенія, съ хорошими и худыя. Но тѣ и другія, какъ пересадки на нашей почвѣ, какъ сроднившіяся съ почвою и климатомъ на чужбинѣ, стали приносить у насъ плоды скороспѣлые. Вспомнимъ это туго прививающееся къ намъ солидное образованіе, а съ другой стороны вспомнимъ это модное преклоненіе всего, что у насъ было высшаго, предъ французскою мудростію, процвѣтавшею отъ эпохи великаго короля Людовика XIV и до паденія великаго императора Наполеона I. Перерожденіе этого вольномыслія изъ вольныхъ словъ въ вольный духъ, рѣзкое, хотя пока и ограниченное, обнаруженіе мятежныхъ идей и на Руси вынудило сдержать развитіе русской жизни крѣпкою рукою въ два предпослѣднія царствованія. Въ настоящее же царствованіе великій преобразователь русской жизни, благодушный Императоръ Александръ II, освободитель народовъ, далъ небывало-широкій просторъ развитію народному,—и при какихъ обстоятельствахъ далъ!

Мыслящимъ людямъ нужно имѣть въ виду, что духъ народовъ крѣпко измѣнился даже съ конца прошлаго сто-

лѣтія. Европейская реформація въ свою пору стояла еще на почвѣ незыблемой вѣры во всю библейскую и евангельскую исторію. Въ эпоху революціи отрицаніе было пока еще порожденіемъ только французскаго легкомыслія, остроумія, острословія и легкаго философствованія. Но къ нашему времени выводы энциклопедической философіи XVIII вѣка, повидимому, подтверждены экспериментальными выводами не только новѣйшей философіи, но и исторіи, и археологіи, и филологіи, и геологіи, и всякихъ естественныхъ наукъ. А этими выводами отрицаются самыя коренныя традиціонныя понятія о происхожденіи міра и человѣка, о началѣ зла въ мірѣ и смерти, о паденіи и искупленіи человѣка, о нравственномъ его значеніи и назначеніи, и т. д. Волѣдствие напора этихъ новыхъ идей, измѣняется сознание, измѣняется умъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и духъ народовъ; и этотъ духъ, этотъ умъ не есть Христовъ духъ, не есть умъ Христовъ,—не есть народный русскій духъ и умъ. Въ плоть и кровь народовъ изъ обще-народной атмосферы всасывается—не скажу—зараза, но всасываются новообразующіеся элементы, которыхъ прежде не было въ духовной атмосферѣ, не было и въ духѣ человѣчества. Этими новыми элементами отталкивается, исключается, отрицается прежній вѣковѣчный строй общечеловѣческаго духа. Примирить новые элементы съ старыми, въ ихъ крайностяхъ, повидимому, не предстоитъ никакой возможности. Обще-народный духъ теперь есть вмѣстилище контрастовъ, какихъ въ такой силѣ не сказывалось въ немъ прежде никогда. Настоящее духовное состояніе народовъ отчасти похоже только на состояніе обще-человѣческаго духа предъ пришествіемъ и скоро по пришествіи Христа на землю. И тогда, какъ теперь, духъ человѣчества представлялъ борьбу рѣзкихъ противоположностей. Но разница тогдашней

борьбы отъ современной заключается въ томъ, что духъ человѣческій тогда нудился оставлять низшія матеріалистическія стремленія и избирать высшія, идеальныя, духовныя. Первые тогда вымирали въ духѣ, а послѣдніе возрождались, крѣпли и мужали. Оттого тогда духъ человѣческій мчался впередъ съ восторгомъ, теперь же онъ глядитъ впередъ съ мрачнымъ отчаяніемъ. Отъ этой мрачной и жестокой борьбы въ обще-человѣческомъ духѣ и происходятъ тѣ пока единичныя, но неимовѣрно рѣзкія явленія, которыя потрясаютъ всѣхъ трепетомъ и ужасомъ за грядущее будущее... Химическая борьба нововстрѣчающихся элементовъ въ природѣ всегда и вездѣ производила вулканы и взрывы, землетрясенія и катаклизмы. Такъ и въ духѣ, борьба новобра-зующихся элементовъ всегда сопровождалась потрясеніями.

Что же дѣлать?

Этимъ потрясеніямъ всегда и вездѣ предшествовалъ и сопутствовалъ переворотъ идей. Переворотъ идей въ наше время совершается громадный и, по моему глубокому убѣжденію, глубоко безотрадный. Ново-надвигающимся міросозерцаніемъ человѣческое сознаніе нудится глядѣть въ бездну ничтожества сзади, въ бездну-же ничтожества и вперед. Отсюда берутъ свое начало всѣ выводы новѣйшей отчаянной морали и социологіи. Корень зла въ умѣ; тамъ-же въ умѣ, въ сознаніи, въ убѣжденіяхъ, въ идеяхъ нужно искать и лекарства противъ надвигающагося зла. Уровень нравственности въ человечествѣ теперь пока не ниже, чѣмъ былъ когда либо. Но убѣжденія понижаются; но христіанскіе обычаи падаютъ; но разрушаются уставы положительной религіи. Это пониженіе идетъ отъ высшихъ интеллигентныхъ слоевъ и спускается до самыхъ приземистыхъ. Скажите, что осталось въ нѣкоторыхъ кругахъ общества изъ обычаевъ благочестивой старины, изъ предписаній по-

ложительнаго христіанства, изъ установленій и преданій нѣкогда глубоко чтимой на Руси церковности? Думаютъ-ли, что это духовное перерожденіе руководящихъ круговъ, это вырожденіе свято-отеческаго духа не имѣетъ связи съ тѣми погибельными крайностями, которыя грозною молніей начинаютъ перебѣгать по закраинамъ общественнаго горизонта? Не забываемъ ли мы уроковъ, преподанныхъ намъ исторіею древности, что какъ палъ старый религіозный духъ отцовъ, — то и высокое образованіе и высокій государственный строй потомковъ не спасли отъ упадка и паденія ни Греціи, ни Рима, выросшихъ на духѣ предковъ? Не подрываемъ ли и мы корни дерева, усаживаясь на его вѣтвяхъ? «Горе міру отъ соблазновъ», — предостерегаетъ Христосъ. «Нужда соблазнамъ пріити. Обаче горе человѣку, имъ же соблазнъ приходитъ. Кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, тому лучше повѣсить камень на шею и потонуть въ пучинѣ морской». Нужно оберегать малыхъ сихъ (*) отъ легкихъ мыслей, съ которыми они безсильны будутъ совладать. Нужно и болѣе крѣпкимъ умамъ, съ крайнею заботливостію, съ крайнею почтительностію, беречь общенародное, историческое, христіанское убѣжденіе, и не выказывать ни тѣни презорства къ религіи и ея уставамъ. Нужно намъ русскимъ крѣпко учиться, нужно углубляться въ выводы современной науки, нужно терпѣливо ждать, пока наиболѣе крѣпкіе умы соберутъ достаточно данныхъ для примиренія новыхъ научныхъ выводовъ съ коренными завѣтами отцовъ, съ вѣковѣчными задачами и требованіями христіанскаго сердца. Нужно помнить, что Христовъ духъ былъ всегда духомъ нашего народа, что упадокъ этого духа будетъ паденіемъ народа; что на силъ этого духа почиваетъ сила царства и царскаго престола, что къ

(*) Произнесено въ церкви мужской гимназіи, въ 1877 г.

силъ Христова Креста мы всегда прибѣгали въ годину всякаго обще-народнаго испытанія, и эта сила всегда выручала насъ изъ бѣдъ, до самаго послѣдняго времени; что слово крестное было и есть юродство для погибающихъ, а для насъ спасаемыхъ Богомъ сила Божія есть. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день воздвиженія честнаго и животворящаго
Креста.

Днесь сажденіе животное отъ земли изъ не-
исходимыхъ нѣдръ происходитъ; на немъ при-
вожденнаго Христа извѣствуетъ воскресеніе, и
воздвизаемое руками священническими, того на
небеса возпѣваетъ созношеніе, и мѣже наше
смышеніе, отъ еже на землю паденія, на небе-
схъ жительствуетъ. Тѣмъ же благодарственнѣ
возопѣмъ: Господи, вознесыйся на немъ, и тѣмъ
совознесый насъ, небесныя твоя радости спо-
доби, яко челоуколюбче.

Стихира.

Откуда этотъ обычай воздвиженія креста, странный обы-
чай, по взгляду полуневѣровъ, или даже и вѣрныхъ, но не-
доумѣвающихъ?

Обрядъ воздвиженія въ уставѣ церковномъ предписы-
вается такъ: «вземъ настоятель честный крестъ, со благо-
вонными васильками (вообще цвѣтами), на подножіи креста
обложенными, станетъ предъ аналогіемъ, зря къ востокомъ.
И діаконъ возглашаетъ велегласно во услышаніе всѣмъ:
помилуй насъ Боже по величій милости твоей, молимся

Тебѣ, услыши насъ Господи и помилуй, рцемъ вси. И на-
чинаемъ (пѣти) первую сотницу: Господи помилуй (сперва)
50, знаменуящу настоятелю въ началѣ честнымъ крестомъ
трижды. Таже (настоятель) приклоняетъ главу, елико пядію
отстояти главѣ отъ земли, и по малу воздвизается горѣ,
даже до скончанія втораго 50-ти Господи помилуй. Насто-
ятель же, прямо стоя и конца сотницы ожидая, знаменуетъ
крестомъ наки трижды. Таже обращается къ западной стра-
нѣ, къ полуденной и сѣверной, и напоследокъ опять къ
востоку, творя подобное же, при особыхъ только возглаше-
ніяхъ первенствующаго діакона.

Видите, что обрядъ воздвиженія совершается точно такъ,
какъ предписано въ церковномъ уставѣ. Что онъ древній,
за это ручается уже то, что онъ предписывается въ на-
шемъ церковномъ уставѣ, что онъ соблюдается въ нашей
православной восточной церкви; такъ какъ всѣ уставы на-
шей церкви происходятъ отъ древнихъ святыхъ, отецъ и
соблюдались искони вѣковъ отъ первой христіанской древ-
ности.

Но какое значеніе имѣетъ этотъ обрядъ? Во первыхъ
значеніе историческое, служа нагляднымъ воспоминаніемъ
первоначальнаго воздвиженія подлиннаго креста Господня,
обрѣтеннаго равно-апостольною царицею Еленою, матерію
равно-апостольнаго царя Константина великаго, на горѣ
Голгоѣ.

Когда въ лицѣ святаго равно-апостольнаго императора
Константина великаго христіанство воцарилось въ древней
римской вселенной, тогда равно-апостольная мать Констан-
тина, святая царица Елена отправилась на востокъ во свя-
тую землю поклониться мѣстамъ, освященнымъ стопами
Христа Спасителя, и по возможности разыскать памятники,
бывшіе свидѣтелями земной Его жизни. Первымъ предме-

томъ поклоненія и благоговѣйныхъ разслѣдованій благочестивой царицы былъ Иерусалимъ, гора Голгоѳа, пещера гроба Господня и животворящій крестъ, на которомъ Христосъ Господь пролилъ свою животворящую кровь. Къ этимъ разслѣдованіямъ о крестѣ и о прочемъ приступили предварительно посредствомъ распросовъ у іерусалимскихъ старожитовъ; такъ какъ древній, современный Христу Иерусалимъ, по двукратномъ разрушеніи его римлянами, при императорахъ Веспасіанѣ, Титѣ и Адріанѣ, находился въ развалинахъ, такъ что не осталось камня на камнѣ отъ древнихъ построекъ, все было разгромлено и превращено въ массивную грудку мусора и щебня. Приходилось, какъ и до настоящаго времени по мѣстамъ приходится, дорываться до настоящей почвы, на которой стоялъ старый Иерусалимъ, по которой ступали стопы Господа Іисуса Христа и современниковъ Его. О мѣстѣ, гдѣ засыпанъ былъ крестъ, спрашивали не только у христіанъ, но и у евреевъ болѣе свѣдущихъ. Одинъ старый еврей, по имени Іуда, впоследствии принявшій св. крещеніе и нареченный Кириакомъ, по старому преданію, указалъ мѣсто, гдѣ слѣдовало искать креста Христова. Когда на указанномъ мѣстѣ приступлено было къ раскопкамъ, то обрѣтены три креста, одинъ Христовъ, а два, на которыхъ распяты были два разбойника. Подлинный крестъ Христовъ узнанъ былъ по находившейся при немъ дщицѣ съ надписью: *Іисусъ Назорянинъ, царь Іудейскій*, и по цѣлому ряду чудесъ, которыя исторически засвидѣтельствованы, по исцѣленію больныхъ, даже по воскресенію умершаго. Обрѣтеніе животворящаго креста совершилось при патріархѣ іерусалимскомъ Макаріи. Конечно, съ соизволенія святой царицы Елены, крестъ Христовъ, по вынутіи изъ земли и по удостовѣреніи его подлинности, на вершинѣ горы Голгоѳы, въ присутствіи самой императрицы,

при огромномъ стеченіи народа, святымъ патріархомъ Макаріемъ былъ воздвизаемъ вверхъ и внизъ для показанія великой святости всему народу, стекшемуся во множествѣ, и народъ при этомъ въ молитвенномъ восторгѣ и умиленіи восклицалъ едиными усты и единымъ сердцемъ: *Господи помилуй, Господи помилуй*, многократно. Значитъ, вотъ еще гдѣ начало соблюдаемаго въ церкви обряда воздвиженія честнаго и животворящаго креста. При подлинномъ крестѣ Христовомъ обрѣтены самые гвозди, которыми пригвождено было къ нему пречистое тѣло нашего Спасителя. Эти гвозди и часть самаго животворящаго древа равно-апостольная царица препроводила своему сыну св. Константину, который нѣкоторые изъ гвоздей вбилъ въ свой шлемъ, а другіе вковалъ въ свое боевое вооруженіе.

Полагаютъ, что обрѣтеніе подлиннаго креста Господня совершилось въ маѣ 327 г. Вѣроятно, первоначально и празднованіе обрѣтенія установлено было въ самый день обрѣтенія, именно 3-го мая; почему въ западной церкви въ 3-й день мая это событіе и празднуется даже до сегодня. Но съ дня обрѣтенія креста въ Иерусалимѣ, на горѣ Голгоѳѣ, усердіемъ равно-апостольной царицы, предприняты были великія постройки, и во первыхъ построено храма воскресенія Христова, которое и окончено къ 335-му году. Въ сентябрѣ предположено было сей первый по важности въ мірѣ христіанскомъ храмъ торжественно освятить. Къ этому великому торжеству въ Иерусалимѣ созванъ былъ, изъ всѣхъ странъ имперіи, великій соборъ весьма многихъ епископовъ. Самое освященіе храма воскресенія на Голгоѳѣ совершено соборомъ епископовъ 13-го сентября, а 14-го сентября тѣмъ же соборомъ епископовъ постановлено совершать ежегодное празднованіе воздвиженія честнаго и животворящаго креста. Всѣ эти событія, въ разнообразныхъ

подробностяхъ, засвидѣтельствованы писаніями многихъ святыхъ отцовъ и записями исторіи, современными событіямъ, именно писаніями святыхъ Амвросія Медиоланскаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Іерусалимскаго, блаженнаго Іеронима, Павлина епископа Нолы, историковъ Руфина, Сократа, Теодорита, Созомена, Григорія Турскаго и другихъ. Весь свѣтъ тогда зналъ объ обрѣтеніи и воздвиженіи подлиннаго креста Христова, почему и осталось такъ много современнымъ историческимъ записей о такомъ дорогомъ и радостномъ для христіанскаго міра событіи.

Вотъ въ короткихъ, но точныхъ чертахъ исторія праздника и совершаемаго въ оный обряда воздвиженія честнаго и животворящаго креста. Но зачѣмъ въ обрядѣ это пятикратное воздвиженіе креста на всѣ четыре страны свѣта? Зачѣмъ это приклоненіе креста долу настолько, чтобы глава воздвизающаго священно-служителя отстояла отъ земли только на пядь? Зачѣмъ это приклоненіе долу и воздвиженіе вверхъ медленное настолько, чтобы въ каждое изъ пяти приклоненій и воздвиженій пропѣта была цѣлая сотница: *Господи помилуй*? Полагаемъ, хотя и не имѣемъ на это точнаго историческаго указанія, что пятикратное воздвиженіе животворящаго креста на четыре страны свѣта, къ востоку и западу, полудню и сѣверу, установлено въ точное воспоминаніе первоначальнаго воздвиженія, тотчасъ по обрѣтеніи подлиннаго креста Христова. Вѣроятно, при первомъ воздвиженіи святитель Макарій, осѣняя христілюбивый народъ, собравшійся къ Голгоѣѣ тысячами, воздвизалъ крестъ Господень сперва на востокъ, а послѣ на западъ, далѣе на полдень, за тѣмъ на сѣверъ и наконецъ снова на востокъ, изображая самымъ крестообразнымъ воздвиженіемъ крестъ Господень, крестообразно благословляя всѣ четыре страны свѣта, отъ Іерусалима и священной Голгоѣы и до конца

земли. Въ первоначальномъ же воздвиженіи могли имѣть мѣсто какъ доземное, такъ и медленное крестовоздвиженіе. Очень вѣроятно, что святитель Макарій, съ соборомъ священнослужащихъ и царственнымъ сонмомъ, окружавшимъ царицу, стояли на самомъ возвышенномъ гребнѣ священной горы Голгоѣы. Могло быть и то, что патріархъ Макарій, съ однимъ или двумя, вообще немногими священнослужащими, стояли при воздвиженіи и на какомъ либо особомъ искусственномъ возвышеніи, въ родѣ нашего амвона, чтобы крестъ Господень всему многочисленному собранію народа былъ видимъ не только своею вершиною, но и оконечностію, вообще всѣмъ своимъ крестовиднымъ составомъ, который былъ облитъ безцѣнною искупительною кровію распятаго Господа. Могло быть наконецъ и то, что, осѣняя крестовидно крестомъ Христовымъ каждую изъ странъ свѣта, святитель воздвигалъ крестъ Господень въ высоту, елико могъ, и приклонялъ долу самое средостѣніе креста опять же, елико могъ, чуть не до соприкосновенія съ землею или помостомъ возвышенія, совершая все это съ возможно-торжественною медлительностію. А при этомъ наше воздвиженіе будетъ только точнымъ отображеніемъ перваго священнѣйшаго воздвиженія подлиннаго креста Христова, которое и воспоминается въ нынѣшній праздникъ. Надобно еще замѣтить, что для болѣе точнаго сближенія нашего крестовоздвиженія съ первоначальнымъ издревле употреблялись и нынѣ въ великихъ лаврахъ и монастыряхъ употребляются не обычные напрестольные кресты малыхъ размѣровъ, но особо устроенные изъ дерева и довольно большіе, въ родѣ выносныхъ крестовъ, только безъ нижней рукоятки. Эта подробность, какъ и всѣ соображенія приводятъ къ заключенію, что соблюдаемый нынѣ церковію обрядъ крестовоздвиженія, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, сохранился до

нашихъ дней отъ глубокой древности, отъ первоначальнаго воздвиженія подлиннаго животворящаго креста Христова на самой горѣ Голгоѣ.

Но кромѣ того, имѣя древнее историческое священное значеніе, обрядъ крестовоздвиженія носитъ въ себѣ еще священно-таинственное назидательное знаменованіе. И смыслъ этого таинственного знаменованія, данный церковію этому обряду искони, объясняется въ предпоставленной нами своему слову древней церковной пѣсни. *Днесь сажденіе животное отъ земныхъ неизходимыхъ нѣдръ происходитъ; на немъ привожденнаго Христа извѣстуетъ воскресеніе; и воздвизаемое руками священническими, того на небеса возвѣщаетъ возношеніе, имже наше смѣшеніе, отъ еже на землю паденія, на небесѣхъ жительствуетъ...*

Еще въ раю были два прообраза животворящаго древа крестнаго, это древо жизни и древо познанія. То и другое насаждены были въ раю для блага первозданныхъ людей. Древо жизни поддерживало тѣлесное безсмертіе брэннаго по составу человѣка. Въ свою очередь и древо познанія было древомъ не смерти, не зла, даже не искушенія, а именно древомъ познанія. Ибо *Богъ смерти не сотворилъ. Богъ не есть искушитель на зло, и не искушаетъ никого.* Упряжняя благую волю человѣка въ добрѣ, въ вѣрѣ, въ воздержаніи, въ терпѣніи, въ духовномъ искусствѣ, въ упованіи и прежде всего въ любви къ Богу и небу, древо познанія должно было воздвизать человѣка на высоту духовную, небесную, къ возрастанію въ разумѣ божественномъ, къ познанію богоподобному, вообще къ богоуподобленію, но воздвизать постепенно, не безъ начертанной Творцемъ медлительности. Къ несчастію человѣкъ, въ нетерпѣніи возгорѣвшейся чувственности и гордости душевной, воздвигся на Бога, воздвигъ преступную руку свою къ запрещенному

плоду скороспѣлаго познанія добра и зла, воздвигся, воздвигъ и палъ. Палъ быстро и глубоко, глубоко такъ, что для воздвиженія его изъ бездны паденія потребовались долгое время и великій, медлительный въ совершеніи, божественный планъ домостроительства нашего спасенія. Посему то вотъ какъ видите, въ праздникъ воздвиженія, преклоненіе древа крестнаго долу до земли, то прежде всего и вспоминайте,—того желаетъ отъ насъ святая церковъ, тому поучаетъ насъ церковная пѣснь,—и вспоминайте наше паденіе, чрезъ вкушеніе отъ древа познанія добра и зла, паденіе на землю не тѣлесное, а духовное, ниспаденіе въ жизнь земную плотскую, въ скорби и муки всякаго рода до смерти и ада, ниспаденіе изъ рая, отъ древа жизни и безсмертія, ниспаденіе съ неба и отъ неба даже до преисподней.

Съ тѣхъ поръ во времени началось предначертанное въ вѣчности выполненіе домостроительства нашего спасенія, началось сугубымъ дѣйствіемъ приклоненія долу и воздвиженія,—приклоненія долу и воздвиженія, съ одной стороны, Сына Божія, искупителя рода человѣческаго, а съ другой стороны самаго искупаемаго человѣчества. Еще до боговоплощенія Сыну Божію предварительно надлежало воздвигнуть падшее и падающее человѣчество до себя, до возможности сопригословенія его съ своимъ Божествомъ, а съ другой самому приклониться долу съ безпредѣльныхъ высотъ неба и Божества до соединенія съ человѣчествомъ, до смѣшенія божескаго естества съ человѣческимъ.

Долго было бы изъяснять въ подробностяхъ всѣ виды и періоды ниспаденія человѣчества, равно какъ и всѣ виды и способы, какими совершитель спасенія человѣческаго и въ ветхомъ заветѣ, Сынъ Божій воздвизалъ человѣчество, по своему божественному предначертанію. Перечтемъ главнѣйшіе. Вотъ ниспадаетъ человѣчество допотопное до

грубой плотяности, до превращенія въ плоть, до потери всего духовнаго, до оставленія людей Духомъ Божиимъ. Но и въ допотопномъ человѣчествѣ Совершитель нашего спасенія сохраняетъ избранный родъ сыновъ Божіихъ и даже воздвигаетъ его горѣ, возвышая, утверждая и усовершая до происхожденія родоначальника новаго человѣчества, патріарха Ноя, за которымъ и утверждены обѣтованія Божіи о происхожденіи отъ него обѣтованнаго Сѣмени.

Вотъ долгій періодъ смѣшанной совмѣстной жизни избраннаго потомства патріарховъ и всего послѣ-потопнаго человѣчества, когда человѣчество постепенно ниспадаетъ долу до повального зараженія идолопоклонствомъ, между тѣмъ какъ Совершитель нашего спасенія воздвигаетъ и тогда въ родѣ человѣческомъ такого высокаго праведника, каковъ былъ Авраамъ, которому и подтверждены, съ значительнымъ уже разъясненіемъ, обѣтованія объ искупительномъ Сѣмени.

Вотъ некороткій періодъ отъ Авраама до Моисея, когда самый избранный народъ ниспадаетъ до египетскаго огрубѣнія, до забвенія Бога отцовъ своихъ Авраама, Исаака и Іакова, до склонности поклоняться тельцу египетскому; а промысль воздвигаетъ въ избранномъ народѣ особое племя до происхожденія изъ него боговидца Моисея, который далъ народу законъ, съ благоустроеніемъ нравственнымъ, церковнымъ и гражданскимъ, направивъ все къ тому, чтобы законъ былъ этому жестовыйному народу пѣстуномъ во Христа.

Вотъ долгій періодъ самостоятельной исторической жизни богоизбраннаго народа, когда онъ, съ одной стороны, воздвигался горѣ до произведенія изъ себя царя Давида и цѣлаго ряда величайшихъ пророковъ, предъизобразившихъ всѣ подробности грядущаго царства Мессіи; а съ другой ниспа-

далъ глубже и глубже въ нравственную тину, до Іероваама и Ахава, до Ахаза и Манасіи, до поклоненія египетскому тельцу и всей силѣ небесной, до всѣхъ мерзостей язычества, до полнѣйшаго общественно-религіознаго разстройства, до безсилія отстоять свою народную самобытность, до вавилонскаго плѣна.

Вотъ и послѣдній періодъ ниспаденія и возстанія богоизбраннаго народа отъ плѣненія вавилонскаго до Христа старѣйшины ветхаго и ходатая-посредника новаго завѣта, когда царственный корень Іессеовъ, уже усѣченный, уже лишенный своей царственной красоты, всѣхъ цвѣтушихъ вѣтвей, производившихъ изъ него племя царей, пускалъ уже только бѣдные слабые отростки; а весь народъ снова ниспадалъ глубже и глубже, не только до омертвѣлаго лицемернаго фарисейства, но и до отрицающаго все духовное саддукейства, до ожесточенія народа въ грубой чувственности, въ почиваніи на буквѣ закона и въ глубокомъ невѣдѣніи его духа, до всенародной потери какого бы то ни было твердаго разумѣнія богооткровенной вѣры, до вторичнаго полнаго разложенія народной жизни, до совершенной невозможности отстоять свою государственную самостоятельность, а вмѣстѣ съ нею сохранить и всѣ божественныя учрежденія ветхаго завѣта, потерявшія въ сознаніи богоизбраннаго народа свой внутренній смыслъ. И въ то же время мы видимъ воздвиженіе въ іудейскомъ племени такихъ высокихъ душъ, выше каковыхъ и не возставало въ рожденнымъ женами, до родителей св. Предтечи Захаріи и Елизавѣты, до самаго Предтечи, до простыхъ сердцемъ и умомъ богоизбранныхъ апостоловъ, до огненно-ревностнаго избраннаго орудія Божія апостола Павла, до праведнаго обручника Іосифа, до святыхъ и праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, до честнѣйшей херувимовъ и славнѣйшей безъ

сравненія серафимовъ Богооткровицы Маріи, отъ пречистыхъ кровей коей Сынъ Божій и удостоилъ, наконецъ, пріять въ ѱпостасное единеніе съ собою человѣческое естество.

Вникните далѣе, вотъ и языческое человѣчество готовится ко вступленію въ царство Божіе, идя долгимъ путемъ ниспаденія долу и своеобразнаго воздвиженія, подъ водительствомъ небеснаго промысла, ниспадая, ко времени пришествія на землю Сына Божія, до поразительнѣйшихъ, едва вообразимыхъ мерзостей язычества, до того, что и въ средѣ языческаго міра въ избраннѣйшихъ душахъ воздвиглось горестно-роковое сознаніе, что самому Богу нужно сойти на землю, чтобы возстановить падшую нравственность и просвѣтить истинною заблудившіеся умы; иначе все поггло.

Приникните далѣе благоговѣйною мыслію въ другое высшее, высочайшее, божественное приклоненіе долу, въ истощаніе, въ уничтоженіе самаго Сына Божія, который еще въ предвѣчномъ Совѣтѣ преклонился предъ человѣколюбівою волею Бога Отца до принятія на себя званія и долга раба,—который приклони небеса и сниде на землю предварительно своимъ промышленіемъ въ ветхомъ завѣтѣ, чтобы непосредственно руководить ко спасенію ветхо-завѣтное человѣчество,—чтобы стать его ангеломъ хранителемъ, ангеломъ завѣта,—чтобы носить грѣхи наши и о насъ болѣзновать,—чтобы беречь избранныхъ, якоже орелъ носить птенцовъ своихъ на своихъ крыльяхъ,—чтобы назирать каждый шагъ спасаемаго человѣчества взоромъ не всегда гнѣвнаго судіи, но всегда любвеобильнаго отца. Безконечный приклонился долу до самоограниченія, до малости, всемогущій до слабости,—пречистый до принятія въ ѱпостасное единеніе человѣческаго естества со всѣми немощами развѣ грѣха,—безстрастный до страданій и тяжкихъ мукъ,—превѣчный до зачатія во чревѣ Дѣвы матери и рожденія

во времени,—Вседержитель до появленія на землѣ въ скотскомъ вертепѣ и ясляхъ, до возрастанія среди грозныхъ опасностей, въ бѣдности, въ неизвѣстности,—безгрѣшный, неповинный, свѣтъ міру, благодотворитель человѣчества, утѣха страждущихъ до злыхъ навѣтовъ, до нареканій и хуленій, до постоянныхъ гоненій и даже посягательствъ на Его жизнь, до воплей крѣпкихъ, до кровавыхъ слезъ, до туги смертной, до изнеможенія въ молитвѣ къ Богу Отцу объ отвращеніи отъ Него грозной, горькой и мучительной чаши, уготованной Ему отъ вѣка, до поруганій и біеній, до страсти крестной и горчайшаго ощущенія оставленія Богомъ Отцомъ, до смерти крестной и сошествія во адъ въ область князя тьмы, до признанія на землѣ въ качествѣ самозваннаго Сына Божія и царя, въ качествѣ богохульника, бунтовщика противъ власти, льстеца, даже послѣ мученической кончины на крестѣ, такъ что и орудіе казни Его крестъ, вѣроятно, тѣже ожесточенные враги поскорѣе схоронили здѣсь же на Голгоѣ изъ боязни, чтобы ученики не похитили и не стали обожать святой крестъ, какъ завѣтнѣйшую святыню; вѣроятно тѣже враги засыпали и гробъ Христа, чтобы стереть съ лица земли всѣ слѣды Его земной жизни и смерти, погребенія и воскресенія.

Но начинается и воздвиженіе, постепенное восхожденіе Христа Искупителя въ состояніе прославленія. До крестной смерти своей Онъ прорекалъ: *еще Азъ вознесенъ буду, вся привлеку къ себѣ*. И вотъ вознесенный на крестъ, пригвожденными дланями своими Онъ привлекаетъ къ себѣ весь міръ. Посредствомъ креста, сошедши во адъ, привлекаетъ къ себѣ всѣхъ отшедшихъ въ загробный міръ людей, съ вѣрою чаявшихъ Его пришествія. Похороненный и запечатанный во гробѣ, Онъ воскресаеъ и совоздвизаетъ съ собою падшее подъ бременемъ грѣха, подъ косою смерти все

человѣчество. Сшедшій съ неба, для воспріятія на себя немощнаго человѣческаго естества, по прославленіи своего человѣчества посредствомъ крестной смерти и воскресенія, Онъ возносится, съ пречистою плотію своею, на небо до сѣдѣнія одесную Бога Отца, спосадивъ съ собою одесную Бога, въ десной странѣ избранныхъ Божіихъ, и все человѣческое естество, такъ что чрезъ Него наше смѣшеніе, возставленное отъ паденія долу на землю, и вознесенное горѣ, нынѣ жительствуетъ на небесахъ. Вознесенный на крестъ, воскресшій и вознесшійся на небеса, Онъ привлекаетъ къ себѣ и все живое на землѣ человѣчество, такъ что чрезъ триста лѣтъ, по воскресеніи Христовомъ, лучшая часть всего человѣческаго рода, вынеся безчисленные кровавыя муки, повергла къ своему подножію всю дотолѣ грозную мощь язычества, а сама поверглась къ подножію обрѣтеннаго на Голгоѣ креста, орудія Христовой казни. *И днесъ райское насажденіе, древо жизни, древо крестное, происходя изъ земныхъ неисходныхъ нѣдръ, извѣстуетъ, показываетъ, подтверждаетъ воскресеніе привожденнаго на немъ Христа; а воздвизаемое руками священническими, возвъщаетъ вознесеніе Его на небеса, предъизображая и то, что чрезъ Него же, чрезъ распятаго, воскресшаго и восшедшаго на небеса Христа, наше смѣшеніе, наше человѣческое естество, воздвигнутое отъ грѣховнаго паденія на землю до неба, жительствуетъ на небесахъ.*

Тѣмъ же, — приглашаетъ насъ святая церковь, — благодарственно возопіимъ: Господи, вознесыйся на крестъ и чрезъ него совознесый съ собою и насъ, небесныя твоя радости сподоби насъ, яко челоуколюбца.

Вотъ что значитъ обрядъ воздвиженія креста, по смыслу церкви, обрядъ, повидимому, такъ необычный. Вотъ что онъ долженъ напоминать намъ: наше паденіе въ грѣхъ

первородный, наши паденія въ грѣхи вольные, со всѣми тяжкими послѣдствіями грѣха, — приклоненіе долу Сына Божія, до пришествія на землю, до пріятія на себя нашего немощнаго человѣческаго смѣшенія, до крайняго уничиженія на землѣ, до крайняго истощанія въ крестной смерти, въ сошествіи до гроба и до ада преисподняго, а за тѣмъ и воздвиженіе вознесшагося на крестъ и сошедшаго во адъ Богочеловѣка чрезъ воскресеніе и вознесеніе до вѣчнаго прославленнаго сѣдѣнія одесную славы Божіей, имже и наше смѣшеніе, воздвигнутое отъ паденія на землю до неба, на небесахъ жительствуетъ. Обрядъ крестовоздвиженія долженъ напоминать намъ, что когда крестъ Христовъ основаніемъ своимъ водрузился въ неисходныя нѣдра земли и преисподней, то вмѣстѣ съ тѣмъ и *смертная тля разорися и упразднися*; а когда на высоту креста вознесенъ былъ Сынъ человѣческій, Сынъ Божій, то вслѣдъ за Нимъ и мы *вознесомся отъ земли къ небеснымъ* высотамъ.

Присутствуя при совершеніи обряда воздвиженія, мы должны припоминать, что и въ душахъ нашихъ совершается таинственное духовное крестовоздвиженіе; должны припоминать, что когда крестъ Христовъ принижается въ нашихъ душахъ, тогда, сколько бы мы ни поднимали нашу выю, въ нашемъ самодовольствѣ, въ нашей гордости, хотя бы до надменной мечты сдвинуть небо, мы духовно падаемъ въ страсти безчестія, въ безсиліе духа, въ немощь на всякое добро, общественное и частное, въ уныніе, въ ожестѣніе сердца, въ недовольство всѣмъ и всѣми, въ раздраженіе и отчаяніе. Наоборотъ, когда крестъ Христовъ въ душахъ нашихъ водружается и воздвизается горѣ, когда ветхій челоукъ нашъ сраспинается со Христомъ, когда доброю и твердою волею мы возлагаемъ на рамена свои благое иго Христово и бремя Его, нелегкое для нашей не-

мощи до того, что оно пригибаетъ нашу выю до земли,—о, тогда духъ нашъ растетъ до твердости въ добрѣ, до неизблемости въ искушеніяхъ, до мужества въ напастяхъ, до самоотверженія для Бога и ближнихъ, до мира въ душѣ, до радости о Дусѣ святѣ. Наблюдающіе надъ своею духовною жизнію, надъ внутреннею въ себѣ борьбою между ветхимъ и новымъ человѣкомъ, знаютъ это по личному духовному опыту. Но если хотите имѣть доказательство этому и для всѣхъ очевидное, изъ обще-народной нашей жизни, то оглянитесь на недавно начертанную великими и грозными событіями страницу обще—народной нашей исторіи. Когда мы всенародно, съ почившимъ въ Бозѣ Благочестивѣйшимъ нашимъ Царемъ во главѣ, группировались около креста Христова, поднимали его, какъ народное наше знамя предъ лицомъ всего невѣрнаго и маловѣрнаго міра, и когда мы шли умирать за него въ борьбѣ съ невѣрными по стопамъ нашихъ доблестныхъ христіанскихъ предковъ,—о, мы тогда совершили поразительно славныя, доблестныя дѣла мудрости, мужества, самоотверженія, побѣды. А когда послѣ славной побѣды надъ враждою почти всего міра, мы опять разсыпались по распутіямъ міра, равнодушно оставивъ крестъ Христовъ сіять мертвымъ блескомъ на главахъ и престолахъ нашихъ храмовъ, когда на арену русской исторіи вышли дѣятели христоропные, враги креста Христова, а мы своимъ малодушіемъ и слѣпотою дали просторъ ихъ сатанинской въ нашей средѣ дѣятельности, о, тогда мы покрылись на глазахъ всего міра и всемірной исторіи небывалымъ позоромъ, тогда пала на насъ праведная кровь нашего Царя мученика. Нашими немощами, страстями и грѣхопаденіями мы пригнаты долу до чувства недостойности, до безсилія мытаря ниже очи возвести на небо. Сдѣлаемъ же надъ собою напряженное усиліе, поднимемъ наши

головы и очи горѣ; если же не сможемъ и этого, то хотя изъ поверженной долу груди пошлемъ къ небу покаянные вопли: *Господи, вознесыйся на крестъ, и тѣмъ совознесый и насъ, небесныя твоя радости сподоби насъ, яко челолюбцеу. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй насъ грѣшныхъ. Аминь.*

1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ храмовой праздникъ святыхъ мученицъ Софіи и
трехъ ея дочерей (17 сентября) въ церкви уфимской
мужской гимназіи.

*Дадите намъ отъ елеа вашего, яко свѣтиль-
ницы наши угасаютъ.—Матѳ. 25, 8.*

Притча Христа Спасителя о десяти дѣвахъ—это днев-
ное евангеліе вашего храмоваго праздника.

Вотъ южная темная ночь. По древнему обычаю востока,
знатный женихъ съ брачною пышностью изъ дома отца
своего провожаетъ свою невѣсту въ домъ отца ея. Обычай
требовалъ, чтобы во время брачнаго празднества женихъ,
вечеромъ или ночью, провожалъ такъ свою невѣсту семь
разъ, когда женился на дѣвицѣ, и три раза, когда выходила
замужъ вдова. Изъ дома отца жениха провожали его роди-
тели, родственники и друзья его; а въ домѣ отца невѣсты
встрѣчали брачное шествіе родные и друзья невѣсты, по
преимуществу, подруги ея дѣвства. Встрѣчали со свѣтиль-
никами, въ знакъ торжества и веселія, да и для освѣще-
нія торжественнаго шествія. Такъ встрѣчали и евангель-
скаго жениха. Впередъ другихъ на встрѣчу ему вышли де-
сять дѣвъ, изъ которыхъ пять было мудрыхъ, опытныхъ,

предусмотрительныхъ, готовыхъ, а пять неразумныхъ, ма-
лосвѣдущихъ, непредусмотрительныхъ и неготовыхъ. Нера-
зумныя, взявъ свѣтильники свои, не взяли съ собою ма-
сла. Мудрыя же, вмѣстѣ со свѣтильниками своими, взяли
и масла въ особыхъ сосудахъ. Взяли т. е. и про запасъ,
такъ какъ масло на свѣжемъ воздухѣ быстро выгораетъ.
А ждать жениха иногда приходилось не коротко. И какъ
женихъ на этотъ разъ замедлилъ; то всѣ задремали и
уснули. Но вдругъ въ полночь раздается вопль: *се, же-
нихъ грядетъ! Выходите на встрѣчу ему.* Тогда встали
всѣ дѣвы тѣ и поправили свѣтильники свои, очевидно,
зажженные прежде и нагорѣлые. Но тутъ то и обнаружи-
лась непредусмотрительность неразумныхъ дѣвъ: скудный
запасъ масла въ ихъ свѣтильникахъ выгорѣлъ совсѣмъ.
А гдѣ взять еще? Вотъ неразумныя и говорятъ мудрымъ:
*дадите намъ отъ елеа вашего, яко свѣтильницы наши
угасаютъ.*

Извѣстно, какъ поступили мудрыя. Отказали. Мудрыя
отвѣчали: чтобы не случилось недостатка и у насъ и у
васъ, пойдите лучше къ продающимъ и купите себѣ. Когда
же пошли онѣ покупать, пришелъ женихъ и готовыя во-
шли съ нимъ на бракъ, и двери затворились. Послѣ пришли
и прочія дѣвы и говорятъ: *Господи, Господи! отверзи
намъ.* Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: *Аминь глаголю вамъ,
не вѣмъ васъ.*

Значеніе притчи ясно и толкованіе извѣстно. Женихъ—
это Господь Іисусъ Христосъ, празднующій свой вѣчный
таинственный бракъ съ своею невѣстою, христіанскою цер-
ковію, вводящей ее въ брачный чертогъ, въ вѣчныя оби-
тели небснаго Отца своего и нашего. Вечеръ и ночь—это
обычное примрачное теченіе настоящей прехременной жизни.
Полночь и пришествіе жениха—это смертный часъ для каж-

даго изъ насъ и наступленіе послѣдняго страшнаго суда для всего человѣчества. Ожидающія пришествія жениха дѣвы—это христіанскія души. Дѣвы мудрыя—христіанскія души, полныя Христовой духовной мудрости; дѣвы неразумныя—души бѣдныя духовнымъ разумѣніемъ. Масло и свѣтъ въ свѣтильникахъ, съ которыми ожидаютъ и срѣтаютъ небеснаго Жениха, чтобъ удостоиться войти съ Нимъ въ брачный чертогъ, это во первыхъ и вообще духовное просвѣщеніе, просвѣтлѣніе души пламенемъ свѣта Христова.

Богатыхъ, преизобилующихъ Христовымъ свѣтомъ на землѣ немного, да и гдѣ искать ихъ? А бѣдныхъ нуждающихся, наоборотъ, очень много вездѣ. Тѣмъ не менѣе, чтобы свѣтъ Христовъ не истощился окончательно, для этого въ Христовой церкви имѣется особое учрежденіе пастырей учителей церковныхъ, которые обязаны, по своему исключительному призванію, быть непремѣнно мудрыми хранителями духовнаго свѣта, преизобиловать этимъ свѣтомъ не только для себя, но и для другихъ нуждающихся. Намъ, пастырямъ учителямъ духовнымъ, ввѣренъ ключъ духовнаго разумѣнія. Мы призваны отверзать этимъ ключемъ брачный чертогъ небеснаго свѣта, чтобы и самимъ туда войти и другихъ ввести, другихъ не только ищущихъ этого свѣта, но даже не ищущихъ. Всѣхъ не только дремлющихъ, но и заснувшихъ сномъ смерти духовной, мы должны возбуждать быть готовыми и держать наготовѣ свои свѣтильники во срѣтеніе грядущему небесному Жениху. Отъ запасовъ елея нашего мы обязаны снабдить всякаго, даже того, кто только въ грозную минуту смерти сознаетъ нужду перейти въ горній міръ къ небесному Жениху съ возженнымъ свѣтильникомъ души, кто весь вѣкъ объ этомъ не помышлялъ и не помышляетъ; а тѣмъ болѣе обязаны снабжать всѣхъ тѣхъ, кто обращается къ намъ, случайно

ли и поверхностно, или постоянно и настойчиво, съ требованіемъ: *дадите намъ отъ елея вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ.*

А эти кличи: «дайте намъ вашего духовнаго свѣта, дайте намъ вашей духовной теплоты», несутся къ намъ отовсюду. Несутся во первыхъ отъ этихъ дѣтей, которыхъ здѣсь мы учимъ закону Божію; несутся отъ ихъ родителей, отъ ихъ приставниковъ и воспитателей; несутся отъ общества и правительства, отъ государства и народа; несутся отъ всѣхъ съ требованіемъ отъ насъ частію для себя, еще больше для другихъ, для народа, для юношества, для этихъ дѣтей: «дайте народу, дайте воспитывающемуся у васъ юношеству, дайте этимъ ввѣряемымъ вашему духовному руководству дѣтямъ, да дайте и всѣмъ намъ *отъ елея вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ*, духовный свѣтъ теплой вѣры всюду въ народѣ и государствѣ потушаетъ».

Эти кличи, обращаемые отъ мірянъ къ духовному пастырству искони, стали особенно громко раздаваться на нашей памяти уже давно; съ настойчивою же требовательностію раздаются по преимуществу въ послѣдніе годы, и особенно въ воспитательныхъ заведеніяхъ: дайте хорошихъ законоучителей. Мнѣ извѣстно, что еще блаженные памяти Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай, на торжественномъ собраніи въ одномъ изъ столичныхъ воспитательныхъ заведеній, обратился къ присутствовавшимъ архіереямъ съ изъявленіемъ своего неудовлетворенія школьнымъ немногочисленнымъ преподаваніемъ закона Божія вездѣ. Извѣстно всѣмъ, какъ обращающіеся къ намъ за духовнымъ свѣтомъ міряне отпрядываютъ отъ насъ назадъ еще быстрѣе и пылче, чѣмъ устремляются впередъ. Устремляясь къ намъ, кричатъ требовательно: «вы насъ просвѣтите,

согрѣйте, воодушевите, утвердите на камени вѣры, дайте намъ вашу вѣру, если имѣете сами»; а затѣмъ, отскакивая отъ насъ, жостко вопиеть противъ насъ и нашего законоучительства: «бесиліе мысли и духа, допотопныя понятія, холодъ и мертвечина, однимъ словомъ—мертвая и мертвящая схоластика»!

Фактъ укора не подлежитъ сомнѣнію. Онъ печаленъ и непочтенъ, вреденъ и даже гибеленъ для насъ и васъ. Я впрочемъ говорю вообще, а не объ этомъ собственно мѣстѣ. Прошу имѣть это въ виду. Поэтому не неназидательно разобратъ въ немъ, спросивъ себя: правда ли, что наше законоучительство схоластично? Что такое схоластика? Рассмотримъ впрочемъ только сущности этого широкаго предмета вкратцѣ, по мѣрѣ нужды его для нашей съ вами бесѣды.

По своему методу средневѣковая европейская схоластика сходится всего больше съ древне—эллинскою языческою софистикою, хотя и отличается отъ нея по времени и мѣсту, по предмету изслѣдованія, по духу и цѣли. Софистическою называлась древне—эллинская философская школа своеобразнаго направленія, которая хотѣла не только изслѣдывать, но и открывать высшую истину исключительно посредствомъ силлогистики, или діалектики. Извините. Этими незамѣнными иноязычными словами называются въ наукѣ предметы великаго общечеловѣческаго значенія. Силлогистика по словопроизводству значитъ наставленіе въ истинѣ чрезъ сопоставленіе словъ и понятій; а въ философій, особенно новѣйшей положительной (позитивной), силлогистикой называется господствовавшій у древнихъ методъ изслѣдованія истины посредствомъ врожденной человѣку силлогистической или умозаключительной формы чистаго мышленія, съ устраненіемъ опытнаго наведенія. Но какъ эта силлогистическая форма мышленія научно обслѣдована только

со времени Аристотеля, то прежде его этотъ методъ изслѣдованія назывался діалектическимъ или діалектикою, методомъ изслѣдованія истины посредствомъ собесѣдованія. Этотъ діалектическій способъ изслѣдованія истины ввели въ употребленіе и довели до уродливой крайности именно софисты. Софистъ значитъ наставленный въ мудрости и наставникъ, знатокъ и учитель мудрости. Дѣйствительно, софисты начали съ того, что сперва были наставниками въ философской мудрости. Но какъ первобытное, довѣрчивое, увлекающееся упражненіе древнѣйшихъ эллиновъ въ философій привело путями разныхъ школъ и теорій къ скуднымъ и печальнымъ, распадающимся отъ внутренняго противорѣчія результатамъ, а древне-греческая историческая жизнь, достигши высшей точки своего развитія во времена Перикла, стала разлагаться; между тѣмъ софисты долговременнымъ употребленіемъ исключительно діалектическаго метода изысканія истины извѣдали, что приращенія человѣческому уму формы мышленія и особенно умозаключенія, въ дробномъ крайнемъ и тончайшемъ своемъ развитіи, при малѣйшей неосмотрительности со стороны говорящаго или слушающаго, ведутъ къ заключеніямъ не только невѣрнымъ, но и противоположнымъ и страннымъ до нелѣпости: то софисты и поставили задачею своей дѣятельности, даже ремесломъ своимъ, разрушать, посредствомъ утонченнѣйшей діалектики, всѣ разнорѣчивые выводы тогдашней философій, равно какъ и всѣ общепринятыя тогда принципы какъ простаго такъ и философствующаго смысла, житейскаго порядка и самой религіи. Извѣстно, что тогда противъ разрушительнаго вліянія софистики выступили величайшіе умы древней Эллады, какъ и всего человѣчества, философы Сократъ и Платонъ. Они стали поражать софистовъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, посредствомъ наи-

тончайшей диалектики, которая Аристотелемъ, творцемъ научной логики, поставлена на крѣпкой основѣ впервые научно обслѣдованной и очерченной силлогистики, на научномъ обслѣдованіи приращенныхъ уму человѣческому формъ мышленія, и особенно третьей формы мышленія, умозаключенія или силлогизма, которая всегда кладется въ основу всякаго доказательства или такъ называемаго аргумента.

Но прежде чѣмъ дойти до схоластики, нужно сказать о разныхъ методахъ, какими преподавалась человѣчеству богооткровенная истина.

Извѣстно, что безъ приращенныхъ формъ мышленія не можетъ ни мыслить, ни говорить, ни учить, ни писать ни одинъ человѣкъ, какъ простой, такъ и ученый, какъ естественный, такъ даже и богодухновенный. Но въ методахъ изложенія мыслей того и другаго, третьяго и четвертаго, касающагося излагаемыхъ предметовъ, можетъ быть, какъ и была огромная разница. Я хочу и долженъ сказать вамъ, что въ богодухновенномъ раскрытіи богооткровенной христіанской истины очень мало слѣдовъ искусственной диалектики, разработанной практически и разъясненной теоретически греческими философами, начиная съ софистовъ. Высочайшій духоносный характеръ богодухновеннаго изложенія богооткровенной истины въ священномъ писаніи истекалъ изъ существа дѣла, изъ чрезвычайнаго сверхъестественнаго значенія священныхъ проповѣдниковъ и писателей, каковы Моисей, Давидъ и Исаія, апостолы Петръ и Павелъ и Іоаннъ, какъ и всѣ пророки и апостолы, которые провозглашали себя только тростію книжника скорописца въ рукѣ Божіей, которые изрекали глаголы Духа Божія и отъ лица Божія, или самъ Господь І. Христосъ, который изрекалъ свое ученіе, какъ Богочеловѣкъ, какъ ученіе своего небеснаго Отца, подтверждаемое животворящимъ Его Духомъ.

Употребляя научныя названія, которыя въ школѣ понятнѣе, чѣмъ простыя, да часто и незамѣнимы, методъ богодухновеннаго проповѣданія божественной истины можно назвать афористически — дидактическимъ, полнымъ отрывчатыхъ гномъ и изреченій, или поэтически-ораторскимъ, гдѣ течетъ логика самая возвышенная, которую всегда чувствуешь, но не вдругъ укажешь; гдѣ рѣдко усмотришь что либо похожее на аргументъ или силлогизмъ; гдѣ большею частію устраняется самое усиліе что либо доказать; гдѣ въ устахъ Христа Спасителя, высшее и главное и почти единственное доказательство: *аминь, аминь глаголю вамъ*, въ устахъ Моисея: *рече Господь...* *Близъ тебе глаголю сей, во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ*; въ устахъ апостола Павла, Іоанна, какъ и всѣхъ святыхъ апостоловъ и пророковъ: *глаголетъ Духъ, глаголетъ Господь...* Наивысшіе между высочайшими образцы этой духоносной божественно-учительной логики — это предсмертныя бесѣды Моисея во Второзаконіи, это нагорная и прощальная съ апостолами бесѣды Христа Спасителя.

Но какъ къ концу ветхо-завѣтнаго періода евреи, въ своихъ развинскихъ, фарисейскихъ и саддукейскихъ школахъ, выработали уже нѣкоторый своеобразный, впрочемъ естественный и цѣлесообразный методъ изслѣдованія и изложенія богооткровенной истины, заключавшійся въ томъ, что въ основу изслѣдованія полагалось какое либо положеніе изъ священ. писанія или преданія, затѣмъ оно толковалось и дѣлался отсюда выводъ; то, дѣйствуя на убѣжденія современныхъ евреевъ, особенно же опровергая заблужденія еврейскихъ книжниковъ, уже самъ Христосъ Спаситель прибѣгалъ иногда къ усвоенному ими методу изложенія истины. По крайней мѣрѣ, нѣкоторый слѣдъ этого приспособленія къ еврейскому строю мышленія можно усматри-

вать въ предсмертныхъ рѣчахъ Спасителя о воскресеніи мертвыхъ, въ опроверженіе возраженія саддукеевъ, и о божественности Христа Мессіи на основаніи псалма Давида: *рече Господь Господевъ моему*, въ обличеніе фарисеевъ (Мат. 22, 23—46). Святые апостолы должны были дѣйствовать уже на убѣжденія не только евреевъ, но и язычниковъ, и опровергать заблужденія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Посему въ рѣчахъ и писаніяхъ апостольскихъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ св. апостолы опровергаютъ еврейскія и языческія заблужденія, можно усматривать уже явные слѣды построенія рѣчи, усвоеннаго какъ тѣми такъ и другими, евреями и язычниками. Такъ наисовершеннѣйшій образецъ рѣчи, построенной по методу діалектики еврейской, можно видѣть въ первой рѣчи св. апостола Петра по сошествіи на апостовъ Св. Духа (Дѣян. 2, 14—36). А наивысшій образецъ рѣчи, построенной по методу діалектики эллинской, можно видѣть въ рѣчи св. апостола Павла предъ аѳинскимъ ареопагомъ (Дѣян. 17, 22—31). Апостоль Павелъ даетъ даже замѣтить въ своихъ рѣчахъ явную двойственность метода: когда онъ держитъ рѣчь, особенно же публичную торжественную, къ евреямъ, онъ явно прибѣгаетъ къ методу діалектики еврейской (Дѣян. гл. 23), и наоборотъ явно обращается къ ораторской діалектикѣ образованныхъ эллиновъ, когда держитъ рѣчь свою къ таковымъ (Дѣян. гл. 24 и др.).

Изъ примѣра святыхъ апостоловъ, какъ и ветхозавѣтныхъ священныхъ писателей, развилось въ Христовой церкви пять методовъ изложенія христіанской истины: *ораторско-дидактическій*, *пѣсенно-поэтическій*, *научно-богословскій*, *діалектико-силлогистическій* и *катихизическій*. По ораторско-дидактическому методу, въ подражаніе поученіямъ Моисея и пророковъ, Соломона и сына Сирахова, са-

маго Иисуса Христа и апостоловъ, излагались святыми отцами и послѣдующими учителями церковными краткія домашнія и церковныя посланія, слова и бесѣды церковныя; излагались или краткими изреченіями, которыя связывались скрытою логикою, или же ораторскимъ построеніемъ, въ основѣ котораго лежала цѣльность живаго воодушевленнаго логическаго представленія, безъ усиленной однако же аргументаціи, безъ явно выказывающейся силлогистики. *Пѣсенно-поэтическій* способъ изложенія богооткровенной истины, истекая изъ боговдохновенныхъ пѣсней пятокнижія Моисеева, изъ псалмовъ Давидовыхъ, изъ особенно поэтическихъ изображеній у Исаи и другихъ пророковъ, изъ молитвеннаго вдохновенія Господа Иисуса и святыхъ Его апостоловъ, имѣетъ свое дальнѣйшее теченіе въ священныхъ молитвахъ и пѣсняхъ христіанской церкви, какъ и въ поэтическихъ твореніяхъ христіанскихъ поэтовъ, наприм. св. Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина и другихъ. Въ основу собственно *богословскаго научнаго* метода легъ выработанный къ концу ветхозавѣтной исторіи еврейскими книжниками методъ собственно еврейской діалектики, по которому въ начало изслѣдованія и доказательства полагается истина божественнаго откровенія, писанія или преданія, затѣмъ она толкуется и въ заключеніе дѣлается выводъ. Этотъ методъ утвержденія истины замѣтенъ уже въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Господа Иисуса, совершенно же явенъ въ рѣчахъ и писаніяхъ св. апостоловъ, особенно же Петра и Павла. Къ этому спеціально богословскому методу прибѣгали почти всѣ святые отцы, начиная съ святыхъ Иринея и Кипріана, въ обширныхъ бесѣдахъ, посланіяхъ и трактатахъ о богооткровенной истинѣ. Этимъ же методомъ, главнымъ образомъ, изложено и первое систематическое богословіе, Точное изложеніе вѣры св. Іоанна Дамаскина, какъ

излагаются и до сего дня почти все специально-богословскія изслѣдованія. Мы видѣли уже, что выработанный образованными эллинами диалектико-силлогистическій методъ явственъ уже въ нѣкоторыхъ рѣчахъ св. апостола Павла, когда говорилъ онъ къ образованнымъ язычникамъ (Дѣян. 17, 22—31; 24, 2—21; 27, 1—23), и когда касался языческихъ заблужденій (Дѣян. 14, 14—17; 1 Корин. гл. 15). По примѣру св. апостола Павла, къ этому методу прибѣгали также многіе св. отцы, и исключительно къ нему, когда опровергали языческихъ мудрецовъ, гностиковъ и послѣдующихъ христіанскихъ еретиковъ, исходившихъ изъ началъ пошатнушагося разума, противопоставляя антихристіанской или еретическую диалектику свою, свято-отеческую диалектику; при чемъ часто доходили до такихъ тонкостей и глубинъ человѣческой мысли, что оставили далеко за собою Сократа и Платона, какъ и всехъ тончайшихъ мыслителей языческой философіи. Образцы такой тончайшей диалектики можно видѣть у всехъ величайшихъ отцовъ учителей христіанства, начиная съ святыхъ Иринея и Ипполита, у святыхъ Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, у Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, у Григорія Нисскаго, у блаженныхъ Іеронима и Августина, которые на все вѣка остались самыми главными, послѣ св. апостоловъ, столпами Христовой церкви и раскрытія ея вѣры. Наконецъ, безъ сомнѣнія, самими же св. апостолами завѣщанъ церкви и *катихизическій* методъ, по которому оглашали всехъ ново-вступающихъ въ Христову церковь; по которому, приготовляя таковыхъ къ принятію крещенія, гдѣ ново-крещаемый долженъ былъ исповѣдать сознательно свою вѣру, отвѣчая на предлагаемые ему крещаемымъ вопросы, христіанскій учитель излагалъ оглашаемымъ, въ краткихъ связныхъ изреченіяхъ, исторію, до-

гматы и заповѣди христіанства, предлагая по изъясненіи вѣры краткіе вопросы и требуя на нихъ краткихъ отвѣтовъ. Руководствомъ для такого первоначальнаго оглашенія съ апостольскихъ временъ служили символы, кратчайшія изложенія вѣры, по которымъ современемъ составились катихизисы съ соображенною исторіею церкви Божіей. Этими методами, которые завѣщаны Іисусомъ Христомъ, св. апостолами и ветхо-завѣтными пророками, какъ и святыми отцами учителями первенствующей Христовой церкви, истина христіанская излагается, въ православномъ нашемъ отечествѣ даже до сего дня.

При чемъ же тутъ схоластика? При чемъ эти громкіе намъ укоры въ мертвомъ схоластицизмѣ?

Схоластика значитъ ученикъ, наставленный въ школѣ. Схоластиками назывались ученые средневѣковой римско-католической западной Европы. Послѣ того, какъ императоръ Карлъ великій сталъ заводить въ западной Европѣ благоустроенныя школы и въ этихъ школахъ получена отъ ученыхъ арабовъ логика Аристотеля, западно-европейскіе схоластики, разработывая эту логику по своему, стали прикладывать ее къ содержанію христіанскаго откровенія и ко всему міро-созерпанію, выработанному христіанствомъ къ тому времени въ латинской церкви. Припомнимъ, что папская власть тогда стояла на высшей степени могущества; авторитетъ церкви былъ несокрушимъ; усвоенная Римомъ христіанская вѣра признавалась истиною непогрѣшимую; богословіе въ школахъ господствовало надъ всякимъ знаніемъ; а это знаніе, суженное въ тѣсную рамку тогдашней философіи, считалось только служебнымъ предъ вѣрою, такъ что философія и называлась просто служанкою богословія. Логикою Аристотеля тогдашніе схоластики не повѣряли богословію; а только взявъ все содержаніе богословія

за данное основаніе, за непреложную истину, во всемъ ея развѣтвленіи, и приспособляя эту истину къ формамъ логическимъ, исходили отсюда къ открытію новыхъ истинъ, пытались и надѣясь, при помощи откровенія, папской непогрѣшимости и аристотелевой логики, извѣдать всѣ тайны неба и земли и всей поднебесной. Отъ софистовъ схоластики существенно отличались тѣмъ, что не думали, да и не смѣли разрушать начала вѣры и всякаго званія, подобно софистамъ; но сходствовали съ ними тѣмъ, что прирожденную уму человѣческому силлогистику, прилагая къ данному христіанствомъ содержанію, развили до послѣднейшей утонченнѣйшей степени, такъ что въ этомъ направленіи оставили позади себя силлогистическую діалектику и древнихъ философовъ, и христіанскихъ еретиковъ, и святыхъ отцовъ. Никакихъ новыхъ истинъ, кромѣ данныхъ откровеніемъ и обще-человѣческимъ опытомъ, схоластики конечно не открыли, а развѣ только обогатили римскую церковь нѣсколькими новыми, неизвѣстными древней вселенской церкви, еретическими догматами; но напрягая до неслыханной прежде крайности силлогистическія прирожденные формы мышленія, довели умы всей западно-католической Европы до крайняго утомленія и разочарованія, и въ концѣ концовъ произвели два кризиса: одинъ религіозный, а другой философскій, еретическій взрывъ реформаци, чрезъ Лютера, и скептическій взрывъ философіи, чрезъ Декарта и Бекона. А тотъ и другой взрывы объявили непримиримую войну средневѣковой римско-католической схоластикѣ, которая съ тѣхъ поръ, три четыре вѣка тому назадъ, и стала тухнуть, пока къ нашимъ днямъ и совсѣмъ почти не потухла даже въ латинской Европѣ.

Почему же нашу русскую духовную школу, укоряють въ схоластицизмѣ? Сто лѣтъ тому назадъ и нѣсколько

прежде было этому нѣкоторое основаніе. Оно заключалось въ томъ, что наша духовная школа, зачавшись въ Кіевѣ, первоначально позаимствовала отъ западно-европейской школы не содержаніе научнаго богословія, — оно дано божественнымъ откровеніемъ и преданіемъ восточной, католической, православной церкви, — а позаимствовала, нѣкоторые уже разбитые остатки схоластическаго метода научно-богословскаго изслѣдованія. Что же касается другихъ наукъ, т. е. собственно говоря — философіи, — такъ какъ философія три вѣка тому назадъ вмѣщала въ себѣ всѣ выгоды естественно — научнаго разума; то справедливость требуетъ сознаться, что отъ западной Европы наша школа позаимствовала тогда не только методы, но и содержаніе философіи, — той философіи, по преимуществу, или даже исключительно, которая не удалялась еще отъ основоположеній христіанской вѣры, пока наша духовная школа, и въ этомъ отношеніи, не стала болѣе или менѣе самостоятельно, послѣ трехъ, ея преобразованій, вытрясавшихъ изъ нея послѣдніе скудные остатки схоластицизма, въ двадцатыхъ, сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Ученые западной Европы улынулись бы, еслибъ услышали, что насъ кто либо теперь еще называетъ схоластиками, о чемъ отчасти можно и жалѣть, потому что умѣренное безъ крайностей схоластическое упражненіе ума давало ему солидную основательность, которая исчезаетъ изъ современнаго односторонняго поверхностнаго образованія. Кто же кричитъ, что мы схоластики? Кричитъ русская, узкая, крайне поспѣшная, односторонняя, поверхностная интеллигенція. Иначе сказать, кричитъ повальное, недоученное, очень мало знакомое съ исторіею европейской науки и вообще — человѣческаго развитія ума русское невѣжество. Оно, еще недавно честило именемъ «семинарской схоластики» даже исконное въ на-

шей школѣ классическое образованіе, предъ которымъ и свѣтская русская интеллигенція, наконецъ, преклонилась. Странно и даже страшно сказать, свѣтская интеллигенція думаетъ клеймить будтобы позорнымъ именемъ схоластики даже все содержаніе богословской науки, съ философіею включительно въ той ея отрасли, которая еще вѣрна обще-человѣческимъ завѣтамъ и убѣжденіямъ въ бытіи Бога, въ безсмертіи души, въ необходимости и естественности религіи, — все, что служить незыблемою вѣковѣчною основою нашего духовнаго, да и всякаго истиннаго, благотворнаго, обще-человѣческаго образованія.

Но не объ нашей, а о вашей школѣ веду я свою рѣчь, частіе, объ отношеніи нашей къ вашей школѣ, о постановкѣ въ ней у васъ христіанскаго православнаго законоучительства. Хорошо ль оно поставлено? Достаточно ль оно для цѣли? А вотъ устраните изъ виду всѣ выше изъясненные, выработанные или усвоенные исторіею церкви Божіей методы преподаванія человѣчеству истины Божіей, именно методы дидактически—ораторскій, научно—богословскій и научно—діалектическій, и тогда вѣрно приблизитесь къ методу, какимъ христіанская вѣра преподается въ вашей школѣ. Этотъ методъ почти исключительно только катихизическій. Достаточенъ ли онъ для цѣли? Отвѣчаю смѣло, нѣтъ. Онъ достигалъ своей цѣли въ прежніе вѣка христіанства и по назначенію своему былъ достаточенъ тогда для людей всѣхъ возрастовъ и сословій. Онъ достаточенъ и нынѣ для сельскихъ школъ, да и то для обитателей не всѣхъ селъ, а именно сельской глуши. Почему такъ? Въ древніе, особенно первые вѣка по основаніи Христовой церкви, христіанство всѣмъ своимъ строемъ, всѣмъ своимъ напоромъ, богословскою проповѣдію, чудесами, обиліемъ всякихъ явныхъ дарованій благодати Божіей, ве-

личіемъ подвиговъ святыхъ Божіихъ, вѣдряло во всѣхъ непреложное убѣжденіе въ истинѣ всего, что преподается въ христіанствѣ, и въ лживости всего, что проповѣдуется внѣ христіанства, и несогласнаго съ нимъ. Христіанство тогда неудержимо росло и все кругомъ его валилось къ его подножію, всѣ эти религіи, всѣ философскія школы, всѣ нововозникающія эфемерныя ереси, всякія противоцерковныя убѣжденія и учрежденія. Тогда всякому, приступающему къ церкви или родившемуся въ ней, достаточно было, для заложенія въ немъ первой не основы, а первой распланировки христіанскаго обученія, разъяснить и изучить катихизическимъ методомъ истины, включенныя въ символъ вѣры и въ заповѣди закона Божія. Все дальнѣйшее развитіе готоваго незыблемаго христіанскаго убѣжденія въ каждомъ вѣрующемъ восполнялось церковною проповѣдію, довѣрчивымъ чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, церковнымъ богослуженіемъ и всѣмъ строемъ и духомъ церковнаго общества. Тогда всякій вѣрующій приступалъ къ катихизации съ готовымъ въ первыхъ и незыблемымъ во вторыхъ убѣжденіемъ, которое и рождалось въ незыблемо вѣрномъ христіанскомъ обществѣ, да въ него же и возвращалось и имъ всегда незыблемо поддерживалось и возвращалось. То ли теперь? Гдѣ мы теперь это можемъ найти и увидѣть? Я сказалъ, что развѣ только въ сельской глуши, куда не проникли еще новыя вѣянья невѣрія, ересей и расколовъ, куда не проникъ еще разгромъ всей христіанской дисциплины, всего жизненнаго древне-христіанскаго обихода.

Спрашивается, откуда въ эти дѣти? Туда ли пришли? Что они принесли съ собой сюда? Слышу, вижу и знаю. Иконы изъ домовъ изгнаны, посты изгнаны; душеспасительныя книги, начиная съ евангелія, изгнаны... Какъ идеалъ выставляется женщина, которая спрашиваетъ: «я и еван-

геліе—что общаго? Т. е. кое общеніе сѣту ко тмѣ, Христови съ Велиаромъ? Семейная жизнь не клонится ли къ распаденію? Всегда ль это скрыто отъ дѣтей? Слышу, вижу и удивляюсь. Говорю не о всѣхъ конечно; не скажу, о большинствѣ ли или о меньшинствѣ. Не знаю. Другимъ это лучше извѣстно. Но вѣрно это относительно многихъ. Дѣтей съ дѣтства въ церковь не водятъ; молитвамъ теоретически т. е. наизусть, а тѣмъ болѣе практически на дѣлѣ не учатъ: «развѣ не довольно»,—говорятъ,—«одной какой либо молитвы ребенку»? Это кандидату на поступленіе въ гимназію. Ничего душеспасительнаго въ дѣтей не видѣряютъ. Развѣ иная добрая простая душею няня поучить ребенка молитвамъ да укажетъ ему на небо, на жилище Божіе; а современнымъ родителямъ дѣлать это стыдно. Понятій и убѣжденій невѣрія отъ дѣтей не скрываютъ. «Съ волками жить»,—говорятъ,—«по волчьи выть. Зачѣмъ съ первыхъ поръ приводить ребенка въ разладъ съ общимъ духомъ? Зачѣмъ дѣлать его несчастнымъ»?—Отъ церкви дѣти держатся въ полнѣйшемъ, холодномъ, или даже злобномъ отчужденіи. Всякій кандидатъ гимназіи слышалъ, или сейчасъ же, попавъ въ интеллигентный кругъ, услышитъ, что человекъ происходитъ отъ обезьяны, что начало саморазвивающейся жизни въ мірѣ восходитъ за билліоны лѣтъ. Книги въ интеллигентномъ кругѣ встрѣчаютъ онъ и встрѣтитъ вездѣ только такія, которыя по меньшей мѣрѣ заботливо умалчиваютъ о христіанской церкви, которыя дышутъ къ ней гиперборейскимъ холодомъ, желая заморозить для нея всякую живую душу, или же пылаютъ къ ней даже злобою, то скрытою и глухою, то явною и беззастѣнчивою. И вотъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія зазвучитъ голосъ законоучителя, одинокій и чуждый для души мертвой или умирающей, для замороженной или уже зажженной адскимъ

огнемъ злобы къ вѣрѣ, зазвучитъ какъ ничего не говорящій отчужденному сердцу колоколъ на церковной колокольной, какъ «мѣдный голосъ православія», по выраженію одного антихристового слуги и предтечи, зазвучитъ болѣзненнымъ диссонансомъ. Сидѣлъ я разъ въ одномъ высоко-ученомъ учрежденіи, и старый много ученый и многоуважаемый профессоръ читалъ огромному стеченію притаившей дыханіе публики старыхъ и малыхъ, архіереевъ и школьниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ люди за 500 лѣтъ до Р. Х. выдумали Бога и это будтобы вѣрно, какъ математика. Конечно лгалъ, по упорной слѣпотѣ ума, на основаніи санскритологіи противъ египтологіи, ассириологіи и т. д., не говоря уже о безспорно-историческомъ значеніи ветхаго завета. А въ эту минуту откуда-то издалека раздался звукъ церковнаго колокола. Боже! Какой въ эту минуту почувствовался терзающе-болѣзненный диссонансъ въ душѣ! Говорятъ, воспитательница привела въ парижскую православную церковь къ обѣднѣ одиннадцатилѣтнюю дочь извѣстнаго Г., и дѣвочка разрыдалась отъ умиленія, отъ болѣзненнаго диссонанса въ душѣ, отъ жалости, что ее этому не учатъ. «Глупенькая», конечно сказали ей родители. Воспитательницу, эту суевѣрную англичанку, посмѣвшую свое сужденіе имѣть, будто полезно русскую дѣвочку хоть разъ сводить въ русскую церковь, просвѣщенные русскіе родители конечно побранили; а дочку успокоили и вразумили. Вѣдь ея родители ея брату мальчику написали и вручили, какъ свое завѣщаніе, извѣстную многимъ книгу, ужасную книгу, достойную сожженія рукою палача на всемірномъ эшафотѣ. Такъ не безпокойтесь, со временемъ успокоютъ и вашихъ питомцевъ, совѣсть которыхъ смутитъ голосъ законоучителя.

Дѣйствительно ли онъ одинокъ? Помогаютъ ли ему?

Здѣсь у васъ, думаю, да. Надѣюсь и вѣрю. Слышу доброе о воспитателяхъ и воспитаніи. Вижу эту прекрасную церковь, этотъ строй христіанскаго богослуженія у васъ дома, въ стѣнахъ вашего училища. Это сердцу достолюбезно и отрадно. Вездѣ ли такъ, вамъ это лучше знать. Но вопросъ, что дѣлать законоучителю въ неизбежной борьбѣ съ общимъ духомъ, духомъ и общества и науки и литературы? Подозрительно, что законоучитель дѣлаетъ сизифову работу и накачиваетъ извѣстныя миѳическія бочки. Явное дѣло, что, выкачивая льющееся рѣкою невѣріе, законоучитель, краткимъ катихизическимъ разъясненіемъ, предполагающимъ въ основѣ готовую незыблемую вѣру слушателей, сдѣлаетъ конечно нѣчто, но не многое, во всякомъ случаѣ не все то, чего желаютъ отъ насъ общество и правительство. Одинъ чисто катихизическій методъ преподаванія закона Божія не имѣетъ здѣсь достаточнаго основанія. По моему взвѣшенному сужденію, въ низшихъ классахъ гимназій, въ преподаваніи закона Божія для дѣтей, необходимо дополнять катихизическій методъ дидактическимъ, прямымъ обращеніемъ дѣтей къ духоноснымъ первоисточникамъ христіанства, къ обширному, никакъ не къ отрывчатому чтенію евангелія, безъ всякихъ выпусковъ, и съ нѣкоторыми выпусками къ чтенію всѣхъ яснѣйшихъ мѣстъ какъ ветхаго завѣта, такъ и писаній апостольскимъ. По опыту знаю, что такое чтеніе, съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ, но никакъ не дробнымъ го-милетическимъ разъясненіемъ, дѣйствуетъ на дѣтскую душу необычайно благотворно, согрѣвая и просвѣтляя, возвышая и расширяя, умилая и улаждая, увлекающая и утверждая на камени вѣры. Въ старшихъ же классахъ для юношей катихизическій методъ необходимо соединять съ философски-апологетическимъ, полагая въ основаніе простую, сжатую, но сильную и обстоятельную апологію исторической достовѣр-

ности и божественности лица Господа нашего Иисуса Христа, какъ краеугольнаго камня христіанства, и отсюда уже исходить къ утвержденію Христовой вѣры, ея исторіи и догмы, ея нравственности и досточтимости преданій и уставовъ нашей православной Христовой церкви. Но слѣдуетъ при этомъ посудить, достаточно-ль для этого, для благотворнаго вліянія законнучительства, даетъ ваша программа и времени и подспорья, устранивъ сознательно ли, безсознательно ли, но заботливо, изъ основы преподаванія, вашего классицизма, все классическое христіанское и оставивъ только классическое языческое, вопреки испытанному въ благотворности примѣру старой Европы. А всѣмъ наставникамъ, окружающимъ законоучителя, мой архіерейскій совѣтъ воспитывать основательность умовъ и поменьшей мѣрѣ, не спѣшить категорическимъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ міросозерцанія, изъ которыхъ одни еще не разъяснены, — наука не выработала для этого достаточныхъ данныхъ, — а другіе именно у насъ на Руси нарочито затемнены мракомъ смуты, обуявшей общество, мракомъ нашего полученнаго невѣжества и легкомыслія, мракомъ какого-то одурѣлаго, или даже ожесточеннаго стремленія къ разрушенію всего того, на чемъ возникла и окрепла наша исторія. Особо же настоятельный совѣтъ родителямъ, семьѣ и обществу, напитывать дѣтей молокомъ Христовой вѣры отъ дней младенчества, носить, водить дѣтей въ церковь, приучать сердца ихъ родственно отзываться на «голосъ церковный», на звукъ церковнаго колокола, памятуя хотя бы примѣръ мудреца гиганта сего вѣка, Наполеона 1-го, который и на тронѣ величія и на скалѣ святой Елены говорилъ, что не можетъ безъ сердечнаго умиленія слышать вечерній звонъ церковнаго колокола, — это такъ напоминаетъ ему его дорогое дѣтство; который, даже послѣ раз-

грома въ немъ всѣхъ христіанскихъ вѣрованій, умеръ однакоже христіаниномъ. Если же дитя изъ семьи, изъ общества входитъ въ эти стѣны съ задатками маловѣрія, а отсюда выходитъ съ аттестатомъ ли зрѣлости или безъ онаго назадъ, въ общество ли, въ высшій ли храмъ науки, юношею, гдѣ его опять утвердятъ въ невѣріи и анти-христіанствѣ, тогда что?...

Тогда остается разложить притчу Христа Спасителя на явленія нашего времени, нерѣдко чудныя и поражающія. Вотъ всѣ мы ждемъ пришествія чего то, узвы! не радостнаго, а чего то грознаго, чего то страшнаго. И не бѣжимъ отъ него, а наоборотъ идемъ волею—неволею этому грядущему ужасу на встрѣчу, какъ бы толкаемые рокомъ. Въ томительномъ ожиданіи надвигающейся грозы кто однакоже дремлетъ, а кто и совсѣмъ заснулъ, и мудрые и неразумные. Свѣтильники свѣта Божія повсюду нагорѣли и готовы погаснуть. Съ повсюднымъ сгущеніемъ душевнаго мрака, удвояются, утраиваются въ числѣ и степени ужасныя дѣла, убійства, самоубійства, татбы, лжесвидѣтельства, хулы, взаимныя самотерзанія, лютая алчба пожрать другъ друга; человекъ для человека становится звѣремъ. Одно другое поколѣніе такого усиливающегося омраченія, и избранныя свѣтила міра уйдутъ горѣть и свѣтить въ иной міръ. Пролѣдите по стариннымъ записямъ, примѣрно Болотова, и подивитесь, какъ старинный свѣтлый духъ вѣры постепенно и быстро гаснетъ вездѣ на Руси, не только по городамъ, но и по весямъ. А вдругъ грянетъ вопль: се грядетъ, настало грозное посѣщеніе Божіе! Всѣ свѣтильники погаснутъ и изъ бездны мрака изникнетъ апокалипсическій звѣрь.. Чего не дай Боже дожить и увидѣть. Здѣсь то благопотребны *терпѣніе и въра святыхъ*. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день преставленія преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго Чудотворца (25 сентября).

Нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и приснѣи Богу, наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу, о немже всяко зданіе составляемо растетъ въ церковь святую о Господь. О немже и вы созидаются въ жилище Божіе Духомъ.—Ефес. 2, 19—22.

Преподобный отецъ нашъ Сергій Радонежскій есть столпъ церкви,—что такое столпъ церкви? По этому вопросу я предложилъ нѣсколько поучительныхъ словъ въ прошедшемъ году въ этотъ самый день въ этомъ самомъ храмѣ, по поводу замѣнаемаго мною вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду равнодушія братіи святаго храма сего къ своему храмовому празднику, такъ какъ храмъ былъ скуденъ молящимися, если только не вовсе пустъ именно въ этотъ самый храмовой день. Очевидно, въ этой дальней окраинѣ Россіи не привыкли съ особымъ усердіемъ чтить память храмоваго святаго. Бѣдныя люди, очевидно, не понимаютъ великаго значенія его для церкви, для отечества, для всѣхъ насъ.

Повторяю, преподобный отецъ нашъ Сергій Радонежскій есть столпъ церкви и отечества нашего, и постараюсь растолковать теперь обстоятельнѣе, что значить — столпъ церкви?

Церковью мы привыкли называть храмъ Божій. Церковь и въ священномъ писаніи многократно называется храмомъ, жилищемъ, селеніемъ, домомъ Божиимъ, и нерѣдко изображается подъ видомъ храма или дома Божія. Такъ изображается церковь и въ предпоставленныхъ нашему собесѣдованію словахъ св. апостола Павла. Вникнувъ въ эти святія слова, мы поймемъ и то, что такое столпъ церкви.

Вы теперь,—обращая къ намъ, какъ и ко всѣмъ христіанамъ свои святія слова, учитъ насъ св. апостолъ Павелъ,—*вы теперь не странные, не чужіе для Бога, не пришельцы для Него съ чуждающей стороны, но сожители, но сограждане всѣмъ святымъ, но присные, свои близкіе, родные самому Богу, бывъ наздани, надстроены, утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя подъ собою самага Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ сего храма Божія. На Немъ то, на Іисусѣ Христѣ, это божественное зданіе стоитъ и строится, стройно слагается и возрастаетъ въ святой храмъ Господень. На Немъ и вы устраиваетесь, и вы надстраиваетесь и вы входите и сами превращаетесь въ жилище Божіе, благодатию святаго Духа.*

Вникнемъ ближе. Вотъ самъ Духъ Божій строитъ великое, всемірное и премірное зданіе для земнаго, небеснаго и пренебеснаго храма Божія. Въ сущности и основаніе и вершина этого зданія въ небѣ. Но будемъ смотрѣть такъ, какъ удобнѣе для нашего приземистаго человѣческаго представленія. Основа этого зданія на землѣ. Крайнее нижнее основаніе, на которомъ стоитъ все зданіе, это Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Представьте, это зданіе божественно-пре-

красное, высоко-художественное, художественно-архитектурное, такъ какъ строится оно самимъ Богомъ, который въ словѣ Божіемъ именуется не только строителемъ, но и художникомъ, архитекторомъ. Въ этомъ божественно-художественномъ зданіи, которое простирается съ земли до неба и превышаетъ неба, до самага пренебеснаго престола Божія, *иде же есть Христосъ* Господь, глава церкви, *одесную Бога* сѣдя, въ этомъ божественно-художественномъ, величественномъ, многочастномъ зданіи видятся и основные камни и столпы и подпоры и лѣстницы и хоры и сферы и ярусы и горнія обители, и много ихъ, и своды и увѣнчаніе ихъ и глава. Вы знаете, что глава церкви есть Христосъ. Знаете, что Христосъ есть и основа церкви. Основою называется то, на чемъ полагается, на чемъ строится и утверждается, на чемъ держится какая либо новъ, какое либо новое созиданіе. Замѣтьте же по этому, Іисусъ Христосъ, который есть и основа и глава церкви, Онъ же и Вседержитель, Онъ же и утвержденіе церкви, Онъ же и первоуправляющій путь восхожденія отъ земли къ небеснымъ, первая лѣстница разумнаго духовнаго восшествія, Онъ же есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первоосновной столпъ церкви, столпъ, который основаніемъ своимъ упирается въ преисподняя не земли, а всей необъятной вселенной, всего мірозданія, а главою въ ту пренебесную безпредѣльность, гдѣ на пренебесномъ престолѣ возсѣдая утверждается самъ тріединный Господь Богъ.

Замѣтьте, это зданіе Божіе, имѣя много частей, по общему плану божественнаго домостроительства двоючленно, состоя на землѣ въ предѣлахъ времени изъ двухъ главныхъ частей, изъ церкви ветхо-завѣтной и ново-завѣтной. Но та и другая части построены на одной и той же скалѣ, на томъ же первоосновномъ краеугольномъ камнѣ, прикрѣплены къ тому же средоточному столпу и подведены

подъ единую главу. Этотъ первоосновной камень, это краеугольное, средоточное утверждение, эта единая глава ветхаго и новаго заветовъ есть единый Господь всѣхъ и Спаситель Иисусъ Христосъ, единый путь отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси, сама божественная истина обоихъ ветхаго и новаго заветовъ, сама жизнь всему міру. И вотъ смотрите, въ обѣихъ частяхъ зданія Божія кладутся на первоосновной скалѣ второстепенные основные камни, располагаются въ строй и порядокъ около краеугольнаго камня другіе капитальные столпы, главныя утвержденія всего построения, и сводятся подъ общимъ увѣнчаніемъ подъ единую главу Божія храма. Это, по апостолу Павлу, въ ветхомъ заветѣ пророки и другіе ветхо-заветные праведники; а въ новомъ заветѣ во первыхъ апостолы Христовы, затѣмъ пастыри и учителя и всѣ святые руководители церкви, ея опора и утверждение, ея столпы.

Столпы ветхо-заветной церкви всѣ перечисляются у св. апостола Павла въ посланіи къ Евреямъ. Это праведные Авель, Енохъ и Ной, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, Моисей, Гedeонъ и Іефѳай, Давидъ и Самуиль и другіе праведные мужи и жены ветхо-заветные, которые заслужили славу быть опорою церкви во первыхъ вѣрою, вѣруя въ Бога, что Онъ существуетъ и ищущимъ Его воздаетъ должную награду; которые ждали грядущаго града, имѣющаго основаніе божественное, града, которому стоитель и художникъ самъ Богъ; которые умерли въ вѣрѣ, не получивъ исполненія обѣтованій, а только издали видѣли оныя и радуясь привѣтствовали, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ; которые вѣрою побѣждали царства, творили правду, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки во браняхъ, иные же по вѣрѣ и за вѣру замучены были, не принявъ освобожденія, дабы получить лучшее

воскресеніе; другіе же пріяли искушенія поруганіями и ранами, а также узами и темницами, каменіемъ побиваемы были, перепиливаемы были, подвергаемы пыткамъ, умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ и козихъ кожахъ, терпя лишенія, скорби, озобленія; тѣ, которыхъ не было достойно весь міръ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ—вертепамъ и пропастямъ—ущеліямъ земли. И всѣ сіи, свидѣтельствоваанные въ вѣрѣ, не получили въ ветхомъ заветѣ обѣщаннаго, а только, проходя свое жизненное поприще, взирали вдаль на грядущаго начальника и совершителя вѣры Иисуса, который и самъ въ свою очередь въ своемъ челоуѣчествѣ достигъ славы быть основою и вѣнцомъ церкви не туне, а за великій подвигъ, за то, что вмѣсто предлежавшей Ему на небѣ радости, претерпѣлъ крестъ, пренебегши посрамленіе, за что и возсѣлъ одесную престола Божія. Вотъ столпы церкви ветхозаветной, вотъ первооснова и новозаветной. Вотъ и путь, какимъ они достигли этой высокой чести.

На этой-то первоосновѣ зиждется зданіе и ново-заветной церкви, слагаясь стройно и возрастая постепенно, на пространствѣ вѣковъ и тысячелѣтій, въ святой храмъ Господень. На той же первоосновѣ, на Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ и мы устроаемся, благодатію Духа Божія, въ жилище Божіе, восходя изъ церкви земной въ небесную. На той-же первоосновѣ, на пространствѣ вѣковъ, небесный художникъ и строитель храма Божія полагалъ въ утвержденіе его разные камни, воздвигалъ разные столпы для опоры, устроялъ разнообразныя украшенія, по премудрому плану божественнаго домостроительства, по требованіямъ стройности цѣлаго. Смотрите, первоосновные камни ново-заветной церкви, лежащіе на краеугольномъ Христѣ, высочайшіе и твердѣйшіе столпы, которые держатъ на себѣ не

только низшія звенья церкви земной, но и подпираютъ горнія сферы церкви небесной, которые служатъ и главными лѣствицами духовнаго восшествія отъ земли къ небеси, это святые апостолы. Затѣмъ воздвигаются цѣлые ряды столповъ меньшихъ, камней второ-и третье-степенныхъ,—это ряды апостольскихъ мужей, благовѣстниковъ, исповѣдниковъ и мучениковъ, которые своею кровію скрѣпляютъ укладку стѣнъ церковныхъ, ряды пустынниковъ подвижниковъ, ряды равноапостольныхъ женъ мученицъ, подвижницъ, праведницъ, равноапостольныхъ царей и царицъ, которые утверждаютъ, расширяютъ и возвышаютъ зданіе церкви Божіей,—всѣ сіи Магдалина и Фекла, Игнатій и Поликарпъ, Афанасій и Кириллъ, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, Павелъ Овсейскій и Антоній Великій, царица Александра и Георгій Побѣдоносецъ, равноапостольные цари Константинъ и Елена и безчисленный сонмъ прославленныхъ Богомъ святыхъ угодниковъ Божіихъ въ древней вселенской церкви. Затѣмъ отроги божественнаго домостроительства раскидываются отъ древневселенскаго юго-востока на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ, по широтѣ уже нашего православнаго отечества отъ Царяграда чрезъ Херсонъ до Кіева и Москвы, до Валаама и Соловковъ, до Перми и Иркутска и далѣе. Смотрите, тамъ кладутся основными камнями и поднимаются къ небу столпами—утвержденіями зданія церкви святые равноапостольные Владиміръ и Ольга, преподобные Антоній и Феодосій кіево-печерскіе, Сергій и Германъ валаамскіе, Зосима и Савватій соловецкіе, благовѣрные князья Андрей Боголюбскій и Александръ Невскій, преподобный отецъ нашъ Сергій Радонежскій, цѣлый рядъ святыхъ святителей, митрополиты московскіе святые Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, и до Стефана пермскаго и Иннокентія иркутскаго, до Димитрія

ростовскаго, Митрофана воронежскаго и Тихона задонскаго. Это—выдающіеся, преимущественно Богомъ прославленные, особою небесною славою осіянные столпы утвержденія православной россійской церкви.

Какъ они сами достигали чести лечь въ основу, вырасти въ высоту столповъ утвержденія церкви, возвыситься отъ основаній церкви земной до вѣнцовъ церкви небесной? Путь восхожденія ихъ отъ основаній земли до высоты небесной изображенъ въ нынѣ чтенныхъ евангеліи и апостолахъ. Это путь евангельскихъ блаженствъ и высочайшихъ заповѣдей Христовыхъ, которыя лежатъ въ основѣ этихъ блаженствъ. Это путь духовной нищеты или смиренной вѣры, путь алканія и жажданія небесной истины и правды, путь плача и чистоты сердечной, путь милосердія къ ближнимъ и миролюбія, путь терпѣнія въ гоненіяхъ за правду, въ поношеніяхъ за вѣру въ Сына человѣческаго, Сына Божія. Это по апостолу путь совершеннѣйшаго устраненія отъ дѣлъ плотскихъ: прелюбодѣянія, блуда, нечистоты, студодѣяній всякаго рода, идолослуженія всякаго рода, чародѣянія, суевѣрія, вражды, рвенія, зависти, ярости, разженія, распрей, соблазновъ, ересей, убійства, пійнства, безчинныхъ кличей и т. п. Это путь плодоприношенія плодовъ духовныхъ: любви, духовной радости, мира, долготерпѣнія, благодати, милосердія, кротости, воздержанія; путь распятія плоти со страстьми и похотьми; путь житія духомъ, хожденія духомъ; путь устраненія малѣйшей тѣни духовной гордости, тщеславія, превозношенія предъ другими и завидованія другимъ даже въ высшемъ духовномъ совершенствѣ, въ высшихъ духовныхъ подвигахъ; путь высшей любви къ ближнимъ даже несовершеннымъ, путь кротости и благоспиходительности даже къ немощнымъ; путь любвеобильнаго ношенія тяготы другихъ, тяготы ига Христова, ига

благаго и бремени, въ началѣ подвиговъ тяжкаго, а въ концѣ легкаго и сладостнаго, приносящаго покой и отраду душамъ труждающимся и обремененнымъ.

Какимъ образомъ самъ преподобный Сергій выросъ въ честь и славу великаго столпа церкви? Замѣьте, самые камни образуются и растутъ; растутъ изъ окружающей ихъ персти, если только она годна преобразоваться, при удобныхъ условіяхъ, въ крѣпкій гранитъ или порфиръ, въ малахитъ или мраморъ и т. п. Тогда, въ эпоху преподобнаго Сергія, на святой Руси было время особенно благопріятное для образованія высокихъ подвижниковъ. То было время, когда повсюду на св. Руси вѣялъ духъ отреченія отъ міра, когда многіе бѣжали въ пустыни спасаться отъ мірскихъ тревоженій въ подвигахъ распятія плоти со страстями и похотѣми. Такъ увлекаемый духомъ благочестиваго времени, точнѣе, водимый Духомъ Божіимъ, и преподобный Сергій, съ юношескихъ лѣтъ, возлюбилъ Бога, отрекся отъ мірскихъ благъ и суетъ и ушелъ спасаться въ пустыню. Но уходя изъ міра, онъ уже не озирался вспять, подобно лотовой женѣ, на красоты мірскія и не превратился въ столпъ сланный, предметъ пререканія и соблазна, горькихъ сожалѣній для прохожихъ и погиванія главами; но зря не вспять, а прямо предъ собою въ царствіе Божіе, туда онъ и управилъ духовное рало своего подвижничества и достигъ духовной высоты и славы небесной.

Вотъ какъ церковь воспѣваетъ твердость подвижничества преподобнаго Сергія. Міра мятежь оставивъ, преподобне Сергіе, и взявъ крестъ свой, ты послѣдовалъ Христу невозвратнымъ помысломъ, и въ пустыню вселился еси, душевныя страсти изъ корени исторгая, и тѣлесныя чувства огорчевая, и частыми бдѣніями и молитвами благодать Божію ты воспріялъ еси, преподобне отче. Да и кто

исповѣсть труды твои и болѣзни? Или какой языкъ изречетъ жестокое твое житіе, бдѣніе же и сухояденіе, и на земли лежаніе, чистоту душевную и тѣлесную, устнами и умомъ совершенное безмолвіе, смиреніе же нелицемѣрное, молитвы непрестанныя, и разсужденіе доблоразсудное, худость ризъ и память смертную? Славу маловременную оставивъ, богомудрый Сергій въ пустыняхъ и горахъ поселился на жительство, но явился блаженный чистымъ домомъ пресвятыя Троицы, еяже силою воздвигъ пресвятыя храмы и преславныя ограды монашествующимъ во спасеніе создалъ. Посему еще при жизни преподобный Сергій сталъ прибѣжищемъ, опорою и утвержденіемъ не только множества монаховъ, но и народовъ, и святителей и князей, которые притекали къ нему за совѣтомъ и наставленіемъ, за примѣромъ и назиданіемъ, за молитвою и предстательствомъ предъ Богомъ. Замѣьте, въ природѣ когда при образованіи толщей земныхъ камень начнетъ расти въ гору, то онъ претворяетъ и связываетъ всю окружающую земную персть въ крѣпкую каменную породу. Такъ и въ духовной жизни. Преподобный Сергій, выросши въ крѣпкій камень, въ твердыню Христовой церкви, уподобилъ и продолжаетъ уподоблять своей духовной природѣ и всѣхъ близкихъ соприкасающихся къ нему людей. Онъ напиталъ своимъ крѣпкимъ духомъ цѣлыя сонмы, цѣлыя поколѣнія монашествующихъ. Онъ содѣлался великимъ споспѣшникомъ притворенія ближнихъ и дальнихъ пустынь, населенныхъ искони вѣковъ финскими языческими племенами, въ самое крѣпкое христіанское великороссійское племя. Самый высшій носитель христіанскаго православнаго духа, онъ примѣромъ, назиданіями, молитвами своими много содѣйствовалъ и продолжаетъ содѣйствовать питанію этимъ духомъ всего православнаго россійскаго народа, духомъ, который составляетъ руко-

водительное начало, крѣпость и славу народной русской жизни. Потому—то къ преподобному Сергію, какъ неизсякающему роднику крѣпкаго русскаго духа, притекають на поклоненіе, для назиданія, для молитвы и до сегодне премногія тысячи народа. Ни одинъ въблизи путешествующій иногъ не минеть обители преподобнаго Сергія. Рѣдкій изъ іерарховъ русской церкви не припадалъ до праха земнаго предъ ракою преподобнаго Сергія. Всѣ до единого изъ Вѣнценосцевъ Россіи приносили у раки преподобнаго свои молитвы. Не только наши члены царствующаго дома, но и премногіе члены иностранныхъ царственныхъ семействъ приходили туда же то молиться, то изучать русскую жизнь у самыхъ ея основъ, у того родника, у одного изъ главныхъ родниковъ, изъ котораго она бьетъ ключемъ. Оттого—то на Руси, особенно въ средней Великороссіи такъ много и храмовъ посвящено памяти преподобнаго Сергія, какъ и у насъ въ нашемъ дальнемъ отъ центра Россіи богоспасаемомъ градѣ сей святой храмъ. Преподобный Сергій, онъ теперь хотя и почиваетъ въ ракѣ своимъ нетлѣннымъ тѣломъ въ основанной имъ обители, но живетъ собственно духомъ въ обителяхъ небесныхъ и носится надъ всѣмъ своимъ любезнымъ ему отечествомъ, носится и надъ нашимъ дальнимъ краемъ. Вотъ мы и здѣсь воздвигли его имени и памяти сей храмъ, какъ близкій для нашей немощи и холодности столпъ церкви, чтобы намъ здѣсь въблизи на него опереться, чтобы здѣсь поучиться у преподобнаго, здѣсь испросить себѣ мощнаго предстательства его предъ Богомъ, здѣсь утвердить наши немощныя стопы по утвержденной у этого столпа церкви лѣствицѣ разумнаго восшествія изъ церкви земной въ небесную.

Послѣ этого не странно ли, что мы построили церковь во имя преподобнаго Сергія и не ходимъ въ нее

почти никто, не ходятъ даже прихожане этой церкви въ храмовой день преподобнаго Сергія, къ которому вся церковь російская вопіетъ нынѣ: *радуйся, Духа святаго обитель, цѣломудрія столпе, имже всякая страсть попрося. Радуйся, яко отъ младыхъ ногтей послѣдовалъ еси Христу. Радуйся, притекающимъ къ тебѣ спасенія ходатай. Радуйся свѣтильниче многосвѣтлый, возведый ко Христу монаховъ множества. Радуйся похвало отечеству твоему. Радуйся, яко молитвами твоими супротивни, отечеству нашему враги побѣждаются. Радуйся, крестоносному Императору нашему похвала и утвержденіе. Его же соблюди молитвами твоими отъ врагъ не навѣтно и насъ спасай отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, да зовемъ ти: радуйся Сергіе богомудре. Аминь.*

1881 года.

ПОУЧЕНІЕ

въ день пресвятыя Владычицы нашея Богородицы,
Казанскаго ея образа.

Аще кто, епископъ или пресвитеръ, вопреки учрежденію Господню о жертвѣ, принесетъ ко олтарю иныя нѣкоторыя вещи, или медъ, или млеко, или вмѣсто вина приготовленный изъ чего либо другаго напитокъ, или птицы, или нѣкоторыя животныя, или овощи, вопреки учрежденію, кромѣ новыхъ класовъ, или винограда въ надлежащее время: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина. Да не будетъ же позволено приносить ко олтарю что либо иное, развѣ елей для лампады (или воскъ) и еміамъ, во время святаго приношенія. Всякаго инаго плода начатки да посылаются въ домъ епископамъ и пресвитерамъ, но не ко олтарю.—Апост. правила 3, 4 и 72.

Въ преданіяхъ церковной древности осталось и въ повѣствованіи о успеніи пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, въ житіяхъ святыхъ, записано воспоминаніе, что пресвятая Дѣва Марія, непрестанно пребывая не только въ богомыслии и молитвѣ, но и въ ручномъ дѣланіи, принесла

въ даръ святому и праведному Лазарю, другу Господню, тогда уже епископу кипрскому, омофоръ и нарукавницы (наши поручи), которыя сама собственными руками и сдѣлала нарочно его ради. Этимъ преданіемъ древности напоминаетъ намъ, что сама честнѣйшая херувимовъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимовъ Матерь Божія, но въ тоже время и смиреннѣйшая раба Господня, своимъ собственнымъ примѣромъ освятила тотъ способъ вольныхъ приношеній, какимъ церковь Христова содержала и благоукрашала свои храмы и другія священные мѣста общественнаго богослуженія, начиная съ первыхъ годовъ по вознесеніи Господа нашего Иисуса Христа на небо.

Источникомъ средствъ содержанія по совершенію богослуженія, по возведенію и поддержанію церковныхъ зданій, благоустроенію церковной утвари и всѣхъ церковныхъ принадлежностей, равно какъ по обезпеченію служителей церкви и удовлетворенію другихъ нуждъ церковнаго общества, съ самаго основанія Христовой церкви, были живая вѣра членовъ церкви и живой плодъ вѣры, добровольныя пожертвованія. Если вѣрующій, послѣдуя Христу, отрекается для царствія Божія отъ себя самаго и отъ всего, что ему дорого въ сей жизни; если для достиженія христіанскаго совершенства онъ приглашается раздать свое имущество бѣднымъ; если христіанская любовь впускаетъ ему относиться ко всѣмъ, а болѣе всего къ своимъ единовѣрцамъ, какъ къ своимъ братьямъ,—то естественно въ обществѣ христіанъ не должно быть недостатка въ людяхъ, готовыхъ жертвовать своимъ имуществомъ на общественныя нужды церкви. Христіанская благотворительность, частная ли то, или общественная, есть естественный плодъ вѣры Христовой, есть выраженіе покорности Евангелію. И мы видимъ, что добровольныя пожертвованія служили источникомъ средствъ на

покрытіе нуждъ церковныхъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, источникомъ неоскудѣвающимъ и весьма обильнымъ. Самъ Спаситель, съ своими учениками, которые ради Его оставили все свое имущество, содержался на добровольныя пожертвованія вѣрующихъ. Этими же пожертвованіями, согласно заповѣди Господа, жили и Его апостолы во время распространенія проповѣди евангельской. Жизнь вѣрующихъ первенствующей іерусалимской церкви представила собой прекрасный образецъ того, какъ ученики Христовы должны смотрѣть на свою собственность. У нихъ было одно сердце и одна душа. Они ничего не называли своимъ, а готовы были предоставить все на пользу ближнихъ. У нихъ были общія трапезы. Многіе изъ нихъ продавали свои имѣнія и полагали вырученную сумму къ ногамъ апостоловъ на общее иждивеніе. Хотя въ другихъ церквахъ не видно такого тѣснаго имущественнаго общенія между вѣрующими, какъ въ церкви іерусалимской, однакоже не только при апостолахъ, но и послѣ нихъ, въ продолженіи первыхъ вѣковъ христіанства, вѣрующіе продолжали жить какъ члены одной семьи по духу, въ общеніи духовныхъ и вещественныхъ благъ. Пожертвованія были такъ значительны, что ихъ было достаточно для удовлетворенія многоразличныхъ нуждъ церкви. Церковь содержала на свои средства вдовицъ, сиротъ, немощныхъ, странниковъ, заключенныхъ въ темницы, посланныхъ въ рудокони и семейства ихъ, выкупала плѣнныхъ, хоронила бѣдныхъ и умершихъ во время повальныхъ болѣзней и проч. Благотворительная дѣятельность мѣстной церкви не ограничивалась своимъ обществомъ, а простиралась на всю вселенскую церковь. Мѣстныя церкви, соединенныя одна съ другой узами духовнаго общенія, помогали одна другой и въ дѣлахъ житейскихъ, въ бѣдствіяхъ и злключеніяхъ, во время голода, мора, войны, гоненій

и т. д. При такихъ обстоятельствахъ у церкви не могло быть недостатка въ средствахъ на вспоможеніе клирикамъ, не имѣющимъ собственныхъ средствъ содержанія, на постройку и украшеніе храмовъ и т. д.

Всякій вѣрующій чувствовалъ, что онъ обязанъ, по самому званію христіанина и члена церкви, жертвовать несильную часть на церковно-общественныя нужды. Онъ не могъ явиться на общественную молитву съ пустыми руками, безъ плодовъ своей вѣры. Поэтому, главнымъ родомъ пожертвованій вѣрующихъ на общественныя церковныя нужды были приношенія къ алтарю, съ которыми христіане являлись къ совершенію евхаристіи, къ божественной литургіи. Сначала эти приношенія были очень разнообразны и пригодны не только для совершенія самой евхаристіи, но и для трапезы вообще; такъ какъ въ первомъ вѣкѣ совершеніе евхаристіи соединялось съ вечерами любви. По совершеніи евхаристіи, здѣсь же въ храмахъ, въ передней ихъ части, которая и носитъ названіе трапезы, уготовлялись общіе столы, за которые и садились трапезовать всѣ присутствующіе во храмѣ. Но со втораго вѣка совершеніе евхаристіи стали отдѣлять отъ устройства вечерей любви. Отсюда произошло распредѣленіе самыхъ приношеній, сообразно ихъ назначенію. Къ алтарю, для совершенія евхаристіи, приносились только вино, хлѣбъ, елей, воскъ, еиміамъ, также новые класы и виноградъ для освященія. Прочія же приношенія, какъ то: медъ, молоко, овощи, птицъ, животныхъ и проч. стали препровождать прямо на домъ къ епископу и пресвитерамъ. Вечери любви превратились въ общіе столы, устроявшіеся съ благотворительною цѣлю, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Были и денежныя пожертвованія, вносимыя въ церковную казну каждый мѣсяцъ и во всякое время по желанію и состоянію

каждаго. Были сборы и по особымъ случаямъ, на вспоможеніе во время голода, болѣзней, военного погрома, на построеніе храма, или просто по случаю оскудѣнія церковной казны. Были пожертвованія и недвижимыхъ имуществъ, домовъ, земельныхъ участковъ и проч. И какъ собственность церковной общины, всѣ способы церковнаго имущества были въ завѣдываніи у предстоятеля общины, епископа, при содѣйствіи пресвитеровъ и діаконѣвъ.

Когда въ греко-римской имперіи христіанство сдѣлалось религіею государственною, тогда церковныя учрежденія, храмы, архіерейскія каѳедры, монастыри, надѣлены были, сверхъ народныхъ пожертвованій, великими щедротами благочестивыхъ царей, такъ что владѣли весьма большими способами. Тѣ же обычаи, воззрѣнія и законоположенія относительно содержанія церковныхъ учрежденій перешли изъ православной Греціи и въ наше отечество, такъ что на Руси, по принятіи христіанства, положено было спервоначала собирать съ народа на церковь даже десятину. Жертвовались недвижимыя имущества въ большихъ размѣрахъ. Дѣлались на церковь и духовенство разнообразныя сборы. Вся народная благотворительность сосредоточивалась около церковныхъ учрежденій. Первоначальныя христіанскія вечера любви преобразовались на святой Руси въ монастырскіе странноприимныя дома, куда прибѣгали безпріютныя странники—паломники, въ монастырскія трапезы, за которыми кормились бѣдные, въ праздничные и поминальные столы, которыми имущіе вѣрные питали неимущихъ во дни торжествъ, напримѣръ, святыхъ пасхи, и во дни поминовенія усопшихъ, а также и въ поручную милостыню, которая даже и до сегодня, по исконному преданію, держится стойко около церквей и монастырей. Но къ нашимъ временамъ оскудѣнія вѣры не только оскудѣли обильныя пожертвова-

нія на церковь, а даже приняты соотвѣтственныя мѣры, чтобъ они не были слишкомъ обильны. Вся общественная благотворительность съ ея источниками не только отходить отъ церкви, отъ право—правившихъ ею нѣкогда рукъ церковныхъ предстоятелей, но и какъ-то совсѣмъ противоестественно, въ нововозникающемъ анти-христіанскомъ духѣ, становится противъ церкви, въ ущербъ ея достоянію и въ укоръ ея запасенному благочестивою древностію благосостоянію. Въ замѣнъ этого приняты въ законодательныхъ кодексахъ мѣры, чтобы главнымъ и по возможности неприкосновеннымъ достояніемъ церкви и источникомъ поддержанія главнѣйшихъ церковныхъ учрежденій осталась восковая церковная свѣчка.

Что такое восковая церковная свѣчка? Откуда она?

Церковный воскъ, вмѣстѣ съ елеемъ, какъ вещество, принятое въ церкви для ея освѣщенія при богослуженіи, упоминается уже въ правилахъ святыхъ апостоловъ (71 и 72). Такъ какъ апостольскими правилами запрещалось, подъ страхомъ изверженія, приносить ко олтарю, кромѣ елея для лампады и воска для освѣщенія, всякое животное мясо и животный тулъ, то нужно полагать, не инымъ, чѣмъ, какъ елеемъ и пчелинымъ воскомъ, освѣщена была сіонская горница при совершеніи тайной вечера, соединенной съ совершеніемъ ветхозавѣтной пасхи, при чемъ возжигалось много свѣчей. Безъ сомнѣнія, восковыми свѣчами освѣщались храмы, въ которыхъ еще святые апостолы совершали съ вѣрными свои всеобщныя бдѣнія (Дѣян. 20, 8). Восковая свѣчка свѣтила первенствующимъ христіанамъ при совершеніи ими евхаристіи въ мрачныхъ катакомбахъ. Восковая свѣчка, рядомъ единственно только съ чистымъ оливковымъ елеемъ, засвѣтилась и въ христіанскихъ храмахъ, когда христіанская вѣра, подобно лучезар-

ному солнцу по прошествіи ночи, востекла изъ мрачныхъ подземельевъ, въ которыхъ скрывалась во время гоненій, на небесную высоту, открыто торжественно надъ лицомъ всея земли. Рядомъ съ оливковымъ елеемъ восковая свѣчка сохраняетъ отъ святыхъ апостоловъ преданное ей исключительное право освѣщать своимъ чистымъ кроткимъ свѣтомъ святые храмы православной церкви и до сего дне. Она-же, чистая восковая свѣчка, до нынѣ же сохраняетъ отъ апостоловъ же полученное, пока еще неотъемлемое, пока еще поощряемое законодательствомъ право быть и самою главною жертвою благочестивыхъ душъ на храмъ Господень, на церковь Божию.

Говорить ли о томъ, какъ эта жертва прекрасна, благополезна, благопотребна? Говорить ли о томъ, что она напоминаетъ намъ Христа и Его ночную тайную вечерю, которую освѣщали восковыя свѣчки; напоминаетъ апостоловъ и ихъ дѣйствительно всенощныя бдѣнія въ молитвѣ и проповѣди слова Божія, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей; напоминаетъ панихиды и панигирисы первенствующихъ христіанъ, когда они жгли восковыя свѣчи во множествѣ то въ знакъ усиленной молитвы и духовнаго бодрствованія (какъ и у насъ въ ночь страстей Христовыхъ), то въ эмблему поминовенія отходящихъ къ Богу душъ, въ видѣ свѣта поднимающагося къ небу (какъ и у насъ при похоронахъ и панихидахъ), то въ символъ духовнаго торжества и веселія (какъ и у насъ во святую пасху, въ недѣлю ваій и на всѣхъ праздничныхъ всенощныхъ)? Говорить ли о томъ, что эта жертва напоминаетъ намъ неусыпаемую молитву отшельниковъ, въ пещерахъ и пропастяхъ земныхъ, да никогда непрестающую во вселенной молитву и всѣхъ благочестивыхъ иноковъ по уединеннымъ кельямъ, да и всѣхъ праведныхъ душъ по своимъ сокро-

веннымъ клѣткамъ, гдѣ каждому изъ нихъ предъ иконою свѣтитъ эмблематически смиренная и чистая восковая свѣчка? Говорить ли о томъ, что восковая свѣчка напоминаетъ намъ и наше собственное крещеніе, когда мы рождались на свѣтъ Божій, когда взамѣнъ нашей слабой младенческой руки зажженную предъ Богомъ свѣчку держала возмужалая рука нашего восприемника, уста котораго изрекали за насъ обѣтъ горѣть для Бога свѣтомъ чистой вѣры и не отпадающей любви ко Христу во всю нашу жизнь, во всю вѣчность? Что горящая свѣчка напоминаетъ намъ и смертный часъ нашъ, когда намъ будутъ давать въ холодящія руки зажженную страстную или другую церковную свѣчку крѣпкія руки окружающихъ, въ символъ воспаренія нашей души, нашей вѣры и надежды къ престолу всепокрывающаго, всепрощающаго милосердія Божія? Говорить ли о томъ, что горящая передъ Богомъ восковая свѣчка служитъ лучшею эмблемой нашей горящей предъ Богомъ вѣры, надежды и любви, лучшимъ символомъ возносимой къ небу молитвы славословія, прошенія, благодаренія?

Посмотрите, подумайте, какъ она благополезна, какъ благопотребна для нашего пока еще христолюбиваго народа. Вотъ онъ, простой русскій человѣкъ, въ своей ли темной хатѣ, на трудовомъ ли полѣ, или гдѣ либо за тяжелымъ промысломъ, обливается трудовымъ потомъ, терпитъ нужду, радуется успѣху, переноситъ скорби и болѣзни, гнется подъ бременемъ жизни. Вотъ въ праздничекъ Господень идетъ онъ въ храмъ Божій отдохнуть душою. А въ сумѣ у него только гроши да копейки, а на душѣ тягота жизни и праздничное свѣтло, въ умѣ же всегда тускло. Вѣры онъ почти не знаетъ, молитвъ также. Твердо знаетъ онъ только молитву евангельскаго мытаря: *Боже! Будь*

милостивъ мнѣ грѣшному. Господи помилуй,—да другія подобныя же, братія, да многосодержательныя молитвы. И вотъ онъ въ церкви покупаетъ на свою лепту восковую свѣчку, свитую изъ чистаго воска, чистыми руками церковницъ или иногинь. И зажигаетъ ее самъ, и ставитъ ее самъ, и кледетъ свой доземный поклонъ предъ образомъ Божіимъ, творя свою мытареву молитву: *Господи помилуй меня грѣшнаго*. И гори его свѣчка предъ Богомъ, просвѣтляя своимъ свѣтомъ его тусклую, но теплую вѣру. Дополняй свѣчка своимъ пламенемъ передъ Богомъ его теплую, но простую молитву. Гори свѣчка и жги своимъ огнемъ его грѣхи предъ очами милосердаго Бога. Гори свѣчка въ волю благоуханія его смиреннымъ жертвоприношеніемъ, жертвою его порывистой, но неумѣлой хвалы, его глубокаго, но немногосодержательнаго благодаренія Богу за Божіи дары, его сердечною молитвою о продолженіи милостей Божіихъ, объ отвращеніи грядущей Божіей кары. И за все это благоприятная, и на все это благопригодная жертва—она одна, эта горящая восковая свѣчка, эта скудная лепта бѣдной евангельской вдовицы.

Да, эта жертва бѣдна, скудна, мала, какъ капля въ морѣ. Но изъ этихъ малыхъ капель слагаются великіе дожди, текутъ ручьи и потоки, питаются большія рѣки и озера. Изъ этихъ капельныхъ народныхъ жертвъ въ послѣднее время слагается почти всецѣло все благосостояніе церковное на святой Руси. Вотъ поставленная предъ иконою свѣчка тутъ же сгоритъ на половину, улаждая своимъ чистымъ кроткимъ свѣтомъ смиренную душу жертвоприносящаго. Вторая половина ея освѣтитъ храмъ Господень завтра въ будній день, когда молитва за весь міръ будетъ приноситься въ отсутствіи народа, отшедшаго на житейское свое дѣланіе. Изъ огарковъ слагаются большія свѣ-

чи, горящія за престоломъ, предъ главными мѣстными иконами иконостаса, или въ паникадилахъ, веселящія зрѣніе, улаждающія сердце молящагося народа по праздникамъ и торжествамъ. Изъ лептъ, за которыя приобрѣтены грошовыя свѣчки, вырастаютъ сіи вотъ величественныя стѣны съ ихъ дорогими блестящими украшеніями, устроятся драгоценныя утвари и облаченія, высятся подпирающія небо колокольни съ своими громозвучными кампанами, собираются вокругъ престола Господня стройныя пѣвческіе хоры, благоприличные клирики, благозвучные діаконы, просвѣщенные служители—пастыри, ученые архипастыри. Изъ этихъ же лептъ, изъ этихъ же грошовыхъ свѣчекъ накаплиются не только толстыя свѣчи для большихъ свѣтильниковъ и лампадъ, но накапливается и обильный свѣтъ духовнаго просвѣщенія, свѣтъ широкаго и глубокаго знанія нашей христіанской вѣры. Вѣдь изъ нихъ же, изъ этихъ грошовыхъ свѣчекъ, возжигаемыхъ въ храмахъ Божіихъ, изъ народныхъ лептъ слагаются капиталы, на которые воздвигаются и поддерживаются наши духовныя академіи, семинаріи и другіе разсадники духовнаго просвѣщенія. А чрезъ это выходитъ, что русскій простецъ, зажигая у образа Божія свѣчку на подсвѣчникѣ, тѣмъ самымъ возжигаетъ духовный свѣтъ и въ головахъ своихъ пастырей—учителей, просвѣтляя образъ Божій въ ихъ душахъ, а чрезъ нихъ и въ своей собственной душѣ. Не видали-ль вы, что въ зажженной предъ Богомъ свѣчкѣ или лампадѣ часто заключается вся вѣра иного человѣка, вся молитва, вся тутъ и жертва его Богу? Вотъ человѣкъ не можетъ ходить въ храмъ Божій. Но насталь праздникъ Господень, ударили въ церковный колоколь,—человѣкъ становится предъ образомъ Божіимъ, зажигетъ свѣчку или лампадку, перекрестился, вздохнулъ, и въ этомъ все для него празднованіе, весь смыслъ праздни-

ка, вся молитва, вся тутъ и жертва праздничная. Или вотъ человѣкъ пришелъ въ храмъ Божій, зажегъ свѣчку, поставилъ передъ образомъ и стоитъ... Не знаетъ онъ ни праздника, ни вѣры; не понимаетъ, даже не слушаетъ молитвъ; не вникаетъ по привычкѣ и въ то, что передъ его очами на престолѣ въ алтарѣ приносится очистительная жертва за него, какъ и за весь міръ. Онъ сдѣлалъ свое простое дѣло, поставилъ передъ Богомъ свою жертву, свою свѣчку. Но эта самая свѣчка просвѣтила смыслъ, просвѣтила душу, и чрезъ то поставила у престола Божія священнодѣйствующаго пастыря. И въ этомъ пастырѣ—священникѣ заключается и сознательная вѣра вѣрующаго простеца, въ священникѣ и разумная молитва его, чрезъ священника же приносится Богу и словесная, безкровная миро-очистительная жертва, которая объединяетъ, очищаетъ и вѣнчаетъ собою всѣ прочія жертвоприношенія Богу. И такимъ образомъ, священникъ и мірянинъ, дополняя другъ друга, составляютъ единое тѣло церкви и единый духъ, молящійся и жертвоприносящій Богу.

Прискорбно, что исчезаетъ древній обычай, чтобъ самъ покупающій свѣчку самъ же и возжигалъ ее передъ Богомъ. Прошелъ по церкви человѣкъ, кинулъ свою монету на ящикъ старосты церковнаго и равнодушнаго,—это онъ принесъ жертву, холодную, безучастную жертву Богу ли, долгу ли, обычаю ли, собственному ли тщеславію, не разберешь. А обычай возжиганія передъ Богомъ свѣчи самимъ приносящимъ ее весьма почтенный и древній. Въ новоосвящаемомъ храмѣ, по древнему чину освященія, первую свѣчку возжигаетъ и ставитъ за престоломъ собственными руками самъ священнодѣйствующій архіерей. Еще прискорбнѣе, что многіе, а по преимуществу такъ называемые образованные люди, вовсе перестаютъ жертвовать на храмъ.

Они одолжаютъ Господа Бога уже тѣмъ, что удостоиваютъ изрѣдка развлечь себя, на короткое время посѣтить храмъ Господень. Они глубоко равнодушны къ вопросу, откуда, изъ какихъ средствъ возникаютъ эти храмовыя стѣны, эта иконная роспись, эти люстры, эти облаченія; откуда это освѣщеніе, эти благовонія, это хоровое пѣніе. Нужно благодарить ихъ и за то, если они удостоятъ весь этотъ богослужебный чинъ и строй похвалить: «какъ это все нарядно и порядочно!» Забыли они не только про то, что они члены древней апостольской церкви, которая обязываетъ чадъ своихъ помнить о своей матери и поддерживать ее тѣмъ заботливѣе, чѣмъ сама она старше. Но забываетъ наша російская интеллигенція и про то, что въ самыхъ свободныхъ странахъ и религіозныхъ общинахъ ихъ члены обязательно платятъ тѣмъ дороже, чѣмъ сами зажиточнѣе,—за что платятъ? За мѣста въ храмахъ, за право присутствія въ нихъ, за участіе въ совершаемомъ для нихъ богослуженіи, платятъ въ поддержаніе храма и его благоуукрашенія, въ пользу труждающихся (наприм. хоть бы даже стражей и звонарей), поющихъ, священнодѣйствующихъ и проповѣдующихъ слово Божіе. Вѣдь кто же обязанъ отдавать тебѣ свой трудъ даромъ, безъ взаимности съ твоей стороны? Вѣдь церковные сторожа, какъ и другіе церковнослужители ѣсть хотятъ и добывать себѣ хлѣбъ должны своимъ трудомъ. Вѣдь ризы церковныя своими дырами кричатъ о починкѣ, или объ отставкѣ на покой. А у насъ холодная интеллигенція полагаетъ, что все это—задача и забота только простаго народа, чернаго нашего люда. А еслибъ и онъ, простой людъ, сталъ также полагать, что тогда?! Тогда..., не станемъ продолжать.

«Лучше жъ я пожертвую на благотворительныя учрежденія, на больницы, на школы, чѣмъ на этотъ ладанъ и

прочую византийскую пышность». Съ христианской, съ Христовой точки зрѣнія нѣтъ не лучше. Доказательство этому—извѣстное евангельское повѣствованіе о Христѣ, о женѣ мироносицѣ и объ Іудѣ предателѣ. Жена вылила драгоцѣнное миро, въ триста пѣнязей, на голову ближнему къ смерти Христу. Іуда запечалился о нищихъ: *лучше бы продать сіе миро и отдать на нищихъ*. А Христосъ сказалъ: *нищія всегда имате съ собою, Мене же не всегда; сія же, изливши миро сіе, на погребеніе приготовила Меня*. Есть такая то неизреченная, безконечно трогательная красота въ этомъ евангельскомъ образѣ. Подобнымъ же образомъ есть своя особая трогательная красота въ церкви, въ благолѣпії храма Господня, въ благообразіи служителей Господней, красота, которая дѣйствуетъ и на маловѣріе, которая умиляетъ, которая смягчаетъ и жесткія самолюбивыя сердца, располагая ихъ къ благодати и милосердію. Милостыня въ церкви Христовой не оскудѣетъ, тѣмъ паче не умретъ. Наоборотъ, не отощаетъ ли она до истощанія на аренѣ міра, на аренѣ смертельной борьбы за существованіе, это вопросъ. Вѣдь на Руси святой, гдѣ христианская благотворительность начиналась съ храмовъ, пока нищихъ не прогоняли отъ порога церковнаго, конечно весьма немногіе помирали съ голоду. А въ западной Европѣ, опоясанной усовершенствованными социологіею благотворительными учрежденіями, внѣ и вдали отъ церкви, гдѣ сытый кидаетъ сильные отброски своей сытости голодному пролетарію, чтобы тотъ не беспокоилъ, не грозилъ и не былъ дѣйствительно грозенъ, тамъ голодные умираютъ на улицахъ столицъ, при глубокомъ равнодушіи прохожихъ, при ворчливомъ вниманіи только полицейскаго надзора, тяготящагося убирать мертвыхъ.

Не стыдись же, просвѣщенный человѣкъ, купить и по-

ставить свѣчку передъ Богомъ. Это твой долгъ передъ церковію, это долгъ справедливости. Знаешь, что и эстетическое наслажденіе, концерты, театры, выставки картинъ, стоятъ денегъ. Это твой долгъ и передъ самимъ собою, если хочешь не только слыть, но и быть и умереть христианиномъ. Все твое отъ Бога. Принеси же Богу и ты хоть что либо. Платишь же ты на увеселенія. Подай же что либо и на церковь, которая и увеселяетъ, и поучаетъ, и утверждаетъ душу. Вѣдь вотъ вѣра твоя слаба, примрачна, колеблется. О христианской надеждѣ ты позабылъ. Любовь христианскую въ себѣ ты потушилъ, оземленивъ, отяготивъ душу чувственностію и грѣхами. Молитва, особенно теплая, благоговѣйная, сосредоточенная, тебѣ чужда, тебѣ незнакома. Не стыдись же поставить Богу хоть свѣчку, какъ дѣлаютъ простые сердцемъ люди. Пусть свѣчка погоритъ за тебя передъ Богомъ, просвѣтляя твою въ Него вѣру, подъемля къ Нему твою на Его милосердіе надежду, возгрѣвая въ тебѣ если и не чистую любовь къ Богу, то хоть покаянное чувство и сокрушеніе о твоёмъ одеревенѣніи, вознося отъ образа Божія къ существу въ небѣ Первообразу хоть и холодную, но сознательную твою покаянную молитву.

Но вотъ еще истинно анти—христианское знаменіе нашего послѣдняго времени; это вопли промышленной интеллигенціи о томъ, что нужно освободить духовенство отъ этихъ промышленныхъ заботъ о торговлѣ свѣчами, о ихъ заготовленіи, о свѣчныхъ заводахъ. Эти вопли равняются воплямъ, что слѣдовало бы освободить духовенство отъ промышленныхъ заботъ о колоколахъ, о ладанѣ, о церковныхъ облаченіяхъ, о поновленіи стѣнъ церковныхъ, о поддержаніи духовныхъ училищъ, о содержаніи церковнаго управленія и т. д. Озабочиваясь такъ горячо освобожденіемъ ду-

ховенства отъ подобныхъ яко бы мірскихъ заботъ, очень усердно и быстро общество освобождаетъ церковь и отъ озабочивающаго всѣхъ предмета, такъ называемаго презрѣннаго металла, попечительно возвращая насъ къ апостольской простотѣ, нестяжательности и нищетѣ. И вотъ въ наше поколѣніе появились еще новыя, неслыханныя прежде во всѣ восемнадцать съ половиною вѣковъ отъ Р. Х., печальники процвѣтанія церкви, это новыя свѣчеторговцы съ новоизобрѣтенными церковными свѣчами изъ какого то неслыханнаго церезина, изъ японской смолы, изъ стеарина и прочихъ нечистей. Они не знаютъ конечно, да и знать не хотятъ, что еще святые апостолы воспретили, подъ страхомъ изверженія, приносить ко олтарю, кромѣ еиміама, емея и воску, всякое животное мясо, всякій животный тукъ, да и все иное вопреки Господню учрежденію о безкровной жертвѣ. Странна и прискорбна лукавая простота иныхъ жертвователей и жертвовательницъ, которые накупаютъ у такихъ благонамѣренныхъ торговцевъ свѣчекъ подешевле, проникнуть въ церковь и зажгутъ эту противуцерконную нечисть, и любятъ, какъ она дѣлаетъ въ церкви копоть, быстро исчезая въ дымъ и гари, съ ревнивою заботою слѣдя, чтобы въ церкви отъ ихъ жертвы не осталось даже не потребнаго огарка. Скажите же, духовную ли жертву приносить Богу эта лукавая простота, вещественную ли церкви Божіей? Давно ли мелко—корыстное лукавство стало благопріятною жертвой Богу? Давно ли потеряло смыслъ извѣстное русское присловіе (*), которымъ схвачена и метко очерчена эта непривлекательная черта нашихъ доморощенныхъ фарисеевъ? Вѣдь еще въ ветхомъ заветѣ, въ

(*) На, Тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже. Или: что себѣ не мило, то попу въ кудило.—Или: что слѣпо, да хромо, да паршиво мнѣ, то Деміану Кузю и т. п.

разъясненіе того, что непригоже приносить въ жертву Богу то, что намъ самимъ негоже, заповѣдано: *если кто принеситъ жертву, по изволенію своему или обѣту,—принесите то, что пріятно вамъ, непорочное отъ стада воловъ, или отъ овецъ, или отъ козъ. Что слѣпо, или повреждено, или уродливо, или больно, или коростливо, или паршиво, такихъ не приносите Господу, и въ жертву не давайте на жетвенникъ Господень* (Лев. 22, 21—22). А ты, православное чадо новаго завета, христіанская душа, а не жидовинъ, приносишь къ жертвеннику Господню не вола, не овцу, не козла, а только грошовую свѣчку, да и тутъ норовишь, чтобы она была даже не грошовой, а копѣечною. Кого же ты обманываешь, подобно Ананіи и Сапфирѣ? Сущее твое не твое ли было? Для чего же тебѣ, развѣ для собственной славы въ очахъ людскихъ, нужно поставить двѣ копѣчныя свѣчки вмѣсто одной грошовой? Для чего же ты, желая принести жертву угодную Богу, украдкою или насильно, вопреки противодѣйствію церковниковъ, втискиваешь въ церковь Божію то, что еще святые апостолы запретили приносить ко олтарю Господню?!... Да. Бывали на Руси, по высшимъ общимъ соображеніямъ, отъятія церковнаго достоянія на удовлетвореніе болѣе вопіющихъ о себѣ общихъ нуждъ. Но чтобы личная корысть коренныхъ русскихъ людей повела со всѣхъ сторонъ подкопъ, чтобы пресѣчь главный, да и послѣдній оскудѣвающій притокъ приношеній на церковь отъ холодѣющей ревности русскихъ православныхъ христіанъ и направить его въ собственный іудинъ ковчежець,—вѣдь и Іуда предатель, и тотъ о нищихъ и о Христѣ печашеся, но и себя не забывалъ,—это на святой Руси неслыханное дѣло пришлось услышать и во очію увидѣть нашему поколѣнію, нашему послѣднему тревожному времени. *Сіе же въждь*,—пишетъ апостолъ Па-

ведъ къ Тимофею (2 Тим. гл. 3, ст. 1—5),—яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта. Будутъ бо чловѣцы самолюбцы, сребролюбцы..., имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися. И сихъ отверщайся. Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Пречистыя Дѣвы Богородицы, Казанскаго
Ея образа, октября 22.

Предста Царица одесную Тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещрена. Вся слава дщери цареви внутри. Приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея, искренія ея приседутся Тебѣ. Приведутся въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ Царевъ. Псал. 44, 10—16.

Въ восторженномъ состояніи наитія свыше, изъ сердца древняго пророка псаломпѣвца изливается слово благое. Движимый силою Духа Божія языкъ псаломпѣвца, какъ трость квижника скорописца, изрекаетъ, а вдохновенныя уста поютъ пѣснь о Царѣ Сынѣ Божіемъ, нисходящемъ на землю для вочеловѣченія, предъ-изображая Его нисшествіе на землю подъ видомъ воцаренія и духовнаго брака Сына Царева, наслѣдника Царя царствующихъ, превѣчнаго Бога. Вотъ боговдохновенныя уста псаломпѣвца поютъ: „Богъ во плоти, Ты прекраснѣе сыновъ чловѣческихъ. Благодать льется изъ устъ твоихъ. Благословляетъ Тебя на твоємъ престолѣ Богъ Отецъ твой на вѣки. Препояшь же себя по бедру мечемъ твоимъ, Сильный, одѣй себя славою своею и красотою своею и въ семъ украшеніи твоємъ поспѣши явить себя людямъ,

возсядь на колесницу для явленія истины и брѣпости и правды, и десница твоя покажетъ дѣла дивныя... Возсѣдаешь Ты на престолъ твой, Боже, во вѣкъ... Вотъ предстала у престола твоего одесную Тебя Царица, облеченная въ золото офирское, золотыми узорами одѣянная и преиспещренная. Но вся слава ея, вся красота дщери царевой внутри ея, въ ея душѣ. Вслѣдъ за нею на торжество небеснаго духовнаго брака приводятся къ Царю лики дѣвъ, подруги ея; приводятся съ веселіемъ и ликоваіемъ и входятъ въ чертоги Царя небеснаго на радость вѣчную. Въ этой пророчественной пѣсни, по принятому въ церкви толкованію, подъ образомъ преукрашенной царицы предъизображается слава Царицы небесной, преблагословенной Дѣвы Маріи; предначертывается дивное для неба и земли приближеніе Ея къ пренебесному престолу Бога Отца, дабы уневѣститься Святому Духу и родить отъ пречистыхъ кровей своихъ Сына Божія, Богочеловѣка, Спасителя міру; чтобы пренепорочнымъ шествіемъ своимъ къ престолу Царя царствующихъ указать путь въ брачный небесный чертогъ премногимъ сонмамъ непорочныхъ дѣвъ, какъ и ликамъ преподобныхъ и праведныхъ матерей, которыя, шествуя по стопамъ Царицы небесной, преблагословенныя Богоматери, возводятся на высоту духовныхъ невѣсть Христа, Сына Божія, Сына Дѣвы пречистой, единыя благословенныя въ женахъ. Потому и наречена Она преблагословенною Дѣвою и единою благословенною въ женахъ, что, низвлекши на себя всѣ благословія неба, Она разлила ихъ на всѣхъ мужей и женъ, указавъ всѣмъ и особенно женамъ, своимъ царскимъ шествіемъ, прямѣйшій путь къ небу. Она, пречистая Дѣва Марія, своимъ пришествіемъ въ міръ принесла на землю прежде невѣдомый міру совершеннѣйшій идеалъ женщины христіанки.

Этотъ идеалъ женщины христіанки, по запросу нашего времени, по смыслу и духу и Христовой церкви, и стараемся начертать, въ честь настоящаго празднованія, во славу преблагословенныя въ женахъ Дѣвы Маріи.

Не стоитъ, было бы долго и несовсѣмъ уместно здѣсь и теперь сравнивать идеалъ женщины христіанки съ высшимъ идеаломъ женщины языческаго классическаго міра, не говоря уже о женщинахъ другихъ менѣе образованныхъ языческихъ народностей. Нѣтъ возможности ставить въ какое либо сравненіе даже римскую Люкрецію или извѣстную препрославленную спартанскую мать, по духу мѣста и времени, полную суроваго героизма и самоотверженной любви къ отечеству, съ праведною Елизаветою, матерью Предтечи, или съ праведною Анною, матерью Богоматери, или Марією Магдалиною и Марією Египетскою, съ мученицами Оеклою и Варварою, какъ и съ неисчислимымъ сонмомъ преподобныхъ и праведныхъ матерей и дѣвъ. А сравнимъ идеалъ женщины, ново-завѣтный христіанскій, съ идеаломъ, начертаннымъ въ ветхомъ завѣтѣ.

По первоосновному совѣту въ тройческомъ единствѣ Божества о сотвореніи жены: *не добро быти челоуѣку единому, сотворимъ ему помощника по нему* (Быт. 2, 18); по первоосновному творческому закону: *сего ради оставитъ челоуѣкъ отца своего и мать и прильпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину* (Быт. 2, 24); по первоосновному творческому благословенію и заповѣди: *раститеся и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28), въ ветхомъ завѣтѣ всякая женщина воспитывалась исключительно для того, чтобы пришедши въ мѣру возраста, сдѣлаться женою мужа, матерію дѣтей и помощницею главы семейства въ домостроеніи. Этимъ заключалось общее и, можно сказать, высшее призваніе ветхозавѣтной женщины.

Такъ у псалмопѣвца воспѣвается, какъ великое благословеніе Божіе, многоплодіе жены. Блаженъ, кто боится Господа, кто ходитъ путями Его! Жена твоя, какъ плодovitая лоза, въ домъ твоёмъ; сыновья твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ трапезы твоей. Увидишь сыновъ у сыновъ твоихъ. Такъ благословится человекъ, боящійся Господа (Пс. 127). У ветхозавѣтнаго богопросвѣщеннаго мудреца такъ прославляются качества добродѣтельной жены, какъ помощницы мужа, какъ хозяйки дома. Кто найдетъ добродѣтельную жену, — цѣна ея выше жемчужовъ и камней многоцѣнныхъ. Увѣрено въ ней сердце мужа ея. Во все дни жизни своей она воздастъ мужу добромъ, а не зломъ. Она добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками. Она, какъ купеческій корабль, издалека добываетъ хлѣба свой. Она встаетъ еще ночью, и раздаетъ пищу въ домъ свой и урочное служанкамъ своимъ. Задумаетъ она о полѣ и приобретаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ. Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и спитильникъ ея не гаснетъ и ночью. Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ и персты ея берутся за веретено. Не боится стужы для семьи своей, потому, что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды. Она и чужому бѣдному открываетъ длань свою и руку свою подаетъ нуждающемуся. Она дѣлаетъ себѣ ковры; виссонъ и пурпуръ — одежда ея. Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ, и поясы доставляетъ купцамъ финикійскимъ. Во всемъ она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домъ свой, и не пѣтъ хлѣба праздности. Крѣпость и красота одежда ея, и весело смотритъ она на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростію, и кроткое наставленіе на языкъ ея. Встаютъ дѣти, и ублажаютъ ее; мужъ и хвалитъ ее. Мужъ ея славится у воротъ, когда сидитъ и держитъ совѣтъ

съ старѣйшими земли. Милосивднѣе обманчива, и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна общей и всякой хвалы (Прит. Сол. гл. 31). Такъ въ добродѣтельной женщинѣ, какъ женѣ, матери и хозяйкѣ, прославляются ея вѣрность мужу, домовитость и дѣятельность, крѣпость мышцъ и рукъ, неусыпное трудолюбіе и бодрая заботливость о домѣ, ея щедродательность не только въ домашнемъ кругу, но и чужимъ нуждающимся, ея бодрая нарядность, красота и веселость, ея мудрость и кроткая наставительность, а наконецъ завершеніе всего страхъ Господень. Тѣ же черты въ добродѣтельной женщинѣ прославляются и у другаго ветхозавѣтнаго мудреца, у Іисуса сына Сирахова, черты доброты и любезности, благоразумія, кротости и душевной благовоспитанности, стыдливости и душевной воздержанности, красоты въ домовитости, въ убранствѣ дома, и красоты, какъ отпечатка добродѣтели въ зрѣломъ возрастѣ. Счастье мужа добрая жена, и число дней его сугубое. Радость мужа жена добродѣтельная, и лѣта его исполнитъ миромъ. Добрая жена счастливая доля, она дается въ удѣлъ боящимся Господа. Съ нею у богатаго и бѣднаго сердце довольное и лице во всякое время веселое. Любезность жены усладитъ дни ея мужа, и благоразуміе ея утѣчитъ кости его. Кроткая жена — даръ Господа, и нѣтъ цѣны благовоспитанной душѣ. Благодать на благодать жена стыдливая, и нѣтъ достойной мѣры для воздержной души. Что солнце, восходящее на высотахъ Господнихъ, то красота доброй жены въ убранствѣ дома ея. Красота лица ея въ зрѣломъ возрастѣ — что спитильникъ, сіяющій на святомъ спитильникѣ (Іис. Сир. гл. 27); такъ она сіяетъ кроткимъ и святымъ блескомъ.

Руководимыя этимъ присущимъ ветхому завѣту идеа-

ломъ, воодушевляемая истиннымъ духомъ святости, вѣдущимъ еще изъ патриархальной древности, нѣкоторыя избранницы и изъ ветхо-завѣтныхъ женъ достигли такой праведности, что удостоились чести быть выставленными и въ новомъ завѣтѣ въ образецъ для подражанія христіанскихъ женъ, какова родительница Богоотроковицы Маріи праведная Анна, какова мать Предтечева праведная Елизавета, какова праматерь вѣрующихъ праведная Сарра, которой святыи апостолъ Петръ, для подражанія женамъ христіанскимъ, приписываетъ святое, чистое, богобоязненное житіе, упованіе на Бога и повиновеніе мужу съ одной стороны, а съ другой и благотворное вліяніе на праведнаго супруга посредствомъ чистаго богобоязненнаго своего житія, посредствомъ украшенія себя не внѣшнимъ плетеніемъ волосъ, не золотыми уборами, или нарядностью въ одеждѣ, но нетлѣнною красотою сокровеннаго въ сердцѣ чловѣка, нетлѣнною красотою кроткаго и молчаливаго духа (1 Пет. 3, 1—6). Такова же была, въ исходѣ ветхаго завѣта, и Анна пророчица дочь Фануилева, которая на половину принадлежала уже новому завѣту, которая, проживъ съ мужемъ отъ дѣвства своего только семь лѣтъ, вдова лѣтъ восьмидесяти четырехъ, не отходила отъ храма, постомъ и молитвою служа Богу день и ночь (Лук. 2, 36—37), предначавъ своимъ воздержно-цѣломудреннымъ, постническимъ, молитвеннымъ, всецѣло богопреданнымъ, подвижническимъ житіемъ несчетный сонмъ подвижницъ уже ново-завѣтныхъ.

Но какъ въ ветхомъ завѣтѣ исключительнымъ призваніемъ женщины считалась жизнь въ супружествѣ, а многоплодіе жены признавалось благословеніемъ Божиимъ, бесплодіе же и неимѣніе чадъ—знакомъ немилости Божіей и поношеніемъ между людьми, поношеніемъ не только для же-

ны, но и для мужа: поэтому, для увеличенія многочадія въ семьѣ, попущено было въ ветхомъ завѣтѣ многоженство. А попущенное Богомъ въ благихъ цѣляхъ умноженія чловѣческаго рода, какъ и благословеннаго сѣмени патриарховъ, многоженство низведено было, сладострастіемъ людскимъ, до наложничества. А то и другое, многоженство и наложничество, понижая иногда до послѣдней степени богоустановленную, естественную, наитѣснѣйшую любовь, какая можетъ быть у единаго мужа только къ единой женѣ, составляющей съ нимъ едину плоть и единый духъ, питая наоборотъ въ мужѣ холодное жестокосердіе ко многимъ женамъ и наложницамъ, какъ и обратно, воспламеняя слишкомъ часто, если только не постоянно вмѣсто любви, привязанности и всецѣлой преданности, жестокую, лукаво-коварную ненависть у многихъ женъ къ мужу, къ которому такъ мало онѣ были привязаны, который имѣлъ право замѣнять ихъ одну другою, какъ вещь вещью,—все это повело не только къ допущенію, но и къ легкости развода. А всѣ эти ветхо-завѣтные обычаи, какъ и возникшіе изъ истинныхъ обычаевъ законы неизбѣжно вели къ тяжкому униженію и даже часто къ развращенію еврейской женщины, конечно, съ огромнымъ вредомъ и для мужей и для всего народа и для всего общественнаго строя. Жена была тогда часто не подруга мужа, а въ высшемъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, а весьма часто только раба, съ унижительнымъ назначеніемъ быть орудіемъ для удовлетворенія чужой похоти; даже, можно сказать, была чуть не вещь, принадлежность дома, мѣняемая по прихоти; но вещь живая, то растлѣваемая отвращеніемъ къ своему ненавистному властелину, то возжигаемая чувствомъ естественной ревности и злобы къ ненавистнымъ соперницамъ, отстаивающая свои естественныя права хитростью и коварствомъ, и весьма часто вольная не-

вольная прелюбодѣйца, такъ какъ, по слову Христа Спасителя, самый разводъ безъ основательной вины, съ цѣлю новаго брачнаго сопряженія, былъ прелюбодѣянiемъ, прелюбодѣянiемъ двустороннимъ или даже четверостороннимъ; такъ какъ и разведшійся съ женою, женившійся на другой, впадалъ въ прелюбодѣянiе, и женившійся на разведенной также впадалъ въ прелюбодѣянiе. Можете судить, какъ мало всѣмъ этимъ возвышалось въ ветхомъ завѣтѣ нравственное значенiе женщины. Оттого въ ветхомъ завѣтѣ встрѣчается не мало суровыхъ изреченiй о женахъ недобрыхъ. *Лучше жити со львомъ и змiею, неже жити съ женою лукавою. Мала есть всякая злоба противу злобъ женскихъ. Сердце унылое и лице печальное и язва сердечна—жена лукава. Отъ жены начало грѣха и чрезъ нее всь мы умираемъ. Не давай водъ выхода, ни злой женѣ власти* (Ис. Сир. 25, 18—29).

Вольное же дѣвство, всецѣлое посвященiе своего тѣла и духа Богу, какъ между женщинами, такъ и между мужчинами, было въ ветхомъ завѣтѣ совсѣмъ вѣ обычаевъ. Въ какой мѣрѣ вѣчное дѣвичество считалось тогда несчастiемъ, достойнымъ слезъ, и самою тяжкою жертвою Богу, можно судить по примѣру дочери Іефѳаевой. Судiя израильтянъ Іефѳай, выступая войною на Аммонитянъ, произнесъ такой обѣтъ Господу: *если Ты предашь Аммонитянъ въ руки мои, то, по возвращенiи моемъ съ миромъ отъ Аммонитянъ, что выйдетъ изъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ Господу и вознесу сіе со всесожженiе. И поразивъ Аммонитянъ пришелъ Іефѳай въ домъ свой. И вотъ дочь его выходитъ на встрѣчу ему съ тимпанами и ликами. А она была у него одна и не было у него еще ни сына ни дочери. Когда онъ увидѣлъ ее, разодралъ одежду свою и сказалъ: ахъ, дочь моя! ты сразила меня!*

Я отверзъ о тебѣ уста мои предъ Господомъ, и не могу отречься. Она сказала ему: отецъ мой! ты отверзъ уста твои предъ Господомъ,—и дѣлай со мною то, что произнесли уста твои, когда Господъ совершилъ чрезъ тебя отпущенiе врагамъ твоимъ. Но сдѣлай мнѣ только вотъ что: отпусти меня на два мѣсяца; я пойду, взойду на горы, и оплачу дѣвство мое съ подругами моими. Онъ сказалъ: пойди; и отпустилъ ее на два мѣсяца. Она пошла съ подругами своими, и оплакивала дѣвство свое въ горахъ. По прошествiи же двухъ мѣсяцевъ, она возвратилась къ отцу своему, и онъ совершилъ надъ нею обѣтъ свой, который далъ, и она не познала мужа. Полагаютъ, что она посвящена была на вѣчное до смерти служенiе Богу при скинии,—это и было вознесенiемъ ея въ жертву всесожженiя Богу. И это необычное тогда въ ветхомъ завѣтѣ, столь обычное у насъ въ христіанскомъ мірѣ, жертвоприношенiе себя Богу, такъ поразило тогда израильтянъ, что тогда вошло было въ обычай у Израиля, что ежегодно дочери израильтянъ ходили оплакивать дочь Іефѳаю четыре дня въ годъ, такъ какъ она не познала мужа до смерти.

Волею неволею сія дочь Іефѳаю, столькими слезами оплаканная, оказалась въ ветхомъ завѣтѣ прообразомъ пречистой Дѣвы Маріи, низведшей на себя и на все человечество столько благословенiй земныхъ и небесныхъ. Когда во исполненiе своего обѣта Богу, праведные родители Богооткровицы Маріи Іоакимъ и Анна, съ ликами дѣвъ, ввели Ее въ храмъ Господень, воспитатися въ Божіе жилище, тамъ Она, какъ избраннѣйшій сосудъ благодати Божіей, первая изъ вѣтхо-завѣтныхъ женъ, пришедши въ возрастъ, предъявила ветхо-завѣтнымъ священникамъ свой вольный обѣтъ приснодѣвства Богу, содѣлавшись и вѣнцомъ ветхо-завѣтныхъ и начаткомъ чистѣйшихъ женъ и дѣвъ новозавѣт-

ныхъ, освятивъ собою и чистѣйше дѣвство Бога ради и рождество, и семейную и подвижнически созерцательную жизнь, осуществивъ въ себѣ новозавѣтный идеалъ всецѣло посвященной Богу дѣвы и жены, матери и приснодѣвы.

Явившись въ міръ не разорить, но восполнить древній законъ, Христово евангеліе не разорило, а восстановило и восполнило и первоосновной творческій законъ, относительно неразрывности брачнаго союза единого мужа съ единою женою, подтвердивъ устами самаго Христа Спасителя истинный божественный приговоръ: *оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей и будутъ одною плотью, такъ что они уже не двое, но одна плоть. Что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ* (Мат. 19, 5—6). Освященный Богомъ и церковію союзъ мужа и жены въ христіанствѣ возвышенъ на степень таинства и тайны, на высоту таинственного символа и подобія таинственному союзу Христа съ церковію, какъ и со всякою стремящеюся къ союзу со Христомъ душею.

Освятая бракъ, христіанство благословляетъ и цѣль брака. Христіанство ставитъ женѣ въ спасительную заслугу предъ Богомъ самый актъ чадородія, по закону правды и издвоздающей милости Божіей. Женѣ согрѣшившей, соблаздившей и мужа, въ наказаніе за грѣхъ правда Божія изрекла приговоръ: *умножая умножу скорбь твою въ безременности твоей, въ болѣзни будешь рождать дѣтей; и къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобою* (Быт. 3, 16). А побуждаемая милостью мудрость Божія содѣлала, что средство наказанія за грѣхъ явилось и способомъ спасенія. Почему св. апостолъ Павелъ и учитъ, что *жена спасется чадородіемъ, если пребудетъ въ вѣрѣ и въ любви, и во святыхъ съ пломудріемъ* (1 Тим. 2, 15). Почему, указавъ средоточіе призванія жен-

щины въ продолженіи рода, христіанство располагаетъ и прочія обязанности ея такъ, что женщина должна развивать свою дѣятельность, прежде всего и главнымъ образомъ, въ кругу семьи и дома. Почему св. апостолъ Павелъ и внушаетъ, что *вдающій браку свою дѣву—дочь добръ творитъ*. Тоже поприще семейной жизни, какъ естественное и болѣе безопасное, апостолъ Павелъ указываетъ и вдовицамъ, особенно же юнымъ. Имѣя въ виду опасность, что юныя вдовиды, будучи праздны, приучаются ходить по домамъ, и бываютъ не только праздны, но и болтливы, и говорятъ, чего не должно, св. апостолъ желаетъ, чтобы молодыя вдовы вступали въ бракъ, служили Богу и человѣчеству рожденіемъ дѣтей, управляли домомъ, не подавая повода къ злорѣчію; чтобы, пребывая безпорочными, учились сами и дѣтей своихъ учили почитать свою семью, въ страхъ Божіемъ, и воздавать должное родителямъ, памятуя, что если кто о своихъ, а особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго (1 Тим. гл. 5). Въ же домашней сферы христіанство указываетъ женщинамъ поприще благихъ дѣлъ, не особенно удаляющееся отъ тойже сферы, восхваляя христіанку, которая дѣлаетъ себя извѣстною добрыми дѣлами, по преимуществу дѣлами милосердія, если, благоустраивая свою семью, воспитывая дѣтей, она принимала странниковъ, умывала ноги святымъ, помогала бѣдствующимъ и была усердна ко всякому благому дѣлу благодѣянія.

Замѣчательно, что христіанство, вмѣняя женщинѣ въ обязанность воспитывать и наставлять дѣтей, какъ и всю семью, не сочувствуетъ открытой учительной дѣятельности женщины, именно властному, особенно же публичному ея учительству. *Учить женъ не позволяю*,—заповѣдуетъ апостолъ Павелъ (1 Тим. гл. 2),—*ни властвовать надъ му-*

жема, но быть въ безмолвіи. Жена и сама учиться должна въ безмолвіи со всякою покорностію. Жены ваши въ церквахъ да молчатъ, ибо не позволено имъ говорить, а заповѣдано быть въ подчинѣніи. Неприлично жено говорить въ церкви (1 Кор. 14, 34—35). Не желаютъ святые апостолы, чтобы жены совершали и общественныя молитвы въ церкви для другихъ (1 Тим. 2, 8—9), какъ и пресвятая Дѣва Богородица никогда въ церкви не священнодѣйствовала и не учила, уступая эту честь въ своемъ присутствіи св. апостоламъ.

Св. апостолы заповѣдуютъ, чтобы жены являлись въ церкви, какъ и вообще предъ другими людьми, въ приличномъ одѣяніи, съ главами покровенными, со стыдливостію и цѣломудріемъ; чтобы украшали себя не плетеніемъ волосъ, ни золотомъ, ни жемчугомъ, ни многоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами, какъ прилично женамъ, посвящающимъ себя благочестію; чтобы украшеніемъ ихъ было не внѣшнее плетение волосъ, не золотыя уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что предъ Богомъ драгоценно, какъ нѣкогда и въ ветхомъ завѣтѣ украшали себя святыя жены, уповающія на Бога, повинуваясь своимъ мужьямъ, какова была праведная Сарра, жена отца вѣрующихъ Авраама. Правда, слово Божіе признаетъ и внѣшнюю красоту благословеніемъ небесъ. *Добра взоромъ зѣло*, перѣдко повторяется въ словѣ Божіемъ о библейскихъ женщинахъ. Но христіанство желаетъ, чтобы красота внѣшняя непременно была отблескомъ красоты внутренней, красоты потаеннаго человѣка сердца, какова была духоносная красота преблагословенныя Дѣвы Маріи, по древнему преданію. «Какова Владычица наша пречистая Дѣва, Богородица, живущи на землѣ, была нравомъ, издревле предано сие. Дѣва

была не токмо плотію, но и духомъ, въ сердцѣ смиренна, въ словѣ благомудрена, въ глаголаніи не скоро, въ чтеніи всегдашня, въ трудѣхъ бодра, въ бесѣдахъ цѣломудренна, яко съ Богомъ, а не съ человѣками бесѣдуя. Никого не обижала, но всѣмъ всякихъ благъ желала; не возгнушалась никакимъ хотя и убогимъ человѣкомъ; ни надъ кѣмъ не посмѣялась, но все, что усматривала, ублажала: благо, благо. Ничего не было въ устахъ Ея такового, что бы не изливало благодати, въ дѣлѣ все дѣвственное и вся Она дѣвственная. И внѣшній ликъ Ея образомъ былъ внутренняго совершенства, изображеніемъ благоутробія и незлобія. Съ нравомъ же Ея пресвятымъ, какова была Она и тѣлеснымъ образомъ, обрѣтается въ древнемъ преданіи сие: была Она во всякомъ дѣлѣ честна и постоянна, мало зѣло и то потребное глаголющи, къ слушанію готова и благоглаголива, честь каждому и почитаніе воздавая, возраста мѣрнаго, лица Ея видъ былъ какъ видъ зерна пшеничнаго, власа желтаго, очей острыхъ, въ которыхъ зѣницы подобны были масличнаго плода виду; брови Ея бяху наклонены и изрядно черны, носъ не кратокъ, устнѣ яко цвѣтъ розы, исполнены сладкословесія. Лице не кругло, ни остро, но мало продолжено. Руки купно и персты продолговаты. Была Она на послѣдокъ всякаго киченія непричастна, проста, нимало въ лицѣ не притворяющаяся, никоея же мягкости съ собою и въ себѣ имущая, но смиреніе изрядное являющая. Одежды, которыя носила, были просты и естественнаго вида, какъ и нынѣ святой покровъ пресвятыя главы Ея являетъ. И вкратцѣ рещи: во всѣхъ дѣлахъ Ея многая божественная благодать присутствовала (Минея-Четья, авг. 15 день).

Замѣчательно, что христіанство желаетъ, чтобы жены оказывали законное благотворное вліяніе на мужей, не

господствуя надъ ними, а наоборотъ покорствуя имъ. Такъ св. апостолъ Петръ внушаетъ: *жены повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы ты изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своимъ безъ слова плънены были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе* (1 Пет. 2, 12). Своею чистотою, невинностью, святостью жена можетъ даже спасти мужа, даже недобраго мужа. Ибо по слову апостола Павла (1 Кор. 7, 14—17), *женою върующею освящается мужъ неврующій, какъ и наоборотъ жена неврующая освящается мужемъ върующимъ*. Почему ты знаешь, жена, — вопрошаетъ св. апостолъ, — не спасешь ли мужа? Или ты мужъ, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только каждый поступай такъ, какъ Богъ опредѣлилъ, какъ Господь каждого призвалъ. Да, христіанство не проповѣдуетъ равенства мужа и жены, не стремится уничтожить или даже сгладить бого-зданную разность половъ. Нѣтъ. Но не смущайтесь, жены. Христіанство не выдаетъ васъ мужьямъ и головою. Оно заповѣдуетъ мужьямъ не только любить женъ, какъ свои собственныя тѣла, но и обращаться съ ними благоразумно, воздавая имъ особую честь, какъ немощнѣйшимъ сосудамъ, и какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни (1 Пет. 3, 7).

Семейная жизнь — это общее самое естественное призваніе женщины, это естественное для нея поприще для упражненія себя въ добродѣтели и для снисканія вѣчнаго спасенія. Но это низшая степень христіанскаго совершенства для женщины также, какъ и для мужчины. А высшая степень это жизнь дѣвственная, это всецѣлое посвященіе себя на служеніе Богу, это отреченіе отъ всѣхъ даже естественныхъ и законныхъ, благословляемыхъ Богомъ утѣхъ и мірскихъ попеченій, ради Бога, ради высшаго очищенія души, ради тѣснѣйшаго сочетанія ея со Христомъ, небеснымъ женихомъ

какъ всей Христовой церкви, такъ и каждой христіанской души. Почему св. апостолъ Павелъ и желаетъ, чтобы всѣ люди были, какъ и онъ, оставаясь безбрачными. Впрочемъ прибавляетъ онъ: *каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе. Безбрачнымъ и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я. Но если затрудняются, пусть вступаютъ въ бракъ. Но я вамъ сказываю: время жизни коротко и печально, такъ что и имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе, и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся. Преходитъ бо образъ міра сего. А я хочу, чтобы вы были безъ излишнихъ мірскихъ заботъ. Не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ. Есть разность между замужнею и дѣвицею. Незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобы быть святою тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу и міру. Говорю это для вашей же пользы, не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узъ, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу безъ развлеченія, отложивъ всякое нынѣ житейское попеченіе* (1 Кор. гл. 7). Самъ Христосъ мужьямъ и женамъ, юношамъ и дѣвамъ, возгласилъ: *блаженны чистіи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ. Аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ. Иже любитъ отца или мать паче Мене, несть Мене достоинъ. И иже любитъ сына или дочь паче Мене, несть Мене достоинъ. И иже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, несть Мене достоинъ. Обрѣтый душу свою погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. И всякъ, иже оставитъ домъ или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену,*

или дѣтей, и мене моего ради, сторицею прииметъ и животъ вѣчный наследуетъ. По общему воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небесѣхъ суть. Будите убо вы совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. И по этому божественному зову, многіе сонмы не только мужей, но и женъ, отреклись не только міра и всего, что въ мірѣ, но и себя самихъ; отреклись отца и матери и всякихъ семейныхъ привязанностей, чтобы послѣдовать за Христомъ; чтобы принадлежать Ему единому всѣмъ существомъ своимъ; чтобы умертвить въ себѣ ветхаго человѣка, а обновленнымъ внутреннимъ духовнымъ человѣкомъ сочетаться со Христомъ и облечься въ Него, чтобы умереть со Христомъ и спогребетись съ Нимъ и воскреснуть въ Немъ.

По этому божественному зову пошли въ слѣдъ за Господомъ Марія Магдалина, Марія сестра Лазаря, пошли святые жены Мѣроносицы, пошли блудницы кающіяся, пошли тысячи тысячъ дѣвъ и женъ подвижницъ и мученицъ, которыя изумили міръ своими подвигами, своимъ самоотверженіемъ, своими страданіями за Христа, своимъ самоумерщвленіемъ ради Христа. Пошли сонмы мученицъ, изъ которыхъ каждая зоветъ ко Христу великимъ гласомъ: Тебе, женише мой, люблю и Тебе ищущи страдальчествою и распинаюся и спогребаяюся крещенію твоему, крещенію кровію, да царствую съ Тебѣ, и умираю за Тя, да и живу съ Тобою, почему и приими меня, яко жертву непорочную, пожериуюся Тебѣ. Пошли за Христомъ сонмы подвижницъ, которыхъ подвиги самоумерщвленія, по своей продолжительности, были еще болѣе тяжки, а по своей непреклонности, при удобопреклонности плоти и духа ко грѣху, еще болѣе высоки, чѣмъ кратковременныя страданія мученицъ, каковы на примѣръ поражающіе подвиги само-

умерщвленія преподобной Маріи Египетской, какъ и другихъ преподобныхъ матерей, многіе годы день и ночь предстоявшихъ и предстоящихъ на служеніи Господу, и въ храмахъ Божіихъ и по уединеннымъ кельямъ, въ пустыняхъ и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. Пошли и идутъ за Христомъ многіе сонмы женъ и дѣвъ, которыя, храня себя въ цѣломудріи и чистотѣ, отказавшись отъ всѣхъ радостей естественной семейной жизни, всецѣло посвящаютъ себя дѣламъ христіанскаго милосердія и самымъ тяжкимъ, а нерѣдко и страшнымъ подвигамъ служенія страждущему человѣчеству, служенія на поляхъ брани, въ дышущихъ заразою госпиталяхъ, въ самыхъ темныхъ, грязныхъ, зловонныхъ и ужасныхъ притонахъ, гдѣ томится нищія, немощная, нерѣдко развратная, всякою грязью, отталкивающая, благовоспитанное чувство низшая наша братія, — и все это выносятъ съ неслыханными въ языческой древности мужествомъ, твердостью и самоотверженіемъ, только ради Христа, чтобы услышать въ грозный часъ смерти и послѣдняго суда сладчайшій гласъ Христовъ: алкалъъ, жаждалъъ Я, въ темницѣ былъъ, боленъ былъъ, и вы послужили Мнѣ въ лицѣ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ.

Видѣлъ ли, слышалъ ли древній языческій классическій міръ, мечталось ли высшимъ и лучшимъ языческимъ мудрецамъ, хотя бы то Платону и Цицерону, что либо подобное идеалу христіанской женщины!

А современный идеалъ современной женщины далеко ли въ своемъ развитіи ушелъ выше идеала женщины, принесеннаго христіанствомъ? Увы! Современныя женщины отважно протягиваютъ свои руки къ запретному древу познанія добра и зла. Смѣло срываютъ запретный плодъ, — не яблоко, хотя и символическое райское, однакоже настоящее

древесное яблоко, какое вкусила праматерь наша Ева, а запретный плодъ въ разныхъ смыслахъ, по смыслу древникъ еретиковъ, и прежде всего по всеобъемлющему коварному внушенію змія искушителя: *не смертію умрете, а будете яко бози въдуше...* Смѣло заявляютъ свое право, на ряду съ мужчинами, познать не одно добро,—это скучно, это—противная односторонность,—а и зло. Кто смѣетъ за-прещать имъ всестороннее развитіе? Прочь институтская наивность, граничушая съ невѣжествомъ, долгой дѣвичья самозамкнутая стыдливость, вывѣска узкой ограниченности и тупости; современныя героини хотятъ познать все, выпить чашу до дна, пусть тамъ будетъ горечь, пусть тамъ будетъ ядъ, пусть на днѣ тамъ гнѣздится самая смерть. Онѣ хотятъ быть людьми вполне, смѣлыми, развитыми, от-важно завоевывающими для себя всѣ права жизни, всѣ чело-вѣческія права, чтобъ ничто чело-вѣческое не было имъ чуждо. Даже больше, хотятъ быть богинями или богинями, да не тѣми, какими мнили себя напитанныя романтизмомъ женщины XVIII философскаго энциклопедическаго вѣка, а богинями по духу нашего реального, матеріальнаго вѣка, по вкусу современной философіи, по которой выше разви-той женщины божественная природа не производила ничего. А Богъ на небѣ?—«Излишнее всегда» (увѣряютъ они се-бя), «старое особенно теперь понятіе».—А судъ за гробомъ?—«Пугало простецовъ» (ободряютъ они себя).—А смерть вѣч-ная?—«О! зовемъ тебя»,—кличутъ они ее,—«какъ упокое-ніе отъ тревоженій жизни, какъ сладкій покой небытія! Самая жизнь»,—плачутся они,—«даръ напрасный, даръ случайный, жизнь зачѣмъ ты намъ дана? А какъ судьбою тайной жизнь на казнь обречена, на казнь роковой борьбы за существованіе, то самая разумная забота прожить свою весну жизни какъ можно веселѣе, бодрѣе, свободнѣе: ибо

она отцвѣтетъ и не воротится. Пусть цвѣты цвѣтутъ ве-сной: ихъ цвѣтеніе дѣйствительно лучшая краса жизни». А сказано: *въ болѣзняхъ родиши чада?*—«Что дѣлать?»—возражаютъ они,—«естественный, хотя и не всегда пріят-ный законъ, который можно всячески обойти».—А сказано: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою облада-ти будетъ?*—«Это увидимъ»,—отвѣчаютъ они,—«времена всяческаго рабства и деспотизма уходятъ невозвратно». Мечтаютъ о независимости многознанія и положенія, о сво-бодной широкой дѣятельности, о роляхъ Семирамидъ и Аспа-зій. Но забываютъ, что таковыхъ историческихъ звѣздъ первой величины, яркаго, хотя и сомнительной чистоты бле-ска, подозрительной, хотя и громкой славы, только и было что двѣ, три, четыре, и не болѣе десяти—двадцати на всемъ пространствѣ исторіи; огромное же большинство ихъ страстныхъ подражательницъ, которыхъ такъ много разве-лось въ наши дни, оканчиваютъ обыкновенно самую узкою и жалкою дѣятельностью, всего менѣе славною, всего чаще позорною, а въ послѣдніе дни иногда и ужасно преступною, какъ кончила злосчастная П—ая, да и другія. Мечтаютъ объ устройствѣ фаланстерій, своихъ особыхъ раевъ на зем-лѣ. И тогда то, думаютъ, наступитъ золотой вѣкъ на зем-лѣ. Дикая мечта, которая еще больше окажется несбыточ-ной очевидно мечтою въ будущемъ, когда средства благоден-ствія людей на землѣ истощатся, а борьба за существова-ніе, при оскудѣніи любви христіанской, жестоко обострится. Не хотятъ быть христіанками, чтобъ не быть рабынями, смѣшивая одно съ другимъ, христіанство съ порабощеніемъ и униженіемъ женщины! Отъ успѣховъ науки дожидаются и униженія освобожденія отъ фиктивныхъ, по ихъ ученію, дол-гопытнѣйшаго освобожденія отъ фиктивныхъ, по ихъ ученію, дол-говъ. А обожаемая ими наука напоминаетъ имъ, какъ и на-поминаетъ уже, что развитіе женщины, въ своемъ восхо-

жденіи вверхъ, кончило христіанствомъ, христіанскимъ идеаломъ женщины; а прежде того дѣйствительно женщина была рабыней, даже у образованнѣйшихъ народовъ, не только у дикарей. А прежде того была многомужницей, конечно, у дикарей. А прежде того была достояніемъ общины, конечно у грубыхъ дикарей. А прежде того была даже просто скотомъ другого пола, конечно, у грубѣйшихъ, потерявшихъ образъ Божій, оскотинившихся дикарей. Не объ этомъ ли мечтаетъ, не туда ли направляется и современная передовая женщина? Не туда ли влечетъ она за собой и другой полъ? Впрочемъ въ современной сумятицѣ суеты не разберешь, кто кого влечетъ. Явно только, что скрываясь отъ Бога, отъ Его всевидѣнія, въ листвіе смоковое своего скептицизма и пустомыслія, современные передовые люди, мужчины и женщины, влекутъ другъ друга къ такой безднѣ униженія и низпаденія, что должно чаять со страхомъ—самъ Богъ, ставъ надъ этою бездною, когда *Духъ Его уже не имать пребывать въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть*, загремѣть надъ нею страшнымъ гласомъ уже не милосердія и жалости, какъ надъ падшимъ Адамомъ: *Адаме иди еси?* а только правосудія и отвращенія: гдѣ вы тамъ всѣ?! и не для того загремѣть, чтобы вызвать ихъ изъ бездны, какъ падшаго Адама, а чтобъ отворить дно ея и попустить челоувѣчеству брэнному и грѣшному, тяготѣніемъ собственнаго влеченія, упасть на дно адово. *Отыдите отъ Мене... И Азъ вашей погибели посмѣюся.* Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день памяти иже во святыхъ Отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

Законъ челоуки поставляетъ первосвященники, и мушья немощь (Евр. 7, 28).

Вотъ смыслъ нынѣ чтеннаго праздничнаго апостола: въ предѣлахъ вѣчности, въ предвѣчномъ совѣтѣ, прежде сотворенія міра, прежде всякаго во времени начала домостроительства нашего спасенія, клялся Господь Богъ Отецъ,—а Онъ, какъ неизмѣнный, слову своему не измѣняетъ, въ клятвѣ своей не раскаявается,—клялся, обращаясь къ Господу Богу Сыну: *Ты еси іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Исая. 109,4). По этому предопредѣленію, во исполненіе этой клятвы Бога Отца, Сынъ Божій, ставъ во времени Богочеловѣкомъ, какъ вѣчный по божескому естеству, какъ пребывающій вѣчно, какъ пріавшій челоувѣческому естеству въ вѣчное ипостасное единеніе съ своимъ божествомъ, какъ сообщающій божественное значеніе и челоувѣческимъ своимъ свойствамъ и дѣйствіямъ, сообщаетъ такое же божественно-вѣчное значеніе и воспріятому Имъ на себя своему священству. Почему Онъ, какъ имѣющій вѣчное бытіе, имѣетъ и священство непреходящее. Почему Онъ и можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу,

всегда может быть посредником-ходатаемъ между Богомъ и грѣшнымъ приступающимъ къ Богу человѣчествомъ, будучи всегда живъ, существуя вѣчно, чтобы вѣчно ходатайствовать за насъ. Таковъ и подобаше намъ архіерей, подобенъ—святъ, незлобивъ—непричастенъ злу, непороченъ, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ,— архіерей, который не имѣетъ нужды ежедневно, какъ первосвященники обыкновенные, приносить жертвы сперва за свои грѣхи, потомъ за грѣхи людскіе. Ибо Онъ совершилъ сіе единожды, принеся въ вѣчную жертву Себя самаго. Предвѣчное клятвенное слово Бога Отца поставило, послѣ закона Моисеева, первосвященникомъ Сына Божія, архіерея во вѣки совершеннаго. А Моисеевъ законъ поставлялъ первосвященниками человѣковъ, имѣющихъ немощи. Равно какъ и новый завѣтъ, по отшествіи на небо вѣчнаго и совершеннаго архіерея Іисуса Христа, для продолженія на землѣ Его дѣла, освященія и спасенія людей, поставляетъ архіереями и священниками также человѣковъ, имѣющихъ свои немощи. И тѣмъ не менѣе, поставляя архіеревъ и священниковъ несовершенныхъ, даже немощныхъ, предъявляетъ относительно ихъ, въ томъ же посланіи апостола Павла, повелительное требованіе: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь* (Евр. 13, 17), имѣя въ виду по преимуществу наставниковъ духовныхъ, пастырей и учителей церковныхъ.

Въ виду нѣкоторыхъ признаковъ времени, я хочу сказать вамъ слово назиданія о почтеніи къ архіереямъ и священникамъ, къ начальникамъ и наставникамъ, къ родителямъ и старшимъ родичамъ и вообще къ старшимъ по возрасту и положенію. Истина, какъ видите, очень старая. Не беспокойтесь. Я не наложу труда ни на себя излагать ни на васъ выслушивать здѣсь опять доказательства этой

истины. Не все полезно и доказывать.—«Посмотрите»,—говорилъ недавно одинъ именитый человѣкъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній,—«посмотрите, какія пагубныя послѣдствія происходятъ отъ современнаго намъ стремленія все доказать, все изслѣдовать, даже и то, чему нужно вѣрить... Есть много вещей, которыми прежде всего нужно вѣрить и вѣрить, и гдѣ изслѣдованія приводятъ къ плачевнымъ результатамъ. Коль скоро не стану, наприм., вѣрить, что нужно любить родителей, а захочу еще изслѣдовать, что? почему? да какъ? повѣрьте, здѣсь едва ли будетъ возможна любовь». Предъ вашею способностью созерцать и размышлять я протяну только одну, по моему сужденію, основную нить богооткровеннаго ученія о томъ, почему это нужъ почитать родителей и старшихъ родичей, пастырей духовныхъ и наставниковъ, начальниковъ и всѣхъ старшихъ возрастомъ, не справляясь объ ихъ нравственныхъ достоинствахъ. Да съ богооткровеннымъ о семъ ученіемъ сопоставлю нѣкоторыя новѣйшія воззрѣнія на тотъ же предметъ,—воззрѣнія, которые находятъ себѣ пріютъ и привѣтъ особенно у современнаго юношества.

Есть одна древняя и малоизвѣстная молитва, малоизвѣстная потому, что ее тайно читаетъ одинъ архіерей при хиротоніи пресвитеровъ, но молитва глубочайшаго смысла. Начинается она такъ: *Боже безначальный и безконечный, всякаго зданія старѣйшій сый, нарицаніемъ пресвитера почествовавый во степени семъ удостоившійся священнодѣйствовать слово твоея истины...* Внимните, высокая мысль! Кто первый въ необъятной вселенной, въ необъятной вѣчности пресвитеръ? Кто первый старецъ? Вѣтхій денми Богъ, Богъ безначальный и безконечный, всякаго своего созданія старѣйшій (пресвитеръ) сый, удостоивающій чести носить свое собственное имя пресвитера удостоиваю-

щихся служить въ степени пресвитерства. Вникните, поймите... Далѣе, кто первый въ необъятной вселенной, въ необъятной вѣчности отецъ? Тотже ветхій денми, безначальный и безконечный, старѣйшій всякаго созданія Богъ, который устами Единороднаго своего Сына Господа нашего Иисуса Христа, боговѣщанными устами пророковъ и апостоловъ, примѣнительно къ разумѣнію человѣческому, усвоилъ самъ себѣ, отличительное въ тріипостасномъ единствѣ, наименование Бога Отца, *изъ Негоже всяко отечество на небесахъ и на земли именуется* (Ефес. 3, 12). Отъ Него, отъ Бога Отца, всяко отечество именуется не только на землѣ, но и на небесахъ потому, что Онъ, самъ въ себѣ безначальный, самъ въ себѣ старѣйшій всякаго бытія, изъ собственного естества, недомыслимымъ образомъ превѣчно родилъ Единороднаго Сына и вѣчно производитъ Животворящаго Духа, ставъ безначальнымъ корнемъ безначальнаго бытія въ самомъ Божествѣ, въ божескомъ тріединствѣ. Родилъ Сына, иже есть образъ Бога невидимаго, сіяніе славы и образъ вѣпостаси Его, перворожденъ всея твари. Перворожденъ всея твари, яко тѣмъ создана была всяческая, яже на небеси и яже на земли и той есть прежде всѣхъ и всего и всяческая въ Немъ состоится, иже есть начатокъ, и той есть перворожденъ изъ мертвыхъ, глава тѣлу церкви Божіей, какъ новозавѣтной, такъ и ветхозавѣтной; изъ Него Адамъ, изъ Него Ной, изъ Него всѣ мы, яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя (Кол. 1, 15—18).—Кто есть первый начальникъ? Тотже ветхій денми, безначальный, безконечный, безусловно неограниченный, безусловно никому и ничему неподчиненный, старѣйшій всякой твари Богъ Вседержитель, изъ Него же Единородный Сынъ, сіяніе славы и образъ вѣпостаси Божіей, Сынъ, имже создана была всяческая, еще престолъ, еще господствіе, еще

начала, еще власти на небѣ, иже и на землѣ есть глава всякому началу и власти (Кол. 2, 10),—имже царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду,—иже есть начатокъ, начало всякаго начала.—Кто есть первый въ необъятной вселенной іерей, первый жрецъ? Тотъ, кто еще въ предвѣчномъ совѣтѣ, обращаясь къ Богу Отцу, говорилъ: *человѣческія жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, а приготовилъ Ты для Меня человѣческое тѣло, съ тѣмъ чтобъ оно было принесено Тебѣ Мною во всеумилостивительную жертву. Ты проколѣлъ мнѣ ухо, какъ вѣчно преданному Тебѣ твоему рабу. И се иду въ міръ сотворить волю твою, Боже* (Евр. 10, 5—7).—Тотъ есть истинный архи—іерей, премірный жрецъ и самъ же премірная жертва, самъ Агнецъ заколенный отъ сложенія міра, о коемъ всякій священникъ, молясь предъ принесеніемъ безкровной жертвы, говоритъ: Ты еси приносяй (какъ архіерей) и приносимый (какъ агнецъ) и приемляй (какъ Богъ) и раздаваемый (какъ жертва, коей всѣ мы причащаемся). Онъ есть единый истинный архіерей, такъ что прочіе архіереи и священники ветхозавѣтные были только прообразами Его и предъготовителями Его жертвы, а новозавѣтные суть только образы Его, продолжатели Его спасающаго дѣла и носители Его долга, права и власти. Въ ту же силу, въ силу своего превѣчнаго архіерейства, Онъ же одинъ есть истинный изначальный и учитель и наставникъ человѣчества, начало на землѣ какъ всякаго начала и власти, такъ и всякаго добраго наставничества и учительства.

Соберемъ теперь всѣ эти богооткровенныя черты по возможности въ одинъ цѣльный образъ. Вотъ въ предѣлахъ вѣчности и необъятной вселенной первый пресвитеръ, первый старецъ есть ветхій денми, безначальный и безконечный Богъ, старѣйшій всякаго созданія, всякаго бытія. Онъ

же есть первоначало, первоначальникъ, начало началъ, какъ корень всякаго бытія, не только ограниченнаго, но и безпредѣльнаго божескаго, какъ первоисточный корень бытія даже въ тройческомъ единствѣ священнотайнѣ. Онъ же есть и первый отецъ, отъ котораго всякое отечество именуется какъ на небѣ, такъ и на землѣ, потому что Онъ, недомыслимымъ для насъ образомъ, превѣчно родилъ Единороднаго своего Сына и вѣчно производитъ Животворящаго Духа. Единородный Сынъ Божій есть сіяніе славы Бога Отца, начертаніе вѣпости Его, образъ и проявленіе Бога невидимаго, перворожденъ всея твари, сый прежде всѣхъ и всего, есть начатокъ, глава всякому началу и власти, яко тѣмъ создана быша всяческая, видимая и невидимая, на небѣ всѣ ангельскіе чины, начала и власти, на землѣ все и всѣ, начиная отъ прародителей. Отъ Него всѣ отцы и праотцы, отъ Него начало всякаго начальства; Имъ царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Онъ же есть и единый истинный архіерей и учитель человечества, архіерей премірный, Онъ же и единая истинная жертва. Во исполненіе Божія предопредѣленія, Онъ явился въ мірѣ Богочеловѣкомъ, чтобы не только своею міроочистительною смертію поправить общечеловѣческую смерть, но и явиться первоначаломъ жизни, чтобы возглавити собою всяческая, чтобы стать все—оживляющею главою единого тѣла церкви Божіей, какъ ветхо-завѣтной, такъ и ново-завѣтной, да будетъ той во всѣхъ первенствуя. По богооткровенному раскрытому у апостола Павла образу, отъ первокожня человѣческаго рода, отъ Адама праотца идетъ стволъ человечества, на которомъ выросло множество вѣтвей. Эти вѣтви, отпадая отъ Бога истиннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ отпадали и отъ корня и отъ ствола истинно-человѣческой жизни. Этотъ стволъ были патріархи праотцы. Отъ оскудѣвавшаго жизнью,

отъ усѣченнаго пня святыхъ и праведныхъ Богоотцевъ произрасла вѣтвь—Пречистая Богоотровица Марія, а отъ Нея прозябъ цвѣтъ новой жизни, Сынъ Божій, Богочеловѣкъ. Онъ то и сталъ на землѣ древомъ новой жизни. Изъ Него пошли, по священно-таинственному единенію благодати Божіей, новыя отрасли, новыя сучья. Къ Нему стали прививаться священнотайнѣ и отпадшія, одичавшія, помертвѣлыя вѣтви язычества, какъ и всего отпаднаго отъ Бога человечества. На этомъ божественномъ корнѣ и стволѣ сучья это пастыри и учителя церковные, это христіанскіе богопоставленные властодержцы и всякіе начальники, это предки, это старѣйшины родовъ, это отцы. А юнѣйшія вѣтви, а побѣги, а листья—это вы, юное поколѣніе.

Поймите теперь, юное поколѣніе, ваши обязательныя нравственныя отношенія къ поколѣнію вашихъ родителей и старшихъ родичей, вашихъ воспитателей и начальниковъ, іереевъ и архіереевъ, вообще къ поколѣнію старшихъ какъ по возрасту, такъ и по положенію.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и домъ твой будещи на земли. Почитай родителей твоихъ, просто, какъ родителей, не разыскивая въ нихъ, для возбужденія твоего уваженія къ нимъ, особыхъ нравственныхъ достоинствъ. Помни молитву св. пророка Давида, которую самъ ты постоянно читаешь или хотъ слышишь: *взъ беззаконійъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя.* Помните всѣ наставленіе Іисуса Сына Сирахова: *дѣти, послушайте меня отца, и поступайте такъ, чтобы вамъ спастись. Ибо Господь возвысилъ отца надъ дѣтьми, и утвердилъ судъ матери надъ сыновьями. Почитающій отца будетъ имѣть радость и отъ своихъ дѣтей, и въ день молитвы своей будетъ услышанъ. Благословеніе отца утверждаетъ дома дѣтей, а клятва матери разруша-*

етъ до основанія. Не ищи славы въ безчестіи отца твоего, ибо не слава тебѣ безчестіе отца. Слава человека отъ чести отца его, и позоръ дѣтямъ мать въ безславіи. Сынъ прими отца твоего въ старости его, и не огорчай его въ жизни его. Хотя бы онъ и оскудѣлъ разумомъ, имѣй снисхожденіе, и не пренебрегай имъ при полнотѣ силы твоей. Ибо милосердіе къ отцу не будетъ забыто; несмотря на грѣхи твои, благосостояніе твое умножится. Въ день скорби твоей воспомянется о тебѣ; какъ ледъ отъ теплоты, разрѣшатся грѣхи твои. Оставляющій отца—тоже, что богохульникъ, и проклятъ отъ Господа раздражающій мать свою (Сирах. 3, 1—16). Когда знаешь, слышишь, видишь какія либо немощи родителей, вспомни Сима, Іавета и Хама; заткни уши, смежи очи, чтобы и самому не видѣть и другимъ не показывать. Вспомни, какъ евангелистъ Лука ведетъ родословіе Господа Іисуса Христа: Той—мнимъ сынъ Іосифовъ, Іліевъ, Давидовъ, Іаковъ, Исааковъ, Авраамовъ, Ноевъ, Синовъ, Адамовъ, Божій; вникни въ то, что это и твое собственное родословіе: оно начинается тѣмъ, что ты сынъ твоихъ родителей, далѣе Христовъ по благодати усыновленія, далѣе Авраамовъ по духу, Ноевъ по духу и по плоти, Адамовъ и наконецъ Божій, что во главѣ твоей родовой лѣстницы возсѣдаетъ самъ Богъ Отецъ, изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на землѣ именуется, который далъ и твоимъ родителямъ силу и благословеніе тебя родить и предопредѣлилъ отъ нихъ твое рожденіе. Вспомни, и поклонись благоговѣйно предъ концомъ твоей родословной лѣстницы, предъ твоими родителями, въ сердечной вѣрѣ, что поклонъ твой взойдетъ по ней до начала ея, до самаго Бога, Отца всяческихъ.

Пойми отсюда силу и этого священнаго изреченія: *предъ лицомъ сѣдаго востани и почти лице старчо, и да убо-*

ишися Господа Бога твоего: Азъ Господь Богъ вашъ (Лев. 19, 32). Вспомни, что вся совокупность каждаго рода—племени, общества, церкви, государства всегда есть, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, тѣло, живая организація; организація, въ которой отдѣльныя части служатъ всѣ на пользу общую,—гдѣ старшія поколѣнія даютъ бытіе и средства существованія юнѣйшимъ; вспомни, что этотъ сѣдой старецъ, котораго ты видишь, принадлежитъ къ поколѣнію, которое послужило твоему происхожденію и воспитанію; пусть онъ напомнитъ тебѣ длинный рядъ другихъ сѣдыхъ старцевъ и старицъ, твоихъ праотцевъ и праматерей, рядъ, во главѣ котораго возсѣдаетъ опять же самъ ветхій денми Богъ, первый въ необъятной вселенной старецъ и пресвитеръ, старѣйшій сый всякаго созданія. И предъ лицомъ встрѣтившагося тебѣ *сѣдаго востани и почти лице старчо и да убоишися Господа Бога твоего.*

Лучше послѣ этого поймете и заповѣдь апостола: *по-винуйтесь наставникомъ вашимъ и покаряйтесь: тѣмъ бо обдѣлзъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще. Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Іисусъ Христосъ вчера и днесъ тойже и во вѣки* (Евр. 13, 7—8). Посмотрите сами въ Библію, такъ ли я говорю; у св. апостола написано тоже, что я вамъ разъясняю. У Бога волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ воли Божіей. Не безъ предопредѣленія Божія случилось то, что именно намъ пришлось быть вашими наставниками, именно намъ пришлось бдѣть о душахъ вашихъ; намъ суждено глаголати вамъ слово Божіе; намъ предопредѣлено воздать за васъ отвѣтъ на страшномъ судѣ, да и теперь воздавать за васъ отчотъ передъ Богомъ и обществомъ; мы для васъ дѣлаемъ дѣло единого вашего наставника и учителя небеснаго, Господа нашего Іисуса Христа. Посмотрите

намъ за наши хребты очами вѣрующей души: увидите, что тамъ за нами стоитъ самъ Христосъ: *Иисусъ Христосъ вчера и днесь тойже и во вѣки. Единъ бо есть наставникъ вашъ—Христосъ.*

Во главѣ вашихъ воспитателей и наставниковъ стоятъ протоіереи и архіереи. Не ищите въ насъ особыхъ достоинствъ, чтобъ уважать насъ. Рѣшите въ простотѣ дѣтскаго сердца, что эти достоинства есть. Повѣрьте, на то есть безусловная воля Божія, чтобъ именно мы руководили вашимъ воспитаніемъ. Допустимъ, что другіе сдѣлали бы это лучше насъ; но конечно для блага вашего и нашего Богъ судилъ вамъ быть именно нашими питомцами, нашими духовными овцами, нашими духовными чадами, а намъ быть вашими духовными учителями, пастырями и отцами, какъ Богъ же судилъ именно такимъ—то, а не другимъ лицамъ быть вашими плотскими родителями, а вамъ ихъ чадами. Безплодно и нелѣпо было бы вамъ жалѣть объ этомъ. Почтите же въ насъ вашихъ духовныхъ отцовъ, какъ обязаны вы чтить и въ вашихъ родителяхъ отцовъ плотскихъ. Съ сыновнею скромностію Сима и Іафета, безъ Хамова злорадства, отвратите лице ваше отъ грѣховъ нашихъ. Помните, что какъ ветхій законъ Моисеевъ, такъ и новый завѣтъ всегда ставили первосвященниками человѣковъ, имѣющихъ свои немощи. Но укрѣпляемые Божіею благодатію, въ предѣлахъ времени, въ уреченные сроки вашего земнаго существованія, мы совершаемъ надъ вами и для васъ тоже самое спасительное, очистительное и освящающее дѣло искупленія, какое совершилъ для васъ единожды, въ предѣлахъ вѣчнаго днесь, какъ и во время земной жизни своей, единый истинный архіерей, прошедшій небеса, Богочеловѣкъ Христосъ Іисусъ.

Вспомните и заповѣдь св. апостола Павла: *не хвались*

на вѣтви; аще ли же хвалишия, не ты корень носиши, но корень тебе. Не высокоудрствуй же, но бойся (Рим. 11, 17. 21),—заповѣдь, въ которой выражена общая сущность разъясняемой нами истины. Вы---листья, вы---юные побѣги на вѣтви, вѣтвь—на сукѣ, сукъ—на стволѣ, стволъ на корнѣ великаго древа общества и церкви. Не хвались, слабый листъ. Не высокоудрствуй, юный побѣгъ... Живешь пока вполне чужою жизнью, сосешь пока вполне чужіе жизненные соки. Перечти вотъ всѣ твои добрыя дѣла, какія удалось тебѣ учинить со дня твоего рожденія до днесь. Ничего, или ничтожная какая либо случайность; да и та обращена была вѣрнѣе къ кругу твоихъ сверстниковъ, а не къ пользѣ старшаго поколѣнія. Посмотри же наоборотъ. Это старшее поколѣніе до днесь питало, берегло, одѣвало и воспитывало тебя своимъ трудомъ. Наука говоритъ, что листья—органы дыханія для всего дерева? Но эта аналогія здѣсь не совсѣмъ точна и удобоприложима. Мы дышемъ собственною грудью. Приносите ль вы намъ какую либо пользу? Да, юное поколѣніе составляетъ радость очей, надежду сердецъ старшаго поколѣнія, родникъ раждающихся и не увядающихъ идеаловъ и порывовъ человѣческаго общества къ усовершенствованію. Такъ. Оторвать дѣтей отъ человѣчества невозможно. Въ общемъ вы составляете всегдашнее возрожденіе и поновленіе общечеловѣческой жизни. Допустимъ. Но оглянитесь назадъ и будьте справедливы: все, что вы имѣете, начиная съ жизни, вы получили отъ насъ, все дали вамъ мы... А вы помогите мнѣ уразумѣть, что дали намъ вы? Не хвались же на вѣтви, легкій листикъ, въ порывахъ фантастическаго самодумства, что ты будешь лучше насъ, или ты уже теперь лучше насъ. Проживи съ наше, и тогда кинь въ насъ камень осужденія. И помни, что твои дѣти кинутъ такимъ же, или еще болѣе

тяжелымъ камнемъ въ тебя. Еще ли же хвалишься, помни, что не ты корень послыши, но корень тебя; пусть онъ тамъ копошится въ землѣ, въ темени, въ перегноѣ; а ты, подуваемый зефирами молодой фантазіи и пока еще не разочаровавшихся надеждъ, рвешься къ солнцу... Далеко не улетишь. Если предназначенъ къ жизни цѣлаго дерева, то пойдешь въ образованіе вѣтви или даже ствола, подобно намъ. Если же оторвешься отъ корня, то сгніешь и только...
Не высокоумствуй же, но бойся.

Теперь современнымъ суемудріемъ дѣйствительно поставленъ вопросъ объ обязательности даже пятой заповѣди, объ обязательности признательнаго почтенія къ родителямъ. Читали или слышали конечно. Я не стану разъяснять вамъ здѣсь это величайшее изъ кощунствъ... Но отведите очи ваши отъ этого оскотѣнія разумнаго человѣчества прямо къ скотамъ. Тамъ отношенія дѣтей къ родителямъ проникнуты чистымъ эгоизмомъ. До назначеннаго Творцомъ природы момента, тамъ мать любитъ дѣтей до самозабвенія, пока это нужно; но чрезъ день по прошествіи этого момента, отгоняетъ ихъ и уже не узнаетъ. Долго было бы анализировать инстинкты животныхъ отцовъ. Въ большинствѣ они не знаютъ своихъ дѣтей. Дѣти, пока имъ нужно, любятъ мать, т. е. любятъ свое питаніе и руководство, не зная никогда отцовъ, да и матерей никогда не зная, какъ собственно матерей. По прошествіи же извѣстнаго момента даже не узнаютъ и матерей. Ничего похожаго на уваженіе, на нравственно-разумное отношеніе между родителями и дѣтьми тамъ нѣтъ. Хотятъ ли современные мудрецы, чтобъ и человѣческія дѣти оскотинились?

Нѣкоторые хотятъ поправить вѣковѣчную, богозаповѣдную, отце—преданную мудрость умничаньемъ, что «я де такого то родича, или наставника, или начальника уважаю»,

т. е. извѣстныя качества его нахожу удовлетворяющими моимъ вкусамъ, «а прочихъ не уважаю и знать не хочу». Посмотрите, вникните. Близкую аналогію этому представляютъ вотъ эта кошка, которая уважаетъ хозяйку за то, что та ее кормитъ, и этотъ песъ, который уважаетъ сторожа за то, что тотъ приноситъ ему пищу, но не уважаетъ хозяина, который держитъ пса и т. п. Вникните, и найдете, что это будетъ очень похоже. Но это безконечно далеко отъ исконнаго общечеловѣческаго и богооткровеннаго о семъ ученія.

Заповѣдую: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь: тѣмъ бо бдятъ о душахъ вашихъ*,—св. апостолъ присовокупляетъ: *да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе*.—Испытавшіе люди, счастливые родители говорятъ, что хорошее дитя—источникъ самыхъ чистыхъ радостей въ жизни, живѣйшая отрада даже въ великихъ горестяхъ. Скажу и по опыту: для взрослога и отживающаго поколѣнія великая награда за трудъ жизни видѣть плоды этого труда въ пользѣ для новаго поколѣнія и въ признаніи имъ этой пользы, въ признательномъ отношеніи его къ трудившимся старикамъ. На моей памяти, на моихъ глазахъ проходятъ двѣ эпохи, непохожія одна на другую, одна до 1860 г., а другая отъ 1860 г. Въ первой заповѣдь о почтеніи къ старшимъ была краеугольнымъ камнемъ общественнаго убѣжденія, и осуществленіе ея заключено было въ установившіяся формы. Во второй эпохѣ все стало вопросомъ. Теперь всякій мальчикъ сталъ моимъ судьей и рѣшителемъ вопроса, обязанъ ли онъ оказать мнѣ какой либо знакъ уваженія, или нѣтъ. И отвѣтъ нерѣдко направляется въ отрицательную сторону. И это стрѣлою вонзается въ сердце...

Скажу вамъ: если замѣчаемое въ юномъ поколѣніи, въ послѣднее время весьма нерѣдко, отступленіе отъ условныхъ

формъ почтенія къ старшимъ, проистекаетъ не отъ неблаговоспитанности, не отъ небреженія, не отъ юношеской безпечности, а отъ принципа, — что случается же несомнѣнно, — то этимъ болѣзненно поражается сердце, этимъ поражаются крайне грустныя предчувствія, этимъ утверждается непреодолимое мрачное убѣжденіе, что наше юное поколѣніе отступаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ отъ всего того, что я вамъ разъяснилъ. А это разъясненное составляетъ основу всего нашего вѣроученія. *Тотъ въры отвергся и невѣрнаго юрій естъ* (1 Тим. 5, 8). А что не я одинъ такъ думаю, что такъ разсуждаетъ и св. ап. Петръ, послушайте слово его: *будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси, — беззаконники, которые идутъ въ слѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высшихъ* (2 Пет. 2, 1. 10). А апостолъ Павелъ предвѣщаетъ: *въ послѣдніи дни настанутъ времена люта. Будутъ челоуцы самолюбцы, горды, надменны, злорѣчивы, родителейъ непокорны, неблагодарны, непримирительны* (2 Тим. 3, 1—2)... Признаки появляются, люди становятся таковыми уже по принципу, не только по немощи. Неужели же, Господи, наступаютъ уже послѣдніе дни и предшествующія имъ лютыя времена? Молимъ Тебя, Господи, да будетъ это затменіе умовъ и сердець только временнымъ, да пронесется оно быстро, какъ мрачная туча грозы, и просіяетъ снова надъ Христоименитою русскою землею солнце древле — отеческаго благочестія и да сіяетъ еще вѣки вѣковъ до кончины вѣковъ. Аминь.

1880 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

Овцы гласъ пастыря слышатъ, и своя овцы глашаютъ по имени, и изгонитъ ихъ. И егда своя овцы изженетъ, предъ ними ходитъ. И овцы по немъ идутъ, яко вѣдѣтъ гласъ его. По чуждему же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа. Сію притчу рече имъ Іисусъ. Они же не разумѣша, что баше, яже глаголаше имъ. — Іоан. 10, 3—6.

Когда молодъ и малоопытенъ я былъ и мало свѣта, хотя и довольно учености я видѣлъ, признаюсь, и я неполнѣ разумѣлъ сію притчу Господа Іисуса. На сѣверо-западѣ, гдѣ я родился и выросъ, воспитался и возмужалъ, тамъ обыкновенно пастухъ гоняетъ овецъ предъ собою, а самъ ходитъ сзади ихъ, хлопая длиннымъ бичемъ. Но когда Богъ привелъ меня пожить и на довольно глубокомъ юговостокѣ широкой русской земли, тутъ я увидѣлъ во очію, что изложенная притча Христа Спасителя во всѣхъ подробностяхъ списана съ натуры. Тамъ, гдѣ овцеводство ведется въ широкихъ размѣрахъ, какъ водилось во времена патріархальныя, при патріархахъ Авраамъ, Іаковъ и прекрасномъ сынѣ

его Иосифъ съ братією, тамъ овецъ гоняють на пастбище и водятъ по полямъ буквально такъ, какъ изображено въ притчѣ Христовой. Вотъ смотрю собственными очами и удивляюсь, какъ типически вѣрно притча Христова отражается въ современномъ намъ способѣ пасенія овецъ, почти двѣ тысячи лѣтъ спустя по ея произнесеніи. Вотъ главный пастырь идетъ впереди, опираясь длиннымъ посохомъ, по необозримой безбрежной полянѣ, около большой дороги, по которой я случайно проѣзжалъ. Я нарочно вышелъ изъ экипажа и долго шелъ среди овецъ, любясь всѣми подробностями этой типичной евангельской картины. Первый рядъ овецъ, раскинувшись весьма широко, двигался по стопамъ пастуха. А ближайшія къ нему овцы тѣснились густою гурьбою у самыхъ ногъ его, такъ что ни одна не переступала впереди его ни на одинъ аршинъ. Овецъ тутъ были многія тысячи, и всѣ онѣ, прижимаясь одна къ другой, передвигались сплошною массою, какъ бы волнами переливаясь по широкому полю, дѣлая видъ волнующейся на нивѣ, въ вѣтреный день, поспѣлой ржи. Пастухъ не употреблялъ ни бича, котораго у него и не было, ни палки, которою опирался, не только для ударовъ, а даже для угрозъ. На моихъ глазахъ онъ дѣлалъ только два дѣла, шолъ не останавливаясь тихими шагами вмѣстѣ съ овцами, впереди ихъ, да подавалъ голосъ. Буквально подавалъ голосъ, почти непрерывно выкликая направо и налево громкимъ крикомъ, но крикомъ совершенно спокойнымъ, безъ всякой тѣни гнѣва или угрозы. Для вѣрности картины прибавить должно, что сзади этого огромнаго стада, по двумъ угламъ его шли еще два пастуха, шли также спокойно, какъ и передній, безъ бичей съ одними только длинными палками въ рукахъ. По временамъ и эти спокойно покрикивали, но постоянно подавалъ голосъ и велъ все

стадо одинъ передній пастухъ. А эти задніе, очевидно, имѣли главнымъ назначеніемъ оберегать стадо, чтобы какое овча не отстало, не было украдено лихимъ человѣкомъ, не было утащено и растерзано лютымъ звѣремъ.

При этомъ трогательномъ патриархальномъ зрѣлищѣ смыслъ притчи Христовой сталъ для меня не то что ясенъ, а нагляденъ. Всѣ подробности видимой мною картины напоминали мнѣ о библейскихъ временахъ. Посмотрите сами на библейскія изображенія патриархальныхъ событій, или на иконы Рождества Христова: тамъ пастыри вездѣ изображаются съ длинными посохами, но безъ бичей. Что тамъ, то и тутъ я увидѣлъ въ натурѣ. Зачѣмъ бичи? Овцы такія кроткія и возбуждающія жалость животныя. Станешь овцу бить, только искалѣчишь, разгонишь стадо, передужишь слабыхъ, особенно же ягнятъ. Конечно, если не бичемъ, то и не палкой же бить овцу. Палкой убьешь ее наповалъ. Палка пригодна развѣ для того, чтобы достать овцу, отодвигающуюся отъ стада, и придвинуть ее къ прочимъ. Нужна палка пастухамъ для собственной опоры, главное же нужна противъ звѣря хищника. Подгонять овцу не нужно, онѣ и безъ того жмутся одна къ другой, жмутся къ самымъ ногамъ передняго пастуха. Да если бы гнать ихъ, то не достигалась бы и цѣль пасенія, — овцы не успѣвали бы насытиться. Зачѣмъ онѣ хотъ и медленно, но непрерывно подвигаются впереди? А иначе такому огромному стаду нечего было бы ѣсть, если бъ онѣ стояли на одномъ мѣстѣ, особенно всѣмъ заднимъ рядамъ, кромѣ одного передняго. Къ тому жъ и къ водопое во время добрести нужно и во дворъ овчій на ночь посѣять должно. А зачѣмъ это передній пастухъ непрерывно покрикиваетъ направо и налево, поглядывая на стадо, — явное дѣло, во всѣ ряды подаетъ свой голосъ? Очевидно за тѣмъ, чтобы всѣ

овцы, особенно же задніе ряды, понутивъ къ землѣ свои головы для щипанія травы, для кормленія себя, слышали по голосу пастуха, что не отстали отъ него, и чтобы знали, въ какую сторону всѣмъ стадомъ направляться слѣдуетъ. Зачѣмъ это онѣ такъ тѣсняются у самыхъ ногъ пастуха водителя, тѣсняются явно на перебой одна передъ другой, какъ къ родному отцу? Да за тѣмъ, что онѣ ведутъ ихъ не по пыльной, не по гладкой, утопанной, истравленной, загаженной широкой большой дорогѣ, а по самымъ тучнымъ полянамъ, выбирая изъ нихъ самыя сочныя зеленѣющія, обидывая ихъ по безбрежной дали своимъ разумно-человѣческимъ взглядомъ и лучшія изъ нихъ, въ заботливости о пользѣ своего стада, разбирая конечно лучше и безошибочнѣе самихъ овецъ. Оттого овцы и слѣдуютъ за нимъ безъ понуканія бичемъ, оттого и тѣсняются у самыхъ ногъ его. Овцы знаютъ по опыту, что гдѣ ноги его ступаютъ, тамъ лучшая для нихъ трава растетъ; что куда глазъ его глядитъ и голосъ зоветъ, тамъ онѣ и пажить для себя обрѣтутъ, и воду для утоленія жажды встрѣтятъ, и мѣсто для отдыха, и покой и безопасность найдутъ, потому что туда глядитъ, туда зоветъ и ведетъ ихъ истинный ихъ пастырь, ихъ пастырь добрый. Попробуй же теперь чужой человѣкъ покричать на этихъ овецъ, что выйдетъ? Овцы, не узнавая чужаго гласа, разбѣгутся, больше ничего.

Ясна ли теперь притча Христова? Повторимъ же ее, чтобы всѣ тончайшія черты ея отпечатались въ нашемъ сознаніи. Да тутъ же и прилагайте ихъ къ пастырству духовному. *Азъ есмь пастырь добрый. Овцы слушаютъ гласа добраго пастыря, и онъ зоветъ своихъ овецъ по имени (каждую по особымъ кличкамъ) и выводитъ ихъ. И когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ передъ ними, а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. За чужимъ*

же не идутъ, но бѣгутъ отъ него, потому что не знаютъ его голоса. Кто пойдетъ за пастыремъ добрымъ, тотъ спасется, тотъ и войдетъ во дворъ овчій и выйдетъ и пажить найдетъ. Пастырь добрый приходитъ для того, чтобы овцы жизнь и средства для духовной жизни имѣли съ избыткомъ. А воръ приходитъ только для того, чтобы украсть и попользоваться, чтобы убить и погубить. Пастырь добрый жизнь свою полагаетъ за овецъ. А наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ волка грядуща и оставляетъ овецъ и бѣжитъ; и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ. А наемникъ бѣжитъ потому, что наемникъ, и не радитъ объ овцахъ.

Не яснѣе ли для насъ, не внушительнѣе ли будетъ теперь и основанное на буквѣ и духѣ притчи Христовой, обращенное къ намъ первоверховнымъ по пастыре-начальникѣ Христѣ пастыремъ Христовой церкви, апостоломъ Петромъ прошеніе: *пресвитеровъ—пастырей умоляю, какъ сопредсвитеръ, сопастырь, какъ свидѣтель Христовымъ страстемъ: пасите стадо Божіе, какое у васъ, какое вамъ Богъ вручилъ, посѣщая его, епископствуя—надзирая за нимъ не принужденно и безъ принужденія, но охотно и богоугодно, изъ богоугоденія, не скверноствая жадно для инусной корысти, но съ готовностію изъ усердія, и не какъ бы господствуя надъ клиромъ, надъ достояніемъ Божіимъ, но становясь образомъ, подавая примѣръ стаду (1 Пет. 5, 1—3).*

Боюсь дальше, какъ бы читая урокъ вамъ, юноши, не кинуть тяжелымъ камнемъ въ себя самого и въ свою братію, современное пастырство. Постараюсь, чтобы въ дальнѣйшей рѣчи моей къ вамъ, юноши, самообличенія, самобичеванія было какъ можно меньше, а назиданія, а разъясненія современнаго состоянія и современныхъ условій па-

стырства побольше. И знайте, что объ условіяхъ и обстоятельствахъ современнаго пастырства я буду говорить, заимствуя черты не изъ одного здѣшняго края, но отовсюду, насколько мнѣ извѣстно положеніе вещей, даже въ нѣскольکو, быть можетъ, преувеличенномъ ходячею молвою видѣ.

Новыми уставами нашихъ духовно-учебныхъ заведеній разомнута, однакоже не снята задача, чтобы наши духовные воспитанники поступали на служеніе церкви въ священномъ санѣ или же въ званіяхъ церковно-служительскихъ. Въ существѣ дѣла уничтожено только крѣпостное право, наслѣдственное право закрѣпощенія дѣтей духовенства за служеніемъ исключительно только церковнымъ. Но не снятъ съ нихъ нравственный долгъ свободно и благоохотно принимать на себя духовное званіе. Почему весь строй нашихъ учебныхъ заведеній и приспособленъ къ главной задачѣ, чтобы готовить въ духовныхъ воспитанникахъ не только благонадежныхъ благовоспитанныхъ членовъ общества, но и образованныхъ будущихъ пастырей служителей церкви.

Полагаю, что и вы, юноши, не отрицаете лежащій на васъ нравственный долгъ послужить церкви Божіей, если Богъ призоветъ; замѣтьте долгъ справедливости. Вы думали конечно о томъ, что цѣлыя поколѣнія вашихъ отцовъ и предковъ ѣли хлѣбъ, жили, возможное на землѣ счастье свое находили, васъ породили, умерли, которые умерли, и костями своими полегли около церкви. Всѣ эти воспоминанія въ духовныхъ питомцахъ нашего недавняго времени будили не только чувство долга пожить для церкви, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, но и любовь къ церкви, теплую привязанность къ наслѣдственно-церковному званію и служенію. Не знаю теперь, питаете ль вы въ себѣ подобныя

чувства? Думаете ль вы о томъ, что долгъ платежемъ красенъ; что одинъ изъ священнѣйшихъ долговъ—это послужить родителямъ въ нашей возмужалости, за то что они служили намъ въ нашей дѣтской немощи, въ періодъ роста и воспитанія; что на васъ лежитъ обязательство послужить, когда войдете въ силы, вашей буквально матери церкви, которая родила, вспоила, вскормила васъ, и теперь воспитываетъ васъ на служеніе ей вашей матери, у престола Господня? Полагаю, что вы непременно питаете, и не многіе изъ васъ безусловно отгоняютъ отъ себя совершенно естественную мысль, что быть можетъ и меня позоветъ Господь послужить Ему у порога церковнаго. Есть, конечно, между вами и такіе, которые уже теперь совсѣмъ отгоняютъ прочь эту мысль; но объ нихъ рѣчь впереди.

Въ прежнее время бывало, да и теперь безъ сомнѣнія бываетъ, что духовные юноши, сидя за школьными скамьями, особенно передъ выходомъ въ свѣтъ, созидаютъ въ головѣ идеалы будущей своей жизни и дѣятельности. Эти идеалы бывали, и конечно не ошибемся гадая, что и въ вашихъ головахъ бываютъ именно двухъ родовъ, одни возвышенно-религіозные, другіе жизненно—эстетическіе. Назовемъ ихъ такъ, хотя эти послѣдніе, житейскіе идеалы иногда бываютъ и грубо—житейскими. У каждаго юноши въ головѣ, конечно, они смѣшиваются одни съ другими въ разной пропорціи. Вотъ юноша, начитавшись св. Златоуста о высотѣ священства, напичкавшись духомъ Христа, апостоловъ и святыхъ отецъ и богословскихъ уроковъ о томъ, каковъ долженъ быть пастырь Христовъ, мечтаетъ, какъ это онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ стремиться къ осуществленію этого высокаго идеала, какъ будетъ усердно молиться, постоянно поучать,—всегда въ его мечтахъ не такъ холодно и небрежно, какъ мы отцы ваши. А другой

юноша, да и тотъ же самый, только въ другую минуту, подъ другимъ настроеніемъ, строитъ воздушные замки о земномъ счастьи, о подругѣ жизни, о голубиномъ гнѣздѣ, о прелестномъ садикѣ около него и другихъ житейскихъ прелестяхъ и удобствахъ. Подумайте, сознайтесь сами себѣ, какіе у кого идеалы преобладаютъ. Это важно. Это непременно отразится въ будущей вашей дѣятельности. Вообразимъ юношу, который прося у архіерея священническаго мѣста, каковыхъ ему предлагается не мало, вдругъ совершенно безъ сторонняго вызова прибавляетъ довольно тяжеловѣсную рѣчь: «мнѣ нужно такое мѣсто, гдѣ я могъ бы хлѣбъ сѣять. Я люблю хлѣбъ сѣять»; который предложенное мѣсто принялъ было, затѣмъ скоро отказался совсѣмъ. Судите, какой идеалъ сидитъ у человѣка въ головѣ?!

И вотъ нашъ мечтальный юноша сталъ пастыремъ церкви, пастыремъ Христова стада. Я видѣлъ еще край, въ которомъ и родился, я помню еще время, когда наши отцы священники, уже учившіеся и кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, жили еще жизнію своихъ духовныхъ овецъ, почти тождественною, почти одинаковою, не въ удаленіи отъ овецъ, а только чуть чуть впереди ихъ, какъ и слѣдуетъ пастырямъ. Проходили поприще жизни впереди своихъ овецъ, не иначе какъ по обычаямъ, преданіямъ и правиламъ святыхъ отецъ; подавали свой священническій, духовно-пастырскій голосъ овцамъ, въ совершеніи Божіихъ службъ, по преданіямъ и уставамъ святыхъ отецъ, не мудрствуя лукаво, безъ этихъ поражающихъ сокращеній богослуженія, безъ суемудрія въ измышленіи богослужебныхъ временъ, наприм. безъ послабленій плотоугодію въ измышленіи неположенныхъ всенощныхъ или позднихъ утрень и т. п., безъ самоизмышленныхъ напѣвовъ, напротивъ зная и соблюдая множество напѣвовъ древнихъ, которыми любили

улаждать и себя и пасомыхъ. Проповѣдей по селамъ, правда, говорили мало. Не оправдываю, не восхваляю старое время въ этомъ отношеніи; а нахожу только смягчающія обстоятельства въ господствѣ панскаго права, въ бѣдности, даже въ голоданіи подавленного крѣпостнымъ гнетомъ люда. Но при близости къ жизни пасомыхъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ рожденіи, крещеніи, въ вѣнчаніи, въ исповѣди и причащеніи каждаго прихожанина, непремѣнно съ семи лѣтъ, въ личномъ погребеніи, не только отпѣтіи, но и проводахъ и запечатаніи въ могилѣ непремѣнно каждаго, тогдашній пастырь имѣлъ множество случаевъ и неотложныхъ поводовъ сказать каждому и всѣмъ простое назидательное слово. Да тогда и вопіющихъ поводовъ поучить было мало. Тогда въ поминѣ не было этого повального нехожденія въ церковь, этого повального небытія у исповѣди и причастія, повального нехороненія умершихъ. Умершаго, котораго не похоронилъ и не запечаталъ въ могилѣ священникъ, стали бы видѣть съ ужасомъ въ видѣ вампира, бродящаго по ночамъ до пѣнія пѣтуховъ. Не было въ народѣ слѣдовъ явныхъ поползновеній къ разшатанности нравовъ, къ свальному грѣху, или шатаній изъ стороны въ сторону въ ереси и расколы. Не было кругомъ стада Христова этихъ хищныхъ коварныхъ волковъ, которые лъстивыми словесы уловляютъ души неопытныя въ ереси тяжкія на вѣчную погибель. Оттого отцамъ нашимъ и бороться съ этими душегубцами и душегубствами не приходилось. вмѣстѣ съ овцами отцамъ нашимъ приводилось гнѣться развѣ подъ тяжкимъ гнетомъ панскаго произвола, или подъ ударами бича Божія въ родѣ французской руины или же первой холеры. Чтоже?! Тутъ у пастыря всегда находилось первое слово назиданія, утѣшенія, ободренія для духовныхъ овецъ: «что же братцы, терпите, Богъ велитъ

терпѣть, Богъ наказываетъ за грѣхи, Богъ накажетъ, Богъ и утѣшитъ» и т. п. Простое было время. Доброе старое время, гдѣ ты, гдѣ теперь?

А нашему юношѣ пастырю приходится пастырствовать въ наше мудреное, осложненное, въ наше тревожное время. Поставленному впереди словесныхъ овецъ ему прежде всего слѣдуетъ подать имъ свой пастырскій голосъ, чтобы овцы узнали въ немъ истиннаго своего пастыря, поставленнаго отъ пастыреначальника Христа, для ихъ спасенія и спасенія. Да, буквально, слѣдуетъ подать и постоянно подавать имъ свой пастырскій голосъ. А онъ, иной изъ юныхъ пастырей, буквально не подаетъ имъ своего голоса, знакомаго пастырскаго голоса, къ которому они и отцы ихъ привыкли искони. Первое подаваніе пастырскаго голоса, самое простое и обычное, это въ Божіей службѣ. Но и тутъ не слышно пастырскаго голоса. Священникъ священнодѣйствуя буквально шепчетъ, или едва едва шевелитъ губами, вообще бережетъ свои горло и грудь. Не жалѣйте горла, не жалѣйте груди,—это хлѣбъ нашъ. Плотникъ, столяръ, землекопъ, сапожникъ добываютъ себѣ хлѣбъ руками и ногами, и никто не спрашиваетъ ихъ, какъ тяжело достался имъ трудъ ихъ и плодъ труда, который идетъ въ пользу другихъ. А мы отчего же жалѣемъ своего голоса, которымъ добываемъ себѣ хлѣбъ? Еще преступнѣе, когда мы небрежемъ о явственномъ священнодѣйствіи, когда бормочемъ, когда скрадываемъ слова и звуки. Еще неблаговиднѣе, когда отсѣкаемъ цѣлыя части изъ уставнаго богослуженія; когда представляемъ молящимся только программу того, что мы должны прочитать и пропѣть, да не прочитали и не пропѣли. Еще неблаговиднѣе, когда мы отвыкаемъ священнодѣйствовать по старинному, по уставному, строго точно, благоговѣнно; когда позабываемъ старо-церковную интона-

цію при чтеніи молитвъ и возгласовъ; когда оставляемъ безъ употребленія старо-церковные умиленные напѣвы, такъ что они даже совсѣмъ забылись и вышли изъ употребленія; когда вносимъ свѣтскую необычную въ церкви манеру чтенія и говора. Еще жалче, когда у иного юнаго священника въ церкви не встрѣчаешь ничего такого, на чемъ можно бы душу отвести; самъ священнодѣйствуетъ невѣжественно и небрежно, просто на просто читать по церковному не умѣетъ; псаломщикъ его еще невѣжественнѣе и небрежнѣе своего настоятеля,—ни чтенія ни пѣнія настояще-церковнаго въ церкви; никто имъ изъ прихожанъ не помогаетъ, никого изъ прихожанъ, ни изъ взрослыхъ, ни изъ дѣтей, не озабочиваются приучить къ клиросному участию въ священнодѣйствіи... Противно, возмутительно видѣть, какъ иной при этомъ стыдится, не умѣетъ правильно благословить; не умѣетъ, не хочетъ, упорствуетъ въ нежеланьи истово перекрестить или даже вовсе не крестить собственное чело, небрежно махая перстами около носа или бороды. Вы думаете, что народу не нуженъ вашъ явственный церковный, старо-обычный, привычный для нихъ, пастырскій голосъ? Слушаютъ, слушаютъ иного, усиливаются признать въ немъ настоящаго священника, да и рукой махнутъ. Подите вотъ, понебрежничайте въ приходахъ едино-вѣрческихъ или даже православныхъ, но проникнутыхъ духомъ такъ называемаго старообрядства. Тамъ скоро укажутъ, гдѣ Богъ, а гдѣ и порогъ. Не хотите ли вотъ прислушать приговоръ прихожанъ о старомъ своемъ священникѣ изъ нашихъ и новомъ юномъ изъ миссіонерской школы? «Со времени опредѣленія стараго священника въ приходъ замѣтно стали отпадать отъ православія. Напротивъ того юный священникъ, добрыми душевными качествами, нравственными поступками и христіанскимъ поученіемъ, въ ко-

роткое время, внушилъ къ себѣ уваженіе и любовь прихожанъ, не только крещенныхъ татаръ (самъ природный татаринъ), но и русскихъ, чего мы въ другомъ священникѣ не видимъ. Вообще при требосправленіяхъ, оный юный отецъ не притязателенъ, съ людьми обходителенъ, при томъ богослуженіе отправляетъ и на русскомъ языкѣ хорошо, внятно, чего о другомъ священникѣ по совѣсти сказать не можемъ». Въ самые послѣдніе дни возбуждаются жалобныя дѣла именно на то, что юные священники священнодѣйствуютъ невнятно и небрежно. Въ имени томъ и душеполезномъ Добромъ словѣ къ вамъ, духовные пастыри, этотъ недостатокъ обозванъ меткимъ словомъ святотатственнаго хищенія: «кто небрежно совершаетъ службу, тотъ святотатственно похищаетъ у народа Господомъ Богомъ данное достояніе». Какъ же вы хотите, чтобы паства духовная шла за нами, когда пастырь не дѣлаетъ даже этого самого простаго и необходимаго дѣла, не подаетъ овцамъ знакомаго священническаго голоса въ священнодѣйствіи, ни обычнаго звучнаго говора, ни правильнаго благоговѣйнаго чтенія, ни церковнаго умиленнаго пѣнія?

Вы чувствуете уже, что будетъ рѣчь о другомъ подаваніи пастырскаго голоса, учительнаго голоса. Боже! Тутъ что? Сходите вотъ по ближайшимъ церквамъ, прислушайтесь, часто ли, громко ли раздается тамъ учительный голосъ пастырей? «Читайте,—говоришь,—изъ печатныхъ книгъ, изъ прологовъ, изъ церковныхъ исторій, изъ библіи». Дивно, но вѣрно. Иногда не вѣдаютъ, гдѣ и книги сицевыя обрѣтаются. А нужныя книги, не всѣ, не всегда, но почти всегда обрѣтаются въ церковныхъ библіотекахъ. Библіи по инымъ церквамъ не бываетъ! Юные, по здѣшнему ученые священники, и тѣ иногда не вѣдаютъ и отвѣтить не могутъ, имѣется ли въ церкви библія. Вообра-

зимъ не юнаго, но такъ называемаго ученаго священника, который на удивленный вопросъ: «значитъ, не читаете библіи? Она вамъ не нужна?» одинъ разъ отвѣчаетъ, что у него глаза болятъ; а чрезъ два года на вопросъ: «что же, теперь успѣли почитать библію»? отвѣчаетъ другой разъ, равнодушно и резонно: «да мнѣ доктора запрещаютъ читать, глаза слабы». Вообразимъ нѣкоего юношу, который, просвященствовавъ года полтора, на вопросъ: «чтожъ эти дѣти ничего не знаютъ? Учите ли вы ихъ?» отвѣчаетъ всенародно и пресерьезно: «нѣтъ еще, пока очень мало.—Да отчего же?!—Помилуйте, у меня дома не было, все не устроено». Вообразимъ что въ ту минуту, о которой рѣчь, прихожане—поселяне успѣли уже построить и домъ для него, не только церковь для него и для себя. Прихожане сдѣлали много. А онъ что сдѣлалъ для нихъ и для церкви да и для себя, какъ пастыря учителя? Припомните мое слово объ идеалахъ,—для какого идеала жилъ бы сей юный церковникъ? Вообразимъ другаго подобнаго же юношу, который прослуживъ семь мѣсяцевъ и домогаясь чрезъ вліятельное посредство вывода изъ прихода, который ученый и не юный его преемникъ успѣлъ сдѣлать образцовымъ и прекраснымъ, на вопросъ: «учили ль вы этихъ, ничего невѣдущихъ дѣтей»? далъ отвѣтъ: «нѣтъ еще, не успѣлъ»; а въ другомъ видномъ и людномъ приходѣ, не успѣвъ завести ни ученія въ церкви, ни чтенія добраго, ни пѣнія, возвышаетъ рѣзкіе гласы о неотложномъ удовлетвореніи своего труда, самъ себя предъ народомъ обзывая «попомъ». Для какихъ идеаловъ жилъ бы и сей юноша, напоминающій собою съ разныхъ сторонъ, съ положительной и отрицательной, двухъ евангельскихъ юношей?! Въ общемъ, могу къ счастью засвидѣтельствовать, поднимается въ нашей братіи духъ разумнія, духъ пастырскаго учи-

тельства, по мѣстамъ даже настойчиваго. Но я говорю о юнѣйшихъ рядахъ, отъ которыхъ справедливо ждать больше духовной бодрости, духовной трезвенности, духовнаго дѣланія.

Идущему впереди паствы пастырю требуется палка. Требуется, чтобы самому опираться на нее. Вѣдь не легкое дѣло пастырское водительство. Иди, постоянно или впередъ. Стой также постоянно и подолгу; ноги устаютъ, руки опускаются. Волки кругомъ стада, волки въ самомъ стадѣ; не голыми же руками отгонять ихъ. Что же бы такое была эта палка опоры, палка самозащиты? Конечно, прежде всего благодать Божія, а затѣмъ и все то, чѣмъ она прививается, вѣра, молитва, самоотверженіе. Но эта палка есть и книга. На чемъ опрется самъ, чѣмъ поруководствуетъ словесную паству, чѣмъ отборонится отъ этихъ хищниковъ: расколуучителей, скопцовъ, нигилистовъ, исмаилитскихъ пропагандистовъ, священникъ, который библіи не читаетъ, у него для этого глаза болятъ, въ нѣсколько лѣтъ священнослуженія онъ даже не задался вопросомъ, есть ли около него библія; который никакихъ церковно-учительныхъ книгъ не читаетъ и не спрашиваетъ; никакихъ апологетическихъ книгъ даже не вѣдаетъ; никакихъ расколо-обличительныхъ не видалъ и въ глаза; который нерѣдко жадно хватается за одно только чтеніе, за одну только больно бьющую палку, которую можно кинуть въ ноги пастыре-начальствующимъ?! Запаситесь апологетическими, запаситесь противораскольниковыми книгами. Церковно-учительныхъ вездѣ довольно по церковнымъ библіотекамъ. Но читайте же, да учитесь, да учите. Подавайте словеснымъ овцамъ, которымъ въ душѣ часто приходится усвоить только одно изъ этихъ наименованій—овцы,—подавайте имъ свой словесный, свой разумный, пастырски—учительный голосъ. Посмотрите на овецъ

неразумныхъ въ притчѣ Спасителя. Понутивъ свои головы къ землѣ для щипанія травы, для кормленія себя, они движутся и на пажити питанія и къ водопою и къ овчему двору, не столько по зрѣнію, тѣмъ менѣе по собственному соображенію, сколько по слуху, по голосу пастыря водителя. Перенесите оттуда свой разумный взоръ на овецъ словесныхъ. Не видите ли, что всѣ понурили свои головы въ заботы о кускѣ хлѣба, о благосостояніи семьи, о пропитаніи и воспитаніи дѣтей, о здоровьи, о положеніи общественномъ? Много ли средь этихъ разнообразныхъ заботъ усмотрите попеченія собственно о спасеніи души, о неуклонномъ шествіи къ горнему Іерусалиму? Много ли думы о томъ, что *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ?* Много ли заботы о томъ *единомъ на потребу*, чтобы *задняя забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ стремиться къ почести вышняго званія?* Пусть же пастырь добрый, подавая словеснымъ овцамъ свой пастырски—учительный голосъ, постоянно напоминаетъ всѣмъ погруженнымъ въ житейскія попеченія, чтобы они, заботясь о временномъ, не забывали вѣчнаго; чтобы, созидая благосостояніе земное, памятовали о собираніи сокровищъ для неба, дабы не оскудѣть въ жизни горней, не истаять тамъ въ горнемъ мірѣ отъ глада и жажды блаженства праведныхъ душъ; чтобы слыша постоянно голосъ своего пастыря руководителя, зовущій въ отечество горнее, и постоянно повѣряя по этому священному голосу направленіе своего жизненнаго теченія и точку стоянія въ отношеніи къ Богу и церкви, словесныя овцы могли уразумѣвать, куда они направляются, къ небесному ли царствію или во дно адово, насколько они приблизились къ небу и далеко ль отстоятъ отъ пропасти ада. Не молчите, не спите, встаньте, пробудитесь. Время грозное. Пусть разбудятъ эту вѣковую спячку хоть его

громы, громы послѣдняго грознаго времени.

Идите, вооружившись палицею вѣры и слова Божія, впереди стада, не стойте, ведите его на жизненные пажити по пути ко спасенію вѣчному. Зачѣмъ идти впереди, зачѣмъ нужно непременно вести? Да, нужно. По большой дорогѣ, по раскатанному пространному пути жизни идти всякій умѣетъ. А путь къ царствію небесному нужно указать. И пальцемъ нужно указать. Но этого мало, нужно и опытомъ жизни указать, не только куда идти, но и какъ пройти. Вѣдь путь къ горнему Іерусалиму узокъ, скалистъ, тернистъ, усѣянъ соблазнами, изрытъ пропастями, тамъ змѣя ползетъ, тамъ левъ ходитъ рыкая, искій кого поглотити. Нужно бодрствованіе, нужна духовная опытность, нуженъ примѣръ высокой христіанской жизни. Покажите же если и не высокій, то хотя простой примѣръ скромной христіанской жизни, вѣрной заповѣтямъ отцовъ.

А то посмотрите, вотъ юноша пастырь, увлекшись вторымъ изъ своихъ юношескихъ идеаловъ, сѣлъ въ добрую тѣлегу жизни, да и покатылъ отъ своихъ овецъ, покатылъ по большой, истравленной, по утопанной, по загаженной, по углаженной, по широкой, по покатою дорогѣ. По видимому, и прихожане догадываются, что какъ то не ладно дѣлается съ нашимъ отцомъ духовнымъ: кажись, онъ катитъ чуть ли не прямо на дно ада. Погнался за житейскими развлеченіями, удобствами, интересами, за ними одними чуть несключительно. Вотъ завелось теперь, что у него и видъ для прихожанъ чуждый, воротнички вотъ, стриженные волосы, въ зубахъ извѣстное ненавистное народу въ священникѣ, а подъ часъ и въ рукахъ развлеченіе, удовлетвореніе пустой прихоти. Пусть бы вотъ муллы магометанскіе надѣли полусюртуки, отпустили воротнички, подрѣзали бороды, да взяли игральныя изображенія со стекла-

нищами въ руки,—что сказали бы о нихъ тогда ихъ единовѣрные мусульмане? А мы споримъ, начинаемъ отвергать въ принципѣ обязательность старообычной священнической внѣшности, которая мелочью кажется только легкомыслію. И вотъ пастырь духовный укатилъ по большой мірской дорогѣ, устранился отъ старозавѣтныхъ житейскихъ обязательствъ для священника обычаевъ, оторвался отъ простоты жизни своихъ овецъ. А овцы разбрелись по разнымъ дебрямъ, пастыря знать не хотятъ, хотя пастырю они и очень нужны.

Для чего нужны? Для чего... Да вѣдь онъ же пожертвовалъ для нихъ собою. Вѣдь по окончаніи учебнаго курса ему открыты были всѣ пути жизни, такъ по крайней мѣрѣ ему самому казалось. А онъ закабалилъ себя для священства. Да ему же жить нужно. Домъ нуженъ, который прихожане обязаны ему построить. Да и ругу собрать, да и денегъ дать. Вѣдь у него же жена, дѣти, и много ихъ. Нужно жъ ихъ прокормить, воспитать, въ университеты разослать. Вѣдь уважительность этихъ нуждъ очевидна для всякаго. И выходитъ послѣдняя бѣда горше первыхъ. Пастырь не идетъ или идетъ впереди овецъ лѣниво,—худо. Пастырь звскамаго пастырскаго голоса имъ не подаетъ,—худо. Пастырь оторвался отъ жизни овецъ, удаляется отъ нихъ, погнался за житейскими удобствами инаго рода и характера, норовитъ покатыть по мірской утопанной дорогѣ, еще хуже. Но самое худое, когда пастырь очутился сзади овецъ, когда погнался за ними, для чего? Да чтобы стричь ихъ, только всего. Нужно же по крайней мѣрѣ клокъ шерсти получить съ каждой изъ нихъ. Посмотрите, прочитайте извѣстную главу изъ пророка Іезекииля, подумайте, не похоже ли? *Такъ говоритъ Господь Богъ: горе пастырямъ Израилевымъ, которые пасутъ сами себя. Не*

стадо ли должны пасти пастыри? Вы идите тукъ и волною одъваетея, а стада не пасете. Слабыхъ вы не укрѣпляли, и больной овецъ не врачевали, и пораненной не перевязывали, и потерянной не искали, а правили ими съ насиліемъ и жестокостію. И разспялись овецъ безъ пастыря, и разспявшись сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому. Блуждаютъ овецъ мои по всѣмъ горамъ, и по всякому высому холму, и по всему лицу земли разспялись овецъ мои, и никто не развѣдываетъ объ нихъ, и никто не ищетъ ихъ. За то пастыри выслушайте слово Господне. Такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ Я на пастырей и взыщу овецъ моихъ отъ руки ихъ, и не дамъ имъ больше пасти овецъ, и не будутъ больше пастыри пасти самихъ себя, и исторгну овецъ моихъ изъ челюстей ихъ, и не будутъ онѣ пищею ихъ (Іезек. 34, 1—10). Вы только вообразите эту картину: духовнаго пастыря, который разставивъ руки бѣжитъ за овцами, чтобъ ухватить и остричь ихъ, а овецъ отъ него, въ розсыпь, всякая спасается, какъ только можетъ. Не съ натуры-ли? Вообразите и продолженіе этой картины: вотъ онъ безпомощно вопить на весь свѣтъ: да помогите же добрые люди, пособите поймать и остричь ихъ, вишь, онѣ всѣ разбѣгаются... Жаль, конечно жаль и пастыря и овецъ. Когда то въ очень старые годы, была и у самыхъ пастырей палка, чтобъ загонять овецъ даже для того, чтобъ стричь ихъ. Затѣмъ эта палка очутилась и употреблялась только въ рукахъ гражданской власти. А теперь, увѣ, вовсе почти не употребляются въ этихъ видахъ. Пастырямъ приходится пасти себя, пася стадо по заповѣди апостола: *пасите не нуждею, но волею, ниже неправедными прибытки, но усердно*, — и по притчѣ Христовой: *овцы гласъ его слышатъ и предъ ними ходятъ, и овецъ по немъ идутъ, яко въдѣтъ гласъ его*. По

чуждему же не идутъ, но бѣжатъ отъ него.

Самое же послѣднѣйшее горе изображено у пророка Малахїи, и также списано съ натуры, съ нашего послѣдняго времени. Говоритъ Господь Саваоѣ вамъ, священники, безславящіе имя мое. Вы говорите: чѣмъ мы безславимъ имя твое? Тѣмъ, что говорите: трапеза Господня не стоитъ уваженія. Вы хулите имя мое тѣмъ, что говорите: трапеза Господня не стоитъ уваженія, и доходъ отъ нея пища ничтожная. При томъ говорите: вотъ сколько труда! И пренебрегаете ею... Если вы не послушаетесь, и если не примете къ сердцу, чтобы воздавать славу имени моему, говоритъ Господь Саваоѣ, — то Я пошлю на васъ проклятіе, и проклянью ваши благословенія, и уже проклинаю, потому что вы не хотите приложить къ тому сердца... Ибо уста священника должны хранить вѣдѣніе, и закона ищутъ отъ устъ его, потому что онъ вѣстникъ Господа Саваоѣ. Но вы уклонились отъ пути сего, для многихъ послужили соблазнамъ въ законъ, разрушили заветъ Левїа, говоритъ Господь Саваоѣ. За то и Я сдѣлаю васъ презрѣнными и униженными предъ всѣмъ народомъ, такъ какъ вы не соблюдаете путей моихъ (Малах. гл. 1 и 2).

Часто думалось и думается, вотъ въ апокалипсисѣ говорится: *гряди къ тебѣ скоро, и двину свѣтильникъ твой отъ мѣста своего, аще не покаешия* (Апок. гл. 2, 5). Не выполняютъ ли это прещеніе Господа всѣ эти массы духовнаго юношества, которыя бѣгутъ вонъ изъ духовнаго званія, которыя говорятъ: *трапеза Господня не стоитъ уваженія и доходъ отъ нея пища ничтожная; при томъ говорятъ вотъ сколько труда, и пренебрегаютъ ею?* Свѣтильникъ наслѣдственнаго избранія Божія отъ древнихъ духовныхъ родовъ явно передвигается въ дру-

гіе ново-призываемые на церковное служеніе роды. Аминь.
1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Святителя и Чудотворца Николая и высоко-
торжественный день тезоименитства Благовѣрнаго
Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая
Александровича.

*Благодѣленія и общенія не забывайте. Тако-
выми бо жертвами благоугодается Богъ. По-
винуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь:
тѣмъ бо бдѣтъ о душахъ вашихъ, яко слово воз-
дати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а
не воздыхающе. Нпсть бо полезно вамъ сіе.—
Евр. 13, 16—17.*

Сущность христіанскаго пастырства, его долга и тяготы
св. апостолъ Павелъ указываетъ въ томъ, что пастыри,
священнодѣйствуя, въ тоже время суть наставники, что
они наставляють своихъ пасомыхъ, что пекутся о душахъ
ихъ и обязаны отдавать отчетъ какъ на землѣ предъ Бо-
гомъ и церковію, такъ и на страшномъ судѣ предъ Судіею
праведнымъ и церковію праведниковъ, на небѣ въ книгѣ
жизни написанныхъ, не только за себя, но и за другихъ,
за души своихъ пасомыхъ. Посему апостолъ и увѣщаетъ
христіанъ не только повиноваться своимъ духовнымъ на-
ставникамъ и покоряться имъ, но и не забывать ихъ, не

забывать какъ всю христіанскую нуждающуюся братію, такъ и тѣмъ болѣе труждающихся въ словѣ и ученіи, не забывать своими благотвореніями и общеніемъ въ своемъ достаткѣ, чтобы духовные наставники съ радостію исполняли свой долгъ пастырскаго попеченія, а не воздыхая, не воздыхая подъ гнетомъ вещественной нужды и подъ давленіемъ непокорства своихъ духовныхъ чадъ. Причемъ св. апостолъ Павелъ указываетъ, что таковыми жертвами благоугождается Богъ; что если христіане не забываютъ своихъ духовныхъ наставниковъ, какъ и всю нуждающуюся братію, благотвореніями и общеніемъ отъ своего имущества, то таковыя жертвы благоугодны Богу; что наоборотъ, если духовные пастыри творятъ свое дѣле попеченія о душахъ своей паствы не съ радостію, а воздыхая, то это бесполезно и пасомымъ.

Теперь принято вопить на весь свѣтъ, что пастыри духовные худо исполняютъ свой долгъ, мало учатъ, слабо пекутся о душахъ своихъ пасомыхъ, какъ будто они и забыли, что обязаны дать отчетъ предъ Богомъ и обществомъ за свою паству. На это замѣчу только вкратцѣ, что какъ древле—вселенская церковь дала цѣлый рядъ великихъ и святыхъ учителей вселенной и святителей пастырей Христова стада, въ родѣ Святителя и Чудотворца Николая, великаго благодѣтеля челоѣчества, такъ и русская православная церковь не преставала производить великихъ пастырей учителей отъ святителей Михаила и Иларіона и до Димитрія и Тихона и до Иннокентіевъ и Филаретовъ. Но это свѣтила въ мірѣ, это—Божіи избранники, цвѣты православнаго пастырства. Не всѣмъ же суждено быть особливими Божіими избранниками. Тѣмъ не менѣе и все въ совокупности россійское пастырство, съ епископствомъ, пресвитерствомъ и во Христѣ діаконствомъ, это въ своемъ родѣ

пчелиный рой. Не велика рабочая сила—пчела. Имѣются между пчелами и трутни въ смыслѣ празднолюбія и малополезности. Но всѣ пчелы въ совокупности, смотрите, какая ошутительная сила. Смотрите, сколько въ совокупности у нихъ труда и какая громада отъ него плода. Не говоримъ, что своимъ медомъ пчелы услаждаютъ горе и нужду всего русскаго люда. Но смотрите, всѣ свѣчи въ Божіихъ храмахъ всея Руси изъ пчелинаго воску. Изъ него весь свѣтъ, возжигаемый въ нашихъ храмахъ отъ нашего усердія въ жертву Богу. Изъ него, главнымъ образомъ, созидаются всѣ стѣны нашихъ храмовъ, колокола, утвари, облаченія церковныя. Изъ него вырабатывается и духовный свѣтъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ. И долго вычислять все, что вырабатывается изъ пчелинаго воска. А что за животное пчела? Подобнымъ же образомъ великъ ли труженикъ и русскій священникъ? Не отрицаемъ воздѣйствія и русскаго челоѣка на русскаго священника. Но русскій священникъ выработалъ русскаго православнаго челоѣка. Не великъ трудъ русскаго священника, но онъ тысячелѣтній, но онъ роевой, трудъ цѣлыхъ десятковъ тысячъ русскихъ священниковъ, работающихъ отъ Торнео до Алеутскихъ острововъ и Японіи, отъ Соловковъ до Карса и Самарканда. Да онъ и тяжекъ и благотворенъ и великъ этотъ трудъ. Слѣдовательно, если вы цѣните трудъ и дѣло православнаго русскаго челоѣка, который создалъ русское государство (не нѣмцы же или поляки, не татары же или русскіе евреи, даже не молокане и раскольники русскіе (*)),

(*) Православныя дѣти, отдаваемые на воспитаніе финнамъ, изъ петербургскаго воспитательнаго дома, только по закону остаются православными, а по воспитанію лютеранами. Они молятся по-фински по лютеранскимъ книгамъ. Они усваиваютъ себѣ даже и по лицу финскій типъ (Церк. Вѣст. 1881 г. № 9, стр. 13). Такъ и русская православная вѣра вырабатываетъ типъ русскаго православнаго челоѣка.

ъ своими анти-государственными стремленіями, его создали), — то дайте же цѣну дѣлу и русскаго священника, который создалъ душу русскаго православнаго человѣка, который наставлялъ ее и настроилъ, который неусыпно дневно — ночью заботится о ней, который и на страшномъ судѣ станетъ съ душами своихъ духовныхъ чадъ съ отчетомъ о нихъ и о себѣ: *се азъ и дѣти мои, Господи, иже далъ еси мнѣ. Суди, Боже, и помилуй всѣхъ насъ, яко человеколюбца.* Слѣдовательно, отрицать трудъ русскаго духовнаго пастырства и пользу его для русской земли, это значило бы отрицать дѣло солнца или дождя и пользу ихъ для русской же земли: вишь, солнце, плохо ты свѣтишь и грѣешь, какіе трескучіе морозы на дворѣ; видишь, дождичекъ, какъ скудно ты поливаешь, видишь, какія засухи бываютъ... До сихъ поръ русскаго человѣка цѣлюю тысячу лѣтъ учило, худо-ли, хорошо-ли, но единственно только русское пастырство и выдѣлало изъ него именно русскаго православнаго человѣка, создавшаго Россію. А свѣтскіе учителя только что теперь въ послѣдніе годы начинаютъ учить народъ, и посмотримъ еще, что-то они выдѣлаютъ изъ русскаго человѣка чрезъ тысячу лѣтъ, или даже ближе, и во что они превратятъ самую Русь святую...

Не станемъ говорить и о долгѣ послушанія, повиновенія, покорности духовной паствы своимъ духовнымъ пастырямъ. Это предметъ для нашей, и безъ того сложной бесѣды сегодня, слишкомъ обширный. Побесѣдуемъ частиче собственно о долгѣ паствы не забывать своихъ духовныхъ пастырей благотвореніями и общеніемъ въ имуществѣ, въ средствахъ содержанія. Побесѣдуемъ объ этомъ опять же вслѣдствіе широкаго распространенія ложныхъ, неосновательныхъ, невѣжественныхъ понятій относительно этого предмета, въ средѣ не только полуязычествующихъ интел-

лигентныхъ мірянъ, но и добрыхъ христіанъ пасомыхъ, даже въ средѣ самихъ духовныхъ пастырей. Міряне кричатъ о ненасытной жадности духовенства, полагая, что трудъ ихъ долженъ быть чуть не даровой. А духовные жалуются на унижительность способовъ содержанія, на то, что они обречены равнодушіемъ общества на попрошайничество, на нищенское протягиванье руки за милостынею, за подаеніемъ...

Въ священной исторіи первый примѣръ вознагражденія священника за трудъ именно священства мы имѣемъ въ патріархѣ Авраамѣ и Мельхиседекѣ. Когда Авраамъ возвращался послѣ пораженія царей Сеннаарскаго и другихъ, ему на встрѣчу вышелъ Мельхиседекъ, царь Салимскій, который былъ и священникомъ Бога вышняго. Какъ священникъ, Мельхиседекъ вынесъ священные дары, хлѣбъ и вино въ срѣтеніе побѣдителю Аврааму и благословилъ его и сказалъ: *благословенъ Авраамъ отъ Бога всевышняго, Владыки неба и земли. И благословенъ Богъ всевышній, который предалъ враговъ твоихъ въ руки твои.* И Авраамъ, за изнесеніе священныхъ даровъ, за молитву и благословеніе, далъ Мельхиседеку десятину изъ лучшихъ своихъ добычъ (Быт. гл. 14; Евр. 7). Эта встрѣча, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, не была случайностію, но съ одной стороны безъ сомнѣнія служила выраженіемъ уже установившагося патріархальнаго обычая надѣлять священство десятиною; а съ другой оказалась предначертаніемъ священства Левіина ветхозавѣтнаго, которому назначена была десятina со всего израильскаго народа по закону, и затѣмъ явилась прообразомъ первосвященника вѣчнаго Іисуса Христа и всего священства новозавѣтнаго.

Въ ветхо-завѣтной подзаконной религіи выдѣленіе десятины, какъ и другія приношенія въ пользу левитовъ и

священниковъ были опредѣлены точными законоположеніями. Закономъ пророка Моисея требовались со всѣхъ приобретений народа, для жертвенника и жреца, разнovidные и разновременные начатки: требовались всѣ первенцы мужскаго пола (за нихъ полагался опредѣленный значительный выкупъ); требовались всѣ первородныя животныя мужскаго пола (чистыя представлялись въ скинию или во храмъ натурою, а за нечистыхъ животныхъ полагался опредѣленный выкупъ); требовались весь четвертый годовой плодъ молодого дерева, ежегодные начатки земныхъ произведеній, пшеницы и другихъ плодовъ, что по вычисленіямъ составляло отъ 60-й до 40-й части всего народнаго достоянія. За этимъ слѣдовали десятины, которыя давались отъ стадъ, садовъ и полей, какъ и со всего имущества. Десятины первоначально предоставлены были сполна колѣну Левіину, которому не назначалось надѣла особыхъ полей, хотя и отведено было 46 городовъ для жительства съ городскими предмѣстьями. Въ послѣдствіи же времени полная десятина принадлежала левитамъ только въ первый, второй, четвертый и пятый годъ, считая отъ юбилейнаго субботняго года; а въ третій и шестой годъ десятина раздѣлялась между левитами, вдовами, сиротами и всѣми нуждающимися. Сами левиты обязаны были въ свою очередь давать десятину священному роду Ааронову, собственно поколѣнію священниковъ. Кромѣ того изъ многочисленныхъ жертвъ, отъ жертвы всесожженія на долю жреца отдавалась кожа жертвы (теляца, овна, козла). Отъ жертвы о грѣхѣ и о преступленіи, кромѣ тука, все мясо козла или овна также поступало въ пользу жреца; изъ двухъ горлицъ одна, изъ голубей одинъ поступали также въ пользу жреца. Изъ жертвы спасенія или мира тукъ шелъ на жертвенникъ, грудь и правое плечо жрецу, все остальное жертвоприносящему. Изъ дара безкровнаго,

муки, елея, ладана, вина, соли только часть принадлежала жертвеннику, остатокъ жрецу. Кромѣ того левиты и священники были не только слугами скинии, но и судіями народа вмѣстѣ съ Бого-избраннымъ судіею, котораго по временамъ воздвигалъ Господь. А разрѣшеніе многихъ судныхъ дѣлъ сопровождалось опредѣленными жертвоприношеніями, изъ которыхъ большая часть шла опять же въ пользу судящихъ левитовъ или священниковъ. Итакъ судите, что получалъ ветхо-завѣтный священникъ, или даже левитъ по закону, изреченному самимъ Богомъ. Колѣну Левіину, отлавляемому священническимъ родомъ Аарона, принадлежали по закону, по точно опредѣленнымъ уставамъ, чуть не двѣ десятыхъ всего народнаго достоянія.

И эти уставы были не только строгимъ предписаніемъ закона обрядоваго и юридическаго гражданскаго, но и заповѣдію нравственнаго закона Божія, излагаемаго у пророка Моисея въ высоко трогательныхъ чертахъ. Изрекая заповѣди о соблюденіи субботняго юбилейнаго года, о совершеніи праздниковъ, о приношеніи жертвъ, Господь многократно повторяетъ: *да не явишия предо Мною тощъ. Моя бо есть вся земля. Шестъ лѣтъ засьвай землю твою и собирай произведенія ея, а въ седмый оставляй ее въ покой, чтобы питались отъ нея убоіе изъ твоего народа, а остатками послъ нихъ питались звѣри полевые. Шестъ дней отдылай дѣла твои, а въ седмый день покойся, чтобы отдохнулъ волъ твой...* Не изумляйтесь этому попеченію Бога Моисеева не только о нищихъ, убогихъ, но и о волахъ, овсахъ, о звѣряхъ полевыхъ, даже беззащитныхъ деревьяхъ, которымъ безъ нужды угрожаетъ сѣкира: въ этомъ отношеніи у Моисея милосердіе Божіе является милосердіемъ Бога истиннаго, Бога высочайшаго, а жалостливость Бого-видца Моисея во многихъ отношеніяхъ далеко опередила

препрославленную гуманность даже нашего цивилизованного вѣка. Такъ... чтобы отдохнулъ волъ твой,—заповѣдуетъ Господь Богъ у Моисея,—и оселъ твой, и упокоился сынъ рабы твоей и пришлецъ чужеродный. Три раза въ годъ празднуй Мнѣ. Наблюдай праздникъ опрьсноковъ въ назначенное время мѣсяца Авива: ибо въ онома ты вышелъ изъ Египта. И да не явишия предо Мною тощъ, съ пустыми руками. Моя бо есть вся земля (Исх. гл. 23). Всякое первородное, мужескъ полъ Мнѣ да будетъ. Всякаго первенца сыновъ твоихъ да искупими: да не явишия предо Мною тощъ (Исх. 34). И сказалъ Господь Аарону: ты и сыны твои и домъ отца твоего съ тобою понесете на себѣ грѣхъ за небрежность во святилищѣ. Отправляйте службу во святилищѣ и при жертовенникѣ, дабы не было впредь гнѣва Моего на сыновъ Израилевыхъ. И братьевъ вашихъ левитовъ Я взялъ отъ сыновъ Израилевыхъ, и далъ ихъ вамъ въ даръ Господу, для отправленія службы при скинии свидѣнія. Я поручаю тебѣ наблюдать за возношеніями Мнѣ. Отъ всего, посвящаемаго сынами Израилевыми, Я далъ тебѣ и сынамъ твоимъ, ради священства вашего, уставомъ вѣчнымъ. Вотъ что принадлежитъ тебѣ изъ святынь великихъ, отъ сожиаемаго: всякое приношеніе ихъ хлѣбное, и всякая жертва ихъ за грѣхъ, и всякая жертва ихъ повинности, что они принесутъ Мнѣ. Это великая святыня тебѣ и сынамъ твоимъ. Все лучшее изъ елѣя и все лучшее изъ винограда и хлѣба, начатки ихъ, которые они даютъ Господу, Я отдалъ тебѣ. Всѣ первыя произведенія земли ихъ, которыя они принесутъ Господу, да будутъ твоими. Всякій чистый въ домъ твоемъ можетъ псть это. Все, закланное въ землю Израилевую, да будетъ твоимъ. Все, разверзающее ложесна у всякой плоти, которую приносятъ Го-

споду, изъ людей и изъ скота, да будетъ твоимъ. Всѣ возносимыя святыни, которыя возносятъ сыны Израилевы Господу, отдаю тебѣ и сынамъ твоимъ съ тобою, уставомъ вѣчнымъ. Это заветъ вѣчный предъ Господомъ, данный для тебя и потомства твоего съ тобою. Въ землю сыновъ Израилевыхъ ты не будешь имѣть удѣла, и части не будетъ тебѣ между ними. Я часть твоя и удѣлъ твой среди сыновъ Израилевыхъ. А сынамъ Левии вотъ Я далъ въ удѣлъ десятину изъ всего, что есть у Израиля, за службу ихъ, за то, что они отправляютъ службы въ скинии свидѣнія. Это уставъ вѣчный въ роды ваши; среди же сыновъ Израилевыхъ они не получаютъ удѣла (земельнаго надѣла). А вы, левиты, когда будете брать отъ сыновъ Израилевыхъ десятину, которую Я далъ вамъ отъ нихъ въ удѣлъ, то возносите изъ ней возношеніе Господу десятину изъ десятины. И вмѣнено будетъ вамъ это возношеніе ваше, какъ возношеніе отъ гумна или отъ точила. Такъ и вы будете возносить возношеніе Господу изъ всѣхъ десятинъ вашихъ, которыя будете брать отъ сыновъ Израилевыхъ, и будете давать изъ нихъ возношеніе Господу Аарону священнику (Числ. гл. 18). А Израилю Богъ заповѣдалъ чрезъ Моисея раба своего: когда поселитесь въ землю, которую Господь Богъ вашъ даетъ вамъ въ удѣлъ, и когда Онъ упокоитъ васъ отъ всѣхъ враговъ вашихъ; тогда какое мѣсто изберетъ Господь Богъ вашъ (для храма), чтобы пребывать имени Его тамъ, туда приносите все, что Я заповѣдую вамъ днесь: всесоженія ваши и жертвы ваши, десятины ваши и возношеніе рукъ вашихъ, и все избранное по обѣтамъ вашимъ, что вы обѣщали Господу Богу вашему. И веселитесь предъ Господомъ Богомъ вашимъ, вы и сыны ваши, и рабы ваши, и левитъ, который посреди жилищъ вашихъ; ибо

нѣтъ ему части и удѣла (земельнаго надѣла) съ вами.— Нельзя тебѣ псть въ жилищахъ твоихъ десятины хлѣба твоего, и вина твоего, и елей твоего, и первенцовъ крупнаго скота твоего, и мелкаго скота твоего, и всѣхъ обитовъ твоихъ, которые ты обещала, и добровольныхъ возношеній твоихъ и возношеній рукъ твоихъ. Но пшь сіе только предъ Господомъ Богомъ твоимъ на томъ мѣстѣ (у храма), которое избралъ Господь Богъ твой,—ты и сынъ твой, и дочь твоя, и рабъ твой, и раба твоя, и левитъ, и чужеродный пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ, и веселитесь предъ Господомъ Богомъ твоимъ о всемъ, что дѣлалось руками твоими. Смотри, не оставляй левита во всѣ дни, пока будешь живъ на землѣ (Вт. 12). Эта заповѣдь не оставлять левита повторяется у Моисея многократно. Вы сыны Господа Бога вашего, люди святыя Господу Богу вашему. И пшь тамъ (свои приношенія у храма) предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и веселись ты и семейство твое. И левита, который въ жилищахъ твоихъ, не оставь; ибо нѣтъ ему части и удѣла съ тобою. И пусть придетъ левитъ,—ибо ему нѣтъ части и удѣла съ тобою,—и чужеродный пришлецъ и сирота и вдова, которые находятся въ жилищахъ твоихъ, и пусть ѣдятъ и насыщаются, да благословитъ тебя Господь Богъ твой во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ (Вт. гл. 14). Когда ты придеши въ землю, которую Господь Богъ твой даетъ тебѣ въ удѣлъ, и овладѣешь ею и поселишься въ ней: то возми начатковъ всѣхъ плодовъ земли, которые ты получиши отъ земли твоей, которую Господь Богъ твой даетъ тебѣ, и положи въ корзину, и поди на то мѣсто (храма), которое Господь Богъ твой изберетъ, чтобы пребывало тамъ имя Его. И прииди къ священнику, который будетъ въ тѣ дни, и скажи ему: исповѣдую

днесъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ, что я всталъ въ ту землю, которую Господь клялся отцамъ нашимъ дать намъ. Священникъ возметъ корзину изъ руки твоей, и поставитъ ее предъ жертвенникомъ Господа Бога твоего. Ты же отвѣчай и скажи предъ Господомъ Богомъ твоимъ: отецъ мой (Авраамъ) былъ странствующій Арамеанинъ и пошелъ (въ лицѣ Іакова) въ Египетъ и поселился тамъ съ немногими людьми, и произошелъ тамъ отъ него народъ великій, сильный и многочисленный. Но Египтяне худо поступали съ нами и притѣсняли насъ и налагали на насъ работы жестокия. И возопили мы ко Господу Богу отцовъ нашихъ, и услышалъ Господь вопль нашъ, и увидалъ бѣдство наше, труды наши, и угнетеніе наше. И вывелъ насъ Господь изъ Египта самъ крѣпостію своею великою и рукою сильною и мышцею высокою (простертою), великими ужасомъ, знаменіями и чудесами. И привелъ насъ на мѣсто сіе, и далъ намъ землю сію, землю кипящую медомъ и млекою. И такъ вотъ я принесъ начатки отъ земли, которую Ты, Господи, далъ мнѣ, отъ земли кипящей медомъ и млекою. И поставь это, что ты принесъ, предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и поклонись предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и веселись о всѣхъ благахъ, которыя Господь Богъ твой далъ тебѣ и дому твоему, ты и левитъ и пришлецъ, который будетъ у тебя. Также когда ты отдѣлиши всѣ десятины произведеній земли твоей, и отдаши левиту, пришельцу, сиротѣ и вдовѣ, чтобъ они ѣли въ жилищахъ своихъ и насыщались; тогда скажи предъ Господомъ Богомъ твоимъ: я отдалъ отъ дома моего святыню, и отдалъ ее левиту, пришельцу, сиротѣ и вдовѣ, по всѣмъ повелѣніямъ твоимъ, которыя Ты заповѣдалъ мнѣ, и не преступилъ заповѣдей Твоихъ и не забылъ. Я повиновался гласу Господа Бога мо-

его, исполнилъ все, что Ты заповѣдалъ мнѣ. Призри же съ небесе Божие, отъ храма святаго твоего, и благослови люди твоя Израиля и землю, которую Ты далъ имъ, какъ клялся Ты отцамъ нашимъ дать намъ землю кипящую медомъ и млекою. Господь Богъ твой заповѣщаетъ тебѣ исполнять всѣ постановленія сіи и законы; соблюдай и исполняй ихъ отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей. Господу сказалъ ты нынѣ, что Онъ будетъ твоимъ Богомъ и что ты будешь ходить путями Его и хранить постановленія Его и заповѣди Его и законы Его, и слушать гласа Его. И Господь обѣщалъ тебѣ нынѣ, что ты будешь собственнымъ Его народомъ, какъ Онъ говорилъ тебѣ, если ты будешь хранить всѣ заповѣди Его, и что Онъ поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ, которые Онъ сотворилъ, въ чести, славу и великолѣпіи, и что ты будешь святымъ народомъ у Господа Бога твоего (Вт. 26).

Такимъ образомъ заповѣди о пожертвованіяхъ на священниковъ и левитовъ глубоко неразрывнымъ образомъ связаны были, въ ветхозавѣтной подзаконной церкви, со всѣмъ строемъ богослуженія и обрядовъ, со всѣми священно-историческими воспоминаніями, со всѣмъ укладомъ жизни израильскаго народа, со всѣми благословеніями и обѣтованіями Божиими, данными сему народу, со всѣми надеждами его на народную самостоятельность и благосостояніе. Внемли себѣ, — многократно внушаетъ Богъ своему избранному народу, — да не оставиши левита во все время, дондеже еси живъ на земли, да благо тебѣ будетъ, и сыномъ твоимъ по тебѣ во вѣки, аще сотвориши се, еже угодно есть предъ Господомъ Богомъ твоимъ (Вт. 12).

Такъ было въ ветхозавѣтной церкви до самаго пришествія Христова на землю. Но подъ конецъ было только

въ буквѣ закона, а духъ его уже исчезъ, духъ живой связи между священникомъ и левитомъ съ одной стороны, и народомъ съ другой. Во время земной жизни Спасителя, ревнители іудейской старины, каковы были фарисеи, еще одесятствовали, — давали десятину съ мяты, аниса и тмина, оставляя важнѣйшее въ законѣ, судъ и милость и вѣру, тогда какъ сіе надлежало дѣлать и того не оставлять (Мат. 23, 23). Но первосвященники и священники были уже саддукеями, которые не вѣрили даже въ воскресеніе мертвыхъ, и хотя старались побольше брать съ народа, но народъ отупѣлъ уже въ невѣжествѣ и равнодушіи къ вѣрѣ отцовъ своихъ.

Иисусъ Христосъ принесъ на землю новый духъ вѣры вообще, и въ частности новый духъ отношеній между пастырями и пасомыми, даже въ частнѣйшемъ дѣлѣ вознагражденія пастырей за трудъ пастырства. Думаете ли вы, что Христосъ не касался этого вопроса? Нѣтъ, разъяснилъ его и словомъ и дѣломъ. Въ ветхо-завѣтномъ законѣ Моисеевымъ подробныя заповѣди о приношеніяхъ на левитовъ были строго точными предписаніями закона вообще, закона не только нравственнаго, но и обрядоваго и гражданскаго, который вооруженъ былъ и соотвѣтственными карами на нарушителей. Такъ предписано было: душа, яже аще съестъ отъ мяса жертвы спасенія и нечистота его на немъ, погибнетъ душа она отъ людей своихъ (Лев. 7, 20). Подобныхъ прещеній тяжкими карами въ законѣ Моисеевомъ весьма не мало. Если по какому дѣлу затруднительно будетъ для тебя разсудить, — то приди къ священникамъ и левитамъ и поступи по слову, какое они скажутъ тебѣ на томъ мѣстѣ, которое избретъ Господь (для храма), и постарайся исполнять все, чему сподь (для храма), и постарайся исполнять все, чему они научатъ тебя, и по опредѣленію, какое они скажутъ

тебѣ, поступи и не уклоняйся ни направо, ни налево отъ того, что они скажутъ тебѣ. А кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго тамъ на служеніи предъ Господомъ Богомъ твоимъ, тотъ долженъ умереть: и такъ истреби зло отъ Израиля (Вт. 17, 8—12). Всѣ приношенія на священниковъ и левитовъ были точно опредѣленною закономъ-обязательною платою за труды ихъ. *Сіе мзда вамъ есть*,—предписывалъ Моисей въ законѣ священникамъ и левитамъ (Чис. 18, 31),—*за службы ваши въ скинии свидѣнія*. Господь Иисусъ Христосъ не упразднилъ этотъ законъ Моисеевъ о вознагражденіи священниковъ, не уничтожилъ даже понятіе мзды или платы; но только все это перевелъ съ почвы юридической на почву нравственнаго закона. Слушайте вотъ заповѣдь Христову и сравнивайте съ закономъ Моисеевымъ. *Идите*,—говоритъ Иисусъ Христосъ своимъ апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь евангелія (Лук. 10). *Вотъ Я посылаю васъ. Не берите ни мѣшка, ни сумы, ни обуви. Въ какой домъ войдете, сперва говорите: миръ дому сему. И если тамъ будетъ сынъ мира, то почитъ на немъ миръ вашъ. А если нѣтъ, то къ вамъ возвратится. Въ домъ же томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своей. И если придете въ какой городъ, и примутъ васъ, ѣшьте, что вамъ предложатъ, и говорите: приблизилось къ вамъ царствіе Божіе. Если же придете въ какой городъ и не примутъ васъ, то вышедши на улицу скажите: и прахъ, прилипшій къ намъ отъ вашего города, отрясаемъ вамъ. Сказываю вамъ, что Содому въ день оный отраднѣе будетъ, нежели городу тому. Пріемлющій васъ Меня пріемлетъ, а отвергающій васъ Меня отвергаетъ и Того, кто послалъ Меня. Кто напоитъ васъ чашею студеной воды,*

во имя Моё, аминъ глаголю вамъ, не погубитъ мзды своей. Видите, здѣсь въ словахъ Господа есть и мзда дѣлателямъ, труждающимся въ проповѣди евангелія; есть и прещеніе на тѣхъ, кто отвергается ихъ; есть и обѣтованіе награды тѣмъ, кто ихъ пріемлетъ. Но эта мзда, въ устахъ Спасителя, обязательна нравственно, а не юридически. Это прещеніе грозитъ казнью отъ Бога, а не прямою гражданскою казнью.

Свое ученіе Господь Иисусъ освятилъ и собственнымъ примѣромъ. Выходя самъ на проповѣдь евангелія, Онъ не бралъ съ собою ни мѣшка, ни сумы, ни обуви. По обычаю бѣдныхъ современниковъ, Онъ пѣшешествовалъ босыми стопами, много что въ сандаляхъ (какъ и изображается на св. иконахъ). Ходя Онъ проповѣдовалъ: *покайтесь, приблизится бо ся царствіе небесное*. Входя въ домъ, Онъ пріѣзствовалъ присутствующихъ благословеніемъ мира: *миръ дому сему, миръ вамъ* (Іоан. 20, 20). И если приходилъ въ какой городъ и домъ и Его принимали, Онъ вкушалъ, что Ему предлагали. Такъ Онъ трапезовалъ у Маттея и Закхея мытарей, у Симоновъ фарисея и прокаженнаго, вообще ѣлъ и пилъ съ мытарами и грѣшниками, присутствовалъ на брачномъ пиру въ Канѣ Галилейской, любилъ отдыхать у гостепріимныхъ Марѣи и Маріи и брата ихъ Лазаря, своего друга; конечно, находилъ виталище и въ Іерусалимѣ, вѣроятно, въ домѣ Заведея. Но такъ какъ при Немъ неотступно находились и двѣнадцать избранныхъ апостоловъ, а питаться всѣмъ имъ только случайнымъ гостепріимствомъ было затруднительно, то нѣкоторые благотворительныя особы поддерживали Господа съ Его апостолами своими пожертвованіями, служа Ему отъ имѣній своихъ, каковы были св. жены мѣроносицы, Марія Магдалина и другія. Но этого мало. Одинъ изъ дванадцати учениковъ

Христовыхъ, Иуда Симоновъ Искаріотскій, отчасти изъ не-предсудительной, даже похвальной предусмотрительности, отчасти же изъ погубительнаго горыстолюбія, догадался завести и ковчежець, въ которомъ и носилъ вмѣтаемая, т. е. говоря по просту, собиралъ подаянія. Однакоже самъ Господь до поры не отвергалъ, даже не осуждалъ такого сбора. Несомнѣнно, что этими подаяніями пользовались не только прочіе апостолы, но и самъ Господь, отчасти для собственнаго пропитанія, а отчасти для вспоможенія другимъ нуждающимся. Такъ въ исторіи жены самарянки мы видимъ, что ученики Христовы ходили въ городъ Сихарь, *да брашно купятъ, купить пищи*, и воротившись съ покупкою приглашали своего Учителя кушать (Іоан. 4, 8 и 31). Въ исторіи насыщенія пяти тысячъ, Іисусъ, возведши очи и увидѣвъ, что множество народа идетъ къ Нему, говоритъ Филиппу: *иди намъ купить хлѣбовъ, чтобы ихъ накормить?* Филиппъ отвѣчалъ Ему: *имъ на двѣсти динаріевъ недостаточно будетъ хлѣба* (очевидно, такой суммы не было въ распоряженіи апостольской общины), *чтобы каждому изъ нихъ досталось хотя по немногу*. А Андрей, братъ Симона Петра, говоритъ: *здесь есть у одного мальчика пять хлѣбовъ и двѣ рыбки*. Очевидно, у самихъ апостоловъ въ пустомъ мѣстѣ не было заготовлено ничего съѣстнаго. А этотъ мальчикъ не былъ ли разнощикъ, у котораго предполагалось купить его скудный запасъ къ скудному обѣду священнѣйшей общины 13 лицъ, самаго Господа съ 12-ю апостолами? На тайной вечерѣ, когда Іисусъ сказалъ Іудѣ таинственное слово: *еже твориши, сотвори скоро*, сего слова никто изъ возлежащихъ апостоловъ не понималъ, къ чему Онъ сказалъ это Іудѣ. А какъ у Іуды былъ ковчежець, въ которомъ онъ носилъ вмѣтаемыя подаянія, то нѣкоторые изъ учениковъ подумали, что Іисусъ говоритъ ему:

купи, что намъ нужно къ празднику, или, чтобы Іуда далъ что нибудь нищимъ, о которыхъ онъ такъ повидимому печашеся (Іоан. 13, 27—29). Не на эти ли подаянія Петръ и Іоаннъ уготовали и пасху? А приготовленіе іудейской пасхи стоило не дешево (Лук. 22, 1—13). Не усматриваете ли вы теперь, что въ этой священной общинѣ, оглаваемой самимъ Христомъ, было уже зерно Христовой церкви, съ вольными приношеніями на нее и съ ея благотвореніями нуждающимся?

У святаго апостола Павла этотъ вопросъ раскрытъ все-сторонне и въ высшей степени назидательно. Уже тогда, въ апостольскія времена, были завистливыя очи, которыя зазирали, и злобные языки, которые злословили самихъ апостоловъ за то, что они пропитываются въ счетъ вѣрныхъ. Апостоль Павелъ уже защищается и защищаетъ себя и своихъ сотрудниковъ, по евангельской проповѣди, отъ этихъ злыхъ укуровъ и коварныхъ зазираний. Этого предмета онъ касается во многихъ мѣстахъ своихъ писаній, но главное—9-я глава перваго посланія къ Коринѳянамъ. *Развѣ я не апостолъ? Вотъ мое защищеніе противъ осуждающихъ меня. Развѣ мы не имѣемъ власти псть и пить? Какой воинъ служитъ когда либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не пстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не пстъ молока отъ стада? По человѣчески ли только я это говорю? Не тоже ли говоритъ и законъ Божій? Ибо въ Моисеевомъ законѣ написано: не обратиши устенъ (не полагай оброти на ротъ) у вола молотящаго. О волахъ ли поется Богъ? Или, конечно, для насъ слугъ Божіихъ это говорится? Да, такъ, это для насъ написано. Ибо кто намѣтъ землю, долженъ пахать съ надеждою на урожай, и кто молотитъ, долженъ молотить съ надеждою получить ожидаемое. Если*

мы поспяли *вз васъ* и для васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? Развѣ не знаете, что священнодѣйствующие питаются отъ святилища? Что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ евангеліе жить отъ благоуспованія. Если другіе имѣютъ у васъ власть, не паче ли мы? Однако мы, — прибавляетъ лично о себѣ св. апостолъ Павелъ, — не пользовались сею властію, но все переносимъ, дабы не поставить какой преграды благоуспованію Христову. Я не пользовался ничѣмъ такимъ, и написалъ сіе не для того, чтобы такъ было для меня, (а для другихъ моихъ сотрудниковъ). Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожилъ мою похвалу.

Извѣстно, что апостолъ Павелъ, при высокомъ своемъ званіи римскаго гражданина, при происхожденіи изъ высшихъ родовъ еврейскихъ и при обширномъ образованіи, былъ въ то же время и ремесленникъ, по нашему столяръ, а въ частности скинотворецъ. Это ремесло помогало ему соблюдать строго свою апостольскую честь, при трудахъ апостольской проповѣди. Путешествуя по разнымъ странамъ для проповѣди, онъ старался ни отъ кого ничѣмъ не пользоваться, чтобы не навлекать на свое апостольство укора въ корыстности или тунеядствѣ. Такъ въ прощальной рѣчи къ ефесскимъ пресвитерамъ онъ говоритъ: *ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелаю. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ трудясь, работая собственными руками, надобно поддерживать слабыхъ, никому не подавая повода къ укорамъ, и памятовать слово Господа Иисуса. Ибо Онъ самъ сказалъ: блаженіе есть паче даяти, нежели приимати* (Дѣян.

20, 33—35). Такъ и въ Солунянамъ пишетъ онъ, разъ и два: помните, братіе, трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали у васъ благоуспіе Божіе (1 Сол. 2, 9). Мы не безчинствовали у васъ, ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ. Но тутъ же прибавляетъ: это не потому, чтобы мы не имѣли власти (питаться отъ поучаемыхъ), но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ (2 Сол. 3, 7—9), такъ какъ появились между Солунянами безчинники, которые ничего не дѣлали, а суетились, которыхъ св. апостолъ Павелъ увѣщаетъ, чтобы они ѣли свой хлѣбъ, работая въ безмолвіи. Относительно же остальныхъ пастырей онъ же проситъ тѣхъ же Солунянъ, чтобы они уважали трудящихся у нихъ предстоятелей своихъ о Господь, которые вразумляютъ ихъ, и имѣли ихъ въ преимущественной любви и въ попеченіи за дѣло ихъ (1 Сол. 5, 12—13). И епископу ефесскому Тимофею апостолъ Павелъ даетъ наставленіе, что достойно начальствующимъ пресвитерамъ должно оказывать сугубую честь (какъ въ обращеніи съ ними, такъ и въ довольствованіи), особенно тѣмъ, которые трудятся въ словѣ и ученіи. Ибо писаніе говоритъ, въ ветхомъ завѣтѣ Моисей: вола молотяща не обратиши (не заграждай рта у вола молотящаго), и въ новомъ завѣтѣ самъ Господь Иисусъ Христосъ: достоинъ дѣлатель мзды своея (1 Тим. 5, 17—18). Никто, ставъ воиномъ, не связывается куплями, вообще дѣлами житейскими, чтобы уподобиться военачальнику. Трудящемуся земледѣльцу первому подобаетъ вкусить отъ плодовъ. Разумный, что я говорю. Да дастъ тебѣ Господь разумніе во всемъ (2 Тим. 2, 4—7). Апостолъ Павелъ разумѣетъ здѣсь не иное что,

какъ власть, или властное право пресвитеровъ получать содержаніе отъ своихъ пасомыхъ; но говоритъ прикровенно потому, что тогда самая вѣра вѣрныхъ окружена была еще густою мглою и невѣрія и маловѣрія, и уже ересей и недоразумѣній и хуленій, которыя дерзали вздыматься даже на чистоту служенія самихъ апостоловъ.

Но и самъ апостолъ Павелъ, какъ ни усиливался избѣгать случаевъ чѣмъ либо попользоваться отъ ново-просвѣщаемыхъ учениковъ, однакоже, когда видѣлъ доброхотство, доброхотство не только по силѣ, но и нѣче силы, когда ученики отдавали ему, какъ и Богу, не только все свое, но и себя самихъ (2 Кор. 8, 3—5), когда готовы были, если бы было можно, исторгнуть очи свои и отдать ему (Гал. 4, 15),—то пользовался и страннопріимствомъ и гостепріимствомъ доброхотствующихъ, на что есть множество указаній въ священномъ писаніи (Дѣян. 16, 34; 1 Кор. 18, 8—9). Апостольскими своими руками работалъ онъ для собственнаго пропитанія только до тѣхъ поръ, пока эти руки не были связаны. Но когда онъ очутился въ узахъ, то съ одной стороны неволя, а съ другой любовь къ своимъ ученикамъ вынудили его принимать пожертвованія, за которыя онъ и хвалить съ величайшею трогательностію особенно Филиппійцевъ. *Я весьма возрадовался о Господѣ,—пишетъ онъ къ нимъ,—что вы уже вновь начали заботиться обо мнѣ. Вы и прежде заботились, но обстоятельства вамъ не благопріятствовали. Говорю это не потому, что нуждаюсь: ибо научился быть доволенъ тѣмъ, что у меня есть. Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи. Научился всему и во всемъ: быть въ сытости и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи и въ недостаткѣ. Все могу о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ. Впрочемъ вы хорошо поступили, принявъ участіе*

въ моей скорби. Вы знаете, Филиппійцы, что и въ началѣ благовѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не оказала мнѣ участія подаваніемъ и принятіемъ, кромѣ васъ однихъ. Вы и въ Солунѣ (гдѣ апостолъ находилъ нужнымъ никому ничѣмъ не одолжаться) и разъ и два присылали мнѣ на мою нужду. Говорю это не потому, чтобы я искалъ подаванія; но ищу плода въ пользу вашу. Я получилъ все и избыточествую. Я доволенъ, получилъ отъ Епафродита посланное вами, какъ благовонное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу. Богъ же мой да восполнитъ всякую нужду вашу, по богатству своему въ славу, Христомъ Іисусомъ (Филип. 4, 10—19). Самъ довольствуясь малымъ, апостолъ Павелъ желалъ, чтобъ и сослужители его по евангельской проповѣди не превращали свое право довольствоваться отъ паствы въ средство корысти. Удаляйся отъ такихъ,—писалъ онъ къ епископу ефесскому Тимофею,—которые думаютъ, будто благочестіе служитъ для прибытка. Великое пріобрѣтеніе быть благочестивымъ и довольнымъ. Ибо ничего мы не принесли въ міръ сей; явно, что ничего не можемъ и вынести изъ него. Имѣя же пищу и одѣяніе, симъ будемъ довольны (1 Тим. 1, 5—8).

Въ заботѣ же относительно довольствованія соапостоловъ, пресвитеровъ и вѣрныхъ нуждающихся, св. апостолъ Павелъ вездѣ и всехъ, словомъ и писаніемъ, возбуждалъ къ благотворительности. *Доброе творя,—писалъ онъ къ Галатамъ (6, 9—10),—да не унываемъ: ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ. Итакъ доколь есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, наипаче же приснымъ въ вѣрѣ. Уже въ свое время онъ старался организовать и ограничить точными правилами сборъ милостыни на церковь, чтобъ не было затрудненій и взаимнаго недовѣрія. Каса-*

тельно сбора для святых, — писалъ онъ Коринѣянамъ (1 Корин. 16, 1—4). — *поступайте такъ, какъ я установилъ въ церквахъ Галатійскихъ. Въ первый день недѣли (по воскресеньямъ) каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я приду. Когда же приду, то которыхъ вы изберете, тѣхъ отправлю съ письмами, для доставленія вашего подаянія во Иерусалимъ. А если лично будетъ и мнѣ отправиться, то они со мною пойдутъ. Самъ апостоль Павелъ остерегался, чтобы не подвергнуться отъ кого нареканію при обиліи приношеній, вѣряемыхъ его служенію. Почему и имѣлъ при себѣ особаго сборщика, избраннаго отъ церквей, для сопутствія ему, для собиранія благотвореній. Этого, какъ и другихъ довѣренныхъ сборщиковъ, посылалъ онъ и по всѣмъ церквамъ. При чемъ убѣждалъ всѣхъ и каждого, впрочемъ довольно настойчиво, дать доказательство любви своей, какъ благословеніе, а не какъ поборъ. При семъ скажу, — писалъ онъ къ Коринѣянамъ (2 Корин. гл. 8—9), — кто сплетъ скупо, скупо и пожнетъ; а кто сплетъ щедро, щедро и пожнетъ. Каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ огорченіемъ, ни съ принужденіемъ. Доброхотна бо дателя любитъ Богъ.*

Итакъ Господь Іисусъ Христосъ и апостолы Его не уничтожили ветхій заветъ въ новомъ, а только восполнили, обобщили для всего человѣчества, очистили отъ особенностей мѣста, времени и еврейской національности, только усовершили, утончили и возвысили. Возвысили какъ вообще во всемъ, такъ и въ уставахъ относительно приношеній на храмъ и на священство. Въ новомъ заветѣ устранено только ветхо-заветное возношеніе кровавыхъ жертвъ на жертвенникъ Господень, хотя и не отклонены вообще животныя

приношенія. Устранены юридическія казни за погрѣшности въ приношеніяхъ на храмъ и священство. Но не отклонена нравственная обязательность этихъ приношеній. Не устранена нравственная отвѣтственность христіанъ за отклоненіе отъ этихъ приношеній. Не устранены власть и право церкви и священства на довольствіе отъ паствы; требуется только, чтобы сборъ на нихъ былъ благословнымъ добротствомъ со стороны мірянъ, а не поборами со стороны духовенства.

Такъ это дѣло и организовалось въ церкви, начиная съ апостольскаго вѣка, какъ располагалъ его св. апостоль Павелъ. Въ первенствующей апостольской церкви въ Иерусалимѣ первые вѣрующіе установили было даже общеніе имуществъ: всѣ весь свой достатокъ полагали къ ногамъ апостоловъ на ихъ святую волю. Послѣ чего устроены были какъ для апостоловъ, такъ и для всѣхъ вѣрующихъ, даже общія трапезы. Но этотъ порядокъ продержался и тамъ, по видимому, только до перваго разсѣянія іерусалимскихъ христіанъ послѣ скорби, бывшей при Стефанѣ, тотчасъ послѣ побіенія камнями первомученика архидіакона Стефана и перваго гоненія на всѣхъ вѣрныхъ. Въ другихъ же церквахъ установился порядокъ, заимствованный отчасти изъ ветхаго завета и утвержденный распоряженіями апостола Павла. Такъ, главнымъ образомъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, вѣрные приносили, кто что могъ, въ общія церковныя собранія, и полагали къ ногамъ епископовъ и пресвитеровъ. Что требовалось для евхаристіи, то возлагалось на христіанскій жертвенникъ, — отсюда наименование — просфора, приношеніе. А прочіе начатки, мясо, хлѣбъ, соль, овощи, медъ, молоко, всякія вещицы и денежныя приношенія вручались епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ. Изъ ветхаго завета перешло и удержалось самое наз-

ваніе этихъ приношеній—начатки (Ап. прав. 3) Безъ сомнѣнія, не только съ апостольскихъ временъ, но даже изъ ветхаго завѣта идетъ обычай дѣлать приношенія послѣ всякаго особо нужнаго вѣрнымъ и торжественнаго священнодѣйствія, каковы въ ветхо-завѣтной церкви разныя по разнымъ случаямъ жертвы, а въ православной церкви причащеніе, крещеніе, браковѣчаніе, похороны, поминовеніе усопшихъ и т. д. Въ русской церкви усердіе святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра попыталось было утвердить даже ветхо-завѣтную десятину. Однакоже десятина не привилась къ маловѣрію и жестосердію тогдашняго полуязыческаго русскаго люда. Тѣмъ не менѣе и на Руси скоро и прочно утвердились и окрѣпли приношенія на храмъ, приношенія всякаго рода начатковъ и подаянія послѣ всякаго, особо нужнаго христіанамъ священнодѣйствія, проше сказать, послѣ всякаго требоисправленія.

Любезные братья сопастыри! Умоляю васъ моленіемъ первоверховнаго по Христѣ пастыреначальника нашего св. апостола Петра,—какъ сопастырь вашъ умоляю: *пасите еже въ васъ стадо Божіе, посещающее его не нуждею и принужденіемъ, но волею, ниже ради неправедныхъ прибытковъ, но усердно ради Бога, ради Христа.*

Но любезные братья сопастыри! Не увлекайтесь и моднымъ ложнымъ стыдомъ. Не стыдитесь протягивать вашу руку за платою за вашъ трудъ. Полководецъ, профессоръ, адвокатъ, лѣкарь, сапожникъ, плотникъ и всѣ и всѣ не стыдятся протягивать руку за платою, заслуженною трудомъ. А вашъ трудъ не легче. О вашемъ трудѣ самъ Христосъ и апостолы сказали: *достойнъ дѣлатель мзды своей.* Апостолъ Павелъ сказалъ о насъ даже то, что *никтоже, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ.* Никто изъ насъ, ставъ ратникомъ Божіимъ,

служа и угождая пастыреначальнику вождю нашему Христу, не можетъ связываться дѣлами и куплями житейскими. Священнодѣйствуя, мы должны питаться отъ святилища; служа алтарю, мы имѣемъ право и власть дѣлиться съ алтаремъ. Не стыдитесь же протягивать руку за подаяніемъ, даже за милостынею Христа ради. За подаяніемъ протягивали благословящую руку Мельхиседекъ и Ааронъ, самъ Христосъ Господь и святые Его апостолы. Не стыдитесь собирать грошами съ просфоръ, подаваемыхъ на жертвенникъ,—это продолженіе жертвоприношеній ветхо-завѣтныхъ; это искаженное восполненіе обильной просфоры къ жертвенникамъ христіанскимъ въ первые вѣка христіанства. Не стыдитесь собирать крупницами меду на поминкахъ, кутьею, калачами и крендельками, мясными обрывками и красными яйцами во св. Пасху, яблоками и вообще древесными фруктами въ Преображенъе, животною живностью по осени, кудельками льна, горстями зерна, ложечками масла и млека огустѣващаго и пр.: все это такъ называемые начатки не только апостольскихъ, но даже еще ветхо-завѣтныхъ временъ, которые тогда или въ точно опредѣленномъ, или въ добротномъ, но великомъ обиліи приносились къ порогу храма Господня, въ пользу жреца и священника. Не стыдитесь протягивать руку за вознагражденіемъ послѣ cadaго требоисправленія за вашъ трудъ,—это Богомъ благословенная мзда ваша за ваше священное дѣланіе ради Бога и церкви Его. Не стыдитесь вкушать пищу и питіе у вашихъ пасомыхъ во дни торжествъ, послѣ требоисправленій и во всякое время у добротныхъ; это завѣтъ имъ отъ самаго Бога, данный еще въ ветхомъ завѣтѣ; это примѣръ для васъ самаго Христа и апостоловъ, даже заповѣдь: *входяще въ домъ глаголите: миръ дому сему, и идите предлагаемая вамъ, призывая благословеніе Божіе на вашихъ благотвори-*

телей. Не стыдитесь даже вызывать dobroxotstvo къ жертвованіямъ на церковь, на себя, на свою братію. Это даже долгъ вашъ. Такъ поступали, и вамъ поступать заповѣдали святые апостолы. *Аще мы духовная стѣмъ мірянѣмъ, велико ли, аще тѣлесная ихъ пожнемъ?* Это наше право. Это наша власть. *Достоинъ духовный дѣлатель мзды своей.* Смотрите только, сѣйте духовное. Смотрите только, чтобы ваши сборы были благословеніемъ, и съ вашей стороны благословеніемъ, и со стороны дающихъ благословеніемъ, а не принудительными ветхо-завѣтными поборами, которые теряютъ всякую нравственную цѣну въ очахъ Божіихъ.

Братіе христіане! Поймите отсюда, какъ далеко ушло наше время отъ духа и обычая не только древней апостольской ново-завѣтной, но даже ветхо-завѣтной церкви Божіей. Тогда міряне всѣ и все несли съ готовностію сами къ подножію алтаря Господня. Поймите, что духовенство никогда не получало менѣе и не жило скуднѣе нашего времени (за исключеніемъ, быть можетъ, татарскаго погрома), сравнительно съ общимъ благосостояніемъ, съ возрастающими потребностями и способами ихъ удовлетворенія. Поймите, насколько проникнуты Христовымъ духомъ эти вопли интеллигенціи, да и всего народа о ненасытности духовенства. Поймите, откуда это, что всѣ разсужденія правящихъ круговъ объ улучшеніи быта духовенства—только слова, слова и слова, совсѣмъ праздна и даже вредная слова. Поймите, откуда эта незастѣнчивая жадность чиновничества, даже—неслыханное дѣло!—торгашества отнять у духовенства послѣдніе немногіе прочные клоки, на которые опирается благосостояніе церквей, монастырей и другихъ церковныхъ учреждений, особенно монастырей. «О! Эти монастыри богаты»... Откуда это злорадство?!... Эти злоухищренія выр-

вать у насъ что либо, не то чтобы дать?! Откуда это ожестѣніе искони христолюбиваго нашего народа, который самъ уже не многое несетъ охотно и щедро ко храму Господню, свѣчку—и ту тащить въ церковь поддѣльную, купленную за дешевую цѣну въ лавкѣ у торгаша,—который попускаетъ, который вынуждаетъ своего священника, дѣйствительно какъ презрѣннаго нищаго, бродить подъ огнями и выпрашивать дѣйствительно милостыню, буквально нищенскую подачку?! Когда всякій безъ исключенія прихожанинъ обязанъ довольствоваться своего духовнаго пастыря и давать ему достойную мзду Христа ради, а не нищенскую подачку?! Отчего, отчего, откуда, откуда,—безъ конца эти откуда и отчего...

Се же глаголю: стѣй скудостію—скудостію и пожнетъ, а стѣй о благословеніи о благословеніи и пожнетъ. Кійжедо подавай, якоже изволеніе иматъ сердцемъ, не отъ скорби, ни отъ нужды. Доброхотни бо дателя любятъ Богъ. Давущаго рука не оскудѣетъ. Иже аще напоитъ единого отъ ученикъ Христовыхъ чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминъ глаголю вамъ, не погубитъ мзды своей (Мат. 10, 42). Это слова Христовы.

А если бы мы сохранили стародавній старо-русскій обычай dobroxotnago даенія на церковь и ея служителей, то сняли бы одну изъ тягостнѣйшихъ думъ и неразрѣшимыхъ заботъ съ сердца Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ НАШЕГО ИМПЕРАТОРА, которому, какъ и тезоименитому нынѣ НАСЛѢДНИКУ ЕГО, попросимъ у Бога долгихъ лѣтъ, здравія и благоденствія, *ди тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ недѣлю святыхъ отецъ (1880 г.), о Каинѣ и Авелѣ.

Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. Быт. 4, 10.

Настали дни приготовленія къ срѣтенію Христа рождающагося, грядущаго съ небесъ на землю. Приготовляя насъ къ сему великому празднику, св. церковь хочетъ, чтобъ мы вспомнили святыхъ праотцевъ и богоотцевъ, отъ которыхъ произошелъ по плоти грядущій воплотитися на земли Христосъ Господь нашъ.

Говорятъ о проповѣдникѣ: «что онъ толкуетъ намъ, начиная отъ Адама? Эти исторіи мы учили еще въ дѣтствѣ»? — Учили въ школахъ по школьному, и забыли. Теперь — выслушайте въ церкви по церковному; внимайте въ библейское повѣствованіе, полное глубочайшаго содержанія и назиданія; всмотритесь въ библейскіе типы, начертанные рукою боговидца Моисея, по внушенію Духа Божія. Въ этихъ типахъ увидите назидательнѣйшіе типы обще-человѣческой жизни. Вспомните вотъ образы Каина и Авеля. Одинъ мрачный братоубійца; другой проткій агнецъ, кровь котораго пролита рукою брата. Развѣ нѣтъ между нами Каиновъ и Авелей? Или, смягчимъ нашъ вопросъ. Мы конечно пигмеи сравни-

тельно съ этими библейскими колоссами, съ этими типическими личностями. Развѣ нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ничего каинитскаго, ничего авелевскаго? Даже еще ближе къ дѣлу: развѣ нѣтъ въ каждомъ изъ насъ смѣшенія чертъ каинитскихъ съ авелевскими? О семъ и размыслимъ.

Библейское повѣствованіе о Каинѣ и Авелѣ начинается тѣмъ, что оба они приносятъ жертву Богу. Каинъ приноситъ отъ плодовъ земли, а Авель отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ. Спрашивается, откуда появились оба эти рода жертвъ. Въ этомъ случаѣ о двоякаго рода жертвахъ упоминается въ Библии въ первый разъ. Толковники полагаютъ, что оба эти рода жертвъ, особенно же второй, съ самаго начала, установлены самимъ Богомъ. Извѣстно, что Адамъ и Ева, тотчасъ по грѣхопадѣніи, почувствовали, что лишились первобытной чистоты, что обнажились благодати Божіей. А почувствовавъ наготу всего существа своего, оскверненнаго грѣхомъ, они сотворили себѣ препоясаніе изъ листьевъ древесныхъ, чтобы прикрыть свой стыдъ. Они закрывали препоясаніями наготу своего тѣла; но грызущая совѣсть указывала нужду прикрыть собствен-но стыдъ и позоръ души. Явившись къ виновнымъ, праведный, но и милующій Богъ изрекаетъ имъ наказаніе; но въ ту же минуту изрекаетъ и обѣтованіе перво-евангелія. *Змію рече Богъ: вражду положу между тобою (зміемъ) и женою (праматерією Евою и пренепорочною дочерію Евы пречистою Приснодѣвою), между стѣменемъ твоимъ (сѣмепречистою Приснодѣвою), между стѣменемъ твоимъ (сѣменемъ зла) и стѣменемъ той (сѣменемъ добра). Той (корень всякаго добра, обѣтованный Искупитель міра) сокрушитъ твою главу (главу змія), а ты (змій) будешь блюсти Его пята (будешь жалить Его тѣло, Его церковь, въ наиболѣе немощную часть человѣчества). Короче, въ первоевангеліи изречено было, что будущій Искупитель міра проліетъ*

своей крови и собственной смертію сокрушить главу змія. Проречено, что искупленіе грѣшнаго человѣчества совершится крестною жертвою Сына Божія. Полагають, что при этомъ же внушено было Адаму приносить и жертвы, во первыхъ, кровавыя; внушено именно закалать въ жертву Богу жертвенныхъ животныхъ, закалать не потому, чтобы кровь козля или тельца могла очищать грѣхи; а потому, что человѣкъ, закалая въ жертву овца или козля и принося ее Богу, тѣмъ выражалъ предъ Богомъ чувство своей признательности Ему за все дары Его, чувство своей зависимости отъ Него, чувство своей неоплатной виновности предъ Нимъ; выражалъ сокрушенную мысль, что самъ человѣкъ, за свою вину предъ Богомъ, заслуживаетъ казни еще большей, чѣмъ какой подвергается рукою человѣка эта невинная жертва, страдающая за человѣческій грѣхъ; выражалъ наконецъ, вѣру, что отъ грѣха, проклятія и смерти спасетъ человѣка окончательно великая жертва обѣтованнаго Избавителя; а вмѣстѣ съ тѣмъ возносилъ и молитву, чтобы Богъ принялъ дымъ сожигаемой жертвы въ воню благоуханія. Полагають, что Адамъ, получивъ въ откровеніи заповѣдь Божію о кровавой жертвѣ, сейчасъ же и принесъ ее. А изъ кожъ закланныхъ и соженныхъ жертвенныхъ животныхъ самъ Господь Богъ сотворилъ Адаму и женѣ его ризы кожаныя, и *облече ихъ*. Сопоставьте это съ тѣмъ, что тотчасъ по грѣхопадении Адамъ и Ева прикрываютъ наготу тѣла и духа своего препоясаніями изъ листьевъ; по первоэвангеліи же и по первой жертвѣ Богъ прикрываетъ ихъ наготу ризами жертвенныхъ животныхъ. Это значило, что умиловительная жертва закрываетъ предъ очами правды Божіей нашу вину. Въ томъ же смыслѣ и говорится въ Библии многократно, что Богъ обоня воню благоуханія сожигаемой жертвы. Дымъ сожигаемаго животного тѣла пахнетъ очень тя-

жело; но здѣсь разумѣется благоуханіе духовное, благоуханіе высшее таинственное, съ одной стороны благоуханіе молитвы кающагося человѣка, а съ другой благоуханіе святѣйшей жертвы, принесенной на крестѣ за вину человѣка невиннымъ, святѣйшимъ святымъ, обѣтованнымъ Искупителемъ. Такъ произошли кровавыя жертвы. Кровавая жертва установлена Богомъ, какъ прообразъ кровавой крестной жертвы.

Съ жертвами кровавыми тѣсную связь и тоже самое въ родѣ, хотя и съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ разновидности, значеніе имѣли и безкровныя жертвоприношенія, приношенія отъ плодовъ земли, отъ произрастеній. Такъ значеніе этихъ жертвъ впервые разъясняетъ Израилю самъ Господь чрезъ раба своего Моисея: *наблюдай праздникъ жатвы первыхъ плодовъ труда твоего, какіе ты спялъ на полѣ, и праздникъ собиранія плодовъ (древесныхъ и иныхъ) въ концѣ года, когда убереешь съ поля работу твою. Начатки плодовъ земли твоей принеси въ домъ Господа Бога твоего. Служите Господу Богу вашему, и Онъ благословитъ хлѣбъ твой и вино твое и воду твою и отвертитъ отъ васъ болѣзни, и число дней вашихъ содѣлаетъ полнымъ* (Исх. 23, 16—26). Конечно и эти жертвы приносились Богу во имя единой обѣтованной крестной жертвы; и Богъ принималъ ихъ въ воню благоуханія потому, что предъ Нимъ вѣчно благоухала единая всеумиловляющая жертва Сына Его. Но безкровныя жертвы не такъ прямо указывали на крестную жертву, какъ жертвы кровавыя. Принося въ жертву Богу начатки плодовъ земныхъ, человѣкъ выражалъ предъ Богомъ свою зависимость отъ Него, свою благодарность Ему за Его дары и просилъ себѣ благословенія Господня и на будущее время, на все продолженіе своей земной жизни. А Богъ съ своей стороны привязывалъ къ этимъ жертвамъ

свои обѣтованія и благословенія, во первыхъ, на временную жизнь человѣка, что Онъ благословить и хлѣбъ нашъ насущный и вино и воду, и отвратить отъ насъ болѣзни и содѣлаетъ на землѣ число дней нашихъ полнымъ. Короче сказать, некровавыя жертвы имѣли преимущественное отношеніе къ временной жизни, а кровавыя къ загробной вѣчной жизни ветхо-завѣтнаго человѣка. Кровавыя жертвы ближе и прямѣе указывали на всемірную крестную жертву, чѣмъ безкровныя.

Теперь смотрите, Авель приноситъ кровавую жертву, а Каинъ безкровную. Въ Бытописаніи сказано: *былъ Авель пастырь овецъ (занимался скотоводствомъ), а Каинъ былъ земледѣлецъ. Спустя нѣсколько времени, Каинъ принесъ даръ Господу отъ плодовъ земли. И Авель также принесъ свои даръ Господу отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ.* Внѣшнею причиною принесенія разныхъ жертвъ могла быть просто разность занятій. Каинъ приноситъ жертву отъ плодовъ земли потому, что былъ земледѣлецъ; а Авель приноситъ жертву отъ скотовъ своихъ потому, что занимался скотоводствомъ. Но могла быть, и безъ сомнѣнія — была, и внутренняя причина разнородности жертвоприношеній. Этою внутренней причиною могло быть то, что помыслы Каина обращены были больше къ землѣ, нежели къ небу, и молитва его была о земномъ. А душа Авеля, предчувствуя свою печальную земную судьбу, стремилась къ небу и молила Бога Отца о милосердіи къ нему самому и родителямъ и брату и всему роду ихъ въ небѣ и вѣчности.

И призрѣлъ Господь на Авеля и на даръ его; а на Каина и на даръ его не призрѣлъ. Въ чемъ обнаружилось это призрѣніе Божіе, мы не знаемъ. Какъ Каинъ и Авель узнали объ этомъ, намъ неизвѣстно. Въ первобытное время

первые люди были ближе къ Богу, чѣмъ мы въ наше время, и чаще удостоивались откровеній Божіихъ, какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшей исторіи самаго Каина, съ которымъ Богъ бесѣдовалъ непосредственно. Нужно полагать, было и при этомъ жертвоприношеніи какое то откровеніе, по которому братья узнали, что на одного изъ нихъ Богъ призрѣлъ, а на другого не призрѣлъ. *Каинъ сильно огорчился, и поникло лице его. И сказалъ Господь Богъ Каину: почему ты огорчился? И отъ чего поникло лице твое?* Слушайте, внимайте. Не станемъ гадать, отчего онъ огорчился, отчего поникло лицо Каина? Это разъясняетъ самъ Богъ и разъясняетъ съ глубиною мудрости божественной. *Если ты дѣлаешь доброе,—внушаетъ Онъ Каину,—то не поднимаешь ли лица? А если не дѣлаешь добраго: то у дверей твоихъ грѣхъ лежитъ; онъ влечетъ тебя къ себѣ, влечетъ долу въ пагубу, оттого ты и не поднимаешь лица; но ты господствуй надъ нимъ, надъ грѣхомъ, который ползаетъ у ногъ твоихъ.* Напрасно предостереженіе; тщетенъ зовъ Божій милосердія, Божіей мудрости. Каинъ глубоко огорченъ. Огорченъ горемъ: онъ старшій братъ, и ему предпочтенъ младшій; огорченъ завистію, огорченъ злобою, огорченъ мрачною думою раздавить боль своего сердца. Каинъ безсиленъ поднять лицо, безсиленъ съ покаяніемъ воззрѣть на небо, безсиленъ съ кроткою любовію взглянуть на невинное лицо брата, безсиленъ господствовать надъ грѣшнымъ влеченіемъ, безсиленъ растоптать лежащій у ногъ его грѣхъ и раздавить главу змія, который жалитъ его въ пятку.

И сказалъ Каинъ Авелю брату своему: пойдемъ въ поле. И когда они были въ поле, возсталъ Каинъ на Авеля, брата своего, и убилъ его. Совершилась первая въ мірѣ смерть, совершилось первое убійство и братоубійство

и братоубійство злѣйшее: злой неправедный братъ убилъ невиннаго и праведнаго, убилъ по зависти именно за его праведность. Въ то же мгновение Богъ зоветъ Каина къ покаянію. *И сказалъ Господь Богъ Каину: гдѣ Авель, братъ твой?* Каинъ въ глубокомъ сираченіи ума и сердца думаетъ самого Бога обмануть, какъ вѣроятно обманулъ своихъ родителей: *не знаю,—говорить,—развѣ я сторожъ брату моему?* *И сказалъ Господь: что ты сдѣлалъ? Гласъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отвергла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей. Когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ болѣе давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ. Стеня и трясыйся будешь на землѣ.* *И сказалъ Каинъ Господу Богу: наказаніе мое болѣе, нежели снести можно; вина моя вѣще, еже оставится ми. Вотъ Ты теперь сгоняешь меня съ лица земли, и отъ лица твоего я скроюсь, и буду изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ, и буду стеня и трясыйся на землѣ; и всякій, кто встрѣтитъ со мною, убьетъ меня.* Каинъ сразу почувствовалъ въ совѣсти своей основной законъ человѣческаго правосудія, законъ и Божіей правды: кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ. Онъ пролилъ кровь брата; другіе братья или ихъ потомки должны пролить кровь его собственную. Отсюда же и древній законъ родового кровомщенія; отсюда исконный общественный законъ соотвѣтственной кары за пролитую кровь. Чувствовалъ Каинъ, что Богъ отгоняетъ его отъ лица своего, изгоняетъ изъ богоизбраннаго племени, изъ ограды церкви Божіей. Чувствовалъ, что и самъ становится отверженнымъ и племя его будетъ отверженнымъ. Чувствовалъ, что со дня братоубійства становится проклятою цѣлью, въ ко-

торую всѣ стануть пускать свои стрѣлы; въ которую будетъ разить и Божія правда и человѣческая месть. Но вотъ странно. Казалось бы, Господу Богу ничего не оставалось изречь Каину на его опасеніе, что ему непременно кто либо отомститъ за пролитую кровь, непременно кто либо его самого убьетъ, ничего кромѣ: чтожъ съ этимъ дѣлать! Винавать, такъ и казись,—что изрекла бы въ подобныхъ условіяхъ правда обще-человѣческая. Но правда Божія изрекаетъ нѣчто совершенно противоположное. *И сказалъ ему Господь Богъ: не тако; за то всякому, кто убьетъ Каина, отмстится всемеро.* *И сдѣлалъ Господь Богъ Каину знаменіе, чтобы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его.* *И пошелъ Каинъ отъ лица Господня, стеня и трясыйся.*

Извѣстно, что Каинъ удалился на востокъ отъ Едема въ глубину Азіи, родилъ сыновъ и дочерей, для собственной безопасности сгородилъ первый городъ и произвелъ изъ себя потомство каинитовъ, которые получили наименование сыновъ человѣческихъ въ отличіе отъ сыновъ Божіихъ, потомковъ главнымъ образомъ Сіеа. Каиниты были первыми изобрѣтателями искусствъ и ремеслъ, скоро обладали надъ потомками всѣхъ прочихъ сыновъ Адама, надъ потомками даже Сіеа; а слившись посредствомъ брачныхъ союзовъ съ сынами Божіими, развратили и сихъ послѣднихъ, такъ что все допотопное человѣчество, кромѣ праведнаго Ноя, стало плотію; Духъ Божій, Духъ животворящій отступилъ отъ нихъ, и всѣ они погибли въ потопѣ. Тѣмъ не менѣе потомство Каина благоденствовало болѣе 2000 лѣтъ; да и самъ онъ безъ сомнѣнія умеръ своею смертію. Гдѣ же правда Божія? Почему это мудрость Божія помѣшала совершиться надъ Каиномъ правдѣ Божіей и обще-человѣческой, чтобы кровь братоубійцы Каина пролилась за кровь невинно убитаго Авеля? Что же значать,

повидимому и безъ сомнѣнія, грозныя слова Божіи Каину:
гласъ крове брата твоего Авеля вопіетъ ко Миѣ отъ земли?

Отъ Каина перенесемъ къ себѣ самимъ; отъ судьбы хотя и библейскаго, но частнаго лица перенесемъ на общечеловѣческую точку зрѣнія и размыслимъ о судьбѣ людской, о своей собственной судьбѣ. Тогда наша судьба объяснитъ намъ долю Каина, а доля Каина прольетъ свѣтъ на нашъ собственный жребій.

Вотъ всѣ мы люди братья по плоти. Всѣ надѣлены отъ Бога, отъ природы, отъ житейской судьбы разными дарами, откуда естественно истекаетъ неравенство человѣческихъ жребіевъ. Въ тоже время всѣ мы зачаты въ беззаконіяхъ и рождены во грѣхахъ; всѣ проникнуты ядомъ первороднаго грѣха. Надѣлены мы разными темпераментами, разною отъ природы напряженностію страстей; однакоже всѣ до единаго имѣемъ сердце недоброе, отъ котораго происходятъ помышленія злая: убійства, прелюбодѣянія, тѣбы, лжесвидѣтельства, хулы, обиды, зависть, лихоимство, хищенія, всякая неправда. За каждымъ изъ насъ змѣй ползаетъ сзади, норовя ужалить насъ въ пятую, въ слабую сторону нашего естества, какъ это предсказано было Адаму въ первоевангеліи: *той змѣй блюсти будетъ твою пятую*. У дверей каждаго изъ насъ, — вспомните, какъ сказалъ Богъ Каину: *у дверей твоихъ грѣхъ лежитъ, онъ влечетъ тебя къ себѣ, оттого ты и не поднимаешь лица*, — такъ и у насъ у каждаго у дверей грѣхъ лежитъ, онъ родной намъ, онъ прирожденъ нашему естеству, онъ тянетъ, онъ привлекаетъ насъ къ себѣ. *Если ты дѣлаешь доброе*, — говорилъ Богъ Каину, — *то не поднимаешь ли лица? Сердцу веселящемуся лице цѣлуетъ*, — вѣщаетъ Премудрый. Пока у человѣка сердце радостно, эта радость льется изъ всѣхъ чертъ лица. Пока сердце наше чисто, душа непорочна, со-

вѣсть ничѣмъ не встревожена, — вспомните каждый свое невинное дѣтство, — тогда лицо наше поднято; тогда мы смѣло глядѣли каждому въ лицо, какъ и на небо. Стыдиться было нечего; тревогъ душа не знала, или эти тревоги были легкою рябью на зеркальной тихой поверхности воды; совѣсть молчала потому, что была покойна. Впереди манила радостная надежда на счастье жизни, на высокіе подвиги, на честь и славу на землѣ и на небесахъ. Увы!.. Грѣхъ и тогда уже лежалъ у порога и манилъ къ себѣ. Мы учились, изучали законъ Божій, прислушивались къ голосу совѣсти, къ голосу Божію, и отворачивали свое лицо отъ красивой лежащей у порога змѣи: да пусть его лежитъ змѣй у нашего порога, онъ насъ не тронетъ, только ты самъ его не трогай, ты господствуй надъ нимъ своимъ равнодушіемъ. Мы и господствовали надъ нимъ, нѣсколько времени, а все же изъ любопытства и тогда уже поглядывали на него, на игривые переливы его предъ нашими глазами. А далѣе стали и задумываться о немъ: *красно есть еже видѣти*, — пріятно глядѣть на него. А съ лѣтами разныя соблазны стали и возрастать. Пошли и огорченія, послѣдовали искушенія.. Лицо наше мало по малу насунилось. Неудовлетворенная душа стала пропитываться горечью разочарованія. Кому чего въ жизни, но каждому чего либо не доставало. Непремѣнно каждый чувствуетъ себя въ чемъ либо обдѣленнымъ. Кому не доставало даровитости и успѣховъ въ наукахъ; кому семейнаго счастья; кому людскаго уваженія; кому житейскаго достатка. Вѣдь сознаться должно, душа больше или меньше, но положительно огорчается тѣмъ, что у другихъ это есть, а мы обдѣлены; въ чужихъ рукахъ ломоть хлѣба всегда великъ; чужое счастье слѣпиль завистливые глаза, а чужія боли въ насъ не болятъ или чуть чуть болятъ; даже равенство въ

жребіи съ другими насъ не всегда удовлетворяетъ. Кому хочется стоять только въ уровень съ другими? Кому наоборотъ не хочется превзойти другихъ? Въ дѣтяхъ даже поощряютъ такъ называемое благородное соревнованіе, т. е. чтобъ они были завистливы; въ народахъ патріотическое соревнованіе даже превозносится похвалами, какъ высокая гражданская доблесть. Да, это чувство, эти порывы превзойти другихъ протекаютъ изъ нашей природы. Они естественны и даже не всегда предосудительны. Кто не хотѣлъ бы, кто не мечталъ быть даже центромъ міровой жизни, кому не хотѣлось бы, чтобъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды предъ нимъ преклонились, — это привидѣлось даже кроткому невинному отроку Іосифу, — чтобъ всѣ вѣдомыя ему величія міра не только почтили его своимъ вниманіемъ, но и пали предъ нимъ въ благоговѣйномъ признаніи высокихъ его достоинствъ? Вотъ праотцы наши, — а яблоко отъ яблони не далеко падаетъ, — Адамъ и Ева захотѣли быть ни болѣе ни менѣе какъ богами. Мы и созданы, чтобъ быть богами. Вкуси отъ плода запрещеннаго, — говорилъ имъ змій искушитель, — и будешь богъ; узнаешь сразу все, какъ Богъ; а знаніе — великая сила, а всевѣдѣніе есть тоже что и всемогущество; сразу узнаешь, что такое полнота счастья; сразу возобладаешь всѣми благами міра, всѣмъ чего захочешь. Только вкуси... И вотъ лежащій у дверей грѣхъ привлекъ къ себѣ лицо наше. Оно опустилось.. Дума о грѣхѣ насъ заѣла. Конечно совѣсть сперва бьетъ тревогу, но и рѣшимость назрѣваетъ..

Къ сожалѣнію создать себѣ вавилонскую башню житейскаго благополучія въ одиночку невозможно. Нужно, чтобъ другіе люди послужили для насъ пьедесталомъ, нужно возобладать надъ другими. И вотъ возстаетъ братъ на брата, Каинъ на Авеля, братъ на сестру, сестра на брата и т. д.

Совершаются разнообразныя грѣхопаденія, насилія, обиды. Грѣхъ вотъ уже положилъ человѣка долу, у порога дверей, рядомъ съ собою, пронизалъ его своимъ ядомъ, спуталъ своими змѣиными кольцами. А грѣшникъ все еще въ каждомъ грѣхѣ мечтаетъ возобладать надъ другими. Изъ отравленнаго грѣхомъ сердца исходятъ всякіе грѣхи: убійства, прелюбодѣянія, хулы, лжесвидѣтельства, неправды и т. д., и все въ той мысли, чтобъ другіе послужили моему счастью, моему удовольствію, моему честолюбію, моей корысти, моей зависти, моему злоязычію, моей кровожадности, моему глухому, но неодолимому для меня влеченію видѣть все у ногъ своихъ, а что противится, то растоптать.

Не станемъ разбирать, что всѣ грѣхопаденія направлены къ цѣли возобладанія надъ другими, — всѣ проникнуты тѣмъ злобнымъ коварнымъ характеромъ, что Каинъ возстаетъ на Авеля брата своего, или какъ на помѣху или какъ на средство къ своему счастью. Воснемся одного повидимому наиболѣе невиннаго, и дѣйствительно наиболѣе общаго порока злорѣчія. Скажите, не проникнута ль этимъ злостнымъ характеромъ эта наиболѣе ходячая, наименѣе преслѣдуемая закономъ и общимъ мнѣніемъ страсть, — страсть злоязычія, осужденія, хулы на ближняго? О, повѣрьте, отрадно всякому сказать самому себѣ: Господи, какія на свѣтѣ есть мерзости, какіе негодяи! сказать самому себѣ слово фарисея: слава Тебѣ Господи, *хвалу Тебѣ, Господи, воздаю, яко нѣсмь якоже прочіи человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи, или якоже сей мытарь.* Пошуся два раза въ недѣлю и т. д. Всякій осуждающій другаго чувствуетъ отраду именно этого рода, — сознайтесь. Чувствуешь отраду именно этого рода, что на людяхъ смерть красна, по крайней мѣрѣ ту отраду, что на людяхъ смерть красна, что я не хуже другихъ, что гнусностей въ мірѣ слишкомъ много. Миѣ нужно, моей мятущейся совѣсти нужно осужда-

дость великую, радость всѣмъ людямъ. Нынѣ, въ эту минуту, родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть обѣтованный, чаемый вами Мессія, Христосъ Господь. И вотъ вамъ знаменіе: вы найдете младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ. И внезапно явилось со ангеломъ множество воинствъ небесныхъ, которыя возгласили ангельское славословіе Богу: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволеніе*. Когда ангелы взошли на небо, пастухи говорятъ другъ другу: пойдѣмъ въ Вифлеемъ, и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь. И поспѣшно взбираются на взгорье, на которомъ раскинутъ Вифлеемъ. Тамъ находятъ тѣсноту скота и людей, собравшихся во множествѣ по случаю народной переписи; а въ глубинѣ отнынѣ на вѣки славной пещеры, въ скотскомъ помѣщеніи, за недостаткомъ мѣста въ человѣческомъ обиталищѣ, видятъ Марію, юную мать, Іосифа обручника и Младенца, Господа неба и земли, повитаго пеленами и положеннаго въ скотскія ясли, за недостаткомъ колыбели. Здѣсь, у самаго мѣста, въ самый моментъ рождества Христова, дѣйствительно миръ, самая мирная, самая идиллическая картина.

Но чуть чуть далѣе полный контрастъ, совершенная противоположность. Тамъ далѣе смертоносная мнительность, тамъ бѣшеная ярость, тамъ неутолимая кровожадность, тамъ неукротимая беспощадность, разбуженная именно рождествомъ же Христовымъ. Тамъ неподалеку въ Іерусалимѣ мятется Иродъ царь въ ярости, мнутъ первосвященники и книжники людскіе въ ужасѣ; въ Іерусалимѣ прибыли невиданные странные люди, волхвы съ востока, которые, указывая на новопоявившуюся звѣзду, толкуютъ, что родился великій, давно жданный съ востока Царь, что мы де узрѣли ново-загорѣвшуюся звѣзду Его на востокѣ, что Онъ

родился здѣсь гдѣ то у васъ, около васъ, и мы пришли поклониться Ему. Книжники, не долго роясь въ древнихъ пророчествахъ, указываютъ царю Ироду прямо на извѣстное пророчество, что Мессія Христосъ долженъ родиться въ Вифлеемѣ. А, въ Вифлеемѣ народился новый царь Іудейскій, злобно-коварно раздумываетъ Иродъ, и повелѣваетъ избить въ Вифлеемѣ и въ предѣлахъ его всѣхъ младенцовъ до двухъ-лѣтняго возраста, восполняя неисчислимое количество жертвъ своей кровожадности избіеніемъ цѣлыхъ четырнадцати тысячъ вифлеемскихъ дѣтей. Конечно, такимъ вопіющимъ злодѣйствомъ ни себѣ не купилъ онъ душевнаго мира; ни тѣмъ несчастнымъ, которые стали на этотъ разъ жертвою его звѣрства, не далъ онъ мира. Напротивъ, по Вифлеему и въ предѣлахъ его поднимаются раздирающіе вопли страданія, стонъ и плачъ, вопли избиваемыхъ дѣтей, стоны терзаемыхъ матерей, подавляемые то невольно исторгающимся изъ груди, то безмолвнымъ горемъ отцовъ и всего населенія, пораженнаго жалостью, тупымъ ужасомъ и бессильною яростью противъ такихъ безконечныхъ ужасовъ Иродова царствованія. Гдѣ же тутъ миръ?

Миръ ли принесло рождество Христово на землю? Кому вѣрить? Ангеламъ ли, которые огласили колыбель Христову въ ясляхъ небесною пѣснью: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*? Самому ли Христу, Его неложному слову: *огонь пришелъ Я низвести на землю. Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе*. Или по болѣе рѣшительному изреченію у евангелиста Маттея: *не миръ пришелъ Я низвести на землю, но мечъ*. И самъ же Господь разъясняетъ это: *ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ третья. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца; мать противъ дочери,*

и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей. И враги человеку домашние его (Луки 12, 49—53; Мат. 10, 34—36). Вѣрить ли наконецъ очевидности факта, что христіанство не принесло мира на землю?

И однакоже рождество Христово принесло миръ на землю. Въ подтвержденіе этой истины мнѣ хочется указать вамъ на самые очевидные, самые осязательные факты.

Извѣстно, что вещи познаются по сравненію. Такъ воздухъ не имѣетъ никакой цѣны, пока мы имъ дышемъ безпрепятственно; но дорого бы мы за него дали, еслибы у насъ его отняли. Такъ и христіанство, частіе, вліяніе его на умирненіе земли, мы мало цѣнимъ потому, что въ Христіанствѣ, среди общества христіанскаго, мы родились, живемъ и умремъ, и потому не можемъ безъ сравненія судить, что значило бы жить намъ внѣ христіанства. А сравнимъ состояніе человѣчества теперь подъ вліяніемъ живаго и пока еще крѣпкаго христіанства съ состояніемъ общества до—христіанскимъ и антихристіанскимъ. Къ несчастію и о послѣднемъ, объ антихристіанскомъ состояніи общества, мы можемъ уже судить, въ наши печальные дни, по собственному печальному опыту. Мы должны знать и помнить, что и слова Христовы: *не миръ пришелъ Я принести на землю, но мечъ. Я пришелъ раздѣлить человека съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невестку съ свекровью ея,*— что слова эти относятся сколько къ первымъ временамъ христіанства, пока оно еще не утвердилось, столько жъ и къ послѣднимъ временамъ, когда оно склонится къ упадку, и исполненіе этихъ словъ Господа относительно первой христіанской древности мы видѣли въ исторіи, а относительно нашихъ скорбныхъ дней видимъ собственными очами, слышимъ собственными ушами. Опять же когда судимъ о влі-

яніи утвердившагося, проникающаго въ жизнь христіанства на умирненіе человѣчества, мы должны имѣть въ виду не только факты жизни, но и нравственные принципы евангелія, которые вошли и постепенно входятъ въ правила жизни, въ общественные обычаи, въ государственное законодательство; которые воспитали и пока еще продолжаютъ воспитывать христіанскій міръ; которые повліяли на вѣру, нравы и законодательство даже нехристіанскихъ народовъ; которые продолжаютъ еще окружать и руководить, даже противъ воли, самихъ анти-христіанскихъ отщепенцовъ нашего пока еще христіанскаго строя. А при такомъ возрѣніи на вліяніе христіанства, умирненіе имъ земли не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Оно безспорно, оно очевидно, оно осязаемо. Безспорно, что рождество Христово принесло миръ въ душу каждого человѣка, принесло миръ въ семью, миръ въ общество христіанское, принесло миръ на всю землю.

Говорить ли, что Христово евангеліе низвело миръ въ душу каждого человѣка, умиротворяя его съ Богомъ и со вѣстію? Говорить ли о возрожденіи человѣка христіанина въ таинствѣ крещенія, о возрожденіи въ ветхомъ новаго человѣка, о ниспосланіи возрожденному, разрѣшаемому, очищаемому человѣку благодати святаго Духа, о соединеніи человѣка со Христомъ въ другихъ таинствахъ, какъ и во всѣхъ учрежденіяхъ Христовой церкви? Это міръ таинственный, вѣдомый каждому въ его совѣсти, но не для всякаго сторонняго ока видимый. А вотъ что видимо и для другихъ. Настоящій истинный христіанинъ живетъ и умираетъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанской. А кто при этомъ не видитъ, развѣ кто не желаетъ видѣть, что вѣра Христова отъ колыбели до гроба вливаетъ въ его душу миръ Божій и радость о Духѣ святомъ? Что въ скорбяхъ

онъ видитъ надъ собой всегдашній покровъ провидѣнія, въ смерти переходъ къ лучшей вѣчной жизни, среди нравственныхъ немощей питаетъ надежду на всепрощеніе, среди тревоженій жизни воспламеняется жаждою отрѣшиться отъ узъ тѣла и соединиться со Христомъ вѣчною любовію? О состояніи человѣка въ еврействѣ, въ магометанствѣ, не скажемъ ни слова; въ нихъ мы видимъ не иное что, какъ искаженные отростки истинной вѣры въ единого истиннаго Бога. Но что было съ человѣкомъ въ язычествѣ? Немощи и грѣхи были, а нравственнаго очищенія, даже надежды на него не было. Провидѣнія въ сознаніи язычниковъ не было; боги были безсильные и большею частію злые: а надъ всѣмъ царила злая судьба; за гробомъ же ожидалъ всѣхъ безрадостный аидъ. А что въ новѣйшемъ антихристіанствѣ? Провидѣнія, конечно, нѣтъ. Загробной жизни нѣтъ. Смерть ужасна и всегда отвратительна; а если она и желается, то только какъ избавленіе отъ невыносимаго зла жизни. Самыя мрачныя терзанія совѣсти однакоже никакъ не исключаются. Самыя адскія муки нерѣдко гнѣздятся въ душѣ, терзая ее неумолимо и неутолимо, заставляя часто человѣка, безъ Бога, безъ просвѣта надежды, безъ любви къ кому либо, иногда съ проклятіями всѣмъ и всему, безъ вѣры въ какую бы то ни было правду, съ цѣлымъ адомъ на сердцѣ, накликать на себя самоуничтоженіе, безъ твердой однакоже вѣры и въ покой небытія. А что если тамъ да адъ дѣйствительный? Никто и ничто не имѣетъ силы дать невѣрію на это отвѣтъ положительно отрицательный. Какой же тутъ можетъ быть миръ души?

Говорить ли, что рождество Христово принесло миръ въ семью? Что христіанскими началами семейственности, именно единожества: *оставитъ человекъ отца своего и мать свою и прильпится къ жень своей*, — расторгимости

брачнаго союза: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*, — почтенія къ родителямъ: *чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ*, — попеченія о дѣтяхъ: *отцы, не раздражайте чадо своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ*, — попеченія о всѣхъ присныхъ: *кто о своихъ, паче же о присныхъ*, о домашнихъ *не радитъ, тотъ въры отрехся и хуже невѣрнаго*, — что этими началами семейственности благоустраивается семья христіанская къ нормальности отношеній, къ любви и неразрывности, къ высшему на землѣ взаимному согласію и миру? Куда по рождествѣ Христовомъ исчезло языческое, даже еврейское многоженство? Куда легкость брачнаго развода? Куда узаконенная продажа, куда правовое даже убійство родителями дѣтей? А что видимъ въ современномъ антихристіанствѣ? Не укореняются ли въ немъ, даже не ухудшаются ли крайности языческаго семейнаго быта? Легкость развода — легчайшее изъ требованій антихристіанства. Не разрушается ли неразрывность супружескаго союза, какъ семейный развратъ? Не подымается ли на вѣтеръ всякая признательность дѣтей родителямъ не только за рожденіе, но и за воспитаніе? Не подымается ли на вѣтеръ не только въ явленіяхъ современной жизни, но и въ принципахъ новѣйшаго антихристіанскаго ученія? Что можно бы сказать, съ новѣйшей антихристіанской точки зрѣнія, противъ этого новаго, впрочемъ не единичнаго, а новаго только въ ужасающихъ, доведенныхъ до полнѣйшаго раскрытія подробностяхъ, ужаснаго явленія, противъ появленія на скамьѣ подсудимыхъ тринадцатилѣтняго крестьянскаго мальчика, Михаила Григорьева, который судился на дняхъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ за отцеубійство, который во все время судебного засѣданія держалъ себя совершенно спокойно, на вопросы суда отвѣчалъ толково и бойко, сидѣлъ

вольно, противъ этого отрока анархиста, атеиста, по меньшей мѣрѣ скептика въ вѣрѣ, не много поучившагося въ школѣ, но читавшаго газеты, романы и повѣсти,—который въ послѣднемъ своемъ словѣ суду въ свое оправданіе сказалъ: «я хотѣлъ учиться, составить себѣ какую нибудь карьеру, но отецъ не давалъ» (отецъ его былъ весьма зажиточный извозчикъ). «Еслибъ я жилъ въ деревнѣ, я не искусился бы; но здѣсь въ городѣ, обращаясь между образованными людьми, дѣло совсѣмъ другое. Потомъ я долженъ сказать, что когда я шелъ съ топоромъ, то я подумалъ: *Господи! что я хочу дѣлать? Но тутъ явился у меня противоположная мысль: да есть ли Богъ! Кто это можетъ доказать?*» послѣ чего это 13-лѣтнее дитя, но уже отрицатель Бога и Его правды, взмахомъ топора убиваетъ на повалъ своего спящаго отца и спокойно принимаетъ, съ рѣдкою находчивостію, всѣ мѣры къ сокрытію своего преступленія отъ земной человѣческой (Церкви. Вѣстн. 1882 г., № 48), пока еще дѣйствующей правды? Что сказать противъ такого по нашему изверга, такого юнаго, полного душевной мощи героя съ антихристіанской точки зрѣнія? Что его не обвинить, а оправдать и прославить, какъ Вѣру Засуличъ, не казнить, а немного полечить и затѣмъ учить надо? Дать способы кончить курсъ въ университетѣ? Безспорно, къ утвержденію мира въ семьѣ ведетъ христіанство; но судите, къ миру ли ведетъ антихристіанство? А то ли еще будетъ? Сбудется и сбывается слово Христово: *отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца... Возстанутъ чада на родителей и убьютъ ихъ*. Поглядите въ нѣкоторыхъ кругахъ: гдѣ теперь родительская власть? Не плыветъ ли она по житейской рѣкѣ на привязи у прихоти, у своеправія и суетумудрія дѣтей, сыновей и дочерей, какъ болѣе передовыхъ, чѣмъ ихъ отцы, на мірской аренѣ? Не

бѣжить ли куда то и вѣрность супружества? Не часто ли приходится мужу и женѣ, отцу и матери, дѣлить между собой и оставлять родныхъ своихъ дѣтей, какъ и другъ друга? А то ли еще будетъ, то ли ожидается, то ли провозвѣщается? Не внушается ли матерямъ устроиться такъ, чтобъ дѣти и не знали своихъ отцовъ? Что матери, а не отцы должны быть стержнемъ семьи? Что сколько то тысячъ лѣтъ тому назадъ у нѣкоторыхъ дикарей матери, а не отцы давали дѣтямъ даже свои фамилии? И тогда-то настанетъ счастье на землѣ; скотское счастье, не правда ли? Но будетъ ли тогда миръ въ семьѣ, будетъ ли семья? А она была и есть пока на землѣ. А миръ былъ и есть пока въ семьѣ, и принесенъ онъ на землю рождествомъ Христовымъ.

Говорить ли о томъ, что рождество Христово принесло миръ въ общество христіанское? Что христіанскій принципъ: *Богъ бойтеся*, любя какъ безконечную любовь; *Царя чтите*, боясь Бога, и *братство возлюбите*,—что этотъ принципъ крѣпко умиротворялъ всѣ общественныя отношенія? Что всѣ основы общественного правосудія въ христіанствѣ утверждаются на христіанскихъ началахъ братской любви, равенства предъ судомъ правды, обязательной защиты закономъ каждой личности, какъ плоти отъ плоти нашей, какъ роднаго намъ по плоти брата, сына общаго нашего отца Адама, съ уваженіемъ въ каждомъ человѣкѣ достоинства человѣческаго, а въ каждомъ христіанинѣ и достоинства еще равноправнаго намъ сына Божія, члена церкви Христовой, сонаслѣдника царства небеснаго? Говорить ли, что христіанство возвело царепочитаніе на высоту нравственного правила не только писаннаго закона, но и закона народной совѣсти, до беззавѣтной преданности царю, до самоотверженнаго нещадѣнія за царя даже собственной крови

и жизни? Что христианство возвело это требованіе народной совѣсти на высоту даже народной поэзіи? Доказательство этому на лицо въ православномъ русскомъ народѣ. Говорить ли, что христианство возвело и вѣру въ Бога христіанскаго въ значеніе безцѣнной поэзіи сердца, поэзіи, проявившейся и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, и въ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ, и въ непрерывающемся рядѣ церковно-народныхъ празднествъ, обрядовъ и вѣрованій, поэтически обвивающихъ всю жизнь народа отъ колыбели, чрезъ браковѣчаніе, и до могилы? Что эта священная поэзія, такъ сказать, убаюкивала всю жизнь народа, отъ сна колыбельнаго до сна могильнаго на кладбищѣ, навѣвая сладкія чаянія тамъ и здѣсь, тамъ на счастье жизни настоящей, здѣсь на блаженство жизни будущей вѣчной? Что вся жизнь, примѣрно, нашего православно-русскаго народа распредѣлялась, какъ по свѣтлымъ гранямъ, по срокамъ церковныхъ празднованій, вознося чувство сердца отъ одной велико-праздничной умилительной радости къ другой, умилая въ концѣ одной праздничной радости мирно-молитвенною надеждою дожить до другой, отъ рождества Христова дожить до крещенія, а тамъ до поста и свѣтлаго дня Христова? Что праздники въ родѣ рождества Христова, святыхъ Пасхи, святыхъ Троицы, исходи вѣковъ, были повиты вышней, самою кроткою, самою мирною поэзіею, которая умиротворяла, восхищала и просвѣщала тихимъ Христовымъ свѣтомъ народный духъ? Припомните каждый свое свѣтлое дѣтство. Припомните каждый святыя обычаи роднаго края по весямъ, да и по городамъ, въ недалекую еще старину. Припомните святыя обычаи всероссійской народно-церковной старины. Припомните, кто вѣдалъ, старину даже европейскую христіанскую, сколько поэзіи породили и поэтическихъ воспоминаній навѣвали эти всерадостные дни, примѣрно

этотъ самый день рождества Христова. Взгляните. Еще и въ наши дни въ Германіи, въ Англіи, въ Америкѣ, да и въ другихъ христіанскихъ земляхъ, въ тихо-радостный день рождества Христова, вся суeta житейская всецѣло выметается съ улицъ, съ площадей, изъ домовъ, по весямъ и по городамъ, отъ хижинъ и до дворцовъ. А у насъ такъ ли на святой Руси въ наши суетные дни? Вмѣсто суеты житейской въ нѣкоторыхъ кругахъ выметена вся поэзія праздничная. И нарочно выметается; да и засохла она въ изсыхающихъ сердцахъ. Къ богослуженію праздничному равнодушіе ледяное, замороженное на нашихъ сѣверныхъ морозахъ. На всенощномъ бдѣніи, гдѣ сосредоточена вся церковная поэзія праздника, изъ этого круга, увы! много ли бываетъ! Почти ни души! Каковъ примѣръ народу, о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи котораго столько крикливой заботы! Да и на больше обыденную службу литургіи все ли жалуютъ! Думаютъ церковное христіанское торжество замѣнить благотворительными елками, спектаклями, гдѣ будетъ конечно веселье, шумѣе, свободнѣе, чѣмъ въ церкви. Хорошее, боголюбивое дѣло—христіанская благотворительность. Но нѣтъ ли внутренняго противорѣчія въ укореняющемся обычаѣ праздновать христіанскій праздникъ безъ мысли о Христѣ? Кое общеніе свѣту, нынѣшнему свѣту въ иныхъ кругахъ со Христомъ, увлекающемуся на страну далече отъ Христа? Поражаетъ, что даже на пасхальныхъ яйцахъ, продаваемыхъ для подарковъ, свѣтлыя эмблемы свѣтлѣйшаго изъ христіанскихъ праздниковъ замѣняются реальными или даже подозрительными изображеніями цвѣтовъ, курицы съ яйцами или циплятами, бабочекъ, амуровъ и т. п., лишь бы только не было: *Христосъ воскресъ*, лишь бы изгнать напомниманіе о Христѣ. Вся христіанская поэзія тухнетъ,—поэзія, которая много вѣковъ, отъ колыбели всего христіан-

скаго міра, составляла миръ труждающихся и обременныхъ житейскою суетою душъ, составляла родникъ самыхъ чистыхъ радостей, родникъ тихаго народнаго счастья, невозмутимаго ни для какихъ житейскихъ бурь. Бывало: горе, пожаръ, болѣзнь; но чья душа не вострепетаетъ при первыхъ звукахъ пѣсни: *Дѣва днесъ пресущественнаго рождаетъ,* — или: *Христосъ воскресъ?* А нынѣ эти поэтическія чувства холодѣютъ и вымираютъ, не во всѣхъ конечно, но во многихъ. И печальный плодъ этого въ наши дни уже сказанъ ясно. Умирая въ умирающихъ сердцахъ, христіанская поэзія мститъ, или вѣрнѣе казнить за себя. За христіанскою, какъ матерью всякой истинной возвышенной поэзіи, умираетъ и эта послѣдняя, а за нею вымираетъ и всякая, даже нечистая поэзія. Передовые отрицатели проповѣдуютъ нынѣ не поэзію, — она имъ ненавистна, — даже не сухую, эгоистическую, реальную, но правдивую прозу, а проповѣдуютъ безпощадное искорененіе всякой эстетики, проповѣдуютъ ожесточенную неумолимую борьбу со всякими превыспренними идеалами, проповѣдуютъ такъ называемый терроръ во взаимныхъ отношеніяхъ, проповѣдуютъ просто убійство, разрушеніе всякими способами, и старыми и ново-изобрѣтаемыми, проповѣдуютъ, какъ идеалъ будущихъ соціальныхъ отношеній, просто грубое и лютое звѣрство. Человѣкъ человѣку долженъ быть не братомъ, а волкомъ. Такія сѣмена сѣются современнымъ антихристіанствомъ въ принципъ соціологіи, какихъ же слѣдуетъ ждать отъ нихъ плодовъ на практикѣ, при естественной склонности человѣческой природы ко грѣху, къ скотоподобію, къ звѣрству? Эта склонность не исторгнута изъ нашей природы и самимъ христіанствомъ, хотя первымъ его словомъ и была ангельская пѣснь надъ колыбелью младенца Христа о нисшествіи міра на землю: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ...* Но во всякомъ

случаѣ небесное сѣмя міра произращало на землѣ и плоды міра. Замѣчательно, что съ нисшествіемъ Христа на землю въ истинно-христіанскомъ обществѣ стали немыслимы все-народныя звѣрства въ родѣ Иродовыхъ кровопійствъ, въ родѣ избіенія 14000 невинныхъ младенцовъ, въ родѣ возмутительнѣйшаго приказанія того же Ирода избить, въ минуту его собственной смерти, всѣ лучшія въ царствѣ фамиліи, со всѣми головами колѣнъ, собравъ и заперши ихъ предварительно въ одномъ огромномъ зданіи гиподрома, чтобъ надъ гробомъ Ирода было побольше плакальщиковъ; стали немыслимы звѣрства въ родѣ публичнаго отпращиванія китайскаго правосудія, гдѣ палачъ однимъ ножомъ отрѣзываетъ, просто среди улицы, сотни головъ и тутъ же предъ зрителями собственнымъ языкомъ облизываетъ съ ножа горячую кровь своихъ жертвъ. А лишь только антихристіанство воцарилось въ революцію въ просвѣщенной Франціи, какъ и пошла въ ходъ ново-изобрѣтенная гильотина, рубя однимъ взмахомъ десятки головъ, и стала рубить головы безъ счету. Революціонерамъ впрочемъ и этого показалось мало: они хотѣли растрѣливать пушками цѣлые города, съ десятками тысячъ жителей. А то ли приготавливаютъ намъ наши, да и просвѣщеннымъ французамъ наши же кровавые русскіе нигилисты — разрушители, при помощи петролея, динамита и другихъ полезныхъ изобрѣтеній въ смыслѣ всеобщаго разрушенія?! Выходитъ, что мы русскіе стали передовиками во злѣ, въ суетномъ безуміи, будучи пока безсильны опередить другихъ въ добрѣ, въ наукѣ, въ истинно-полезныхъ открытіяхъ, и платимъ Европѣ за данное ею намъ образованіе, за уроки въ антихристіанствѣ. Не научимъ ли хоть этимъ, наконецъ, по заключенію отъ противнаго, и истинно-каѳолическому христіанству? Не напомнимъ ли себѣ и европейскимъ братіямъ,

что только въ истинномъ христіанствѣ миръ земли?

Христіанство умиротворило самую войну, измѣнивъ, ограничивъ и облагородивъ ея задачи, укротивъ, возвысивъ и освятивъ ея духъ. Христіанство искренно благословляетъ войну только для защиты отечества, для защиты другихъ слабѣйшихъ, угнетенныхъ; но отвращается отъ войны несправедливаго нападенія. Оглянитесь назадъ. Перечтите этотъ неисчислимый рядъ войнъ для войны, для захвата, для грабежа, для поработенія, для кровавой славы; христіанство всего этого отвращается. Оглянитесь, не положило ли рождество Христова конца въ цѣлой вселенной непрерывнымъ въ древнемъ мірѣ войнамъ за всемірное владычество! Посмотрите, не къ тому ли направлялись всѣ войны великихъ египетскихъ фараоновъ, царей Ассирійскихъ, Персидскихъ, Александра Македонскаго и наконецъ Римской республики, кончая разгромами Помпея и Цезаря, какъ разъ ко времени пришествія Христова на землю. Правда, воевали и христіане даже первыхъ вѣковъ, но въ войскахъ своего римскаго отечества, защищая его. Воевали и православные греческіе цари, но только защищая свое царство. Воевали и русскіе благовѣрные великіе князья, цари и императоры, но исключительно защищая свою родную землю, своихъ единовѣрныхъ единоплеменниковъ, свою угнетаемую братію. Даже въ западно-христіанской Европѣ, и тамъ чужда была христіанскимъ государямъ идея воевать за всемірное владычество, хотя мы и не защищаемъ Западъ, особенно же заблудившихся отъ истины Христова духа римскихъ первосвященниковъ. Говорятъ, міромъ править идея. Это вѣрно, безъ всякаго сомнѣнія. Такъ лишь только мелькнула идея фанатичнаго исламизма и блеснулъ мечъ ложнаго пророка Магомета, какъ и пошли его преемники съ огнемъ и мечомъ поработать весь міръ магометан-

ской идеѣ. Лишь только пронеслась она надъ закраинами средне-азійскихъ пустынь, какъ и подвинула безчисленныя средне-азійскія племена, съ ихъ Чингисъ—ханами и Батыями, Узбеками и Тамерланами покорять вселенную. Лишь только потрясено христіанство въ западной Европѣ идеей революціи, какъ чадо революціи Наполеонъ и понесся вихремъ по землѣ, понесся дѣйствительнымъ апокалипсическимъ аполюиономъ, губя миллионы лучшаго человѣчества;— для чего? Для личной химеры всемірнаго владычества. Раскрывать ли, что не только идея войны напрасной осуждена и устранена христіанствомъ, но что идея даже возможнаго прекращенія войнъ, когда люди рискуютъ мечи своя на орала и конья на серпы, когда народныя препирательства будутъ рѣшаться на всемірномъ ареопагѣ суда по законамъ правды Божіей и человѣческой,—что и эта идея изникла изъ христіанскаго же божественнаго откровенія? Доказывать ли, наоборотъ, что лишь только возникла въ наши дни эта злосчастная антихристіанская идея борьбы за существованіе, какъ нужда самозащиты сразу же и заковала всѣхъ въ желѣзную броню, такъ что, чего добраго, люди обратнo раскуютъ серпы на мечи и орала на пушки и бомбы? Перечислять ли всѣ благотворныя мѣры, которыя именно духъ христіанства направилъ къ смягченію бѣдствій войны, прилагая и къ между—народной враждѣ одно изъ коренныхъ своихъ требованій щадить и миловать даже врага, оканчивая учрежденіями Краснаго креста, для помощи своимъ и чужимъ, учрежденіями, которыя переняты даже иноувѣрцами? Раскрывать ли, что христіанство укротило, облагородило, осватило самый духъ войны, какъ въ царяхъ и полководцахъ, такъ и въ простыхъ воинахъ, возвысивъ ихъ дѣянія до значенія подвиговъ высшей любви, самоотверженія и святой жертвы? Наполеонъ I, на развалинахъ

Москвы, имѣлъ ужасный видъ губителя, нечестивца, самозваннаго бога (несомнѣнно, что онъ самъ себя и мнилъ и называлъ и подданные его называли его богомъ), видъ посланника сатаны, апокалипсическаго звѣря; а наоборотъ Александръ I, спаситель Парижа и Франціи, на площади согласія колѣнопреклоненный предъ всевышнимъ Богомъ, завѣщалъ міру величаво—умилительный образъ кроткаго ангела небеснаго, избавителя народовъ. Сравнить ли Александра I, посѣщающаго въ Вильнѣ госпитали, заваленныя полу-гнилыми врагами, осматривающаго цѣлыя скирды и гнилыхъ труповъ и полу-гнилыхъ живыхъ враговъ, чтобъ излить на нихъ повсюду посильныя благотворенія, — сравнить ли съ тѣмъ же Наполеономъ I, который въ Сиріи приказываетъ отравить своихъ покидаемыхъ раненыхъ; который подъ Ваграмомъ запрещаетъ уносить раненыхъ во время сраженія, чтобъ здоровые не уходили отъ смерти; который называлъ воиновъ, проливавшихъ за его сумасбродства свою кровь, пушечнымъ мясомъ, мясомъ для пушки? Можно ль итти дальше въ звѣрскомъ нечестіи? Можно ль найти болѣе разительные контрасты? Что могли чувствовать цѣлыя буквально горы искалѣченныхъ избитыхъ французовъ подъ Прейсишъ—Эйлау, Ваграмомъ, Бородиномъ? Какое утѣшеніе могъ преподать имъ, въ эти роковыя минуты, богъ ихъ, Наполеонъ? Не то ли каждый изъ нихъ долженъ былъ сказать ему, что подъ Ваграмомъ сказалъ, пораженный на смерть, отвергшій утѣшенія религіи, лучший изъ его маршаловъ Ланнъ: «широкъ ты отчаянный, по безсмысленной прихоти ставишь ты на карту сотни тысячъ человѣческихъ жизней»? Можно ли сравнивать этихъ злосчастныхъ воиновъ Наполеона I, вѣровавшихъ въ него, какъ своего бога, и отрицавшихъ Бога истиннаго и Христа Его, или же жалкихъ воиновъ Наполеона III, которые, во-

преки командъ генераловъ идти впередъ на врага, отказывались идти, по ихъ выраженію, къ діаволу, въ котораго, однакоже, не вѣрили, выучившись отлично бѣгать предъ лицомъ врага и не раздумывая продавать свое отечество, отечество безъ вѣры, безъ законнаго царя, безъ народнаго знамени, у многихъ даже безъ семейнаго очага, безъ домашней святыни, — можно ли сравнивать ихъ съ русскими воинами Бородина, которые бились на смерть, наканунѣ всѣ причастившись и переодѣвшись въ чистое бѣлье передъ смертью? Или съ воинами Севастополя, которые пускали бомбы въ свѣтлый Христовъ день, христосуясь съ христіанскимъ архистратигомъ Остенъ-Сакеномъ, съ пѣснію: *Христосъ воскресе..., смертію смерть поправъ и намъ даровавъ животъ вѣчный?* Или же, съ воинами послѣдней восточной войны, которые на перевалѣ чрезъ Балканскій хребетъ, потонувъ въ снѣгахъ, среди неимовѣрныхъ трудностей, на короткой ночной передышкѣ, освѣщенные снизу гаснущими кострами, сверху горящими звѣздами, ища между ними рождественской виоеемсксей звѣзды, вспомнили, что «сегодня, братцы, ночь на рождество Христова», поднялись, сотворили солдатскую молитву и затѣмъ, съ усладою души, принялись каждый за свое дѣло, конечно, съ мыслію, что завтра вѣроятно придется схватиться со врагомъ и, быть можетъ, положить животъ за вѣру, царя и отечество? Скажите, не похоже ль это на стражу ночную виоеемскихъ пастырей? Не была ль эта краткая, но глубокая рождественская молитва простыхъ солдатскихъ сердець продолженіемъ славословія хора воевъ небесныхъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ?* Скажите, что въ исторіи міра можно найти болѣе отраднаго, болѣе высокаго, болѣе прекраснаго, какъ эти родныя намъ картины?! А отчего онѣ такъ прекрасны? Оттого, что свой духъ, свое со-

держаніе, свой колоритъ онѣ взяли изъ христіанства. Оттого, что въ нихъ включено высшее условіе изящнаго въ человѣческихъ подвигахъ и произведеніяхъ, сочетаніе поразительнѣйшихъ контрастовъ, именно суровой кровавой исполинской борьбы гигантовъ и превысшеннаго тихаго вѣянья премірнаго небеснаго мира надъ поверженными въ прахъ предъ милосердіемъ небеснымъ боевыми сонмами смиренныхъ самоотверженныхъ простыхъ сердецъ. Этотъ небесный миръ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, освѣялъ нашихъ воиновъ и на смертныхъ ложахъ, на бранномъ полѣ, когда приходится жертвовать жизнью. Мало ль мы знаемъ въ высшей степени спокойныхъ смертей военныхъ людей, убитыхъ или раненыхъ на войнѣ, — кончинъ истинно мирныхъ, непостыдныхъ христіанскихъ? Каждый изъ такихъ умирающихъ чувствуетъ въ послѣднія минуты, что честно исполнилъ самый тяжкій долгъ, принесъ высшую жертву за отечество земное, чая отечества небеснаго, предавая духъ свой въ руки Отца небеснаго. А то ли мы начинаемъ видѣть съ тѣхъ поръ, какъ даже военныя сочиненія стали распространять между своими невѣріе? А имъ дѣлать это не значитъ ли рыть себѣ могилу собственными руками?... Смутное что-то и недобровѣщее начинаемъ видѣть и слышать... Откуда, изъ христіанскаго ли, или антихристіанскаго духа, это множество самыхъ легкомысленныхъ самоубійствъ, изъ щекотливости, изъ оскорбленнаго самолюбія и другихъ легковѣснѣйшихъ причинъ, да и другое кое что, чудовищное, непонятное, немыслимое, хотя и дѣйствительное?... Какъ будто негдѣ стало на широкой Руси и ея безконечныхъ закраинахъ, русскимъ удалцамъ, искони христолюбивымъ воинамъ, сложить свои удалыя головы, не для личнаго мрачнаго каприза, но во честномъ бою, въ жертву отечеству, во спасеніе своей души, въ на-

зиданіе и усладу всѣмъ намъ, въ честь православнаго русскаго царя, во славу Царя небеснаго, въ вѣчную память себѣ, подъ упокоивающимъ покровомъ поминальныхъ пѣснопѣній и молитвъ святой православной церкви? Мракъ душъ становится повальнымъ и немирность сердецъ — заразительною.

Какъ поглядишь, да подумаешь, то съ томящимъ горемъ останавливаешься на горькой думѣ, что перестаемъ мы возносить славу въ вышнихъ Богу, оттого и благоволеніе Божіе, повидимому, возвращается отъ людей на небо, и миръ Божій бѣжитъ съ нашей смятенной и смущенной земли. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

на второй день рождества Христова.

Посѣтилъ ны есть свыше Спасъ нашъ, востокъ востоковъ...

Свѣтиленъ Рожд. Христ.

Всѣхъ васъ православныхъ христіанъ поздравляемъ съ праздникомъ Рождества Христова, и съ вашего соизволенія предложимъ вамъ разсужденіе о томъ, откуда беретъ свое начало такъ называемый восточный вопросъ? Куда въ своемъ развитіи онъ идетъ и съ собой человѣчество ведетъ?

Не смущайтесь. Связь между нашею бесѣдою и настоящимъ нашимъ торжествомъ окажется явная, да и не словесная только, а существенная.

Вотъ смыслъ настоящаго торжества, выражаемый въ выше-приведенной нами церковной пѣсни, называемой *Свѣтиленъ*: «посѣтилъ ны есть свыше Спасъ нашъ, востокъ востоковъ»... Таже мысль выражается и въ тропарѣ праздника: «въ рождествѣ Твоемъ, Христе Боже, служащіе звѣздамъ восточныя мудрецы научены были звѣздою виолеемскою кланяться Тебѣ, Солнцу правды, и увѣдать въ Тебѣ востокъ съ высоты»... Что это за образъ? Что за идея?

Господь Іисусъ Христосъ называется востокъ востоковъ, востокъ съ высоты. По грѣхопадѣніи люди остались во тьмѣ и смертной тѣни. Между тѣмъ потребность поклоняться верховному существу осталась. Но истиннаго Бога люди забыли, не вѣдали, не видѣли,—и вмѣсто Бога стали кланяться всему, начиная съ идоловъ—образовъ мерзостнѣйшихъ страстей человѣческихъ, съ гадовъ и скотовъ, и до звѣздъ небесныхъ, которымъ кланялись лучшіе изъ язычниковъ, каковы были виолеемскіе волхвы. Но вотъ на востокъ вещественномъ, во Іудеѣ, въ Виолеемѣ, который былъ востокомъ для тогдашней вселенной, загорѣлся зарею востокъ духовный и востекло изъ виолеемскаго вертепа Солнце правды Христосъ Богъ нашъ. И обратилось на востокъ все человѣчество вслѣдъ за виолеемскими пастырями, за восточными волхвами, и обратившись пало долу предъ восходящимъ съ высоты востока свѣтиломъ... Вотъ въ какомъ смыслѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ именуется востоккомъ съ высоты, востокомъ востоковъ, какъ впервые названъ Онъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ Іереміею. И вотъ что значить церковная пѣснь: «посѣтилъ насъ свыше нашъ Спаситель, востокъ востоковъ, и мы, сущіи во тьмѣ и смертной тѣни, узрѣли свѣтъ истины».

Здѣсь же въ востокѣ Солнца правды на востокѣ, въ рождествѣ Христа Спаса нашего въ Виолеемѣ, скрывается начало и такъ называемаго восточнаго вопроса. Или точнѣе и глубже, скрывается въ прообразѣ рождества Христова—въ рожденіи обѣтованнаго сына Авраамова, Исаака.

По порядку времени начало восточнаго вопроса скрывается въ нижеслѣдующемъ священномъ чтеніи изъ святой Библии, изъ древнѣйшей книги Бытія,—чтеніи, которое предано письмени почти за полторы тысячи лѣтъ, а изображаетъ событіе, совершившееся почти за двѣ тысячи

лѣтъ до рождества Христова. Аврамъ былъ девяноста девяти лѣтъ, и Господь явился Авраму, и сказалъ ему: Я Богъ всемогущій; ходи предо Мною, и будь непороченъ; и поставлю заветъ мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя. И палъ Аврамъ на лице свое. Богъ продолжалъ говорить съ нимъ, и сказала: Я—вотъ заветъ Мой съ тобою: ты будешь отцомъ множества народовъ. И не будешь ты больше называться Аврамомъ; но будетъ тебѣ имя: Авраамъ; ибо Я сопллю тебя отцомъ множества народовъ. И весьма, весьма распложу тебя, и произведу отъ тебя народы, и цари произойдутъ отъ тебя. И поставлю заветъ мой между Мною и тобою и между потомками твоими послѣ тебя въ роды ихъ, заветъ вѣчный въ томъ, что Я буду Богомъ твоимъ и потомковъ твоихъ послѣ тебя. И дамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ послѣ тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владѣніе вѣчное; и буду вамъ Богомъ. И сказалъ Богъ Аврааму: ты же соблюди заветъ мой, ты и потомки твои послѣ тебя въ роды ихъ. Сей есть заветъ мой, который вы должны соблюдать между Мною, и между вами, и между потомками твоими послѣ тебя (въ роды ихъ): да будетъ у васъ обрѣзанъ весь мужескій полъ. Обрѣзываютъ крайнюю плоть вашу; и сіе будетъ знаменіемъ завета между Мною и вами. Осми дней отъ рожденія да будетъ обрѣзанъ у васъ въ роды ваши всякій младенецъ мужескаго пола, рожденный въ домъ и купленный за серебро у какого нибудь иноплеменика, который не отъ твоего сѣмени. Непременно да будетъ обрѣзанъ рожденный въ домъ твоимъ и купленный за серебро твое, и будетъ заветъ мой на тѣлѣ вашемъ заветомъ вѣчнымъ. Необрѣзанный же мужескаго пола, который не обрѣжется крайней плоти

своей (въ осмый день), истребится душа та изъ народа своего; ибо онъ нарушилъ заветъ мой. И сказалъ Богъ Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою; но да будетъ имя ей: Сарра. Я благословлю ее, и дамъ тебѣ отъ нея сына; благословлю ее, и произойдутъ отъ нея народы, и цари народовъ произойдутъ отъ нея. И палъ Аврамъ на лице свое, и разсмѣялся, и сказалъ самъ въ себѣ: неужели отъ столптяня будетъ сынъ? и Сарра, девностолптяня, неужели родитъ? И сказалъ Авраамъ Богу: о, хотя бы Измаилъ былъ живъ предъ лицемъ твоимъ! Богъ же сказалъ (Аврааму): именно Сарра, жена твоя, родитъ тебѣ сына, и ты наречешь ему имя: Исаакъ; и поставлю заветъ мой съ нимъ заветомъ вѣчнымъ (въ томъ, что Я буду Богомъ ему и) потомству его послѣ него. И о Измаилѣ Я услышалъ тебя: вотъ, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двѣнадцать князей родятся отъ него; и Я произведу отъ него великій народъ. Но заветъ мой поставлю съ Исаакомъ, котораго родитъ тебѣ Сарра въ сіе самое время на другой годъ (Быт. 17, 1—21).

Исторія извѣстная. Но въ чемъ ея значеніе относительно предпоставленнаго нами вопроса?

Великому угоднику Божію, прародителю Христа Спасителя нашего, патріарху Аврааму даны были великія обѣтованія Божіи,—именно обѣтованія, что Богъ возраститъ его въ великій народъ,—что дастъ ему обѣтованную землю въ наслѣдіе,—ему и сѣмени его по немъ,—что отъ сѣмени его произойдутъ цари народовъ,—а всего важнѣе, что о сѣмени его благословятся всѣ племена земныя. Между тѣмъ дѣтей у Авраама не было. Единственная законная жена его Сарра не рождала, и оба они, Авраамъ и Сарра, достигли уже старости, преклонной даже для тогдашняго

патріархального времени, когда люди созрѣвали и увядали вдвое медленнѣе нашего. Именно Аврааму было уже подъ 100, а Сарра подъ 90 лѣтъ. Естественной надежды на прямое продолженіе рода уже не оставалось. Поэтому неплодная Сарра придумала исправить вину свою предъ супругомъ тѣмъ, что, по тогдашнему обычаю многоженства и усыновленія, упростила Авраама взять въ наложницу рабу ея Агарь, чтобъ усыновить себѣ сѣмя Авраамова отъ Агари. Плодомъ этого законнаго по обычаю, полузаконнаго по закону нравственному, плотскаго союза былъ сынъ Измаиль, по отцу сынъ Авраама по плоти, по родной матери Агари сынъ рабыни, и въ тоже время сынъ госпожи ея, законной жены Авраама Сарры по усыновленію. Казалось, семейство устроилось къ общему взаимному удовольствію, какъ желало: и рабыня, теперь полугоспожа Агарь, и госпожа ея Сарра и Авраамъ, трое родителей, получили сына въ одномъ лицѣ Измаила; а что казалось еще важнѣе, — сѣмя Авраамова приобрѣла, казалось, то сѣмя, то потомство, которому дарованы были великія обѣтованія Господни. Но человѣкъ строить свое, а Богъ свое.

Въ одно изъ богоявленій, которыхъ Авраамъ удостоивался не разъ, Богъ говоритъ Аврааму: «Я Богъ твой, благоугождай предо Мною. И положу завѣтъ мой (договоръ и союзъ религіи) между Мною и между тобою, и между сѣменемъ твоимъ по тебѣ. Но не думай, что отъ Измаила произойдетъ то твое сѣмя, съ которымъ Я заключу завѣтъ мой. Нѣтъ. Сама Сарра родитъ тебѣ сына Исаака. Съ нимъ то Я и поставлю завѣтъ мой въ завѣтъ вѣчный, да буду ему Богомъ и сѣмени его по немъ». — Жалостію подвиглось при этомъ отеческое сердце Авраама о сынѣ его Измаилѣ, которому было уже около 12-ти лѣтъ. Уже очи старца отца привыкли останавливаться на мальчикѣ съ отеческою

нѣжностію. Что же будетъ съ нимъ, — шевельнулась въ душѣ Авраама жалостливая дума о Измаилѣ, — какую судьбу готовить ему Господь? Ужели исключить его изъ обѣтованій, данныхъ семейству? Ужели прогнать его изъ дому? «Измаиль сей», — молить Бога Авраамъ, — «да живетъ предъ Тобою, не изгоняй его отъ лица твоего». — И благосердіе Отца небеснаго сейчасъ же откликнулось на жалостливость отеческаго сердца Авраамова. «Что касается Измаила», — отвѣтствуетъ Господь на молитву Авраама, — «то вотъ Я послушалъ тебя: и вотъ Я благословилъ его, и возвращу его и умножу его зѣло: двѣнадцать народовъ онъ породитъ изъ себя; и сдѣлаю его народомъ великимъ. Завѣтъ же мой поставлю съ Исаакомъ, котораго родитъ тебѣ Сарра».

И вотъ 90-лѣтняя Сарра родила 100-лѣтнему мужу Аврааму законнаго сына обѣтованія, Исаака. И растутъ Исаакъ съ Измаиломъ, въ отеческомъ дому, какъ дѣти одного отца. Одинъ уже возрастный мальчикъ, лѣтъ 14-ти, другой еще дитя по одному году. Съ теченіемъ времени въ постоянномъ обращеніи въ играхъ большой сталъ обижать меньшаго. По плоти родившійся, сынъ рабы, *гоняше*, — по выраженію апостола Павла (Гал. 4, 29), — духовнаго сына свободной Сарры, сына обѣтованія. Сарра видитъ это и оскорбилась за сына, и говоритъ Аврааму: «изгони рабу сію и сына ея, — не наследуетъ, не будетъ наследникомъ нашимъ, сынъ рабыни сея съ сыномъ моимъ Исаакомъ». Жестока показала сѣя предъ Авраамомъ о сынѣ его Измаилѣ. Выходило семейное затрудненіе, запутанное настолько, что самъ Богъ нашелъ нужнымъ развязать его своимъ предусмотрительнымъ промыслиемъ, которое и односторонность и немощь человѣческую направляетъ къ своимъ премудрымъ цѣлямъ. — «Пусть не будетъ жестоко предъ тобою», — говоритъ Богъ Аврааму, почти упрямивая его, —

«слово объ отроцѣ и о рабынѣ. Все, что скажетъ тебѣ Сарра, слушай гласа ея,—такъ какъ въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмя, — такъ какъ то сѣмя, которое произойдетъ отъ Исаака, а не отъ Измаила, наречется твоимъ Авраамовымъ сѣменемъ. Сына же рабыни сей, Измаила, Я содѣлаю въ народъ великій,—за то, что онъ—твое сѣмя». Всталъ Авраамъ поутру, взялъ хлѣбъ и мѣхъ воды и далъ Агари, и возложилъ на плечи ея отрока и отпустилъ ее изъ дому. Горькое было разставанье для всѣхъ трехъ. Ушедши отъ Авраама невѣдомо куда, Агарь заблудилась въ пустыни. Между тѣмъ вода изъ мѣха вышла. Въ отчаяніи мать бросила мальчика подъ деревомъ. И отошедши сѣла противъ него издали, говоря самой себѣ: пусть хоть смерти своего дитяти я не увижу. И сидитъ противъ него издали, и смотритъ. Дитя закричало и расплакалось. Отецъ выгналъ его изъ дому, мать кинула умирать. Но если и мать забываетъ дитя свое, такъ что не жалѣетъ объ исчадіи чрева своего,—то Богъ не забываетъ. Богъ, съ высотъ небесныхъ, услышалъ вопли отрока съ мѣста, гдѣ былъ онъ. Жалость Отца небеснаго о дитяти нужно было возжечь и въ сердцѣ родной матери. И воззвалъ ангелъ Божій къ Агари съ неба и говоритъ ей,—говоритъ внушительно и не безъ укора: «что это такое, Агарь?! Зачѣмъ ты кинула свое дитя?! Изъ отчаянія? Напрасно. Не бойся: самъ Богъ услышалъ гласъ отрока, восходящій къ небу съ мѣста, гдѣ дитя находится. Встань и возьми дитя, води его за руку рукою своею: ибо Я сотворю его въ народъ великій».—И отверзъ Богъ очи Агари, и усмотрѣла она колодезь воды живой, и налила свой мѣхъ водою, и напоила отрока. И былъ Богъ съ отрокомъ: и возросъ онъ, и вселился въ пустынь Аравійской, и сталъ стрѣлецъ.

Теперь, вы изволите понимать, почему мы толкуемъ объ

Исаакѣ и объ Измаилѣ,—какое отношеніе между слишкомъ старою исторіею этихъ двухъ братьевъ и настоящимъ нашимъ праздникомъ и новѣйшимъ изъ вопросовъ, восточнымъ.

Въ таинственный смыслъ этого вопроса вводитъ насъ св. апостолъ Павелъ. «Писано,—пишетъ онъ (Гал. 4, 22—31),—что Авраамъ имѣлъ двухъ сыновъ: одного отъ рабы, а другаго отъ свободной. Тотъ, который отъ рабы, отъ Агари, родился по плоти, а который отъ свободной, отъ Сарры, родился по обѣтованію Божию. Эти два сына—суть два завѣта: ветхій—еврейскій, рождающій въ рабство,—это Агарь, остающаяся въ рабствѣ со всѣмъ потомствомъ своимъ,—и новый—это свободная Сарра, мать всѣмъ намъ. Мы всѣ, по Исааку, чада обѣтованія. И какъ тогда Измаиль, родившійся по плоти, гналъ—обижалъ духовнаго, Исаака, сына обѣтованія,—такъ и теперь. Но что говоритъ писаніе? Что повелѣлъ Богъ Аврааму? Изгони рабу Агарь и сына ея Измаила. Ибо не имѣетъ наследовать—быть наследникомъ сынъ рабыни съ сыномъ свободной Сарры Исаакомъ».

Связь между рожденіемъ прообраза Христова Исаака и рождествомъ Христовымъ и такъ называемыхъ восточнымъ вопросомъ состоитъ въ томъ, что въ племени Измаила родилось магометанство, а въ племени Исаака—христіанство. Отъ одной вѣтви произошло древо магометанское, а отъ другой—христіанское.

Когда четырнадцати-лѣтній отрокъ Измаиль, ведомый за руку своею одинокою матерью, Агарью, углублялся, по смотрѣнію Божию, въ пустыню Аравійскую,—то здѣсь они застали уже не мало коренныхъ жителей. Эти жители, конечно, имѣли въ послѣдствіи свое потомство. По плоти, они съ потомствомъ своимъ не были потомками Измаила. Но при тогдашней плодовитости нѣкоторыхъ родовъ, отъ Измаила, въ скоромъ времени, произошло уже двѣнадцать ко-

лѣнь, изъ коихъ каждое имѣло уже свою главу, или своего князя. Эти измаильтяне заняли тогда же большое пространство сѣверной Аравіи, отъ Египта до предѣловъ Ассиріи. Недалѣе, какъ при прямомъ внукѣ Авраама Іаковѣ, они уже извѣстны были, въ международныхъ сношеніяхъ, именно подъ именемъ измаильтянъ.

Къ нимъ пристало и впослѣдствіи слилось съ ними племя другаго внука Авраамова, сына Исаакова Исава—Едома, отъ котораго значительная часть Аравіи получила имя Идумеи и подъ этимъ именемъ извѣстна была на всемъ пространствѣ ветхо-завѣтной исторіи, отъ Моисея до Христа. Все это въ совокупности Авраамова племя, произшедшее чрезъ Измаила и чрезъ Исава—Едома, по усмотрѣнію Божію, успѣло наложить свою родовую господствующую печать на прочія Аравійскія племена. Тому въ исторіи мы знаемъ не мало примѣровъ, что господствующій въ извѣстныхъ предѣлахъ родъ налагалъ свой племенный характеръ на всѣ сосѣднія племена, такъ что эти племена спланивались и составляли одинъ народъ, съ характеромъ господствующаго племени. Такъ племя Персовъ послѣ Кира дало всѣмъ завоеваннымъ племенамъ одинъ характеръ персидскаго народа. Такъ Александръ Македонскій своими завоеваніями наложилъ македонско-греческій типъ на Азію и Египетъ. Такъ римляне сообщили свой народный римскій характеръ всей тогдашней вселенной. Такъ родъ Іакова-Израиля наложилъ свою родовую израильскую печать на потомство всѣхъ домочадцевъ, которые пришли съ Іаковомъ во Египетъ, какъ и на всѣхъ инородцевъ, которыхъ измаильтяне застали и не истребили въ землѣ обѣтованной, по выходѣ своемъ изъ Египта. Такъ и измаильтяне наложили свой племенный типъ на всѣ прочія племена, которыя жили въ Аравіи,—отчего аравитяне, на всемъ пространствѣ

своей исторіи, назывались и называются измаильтянами, по имени аравійскаго предка своего Измаила,—называются агарянами по имени матери Измаила Агари,—называются еще сарацинами по имени другой матери Измаила Сарры, которой Измаиль, со дня рожденія своего, былъ усыновленъ. Считая своимъ родоначальникомъ именно Авраама чрезъ Измаила, всѣ аравитяне-измаильтяне-агаряне-сарацины, искони вѣковъ, были проникнуты единымъ міровоззрѣніемъ, единою религіею, въ которой трудно не усмотрѣть основныя черты религіи Авраамовой: обрѣзаніе, патріархальность нравовъ, гостепріимство, омовенія, многоженство, отвращеніе къ идоламъ и всякимъ изображеніямъ, твердое вѣрованіе въ Бога единого и въ промыслъ Его, или судьбу, наконецъ, въ особое избраніе и предопредѣленіе сѣмени Авраамова, ко- ему предопредѣлено господство надъ всѣми народами,—черты хотя и основныя, но только внѣшнія, лишенные бого- носнаго духа истинной богооткровенной религіи Авраама и обѣтованнаго богоизбраннаго сѣмени его.

Отъ этого-то, перепаяннаго единымъ духомъ, племени аравитянъ-измаильтянъ-агарянъ-сарацинъ родилось предопредѣленное орудіе Промысла, такъ называемый пророкъ Магометъ, который далъ своему родовому племени широко-историческое значеніе. Далъ не тѣмъ, что создалъ новую религію магометанскую,—таковой онъ не создавалъ; а тѣмъ, что привелъ стародавнія аравійско-еврейскія, измаилитскія вѣрованія, въ основѣ которыхъ лежала патріархальная Авраамова вѣра, въ единство, въ вѣковую, хотя и фантастическую, систему, которую ближайшіе преемники его и предали письмени; далъ тѣмъ, что указалъ аравійскому племени на его, въ извѣстномъ смыслѣ, правовѣріе среди окружающихъ его языческихъ народовъ, на его особое избраніе и предопредѣленіе покорить своему правовѣрію весь

міръ, для чего самъ Магометъ первый съ полнымъ успѣхомъ и обнажилъ свой мечъ, вдохнувъ свое фанатическое мужество и въ своихъ преемниковъ калифовъ, которые и покорили пол-вселенной корану огнемъ и мечомъ, кровопролитіемъ и опустошеніями.

Измаилътяне были, хотя и старшею по времени, но божовою вѣтвію отъ корня Авраамова. Прямымъ же продолженіемъ ствола отъ того же корня были Исаакъ и Іаковъ, а затѣмъ, черезъ рядъ князей и царей, чрезъ богостроковицу Марію и Іосифа обручника—вифлеемскій Младенецъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Отъ этого корня и ствола отломилось много естественныхъ вѣтвей. Отломилось съ самаго начала потомство Исава-Едома, подъ именемъ идумеевъ. Отломились послѣ царя Соломона десять колѣнъ Израилевыхъ, которыя со временемъ и пошли въ разсѣяніе. Отломились всѣ современники Господа Іисуса и современные намъ евреи, которые не приняли вѣры въ обѣтованное Авраамово сѣмя, въ обѣтованнаго Избавителя, когда Онъ явился въ міръ въ предопредѣленное время. За то къ этой маслинѣ привилось много чужеродныхъ вѣтвей изъ язычниковъ, въ томъ числѣ привились и мы, славянское племя, и чрезъ это привитіе стали настоящими потомками Авраама.

Это перерожденіе разнородныхъ языческихъ народовъ и племенъ въ потомство Авраамово, чрезъ Іисуса Христа, представляется въ священномъ писаніи подъ образомъ именно привитія дикихъ чужеродныхъ вѣтвей къ плодовой маслинѣ. И не подумайте, что это метафора,—нѣтъ, это сравненіе, но не метафора. Какъ дикія вѣтви, привившись къ родовой маслинѣ, напитываются ея сокомъ, и, съ теченіемъ времени, должны болѣе или менѣе переродиться къ лучшему и жить жизнію корня, къ которому привиты,—такъ и язычники, привившись къ древу рода Авраамова

чрезъ Іисуса Христа, живя Христовымъ духомъ, дыша Его ученіемъ, подчиняясь строю Его законодательства, быстро и рѣшительно перерождаются.

Перерождаются потому, что народы живутъ идеею. Идея движетъ народную исторію. Мощная идея религіи переплавляетъ разнородныя племена въ единство извѣстной народности, перерождаетъ ихъ не только духовно, но и физически, тѣлесно. Въ подтвержденіе этого, посмотрите на ближайшій, болѣе знакомый намъ примѣръ, на славяно-русское государство. Посмотрите на православно-христіанскую русь, сколько жило на ея широкихъ пространствахъ, на длинномъ протяженіи исторіи, разнородныхъ племенъ славянскихъ, литовскихъ, финскихъ, монгольскихъ и другихъ. Но всѣ онѣ лишь только проникались одною религіозною идеею, мощною идеею христіанской религіи, въ чистѣйшей формѣ вселенскаго православія,—какъ вмѣстѣ съ тѣмъ начинали и перерождаться въ единство православно-русскаго народа. Это перожденіе такъ полно, что тамъ, гдѣ русскій народъ менѣе подвергался иновѣрнымъ вліяніямъ,—въ такъ называемой Велико-Россіи отъ Орла чрезъ Москву и до Вологды,—мы видимъ самое коренное велико-русское племя; видимъ не подозрѣвая, что въ большинствѣ своемъ это племя состоитъ изъ переродившихся финновъ. На нашихъ собственныхъ глазахъ, мордва, черемисы, чуваша, даже татары, которые искренно и серьезно, а не поверхностно, не только принимаютъ христіанство, но и проникаются имъ,—всѣ эти новые христіане быстро перерождаются въ русскихъ и физически, такъ что черезъ два-три поколѣнія въ нихъ трудно узнавать остатки инородческаго типа. Такимъ образомъ это перерожденіе племенъ совершается и поднесъ, совершается какъ въ христіанствѣ, такъ и въ магометанствѣ. Возьмите обратное—даже чистокровныхъ славянъ, которые принимали и при-
 НАУКОВА

мають магометанство, — вмѣстѣ съ тѣмъ они быстро теряютъ и свой племенной обликъ, и родной языкъ, и кровныя привязанности; наоборотъ, вмѣстѣ съ отступничествомъ отъ родной Христовой вѣры становятся и злѣйшими кровными врагами своей единокровной и прежде единовѣрной христіанской славянской братіи. Напрасны усилія уже слабовѣрной Европы навязать магометанамъ формы европейской цивилизаціи, европейскіе костюмы, европейское военное искусство, европейскую науку, европейскій государственный строй. Все это въ полной совокупности не сдѣлаетъ магометанъ, ни турокъ, ни египтянъ, европейцами, потому что во всемъ этомъ нѣтъ духа жизни. Жизненный духъ европейской цивилизаціи, который прививаетъ къ древу христіанской жизни, коренится въ Христовой вѣрѣ. А въ магометанствѣ живетъ другой духъ, изъ котораго естественно нарождаются и другія формы, какъ другія листья на инородномъ деревѣ. Прививать же березовыя листья къ соснѣ или ели было бы безуміемъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что мы съ магометанами братья, — братья по плоти, но не вполне по духу, — вѣтви отъ одного корня, но на двухъ стволахъ, — мы и они потомки Авраама, но отъ двухъ родовыхъ деревъ, — магометане чрезъ Магомета и Измаила, а христіане чрезъ Христа и законнаго сына Авраамова по обѣтованію Исаака.

Но якоже тогда, въ семействѣ Авраама, по слову апостола Павла, по плоти отъ Агари родившійся Измаиль гналъ — обижалъ духовнаго, Исаака, сына законнаго, по обѣтованію Божию, отъ Сарры, — такъ и въ послѣдствіи времени, и по нынѣ, магометане гнали и пока еще продолжаютъ гнать христіанъ.

Посмотрите кто можетъ, какъ магометанское древо разрастается и виѣдряется какъ своими корнями, такъ и вѣт-

вями въ христіанство. Смотрите, какъ оно быстро виѣдряется не только въ Аравіи, но и въ Палестинѣ, гдѣ гробъ Господень, и въ Сиріи и во всей Малой Азіи, тогда христіанской православной, подвластной византійскимъ императорамъ. Оттуда проникаетъ въ христіанскій же Египетъ, заполняя весь сѣверъ Африки, тогда христіанскій. Оттуда проникаетъ въ христіанскую же Испанію, гдѣ и прочно водворяется. Оттуда верхами своими магометанское древо достигаетъ до половины Франціи, гдѣ Карлъ Мартелъ успѣлъ обрубить ихъ своимъ мечомъ и остановить дальнѣйшій ростъ ихъ въ этомъ направленіи. Смотрите, какъ съ сѣвера Африки верхи этого древа, заполонивъ всѣ острова Средиземнаго моря, проникаютъ до Сициліи, до юга Италіи, угрожая снести самое сѣдалище папское въ Римѣ. Только напряженіе всей западно-католической Европы, въ крестовыхъ походахъ, въ продолженіи вѣковъ обрубая верхніе побѣги этого древа, положило конецъ его разрастанію въ этомъ направленіи. Смотрите, какъ стволъ этого древа, коренясь въ Аравіи, въ Египтѣ, во всей Малой Азіи, упирается верхнимъ концемъ своимъ въ Царь-градъ, гдѣ и снесъ своимъ напоромъ многовѣковой престолъ византійскихъ императоровъ, оттуда направился было въ столицу и нѣмецкихъ императоровъ — Вѣну; и если не снесъ многовѣковой же престолъ и этихъ именитѣйшихъ въ христіанскомъ мірѣ вѣнценосцевъ, — то только благодаря мечу славянскаго рыцаря, короля польскаго Іоанна Собіесскаго. Смотрите въ другую сторону, какъ корни и вѣтви этого древа виѣдряются въ Индіи, въ Средней Азіи, въ древней Персіи, проникаютъ даже въ Китай, въ Монголію, въ Сибирь, въ Бухару, Самаркандъ и Хиву, оттуда захватываютъ Кавказъ и Уралъ, оттуда перекидываются и за эти горные хребты уже въ нашу родную землю, до Сарая, до Казани, до Москвы и даже стараго Нова-города,

до Кіева и даже до Волыни, до Галиціи и Венгріи.

Въ этомъ направленіи величайшую историческую миссію исполнило наше славяно-русское племя Оно-то впервые обрубилъ вѣтви магометанскаго дерева у Галиціи и Волыни, затѣмъ у Нова-города, затѣмъ при Иванѣ III у Москвы до нынѣшней калужской губерніи, затѣмъ при Иванѣ IV у Казани, Астрахани и Сибири,—затѣмъ при царяхъ Алексѣѣ и Θεодорѣ Алексѣевичѣхъ у Кіева и Чигиринѣ, при Петрѣ у Азова и Таганрога, при Екатеринѣ II до Крыма и Очакова, при Александрѣ I-мъ и Николаѣ до Дуная и за Кавказомъ до Карса, наконецъ при Александрѣ II-мъ до глубинъ Монголіи, до Бухары, до Ташкента, Самарканды и Хивы. Въ Эрзерумѣ, въ Андріанополѣ мы уже бывали. А Богъ дастъ, въ наши же дни, дотянемся и до Царя-града, кончимъ въ наши дни русскую исторію тѣмъ, чѣмъ начали ее при Аскольдѣ и Дирѣ и Олегѣ, прибьемъ свой счетъ на вратахъ не только Стамбула, но и святой Софіи, и Долма-Бахче, главнаго султанскаго дворца. А что къ этому идетъ развитіе міровой исторіи, развитіе этой вѣковой борьбы между не выродившимся магометанствомъ и не выродившимся христіанствомъ, каково христіанство русское православное,—это очевидно.

Мы, братія, по Исааку чада обѣтованія. Какъ тогда по плоти родившійся Измаиль гналъ духовнаго, сына обѣтованія, Исаака,—такъ и нынѣ. Но что глаголетъ Писаніе? «Изгони рабу (Агарь) и сына ея (Измаила). Ибо не имѣетъ наследовать, не будетъ наследникомъ сынъ рабыни (Агари) наравнѣ съ сыномъ свободной (Сарры). Тѣмъ же, братія, нѣсмы рабынина чада, но свободныя. Стойте убо въ свободѣ, которою свободилъ насъ Христосъ». Помните, что всѣ блага христіанской цивилизаціи, христіанскаго государственнаго строя, христіанской неодолимой для нехристі-

анскихъ народовъ мощи, имѣютъ своимъ корнемъ ту общечеловѣческую свободу, ту гуманность, то милосердіе, ту правду и правомѣрность, ту духовность и чистоту возрѣній и нравовъ, которыя завѣщалъ Христосъ Господь своимъ пришествіемъ въ міръ; тогда какъ Магометъ завѣщалъ міру обратное,—деспотизмъ и рабство, съ своими принципами и плодами.

Вотъ гдѣ начало восточнаго вопроса и его конецъ.

1877 г.

Аминь.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

1948

1948

7409

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА